

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»

Историко-архивный институт

Локомотив исторической науки

**Сборник научных статей и публикаций
к 70-летию профессора ИАИ РГГУ
А. С. Сенина**

Москва 2026

УДК 94(47)(082)+930(470)«19/20»(092)

ББК 63.3(2)я43+63.1(2)6-81я43

Л73

Одобрено к публикации рабочей группой секции научной,
научно-популярной и справочно-информационной литературы РИСО РГГУ
7 апреля 2026 г. № 3-26.

Рецензенты

доктор исторических наук А. А. Киличенков

кандидат исторических наук М. А. Колеров

Л73 Локомотив исторической науки: сборник научных статей и публикаций к 70-летию профессора РГГУ А. С. Сенина / сост. и ред. А. М. Лаврёнова, Л. Д. Шаповалова. — М. : Модест Колеров, 2026. — 424 с.
ISBN 978-5-6054314-7-3

Сборник приурочен к юбилею профессора кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций РГГУ профессора А. С. Сенина. Первую часть сборника составляют юбилейные статьи коллег и учеников, посвященные А. С. Сенину. Во вторую часть вошли научные статьи по различным аспектам отечественной истории.

ISBN 978-5-6054314-7-3

© Коллектив авторов, 2026

© А. М. Лаврёнова, Л. Д. Шаповалова, сост.
и ред., 2026

© Российский государственный гуманитарный университет, 2026

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Штрихи к биографии историка	7

КОЛЛЕГИ И УЧЕНИКИ — ЮБИЛЯРУ

<i>Е. А. Архипова, Н. В. Гудкова, В. О. Буряга, Г. Г. Манаев.</i>	
А. С. Сенин — наставник и преподаватель	18
Т. Г. Архипова. Дорогой мне человек	25
А. А. Денисов. Мой научный руководитель Александр Сергеевич Сенин	31
А. М. Лаврёнова. Как я повстречала свою судьбу	35
А. М. Третьяков. Учитель и ученики	43
А. Д. Уварова. Об учителе с благодарностью	47
<i>Е. А. Шеремет. Александр Сергеевич Сенин — Колосс Родосский, осветивший мой путь</i>	<i>51</i>

СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

<i>В. К. Азаревич. «От самой Думы ждать хорошего нечего»: парламент и жандармский надзор в провинции (по материалам Владивостокского охранного отделения)</i>	<i>55</i>
<i>А. Б. Асташов. Всероссийский земский союз, 1914–1918: опыт работы на оборону общественной организации в тотальной войне</i>	<i>71</i>
<i>А. Ю. Бахтурина, А. М. Лаврёнова. Дневник баронессы Риты Гейкинг «Мысли и воспоминания из года войны. 1914 г.»</i>	<i>86</i>
<i>А. Н. Варламова. Военное управление Правительства</i>	
<i>А. В. Колчака: обзор архивных фондов РГВА и ГА РФ</i>	<i>133</i>
<i>А. В. Ганин. «Большевики ... превратили офицеров Генерального штаба в узких специалистов ...»: статья А. С. Резанова «Наш Генеральный штаб»</i>	<i>149</i>
<i>Е. М. Григорьев. «Крым в агонии голодной смерти»: письма и докладные записки полномочного представителя Наркома РСФСР в Крыму С. Х. Сюнчелея Сталину и в Наркомнац (осень 1921 — лето 1922 г.)</i>	<i>162</i>

<i>Г. С. Кан. Эсер-террорист П. В. Карпович</i>	205
<i>А. Г. Колесникова. «Нигде кроме, как в Главсобрторге»: Доступ населения тыла к продовольственным товарам в годы Великой Отечественной войны</i>	248
<i>В. К. Криворучко. «Я кандидат жизней царей. Я прошу их освободить свои почетные места с сегодняшнего дня»: религиозные прошения сумасшедших во Временное правительство</i>	254
<i>А. М. Лаврёнова. Видения, откровения и пророчества в документах Третьего отделения</i>	285
<i>Е. В. Пчелов. Пути сообщения по суше в геральдике старинной и новой</i>	296
<i>О. Г. Санин. Государственная коллегия иностранных дел: создание, структура и первые годы деятельности</i>	303
<i>К. А. Соловьев. Центробежные и центростремительные силы в Государственной думе в 1907–1912 гг.: думские фракции между хаосом и порядком</i>	311
<i>Д. М. Софьин, М. В. Софьина. Древний русский дворянский род Степановых. Поколенная роспись</i>	322
<i>В. В. Тихонов. Государственно-национальный нарратив российской историографии и проблема отображения истории мультинациональной империи (вторая половина XIX — начало XX века)</i>	335
<i>А. Д. Уварова. «Нельзя управлять флотом с берега, также как нельзя управлять армией с корабля»: вопрос об объединении высшего командования армией и флотом в военное время в Совете государственной обороны (1906–1909 гг.)</i>	353
<i>В. В. Фортунатов. Железнодорожный фактор в 1917 году в статьях А. С. Сенина в энциклопедии «Россия в 1917 году»</i>	386
<i>В. В. Хутарев-Гарнишевский. Этические принципы офицеров русского политического сыска в XIX — начале XX в.</i>	391

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список основных трудов А. С. Сенина	408
Фотографии	418

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ИСТОРИКА

Александр Сергеевич Сенин родился 17 мая 1956 г. в Москве в семье железнодорожных служащих, которые посвятили железнодорожному транспорту около 80 лет своей профессиональной жизни. Поначалу семья жила в бараке, и, как только ребенок начал ходить, его перевозили к родителям мамы в донбасский Славянск, где Саша и жил до поступления в 1963 г. в московскую школу. Учась в школе, а потом в вузе, он продолжал в каникулы ездить в Славянск и считает этот город своей малой родиной.

Как часто бывает, в выборе будущей специальности Саши огромную роль сыграла школьная учительница по истории Аида Давыдовна Винницкая. Увидев интерес подростка к истории, прежде всего военной, она в 10-м классе несколько раз позволяла ученику самостоятельно вести уроки, когда проходили историю войн.

Как и у многих коллег А. С. Сенина, путь в Историко-архивный институт лежал через МГУ. В 10-м классе Саша стал готовиться к поступлению на исторический факультет МГУ, посещая подготовительные курсы при университете. В те годы уже было развито репетиторство, но он готовился самостоятельно.

Случайно на подготовительных курсах Саша узнал, что в самом центре Москвы есть еще один исторический вуз. Сходил на день открытых дверей, да так и остался здесь на всю жизнь. Конкурс в Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ), здание которого привлекало внимание своей яркой архитектурой, был очень большой, почти как в престижный в те годы (да и сейчас) МГИМО. Однако он поступил с первого раза, а потом поехал в школу поблагодарить своего учителя истории. Впоследствии он неоднократно благодарил судьбу за то, что, случайно оказавшись в МГИАИ, закончил этот замечательный вуз.

В МГИАИ было много интересных кафедр и преподавателей, среди которых наибольшее впечатление на многих слушателей производили лекции и семинарские занятия по истории государственных учреждений Николая Петровича Ерошкина и Татьяны Петровны Коржихиной. Яркие индивидуальности и артистизм в сочетании с высоким профессионализмом обеспечивали им популярность у студенчества. Поэтому дипломную работу на тему «Военное министерство Временного правительства» студент Сенин писал под руководством профессора Н. П. Ерошкина. О педагогической работе в вузе или продолжении учебы в аспирантуре он не мечтал. Но уже тогда, при написании курсовых и дипломной, почувствовал вкус и удовольствие от работы в архиве и библиотеке.

В 1978 г. Саша с красным дипломом окончил институт и собирался работать по специальности в военном архиве (ЦГВИА, ныне РГВИА), в котором проходил практику.

В комиссии по распределению, а тогда выпускники были обязаны три года отработать по направлению государства, он подписал согласие работать в ЦГВИА. Тем неожиданней был звонок Николая Петровича Ерошкина, заведующего кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций, который предложил Саше продолжить обучение в аспирантуре в заочной форме под его руководством. И от такого предложения он не отказался.

Учась в заочной аспирантуре, Саша работал лектором Центрального музея В. И. Ленина, а все свободное время проводил в архиве и в библиотеках. Результатом этого стало то, что в 1982 г. он досрочно защитил кандидатскую диссертацию по теме, которую начал исследовать еще в студенческие годы: «Военное министерство Временного правительства». А потом, будучи кандидатом исторических наук, полтора года проходил службу в рядах Советской армии. Это была обычная по тем временам история.

По возвращении из армии два года (с 1984 по 1986 г.) он работал доцентом кафедры истории КПСС Московского электротехнического института связи, а с 1987 г. и по сей день, почти 40 лет, работает в том же вузе и на той же кафедре, где учился и защитил свои научные работы — на кафедре истории государственных учреждений и общественных организаций МГИАИ (с 1991 г. Историко-архивный институт в составе Российского государственного гуманитарного уни-

верситета). Редкий по нынешним временам пример верности родному дому и научной школе.

За прошедшие годы, помимо основной преподавательской деятельности, Сенин работал и ответственным секретарем приемной комиссии, и помощником проректора по научной работе, и научным сотрудником отдела по координации научных исследований, и заместителем декана по учебной работе. А в непростые для высшей школы 1990-е годы, когда на деньги преподавателей кафедры организовывались научные конференции, одновременно с работой в вузе, преподавал на подготовительных курсах, в лицейских классах, вел занятия в филиалах РГГУ, в одной из школ Москвы, работал корреспондентом газеты «Гудок».

Лекционные курсы, которые вели наши учителя — профессора Ерошкин, Коржихина, Комиссаренко и другие, читались порой два-три семестра. В 1990-е годы в силу реформ высшей школы и трансформации самого образовательного процесса количество учебных часов на дисциплины в разы сократилось и в разы выросло количество читаемых дисциплин. Такие изменения очень трудозатратны для преподавателя и требуют большой подготовительной работы практически к каждому занятию. Поэтому на разных факультетах РГГУ А. С. Сенин читал самые разные курсы, не только по истории государственных учреждений, но и по истории российской государственности, российского чиновничества, государства и права, а также военной экономике России, государственной региональной политике и многие др., общее число которых переваливает за 30.

Помимо разработки новых курсов, представляется важным и наполнение их новым содержанием. В начале 1990-х годов в связи с разработкой новой Конституции Российской Федерации на страницах печати замелькало понятие «государственность». Оно вошло в программы политических партий, появилось на обложках книг, зазвучало в интервью ученых различных областей знания. Это понятие трактовалось очень широко. Например, юристы-государствоведы рекомендовали «подходить к российской государственности не только с политических, экономических, социальных позиций, но и с позиций культурологических», говорить «о влиянии многих социально-экономических, географических, политических, национально-психологических, духовных и иных факторов на государственность

России». Т. П. Коржихина и А. С. Сенин предложили собственную концепцию государственности как комплексного понятия, включающего в себя такие относительно самостоятельные компоненты, как форма государственного устройства, государственный аппарат, государственная служба и национальное самосознание или идеология, главенствующая в обществе в данный момент. В контексте последнего компонента рассматривалась и государственная символика. В соответствии с концепцией структура нового учебного курса отражала названные компоненты российской государственности за последние 200 лет.

Но основные достижения А. С. Сенина за годы работы в МГИАИ — РГГУ лежат в научной области. Незадолго до юбилея в одном из частных писем он написал: *«Думаю, что самое полезное, сделанное мною, заключается преимущественно в сфере науки»*.

Сенин брался за любую интересную ему тему. Он не внял предостережению коллеги по кафедре профессора Татьяны Петровны Коржихиной, которая как-то его спросила: *«С какой темой в будущем будет ассоциироваться Ваша фамилия?»* И привела в пример ряд ученых, которые разрабатывали одну большую тему. У Сенина ни темы, ни «плана» на тот момент не было.

В годы перестройки в стране началась новая волна реабилитации жертв сталинских репрессий и всплеск интереса к их личностям. В 1988 г. был реабилитирован соратник Ленина Алексей Иванович Рыков. После смерти Ленина он был председателем Совета Народных Комиссаров СССР и РСФСР. Работавшая в нашем вузе О. В. Лаговская в случайном разговоре упомянула, что жива его дочь и она может с ней познакомиться. Результатом знакомства Александра Сергеевича с Натальей Рыковой стала монография о ее отце А. И. Рыкове. В 1990 г. Сенин сдал рукопись в издательство, и его тут же попросили написать о лидере крупнейшей буржуазной партии — Александре Ивановиче Гучкове. За два года он собрал материал и подготовил монографию. Но наступившие 90-е не позволили эти книги сразу опубликовать. Издательства сами еле-еле держались на плаву.

Одновременно Александр Сергеевич написал еще одну небольшую монографию о Министерстве путей сообщения в 1917 г., которую посвятил родителям-железнодорожникам, а издать решил за свой счет. Тогда, в 1993 году, это была зарплата приблизительно за полгода.

В том же 1993 г. издательство «Росвузнаука» издало Рыкова, а Гучкова удалось опубликовать только через несколько лет на средства фонда РГНФ. Всё это штрихи к портрету времени. Гонорары тогда часто не платили, а вместо него авторам выдавали часть тиража. Идите, мол, продавайте. Спустя несколько лет Сенин рассказывал, что, попытавшись сделать заказ своей книги в Российской государственной библиотеке, он получил отказ. Не оказалось ее и в Книжной палате, хотя у автора дома лежала выданная издательством часть тиража. Такие были времена.

Но самое интересное, что однажды на кафедру позвонил человек и хорошим русским языком сказал, что приехал из Парижа и хотел бы встретиться с Сениным. Это был сын А. И. Гучкова, капитан военного флота Франции в отставке. Он пригласил автора в Париж, но эта поездка так и не состоялась.

В середине 90-х удалось выиграть грант на изучение темы российского чиновничества. Эта работа была осуществлена Сениным совместно с Татьяной Григорьевной Архиповой и Мариной Федоровной Румянцевой. А в 1999 г. в РГГУ было издано первое в России учебное пособие по истории государственной службы.

В конце 1990-х проректор по учебной работе Наталия Ивановна Басовская стала интересоваться планами научной работы Сенина и перспективами подготовки докторской диссертации. Как правило, защита докторской дорого обходится. Сенин мог видеть это на примерах своих коллег по кафедре. Татьяна Петровна Коржихина и Сергей Петрович Стрекопытов заплатили за это инфарктами. Со слов Сенина, он обещал проректору подумать.

У него уже были две книги по периоду Временного правительства (о двух министерствах: военном и путей сообщения), так что некая база присутствовала. Он уже начал выявлять источники и литературу, что-то успел ксерокопировать. И однажды в ГПИБ увидел на выставке новых поступлений книгу о центральном аппарате Временного правительства и испытал шок. Автор из МГУ опубликовал работу, весьма солидную по объему и содержанию. И Сенин понял, что добавить тут особенно нечего.

В современной исторической науке, прежде всего зарубежной, распространена точка зрения, что можно изложить иное видение событий, дать иную трактовку. Однако такой подход разделяют не все.

Александр Сергеевич был убежден, что необходимо искать что-то абсолютно новое. Именно в новизне состоит актуальность исследования и его полезность для науки.

И опять начались поиски темы. Работая в «Гудке», Сенин много писал по истории железнодорожного транспорта. Тем не менее по этой теме предстояло собрать огромный материал. Для этого нужно было уходить в докторантуру, что и было осуществлено в 2002 г. Однако через два года он был отозван из нее. Руководство факультета не справлялось без него...

Сбор материала для диссертации проводился в Питере, в Российском государственном историческом архиве и в Российской национальной библиотеке, и занял почти полгода. Положение усугублялось тем, что архиву предстоял переезд в новое здание, а следовательно, перерыв в работе на пару лет. Поэтому в Питер устремились исследователи со всей страны, и уже к 9 часам утра выстраивалась очередь, а количество мест в читальном зале было ограничено. Как рассказывал впоследствии Сенин, он приезжал в архив к открытию, работал в читальном зале до закрытия, а потом спешил на Садовую, в библиотеку, и там тоже находился до закрытия. Субботу проводил в библиотеке, а воскресенье отводилось под обработку добытого материала. Интенсивность работы была такой, что за месяцы пребывания в «культурной столице» он не посетил ни одного музея или выставки, о чем, вспоминая этот период, часто сожалел.

Работа над докторской затянулась. Текст рукописи оказался настолько большой, что даже после болезненных для автора сокращений все равно получилось более 800 страниц, и рукопись была представлена в диссовет в двух томах.

В июне 2006 г. Александр Сергеевич успешно защитил докторскую диссертацию по теме «Управление железнодорожным транспортом России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.)». Показательно, что зал профессорской аудитории, где проходила защита, был забит до отказа: были не только члены совета и коллеги по кафедре. Пришли бывшие выпускники, студенты, сотрудники РГГУ, вплоть до бухгалтерии и отдела кадров. Присутствовали преподаватели из других вузов (МГУ, Военный институт). Был даже представитель газеты железнодорожников «Гудок». Такое случается нечасто....

Тогда же Сенин начал сотрудничество с издательством «Российская политическая энциклопедия», которое предложило написать статьи по истории железных дорог для энциклопедии «Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.». В итоге было написано более 130 статей: почти о всех железных дорогах Российской империи, основных предприятиях транспортного машиностроения, Министерстве путей сообщения и многих других государственных учреждениях, имевших отношение к транспорту или экономике страны. Кроме того, были подготовлены статьи по ряду предприятий на территории Малороссии и Новороссии. Самый большой материал был об Украине.

И тут обнаружилась неожиданная проблема. Выяснилось, что после 1991 г. в Россию практически не поступала научная литература по истории Украины, а поступавшая была на украинском языке. Для подготовки статей надо было знать специальную терминологию (пропускная способность, грузоподъемность, водоизмещение, полоса отчуждения и проч.). Сенину пришлось дважды ездить в Харьков в научную библиотеку Национального университета имени В. Н. Каразина и областную библиотеку имени В. Г. Короленко. В магазинах он покупал новую украинскую литературу, показывал украинско-русский словарь, который приобрел там. Ему пришлось переводить многие страницы. По словам Сенина, работа над статьей заняла полгода и стала поистине «золотой».

Александру Сергеевичу удалось убедить редколлегию энциклопедии поместить больше статей об отечественных инженерах. Это тем более важно, что у нас в городах проспекты, шоссе, улицы носят преимущественно названия деятелей культуры, военачальников, государственных деятелей. Им же повсеместно поставлены памятники. Это несправедливо по отношению к людям других профессий, внесших огромный вклад в развитие страны. В самых разных энциклопедиях такое же соотношение. Сенин добавил в энциклопедию два десятка имен инженеров Российской империи, о жизни и деятельности которых ранее найти информацию было затруднительно.

Через три года после защиты на основе диссертации в издательстве «Маршрут» была издана монография под названием «Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций. 1914–1922 гг.». Одновременно с ней вторым изданием, существенно дополненным, была опубликована монография «Министерство путей сообщения

в 1917 году». Второе издание также было посвящено родителям-железнодорожникам.

Не без участия Александра Сергеевича в начале века были налажены контакты РГГУ с Харьковским национальным университетом имени В. Н. Каразина. Вузы вели переговоры о заключении договора о сотрудничестве, в котором участвовал Сенин. После заключения договора он дважды ездил в этот университет для разработки совместной магистерской программы. Но, к сожалению, осуществить её не удалось.

На протяжении многих лет Александр Сергеевич участвовал как член редколлегии в подготовке целого ряда энциклопедий: «Россия в Первой мировой войне, 1914–1918», «Россия в 1917 году», «Россия в Гражданской войне, 1918–1922». И во всех изданиях он отвечал за социально-экономический раздел, все больше погружаясь в экономическую историю. В основном этой тематике были посвящены его статьи в названных энциклопедиях.

Без преувеличения можно сказать, что Сениным была проделана огромная организационная работа для того, чтобы эти издания состоялись. Не секрет, что участие в энциклопедических изданиях не приносит материального дохода, поэтому собрать профессиональный авторский коллектив — большая проблема. В поиске авторов он неоднократно ездил в Петербург: в Санкт-Петербургский государственный университет, Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I, в Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена и Санкт-Петербургский Институт истории РАН. Попутно смотрел в местных библиотеках и РГИА материалы для своих статей. В Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга отбирал иллюстративный материал для энциклопедий. В связи с необходимостью подготовки больших статей по отдельным регионам Российской империи он познакомился со своими коллегами-историками с Дальнего Востока, Сибири, Урала, Центральной Азии, из Беларуси, о чем неоднократно рассказывал в кругу кафедры. Удалось привлечь и знакомых историков из университета в Харькове.

В 2015 г. по материалам докторской диссертации была издана еще одна монография «Железнодорожная администрация Советской России в годы Гражданской войны», в которой представлен большой блок информации о людях отрасли: ученых, инженерах, представите-

лях администрации, оставивших заметный след в истории железнодорожного транспорта.

Свое профессиональное кредо профессор А. С. Сенин определяет так: *«Пишу для специалистов, коллег по изучению истории транспорта, ныне постепенно объединяемых Российским обществом историков транспорта. Возможно, организационное устройство (структура, функции, кадры, финансирование, делопроизводство) — скучное чтение “для непосвященных”, как заметил в новой книге “Мерило несправедное” С. В. Карпенко. Но мне не импонирует современная увлеченность многих историков интригами, тайнами, загадками, неформальными связями и т. п. Конечно, такие книги интересны и могут рассчитывать на большие тиражи, но как же далеки эти произведения от реальных событий».*

В течение двух десятилетий Александр Сергеевич плодотворно сотрудничал с Государственной публичной исторической библиотекой, готовя к публикации книги известных в прошлом ученых, политиков, военачальников: Б. Н. Чичерина, А. Д. Градовского, П. А. Половцова, П. П. Мигулина, А. А. Бубликова, В. Б. Станкевича, П. Е. Щеголева и др.

Важным этапом в научной работе Сенина стало участие в проекте по истории Новороссии, грант на который получил Институт российской истории РАН. В значительной степени это было исследование о малой Родине, поэтому он с удовлетворением отнесся к приглашению участвовать в нем. Это фундаментальное издание стало своеобразной точкой отсчета для целого ряда других его исследований.

Оттакаясь от своих глав в «Истории Новороссии», позже он написал монографию «Транспортная инфраструктура Северного Причерноморья и Приазовья в XIX–XX веках: исторический очерк» и большой очерк о Донбассе, опубликованный в виде отдельного приложения популярного периодического издания «Московский журнал. История государства Российского» — «Донбасс — русская земля».

В преддверии 100-летнего юбилея революций 1917 года в издательстве «Вече» вышла его монография, основанная на кандидатской диссертации, «Русская армия в 1917 г. Из истории Военного министерства Временного правительства». Наши представления о революционном времени за прошедшие 80–90-е годы были обога-

щены собственными впечатлениями о «перестройке» и революции (или контрреволюции) 1991 г., и это актуализирует тему монографии и привносит дополнительный интерес к знакомству с работой. При всей внешней противоположности событий, внутреннее сходство в самом процессе несомненно.

Благодаря исследованиям Сенина в вузе появились новые курсы («История путей сообщения», «История транспортных коммуникаций России и мира», «Транспортная инфраструктура современной России», «Военная экономика России» и др.) и стали издаваться учебные пособия по ним. В первой половине 2020-х годов были подготовлены учебные пособия «Транспорт Советского Союза и Российской Федерации во второй половине XX столетия», «Военная экономика Российской империи» и др. «Административно-территориальное деление России в IX — начале XX в.».

Добавлю еще один штрих к портрету Сенина-преподавателя. *«Я несколько раз ездил в другие города с целью посетить музеи, сфотографировать экспонаты для показа студентам на лекциях. Как эту “прихоть” объяснить в качестве цели командировки? Зачем ездить в музеи других городов, включая музеи оборонных предприятий, которые не так просто посетить, если есть Интернет, есть сайты музеев? Но меня не устраивали снимки, размещенные в этой информационной среде. Студентам тоже постоянно говорил: рассматривать фотографии в Интернете — это смотреть на объект чужими глазами. Поэтому приходилось ездить “инкогнито”, в дни, когда у меня не было занятий в вузе», — такой комментарий пришлось услышать от него в связи с поездкой в Питер в музей истории «Адмиралтейские верфи».*

Под руководством Александра Сергеевича подготовлено 7 кандидатских диссертаций. Защитились Н. А. Тюков, Л. Н. Варламова, Г. В. Кожевникова, А. Г. Смирнова, А. Н. Недорубов, А. М. Лаврёнова, А. Р. Париева, которые продолжили традиции научно-педагогической школы кафедры — изучение отечественной истории через призму государственных и общественных институтов. Первостепенное внимание учеников, как и их наставника, уделялось исследовательской работе в архивах.

В конце второго десятилетия XXI века основное время и силы Сенина-исследователя посвящены подготовке «транспортных» глав для 20-томной «Истории России».

К 70-летию юбилею в активе Александра Сергеевича более 700 работ и высокий научный рейтинг. Перефразируя известное изречение, применительно к профессору Сенину можно сказать: «Историками не рождаются, историками становятся». И если есть ученые, чьи имена ассоциируются с одной научной темой, то у Александра Сергеевича иной путь. И научные темы, и учебные курсы часто были обусловлены запросами сегодняшнего дня. Он шел в ногу со временем, всегда откликаясь на его вызовы.

А. Д. Шаповалова,
*кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории государственных учреждений
и общественных организаций Историко-архивного
института РГГУ*

Е. А. Архипова,

кандидат исторических наук, доцент РГГУ

Н. В. Гудкова,

театровед

В. О. Буряга,

кандидат юридических наук

Г. Г. Манаев,

кандидат исторических наук

А. С. СЕНИН — НАСТАВНИК И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Авторы этой статьи стали учениками Александра Сергеевича, поступив в 10-й класс московской школы № 1276 (бывшая № 30, сегодня относится к школе № 2054, по адресу Большой Каретный пер., 22, стр. 6). Мы учились в классе, относившемся к Лицею Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Два дня в неделю занятия были организованы по модели, принятой в вузах, — «парами», и вели их преподаватели высшей школы; а четыре дня в неделю занятия проходили в школе по общеобразовательной программе. В Лицее преподавались предметы гуманитарного цикла, и отечественную историю вел Александр Сергеевич. Так мы впервые познакомились с человеком, который научил нас по-настоящему любить и понимать историю родной страны.

«Как преподаватель он сочетал в себе личную скромность — без какого-либо позерства и самолюбования — с ненаигранной искренностью, — вспоминает Екатерина Архипова. — Вижу, как на первом нашем занятии в Лицее он стоит перед нами, держась за спинку стула, слегка покачиваясь в такт своей спокойной и умиротворяющей речи; атмосфера этого момента запомнилась надолго».

Во время наших занятий Александр Сергеевич порой говорил: «Я не готов предложить вам концепцию. Я буду давать сухие фак-

ты», — подразумевая, что свое мнение об этих фактах мы должны сформировать сами. И пусть нам еще не было ясно, что такое большая историческая наука, каковы её принципы и этика — наш учитель не тратил драгоценное время на объяснение этих принципов, на теоретизирование. Вместо этого он показывал нам на деле, как следует относиться к факту, к источнику, к значению личности в истории — с уважением, осторожностью и безукоризненной честностью.

Такое отношение воспитывало в нас, детях, по-настоящему взрослое отношение и к историческому материалу, и к самой жизни. Для многих из нас Александр Сергеевич стал первым взрослым, который к каждому ученику обращался в лучших традициях российской высшей школы — по имени-отчеству и на «Вы», всегда, без каких-либо исключений. Этот род коммуникации настраивал нас на другой, совсем не «школьный» лад, и задавал тон всему ходу наших занятий.

«Наши семинары запомнились мне именно своей атмосферой диалога, — говорит Владимир Буряга. — Это было пространство без барьеров, где каждый мог высказаться, подискутировать и с преподавателем, и с одноклассниками. У нас никого не вызывали к доске — царила атмосфера равенства, в которой рождалось понимание тех событий и процессов, о которых мы говорили на занятиях».

Внимательное и уважительное отношение к историческому материалу Александр Сергеевич прививал не директивно, а показывая свой собственный подход. Обрисовав нам в какой-то момент круг своих профессиональных интересов, он впоследствии часто предварял изучение новых тем и периодов словами: «В этой сфере я не специалист, но постараюсь представить вам разные точки зрения и разные взгляды на проблему». Так мы учились понимать, что историография — это полифония мнений, что любой исторический источник может быть интерпретирован различным образом в зависимости от контекста.

«Он учил нас взирать на события истории философски, без лишних эмоций, и анализировать их тщательно. Беседу во время уроков Сенин вел уважительно, не пытаясь поймать на незнании материала. Ты и сам отлично понимал, где твои пробелы и что до фундаментальных знаний тебе надо проглотить ещё не одну книгу. До Сенина хотелось рasti», — вспоминает Наталья Гудкова.

На занятиях Александра Сергеевича нельзя было «выехать» на красноречии. Он настраивал на серьезный, аргументированный

разговор, подкрепленный фактами и ссылками на материал. Материалом же он снабжал нас в избытке — советовал для самостоятельного изучения исторические труды, воспоминания и, конечно, учебники, по большей части вузовские. Впоследствии, учась в университете, мы обнаруживали, что многое из преподаваемых курсов уже изучили заранее, следуя рекомендациям Сенина.

Не стоит думать, что обучение проходило «без сучка без задоринки», что не было ошибок, критики, двоек за контрольные работы. Были! И они не оставались незамеченными нашим учителем, у которого не было фаворитов и любимчиков. Но никто не мог и представить себе, чтобы Сенин кого-то в сердцах обругал или отчитал. «"Ну что же Вы так, Георгий Георгиевич," — вот самый большой укор, который я услышал от него, когда неаккуратно отнесся к выполнению какой-то контрольной работы или теста, за который получил тройку. Но сказано это было с искренним сожалением, а не с досадой. И сразу стало стыдно за свою безалаберность», — вспоминает Георгий Манаев.

Александр Сергеевич буквально «болеет» за своих учеников. Когда стало приближаться время поступления в институт, он приложил серьезные усилия, чтобы помочь нам с выбором факультета. Сенин рекомендовал многим из нас поступать на тогдашний факультет истории, политологии и права (ФИПП) РГГУ и организовал тем из нас, кто намеревался последовать его совету, встречу с деканом факультета Александром Петровичем Логуновым — организовать такую встречу с Александром Петровичем, очень занятым в то время человеком, было просто.

Когда приблизилось время поступления в университет, Александр Сергеевич даже находил возможность приехать к нам в Лицей и во внеклассное время побеседовать с нами о грядущих экзаменах, подбодрить, разрешить какие-то сомнения и ответить на вопросы.

Было бы не совсем верно говорить, что Сенин работал вовсе без методики. У него, возможно, не было какой-то стройной и завершенной концепции преподавания — однако в процессе чтения курса отечественной истории он познакомил нас с целым рядом дидактических приемов, которые вспоминаются при просмотре конспектов его лекций. Впервые именно на лекциях Сенина мы столкнулись с популярным приемом сравнительного анализа средств, которые в бюджете го-

сударства выделяются на военные нужды в сравнении с социальными: как-то во время изучения истории СССР он предложил сравнить, сколько больниц, школ, детских садов можно построить на сумму, которая выделяется на разработку и создание одной атомной подводной лодки. Цифры нас поразили. Другой прием использовался при изучении истории российской многопартийности начала XX века: Сенин предложил нам изобразить таблицу, в которой кратко зафиксировать мнение каждой из партий по самым актуальным вопросам тех времен: рабочий, аграрный, национальный вопросы, вопрос государственного устройства и так далее. Вместо «нарративного» изучения исторического процесса он предлагал анализировать события, раскладывая их на структурные элементы. Такой прием перегруппирования знаний впоследствии очень пригодился многим из нас в нашей научной работе.

«После поступления на ФИПП РГГУ я продолжил учиться у Александра Сергеевича несмотря на то, что ФИПП не работал с его кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций, относившейся к Факультету документоведения, — рассказывает Георгий Манаев. — Все свои курсовые и дипломную работу, посвященные стилю управления генерал-губернаторов и министров в Российской империи в первой половине XIX века, я писал под руководством Александра Сергеевича. С первого же года совместной работы Сенин показал, на чем должна базироваться любая серьезная работа по истории государственных учреждений, передав мне рукописный (!) длинный список названий законодательных актов, с указаниями их номеров и дат, которые я должен был изучить по Полному собранию законов Российской империи. Законодательные, а впоследствии мемуарные источники, которые я искал по легендарному указателю «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» под редакцией П. А. Зайончковского, стали основой моей работы, помогли мне глубинно анализировать историю государственных учреждений избранного периода.

Отдельный урок дал Александр Сергеевич по вопросу подачи лекционного материала. Когда на пятом курсе подошло время педагогической практики в университете, мне было доверено прочесть студентам факультета документоведения две лекции по истории государственных учреждений императоров Александра I и Николая I. Первая из этих лекций закончилась аплодисментами — студенты были в вос-

торге от историй и курьезных случаев из служебной практики чиновничества золотого века, которыми я с ними поделился. Другое мнение было у Александра Сергеевича. Он обратил мое внимание на то, что студенты почти ничего не законспектировали — они сидели и слушали мои примеры; однако я очень мало передал им конкретного материала. Следующая пара, через несколько дней, была по структуре совершенно иной. Почти все время студенты записывали за мной — я объяснял, как было построено николаевское законодательство о государственной службе, какие были введены нормы контроля и поощрений, как было организовано принятие решений, какие полномочия имели высшие государственные органы — Государственный совет, Комитет министров, Правительствующий Сенат и другие, какова была роль монарха в государственной системе. Студенты к концу второй пары были «выжаты», однако в этот раз Александр Сергеевич высоко оценил мою подготовку и наполненность лекции материалом».

В преподавании Сенин ценит именно это — возможность преподавателя предоставить студентам экспертный дайджест информации, извлеченной из самых различных источников, с указанием этих источников, чтобы учащиеся поняли всю широту и сложность картины исторического процесса. Большое внимание Сенин всегда уделяет и точности цифр. Наши конспекты лицейских времен пестрят столбиками статистики, которые Сенин диктовал нам, напоминая, что точность в цифрах и формулировках — основа профессиональной этики историка.

Еще в 11-м классе Александр Сергеевич предложил нескольким ученикам нашего класса сделать подробные доклады на основе исторической литературы, причем темы для этих докладов он предлагал нам, основываясь на наших личных интересах. Доклады эти впоследствии нужно было сделать перед всем классом, и на это каждому из нас отводился целый академический час. Владимир Буряга, который интересовался историей русского анархизма, делал доклад по биографии Нестора Махно, Екатерина Архипова — о легендарном дипломате Александре Горчакове, Георгий Манаев — доклад по мотивам монографии историка Луиса Фишера «Жизнь Ленина». Для нас это были первые попытки скомпоновать объемный связный исторический текст, которые помогли впоследствии с меньшей робостью подойти к написанию курсовых, дипломных и даже диссертационных работ.

«Под руководством Александра Сергеевича в 2005–2006 годах я написал дипломную работу, планировал поступать в аспирантуру РГГУ и просить Сенина руководить мной на этапе соискания кандидатской степени, — говорит Георгий Манаев. — То, как Александр Сергеевич отнесся к моей просьбе, в очередной раз подчеркивает его в высшей степени внимательное и бережное отношение к научной карьере учеников. Он объяснил, что не сможет уделить моей диссертации должное внимание, так как в ближайшие годы будет занят преподаванием — в 2006-м Александр Сергеевич только что защитил докторскую диссертацию, при подготовке которой почти не читал лекций из-за занятости. Теперь же ему предстояло «вернуть долги» коллегам, которые в годы перед защитой взяли на себя его часы лекций.

Только спустя годы я осознал, насколько дальновидным было это решение Сенина и насколько значимой он считал мою будущую диссертацию, которую я в итоге подготовил и защитил под чутким и высокопрофессиональным руководством доктора исторических наук Любови Федоровны Писарьковой в Институте российской истории РАН. В этом успехе есть, безусловно, огромная заслуга Александра Сергеевича. Кстати, он лично присутствовал на моей защите и выступил с небольшим словом в поддержку исследования».

Профессиональная судьба учеников для А. С. Сенина остается важной всегда — в добрых традициях отечественной исторической науки. «Я была очень тронута тем, — вспоминает Екатерина Архипова, — что Александр Сергеевич пришел на защиту моей диссертации и выступил в поддержку моей работы. В своей речи он даже вспомнил, что еще в лицее я делала доклад о старообрядчестве».

Наверное, самым важным, что Александру Сергеевичу удалось привить своим ученикам, было искреннее, уважительное и в меру эмоциональное отношение к изучаемым историческим событиям. Из глубокого, внимательного изучения жизни людей прошлого проистекало понимание их эпохи, их радостей и горестей, вызовов, которые вставали перед ними, обстоятельств, в которых они были вынуждены существовать. Из этого понимания возникало уважение к предкам, а с уважением приходила любовь к самой отечественной истории. Многие помнят, как на уроке, посвященном научно-технологическому развитию СССР, Александр Сергеевич, рассказывая о выдающихся открытиях советских ученых, невольно воскликнул: «Величайшие мужики

работали!» В этих словах сквозило искреннее восхищение упорным трудом ученых, благодарность за их открытия, которые двигали страну вперед. Обучая нас делать умозаключения, выводы из прочитанного материала, Сенин всегда высоко оценивал наши старания по пониманию исторического процесса, поощрял наши размышления и поиски истины. Словом, на лекциях и семинарах Александр Сергеевич учил нас тому, без чего не может состояться ни один российский историк — учил нас любить и понимать Россию.

Эти уроки стали для каждого из нас фундаментом, на котором строилась наша будущая профессиональная биография — причем пользу уроки Сенина принесли вне зависимости от того, какое дело каждый из нас для себя избрал. Уважение к факту и цифре, внимательное изучение источников, широкий научный кругозор, стремление к пониманию культурного контекста и повседневных реалий прошлых эпох — эти принципы, заложенные во время обучения под наставничеством Александра Сергеевича, оказались полезными в самых разных сферах деятельности. «Сенин не просто научил нас работать с источниками и понимать материал, но и объединил всех нас любовью к истории, — говорит Владимир Буряга. — Даже те, кто не связал свою жизнь с исторической наукой, в каком-то смысле после уроков Сенина стали немного историками». Мы благодарны нашему наставнику, который всегда был и остается для нас примером настоящего отечественного ученого, специалиста и учителя.

Т. Г. Архипова,
*доктор исторических наук,
профессор кафедры истории государственных
учреждений и общественных организаций
Историко-архивного института РГГУ*

ДОРОГОЙ МНЕ ЧЕЛОВЕК

Слова, вынесенные в заголовок этого текста, полностью соответствуют моему отношению к Александру Сергеевичу Сенину, с которым меня связывает не одно десятилетие дружеских отношений.

Саша (чаще я его зову Сашуней) пришел учиться в Историко-архивный институт тогда, когда я уже в нем работала. У меня он не учился, т. к. у нас историю государственных учреждений советского периода на дневном отделении читала Татьяна Петровна Коржихина, я же работала, в основном, с вечерниками и заочниками. Судя по всему, он, как и я, был пленен манерой чтения Николая Петровича, который уже на втором курсе обратил внимание на этого студента. Обратила на него внимание и Татьяна Петровна. Поэтому фамилию — Сенин — я слышала неоднократно, знала, что по окончании института он отказался от места в аспирантуре на другой кафедре, но никогда не видела вживую. Впервые я увидела его тогда, когда он, придя из армии, заглянул к нам на кафедру. Мы в этот момент были на кафедре с Николаем Петровичем, поговорили с гостем, он ушел, а Николай Петрович сказал: «Этого парня я хотел бы взять на кафедру, да места нет». Те, на кого Ерошкин «положил глаз», умели ждать. И Саша дождался. Так мы — ученики одного учителя — стали коллегами. С самого начала он понравился мне своим отношением к делу, которому служил. Приход на лекцию плохо подготовленным или с опозданием безоговорочно исключался. Опоздание могло произойти исключительно в случае катаклизма, ну, например, когда между ним и вузом земля бы разверзлась. В то же время подготовка к лекциям осуществлялась столь тщательно, что собранный для них материал становился основой для написания учебника или монографии. Он вообще лекции писал и пишет так, что их можно сразу издавать.

Друзей не бывает много: есть попутчики, коллеги, приятели, учителя. У людей моего склада характера друзьями обычно становятся коллеги. Хотя ничто человеческое мне не чуждо, работа — мое хобби. Если Учителем для меня был Ерошкин, то дружила я в разное время и в разной степени с Татьяной Михайловной Смирновой, потом с Татьяной Петровной Коржихиной и Александром Давидовичем Степанским, причем дружила до последних дней их жизни. До Сенина «руки не доходили». Хороший парень, умница, приятный в общении, но все-таки в моем представлении тогда — пацан. Впервые я оценила этого хорошего парня в обстоятельствах чрезвычайных. И это понятно: в такого рода обстоятельствах человек раскрывается полностью.

На должность ректора в Историко-архивный институт пришел Юрий Николаевич Афанасьев, пришел без своей команды, не понимая многих направлений работы вуза. Приближалась приемная кампания, кто-то ему сказал, что Архипова не раз ее проводила, дело знает, ей вполне можно доверить должность ответственного секретаря приемной комиссии. Действительно, мне на этой должности доводилось работать и прежде. Ректор вызвал меня и вручил приказ о моем назначении, я попыталась отказаться (дочь была маленькой, надо было побыть летние месяцы с ней, да и работа эта не из приятных). На что Афанасьев отреагировал мгновенно, сказал, что воспринимает это как конфронтацию по отношению к нему. И что было делать? Согласилась. Он же предложил мне самой скомплектовать комиссию, подобрать себе заместителя. Вот в этом вопросе я встретила что называется полный отлуп — у кого-то уже сформировались планы на отпуск, кто-то не хотел работать напрямую с Афанасьевым... В отчаянии я пришла на кафедру и заплакала, благо в помещении была одна. Плачу я редко и стараюсь этого никому не показывать. И тут вошел Саша и, узнав причину слез, сказал, что он пойдет ко мне заместителем. Я этот мужской поступок оценила, но не сразу в полной мере.

Мы дружно и весело работали, поделив между собой обязанности: он руководил делопроизводственным процессом, а я отбивалась от сотен разгневанных родителей, недовольных результатами приемных испытаний их любимых чад. Тогда ведь абитуриенты сдавали экзамены в вузе. Конкурс в ИАИ был огромным, очередь из обиженных начиналась разве что не от ГУМа. Приходили даже такие посетители, которые думали, что эта очередь за каким-то дефицитом. Моя задача состояла

в том, чтобы не допустить жалоб в вышестоящие инстанции (таким было требование руководства института), не довести диалог до оскорблений и даже рукоприкладства (угрозы поломать мне ноги поступали). К концу дня у меня уже язык не ворочался. Саша иногда подменял меня, но надолго его не хватало, он просто сидел рядом. И это дорогого стоило. Вспоминается мне еще один мужской поступок, заставивший меня совсем по-другому посмотреть на того, с кем я работаю. Садится напротив нас человек средних лет, достает визитку, на которой он обозначен как заместитель министра, кажется, юстиции, и начинает выяснять, почему его дочь осталась вне списка поступивших. Меня это абсолютно не удивило, перед моими глазами проходили и не такие родители, но тот случай был особым. Оказывается, список принятых заканчивался перед фамилией его дочери. А проблема была в том, что вслед за ней в списке стояли еще два человека с абсолютно идентичными показателями. Выбрать из этих претендентов одного не представлялось возможным, да и одного свободного места не было. Отец сказал, что пойдет к ректору и уладит этот вопрос, т. е. его девочку возьмут. В этом он был уверен. Я сказала, что если возьмут только ее, то я буду против и, как член комиссии, напишу особое мнение на этот счет. И тут Александр Сергеевич, сидевший рядом, абсолютно спокойно, но твердо говорит: «И я тоже так сделаю». Тут папаша сначала воззрился на Сенина и, увидев молоденького худенького очкарика, спросил у меня: «А это кто?» Ну, я и ответила: «Александр Сергеевич Сенин, кандидат исторических наук, доцент, заместитель ответственного секретаря приемной комиссии». Надо было видеть лицо этого отца. Ушел, хлопнув дверью, но дня через два принес нам письмо от заместителя министра нашего ведомства с разрешением дать дополнительно три бюджетных места нашему институту в связи с большим конкурсом. Мы поздравляли довольного отца и порадовались за абитуриентов.

Иногда, устав безмерно, ближе к ночи, мы шли через Александровский сад до Боровицкой, чтобы хоть немного развеяться. Тогда я многое узнала о его семье, о маме, о том, что он приверженец, как теперь говорят, здорового образа жизни, по утрам плавает в реке разве что не зимой... В последующие два года он уже сам возглавлял секретариат приемной комиссии, делал всю работу легко, сказал, что ему наш совместный опыт помог. Работа в приемной комиссии сблизила нас, постепенно наши отношения переросли в дружеские, и с тех пор

мы практически везде работаем в тандеме. Мы с ним похоронили все старшее поколение кафедры и остались на ней за старших, похоронили его маму... Постепенно мы договорились, что будем вместе сохранять главное детище нашего общего Учителя — кафедру.

Особенно сплотила нас совместная работа в деканате Факультета документоведения. Разрушенный до основания факультет, т. к. руководство университета не видело в нем признаков универсальности, пришлось воссоздавать заново. Инициатором его воссоздания была Татьяна Вячеславовна Кузнецова, но никто из документоведов не хотел этим заниматься. Я тоже категорически не хотела. Меня опять вызвал к себе Афанасьев и «демократично» заявил, что для заведывания кафедрой ему профессоров в Москве хватит, ему декан нужен. Дома мне сказали, что согласны терпеть мое положение. На все это наложились интересы кафедры — нам катастрофически не хватало нагрузок на тот коллектив, который к этому времени сложился. Мы поговорили с Сашей и пришли к выводу, что спасение наше на новом факультете. Я предложила ему возглавить его, но он категорично заявил, что согласен только на должность заместителя. Так наш производственный тандем получил дальнейшее развитие. И этот тандем сохраняется до сих пор, только на уровне кафедры.

А тогда мы вновь разделили сферы наших действий: на нем были учебные планы, я же работала девочкой для битья, причем доставалось мне со всех сторон. От администрации тумачи доставались за не столь быстрое, как ей хотелось, проведение оптимизации и модернизации учебного процесса; измученные не только этим преподаватели пытались решить свои проблемы через ближайшего руководителя — декана; были свои законные требования и у студентов, а тут еще возникло более трех десятков филиалов — надо было в них наладить учебный процесс, принять государственные экзамены, провести защиту дипломных работ. Иногда у меня, в частности, было до четырех командировок в месяц. Нам удалось скомплектовать в деканате лучший в институте коллектив сотрудников во главе с Д. С. Галиевой, и мы были спокойны за факультетские дела в любом случае. Вновь работали легко и даже весело, отмечали дни рождения девочек, праздники.

При этом мы оставались научно-педагогическими работниками, у нас были и семейные обязанности. Взявшись за написание учебника по истории российского чиновничества, мы договаривались созво-

ниться в два–три часа ночи, чтобы, закончив дела по дому, обсудить научные проблемы. К этому времени я уже была доктором наук, Саша же пытался работать над диссертацией урывками. Видя бесперспективность такой «работы», я вынуждена была его отпустить в докторантуру. Несколько лет работы в деканате без него были для меня каторгой. Мне не хватало его спокойствия, рассудительности, плеча, наконец. Я виновата перед ним, т. к. отозвала его из докторантуры за несколько месяцев до окончания пребывания в ней.

Дальше я стала его терроризировать своими просьбами поскорее выйти на защиту. Иногда обижала его насмешками, что он считает шпалы под рельсами — тема у него была посвящена истории управления железнодорожным транспортом в один из периодов его существования. Кстати, насколько я понимаю, тема эта не была случайной — его родители были железнодорожниками. Он продолжал считать шпалы, и я пошла на обман. Да простит меня еще раз Саша! Я сказала, что, по моим агентурным сведениям, в ближайшее время будет упразднен наш диссертационный совет. Конечно, он хотел защищаться в совете родного вуза. Моя ложь (совет работает до сих пор) сработала, Саша вышел на защиту и защитился блестяще. В настоящее время он — главный в России специалист по истории управления железнодорожным транспортом. Благодаря ему и я имею к этому отношение, т. к. с его подачи участвовала в выполнении некоторых научных работ в этой области.

Модернизация-оптимизация структуры университета привели к очередному, с моей точки зрения напрасному, упразднению Факультета документоведения. За время его существования мы с Т. В. Кузнецовой предприняли массу усилий для того, чтобы сделать его особым, спрос на выпускников зашкаливал, в административные структуры на смену секретаршам пришли управляющие документами. Наверное, желанием усилить другие направления подготовки специалистов в ИАИ была обусловлена эта мера. Для нас с Сашей появилась возможность уйти с административных должностей этого уровня, но возникли другие проблемы.

На кафедре в очередной раз уменьшилась нагрузка, выходом для сохранения коллектива мог стать перевод коллег на доли ставки. Саша, вслед за мной, первым пошел на это, согласилась с этим и молодежь. Часть членов кафедры отказалась от такого решения вопроса, они настаивали на сохранении им их нагрузки, то есть зарплаты. В этом слу-

чае молодым преподавателям не осталось бы ничего. Я понимала их тогда, понимаю и теперь, но жертвовать остальными не имела права. Эту ситуацию я переживаю до сих пор. Спасибо Саше и тем, кто меня тогда поддержал.

В конце концов сокращение коснулось всех и не только моей кафедры. Дело стало принимать просто недопустимый характер (руководители некоторых кафедр под разными предлогами стали вырывать часы друг у друга) — я такого уровня взаимоотношений не приемлю, поэтому пребывала в растерянности. Обычно такие вопросы я обсуждала с Сашей, а тут не успела. Меня вызвал на прием ректор Александр Борисович Безбородов, сообщил, что в ИАИ создается исторический факультет, и предложил мне вместе с кафедрой перейти туда. Пока я думала, он позвонил будущему декану — Елене Владимировне Барышевой и сказал ей два слова: «Она согласна». Это было свидетельством того, что они это уже между собой обговорили. Саша меня поддерживал, поддержала и кафедра. На этом факультете мы из «вспомогательной кафедры» (по мнению одного из прежних коллег) перешли в разряд обычных. Спасибо огромное руководству факультета. Надеюсь, мы его не подводим.

Действительно, мы осваиваем новые курсы, пишем учебники, имеем полную нагрузку, уже стали стонать по поводу ее величины, подготовили магистерскую программу и провели третий набор на нее, руководим аспирантами, периодически проводим «взрослые» и «детские» конференции, занимаемся научной работой. Какую-то часть работ «подбрасывает» нам и Саша: мы принимали участие в работе над различными энциклопедиями юбилейного характера, работали, как я писала выше, над историей железных дорог и т. п. Сам же он, как и прежде, готовит к изданию очередные учебники по читаемым им курсам, не отказывается ни от какой работы по кафедре.

В последние несколько лет мы особенно сблизились с Сашей, став друг для друга тем ухом, которому можно всегда сообщить не только о радостном событии, но и о горе, плечом, на которое можно опереться.

Здоровья Вам, Сашуня, все остальное мы преодолеем вместе. Опыт у нас уже есть.

А. А. Денисов,
*магистрант Исторического факультета
Историко-архивного института РГГУ*

МОЙ НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ СЕНИН

Около пяти лет назад я поступил в Российский государственный гуманитарный университет. На одном из первых занятий нам предложили список тем для будущих курсовых работ. Я выбрал тему, связанную с реформами императора Петра I. Через несколько дней декан Елена Владимировна Барышева принесла нам список с именами наших будущих научных руководителей. Напротив моей фамилии было написано — Александр Сергеевич Сенин.

Если честно, то в тот момент я почувствовал страх: ведь именно этот, незнакомый для меня тогда человек, должен был стать моим проводником в науку. Конечно, поступая в РГГУ, я читал книги некоторых профессоров — Т. Г. Архиповой, Н. И. Басовской, И. В. Курукина и др. Однако Александра Сергеевича я на тот момент не знал.

Сразу после объявления научного руководителя я зашел на сайт университета, чтобы посмотреть, как он выглядит, а также ознакомиться с его расписанием. Мне повезло: в тот день у Александра Сергеевича были пары в пятом корпусе, и я решил сразу же встретиться с ним.

Перед встречей я очень сильно волновался, однако Александр Сергеевич встретил меня очень хорошо, поинтересовался, какая тема может быть мне интересна, выслушал мое мнение, а затем, подумав, предложил мне тему для курсовой работы. Мы обменялись контактами, и профессор сказал, что я могу написать ему в любой момент.

С самого начала нашей совместной работы Александр Сергеевич относился ко мне очень уважительно, помогал, подсказывал и направлял. Он всегда внимательно относился к консультациям со студентами. В первую же нашу консультацию профессор пришел уже со списком источников и литературы, а также подробно объяснил мне, как правильно писать введение курсовой работы. Александр Сергеевич

оказался очень терпеливым наставником, и, если у меня что-то не получалось, он всегда помогал мне, объясняя еще раз.

Еще при первой встрече я сказал моему научному руководителю, что хотел бы однажды написать научную статью. Каково же было мое удивление, когда через некоторое время Александр Сергеевич подошел ко мне и предложил поучаствовать в конференции, проводимой кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций, с последующей возможностью опубликоваться в сборнике статей, выпускаемом кафедрой. Я не ожидал, что мой научный руководитель запомнит оброненную мною фразу.

Это был мой первый опыт в написании исследовательской работы, и я попросил Александра Сергеевича выступить моим редактором и высказать свое мнение о моей статье. Профессор очень серьезно отнесся к моей просьбе и через некоторое время отправил мне статью с пометками. Он очень подробно изучил статью и кроме подробного отзыва цветом выделил те фрагменты текста, которые необходимо было изменить.

Подобным образом проходила и наша совместная работа над курсовой работой. Александр Сергеевич направлял мое исследование, корректировал и помогал привести его в соответствии с правилами. Я мог обратиться к нему в любое время и получить консультацию. Потом, в мае, перед защитой моей первой курсовой работы я отправил Александру свою презентацию и получил советы по корректировке выступления.

Во время моего выступления научный руководитель поддерживал меня и защищал перед комиссией, что помогло мне получить хорошую оценку.

Во втором семестре первого курса Александр Сергеевич начал преподавать у нас военную экономику. На лекциях он показал себя как человека, очень заинтересованного в предмете. Лекции и презентации он строил на основе своих работ и собственных наблюдений. Выяснилось, что Александр Сергеевич лично объездил многие военные заводы, хорошо знаком с их историей и продукцией, которую они выпускали в дореволюционное время. Во время лекций он показывал фотографии экспонатов из заводских музеев.

На занятиях Александр Сергеевич регулярно обращался к архивным источникам, мемуарам, приводил цитаты из них. Более того, он постоянно интересуется книжными новинками по военной истории

и нередко приносит показать их студентам и поделиться своим впечатлением.

При этом Александр Сергеевич нередко скромничает, говоря: «Я не являюсь специалистом в этой сфере, я лишь писал статьи в энциклопедию по этой теме». Однако во многих статьях по данному курсу исследователи военной экономики часто ссылались на работы А. С. Сенина, что показывает, что профессор всё-таки является специалистом по многим вопросам. Некоторое принижение своих заслуг всегда отличало моего научного руководителя.

На втором курсе А. С. Сенин вместе с Т. Г. Архиповой вел у нас курс по истории государственного аппарата России. В преподавании данной дисциплины Александр Сергеевич раскрыл весь свой потенциал. Когда он рассказывал о государственном аппарате XVII — начала XX в., была видна его заинтересованность в теме. У него светились глаза, когда он говорил о любимом предмете, и было видно, что он действительно счастлив доносить свои знания до студентов и делиться своим опытом.

В дальнейшем Александр Сергеевич оставался таким же отзывчивым и добрым научным руководителем, готовым помочь в любое время. Иногда мне казалось, что он совсем не спит, все время посвящая работе: студентам, аспирантам и науке. Порой его письма приходили в 3 часа ночи, то есть после занятий, добравшись до дома, профессор открывал почту и посвящал время письмам студентов, проверке курсовых работ, чтению статей и не вставал из-за стола, пока не ответит всем. Это достойно огромного уважения. Как бы пафосно это сейчас ни звучало, но Александр Сергеевич отдавал своим ученикам всего себя, вкладывая в нас частичку своей души.

Помню, что даже когда у студента совсем ничего не получалось, профессор только укоризненно смотрел и говорил: «Ну как же так...» А. С. Сенин никогда не повышал голос на студентов, и все мы чувствовали себя очень комфортно на его парах. Занятия больше напоминали диалоги или беседы научного общества, чем строгие семинары с ответами у доски.

В дальнейшем Александр Сергеевич вел у нас еще несколько дисциплин, но его метод преподавания оставался тем же. Лекции и семинары были все так же интересны. Он с удовольствием помогал студентам как со своим предметом, так и с другими дисциплинами.

Когда я писал диплом, мой научный руководитель проявлял чудеса терпения. Сначала он по нескольку раз просматривал каждую главу, а потом и полностью всю работу. Мой диплом был около 100 страниц, но Александр Сергеевич в течение дня подробнейшим образом изучал его и уже к вечеру отправлял текст обратно вместе с комментариями и исправлениями. Это колоссальный труд, достойный уважения и признательности. Я не знаю больше людей, которые столь же внимательно относились бы к работам своих учеников и столь же трепетно заботились об их научной и учебной деятельности.

После поступления в магистратуру тема моего исследования сильно изменилась, и я обратился к Александру Сергеевичу за помощью с подбором литературы. Но мой научный руководитель сказал: «Ну что Вы, Александр Андреевич, я уже давно не занимаюсь этой темой...», однако, несмотря на это, Сенин с ходу назвал мне основные труды по теме моей магистерской работы, а также по памяти перечислил фонды РГВИА, где хранятся архивные документы.

Как обычно, профессор сильно поскромничал. Еще со студенческих времен у него было несколько статей по теме моего исследования, и позднее он неоднократно принимал участие в издании юбилейных сборников и книг по данной тематике. Об этом я узнал, обратившись в архив.

Я очень благодарен Александру Сергеевичу за ту помощь и поддержку, которую он мне оказывал все время учебы в вузе. Для меня он стал Учителем с большой буквы, который помог с первой курсовой работой, с первой статьей, с дипломом. Я искренне желаю А. С. Сенину продолжать вносить вклад в науку как своими работами, так и посредством работ своих учеников. Верю, что в будущем я, как и многие другие ученики Александра Сергеевича, с гордостью буду говорить: «Я ученик Александра Сергеевича Сенина».

А. М. Лаврёнова,
кандидат исторических наук, ведущий специалист
отдела изучения и публикации документов ГА РФ

КАК Я ПОВСТРЕЧАЛА СВОЮ СУДЬБУ

All hail, great master, grave sir, hail! I come
To answer thy best pleasure, be't to fly,
To swim, to dive into the fire, to ride
On the curled clouds. To thy strong bidding task
Ariel and all his quality.

William Shakespeare «The Tempest»

Писать поздравительную статью в юбилейный сборник для меня дело непривычное, да и сам формат, требующий от автора откровенности и собственного появления в кадре, не может не вызвать известного смущения. Однако смею ли я обойти вниманием юбилей учителя? Разумеется, нет. О замечательном научном пути А. С. Сенина его коллеги, полагаю, поведают лучше меня. Я же хочу вспомнить историю нашего знакомства и дальнейшего сотрудничества, не лишенную мистических совпадений и некоторой поучительности, для чего я несколько не буду пытаться смягчить комичную и местами оскорбительную категоричность своих юношеских суждений.

Наша первая встреча с Александром Сергеевичем состоялась поздней осенью 2004 года: он должен был вести у нашего потока семинар по «госам» — истории дореволюционных государственных учреждений.

Лекции нам читал другой преподаватель, развеселый малый, пару раз он их прогулял, а на тех, которые все же состоялись, с увлечением витийствовал, с легкостью переходя от темы курса к совершенно посторонним вещам и с той же легкостью возвращаясь обратно. Наконец, аккурат на последней лекции, он бросил фиглярство и серьезно, последовательно и емко изложил за полтора часа все то, что предполагалось вложить в сознание учащихся за истекшие полгода. Это были жаркие полтора часа — в абсолютной тишине, нарушаемой только

голосом лектора, было слышно, как пыхтят над конспектами студенты да как скрипят их перья. Конечно, такая манера впечатляла, однако я невольно задавалась вопросом: «Ужель это те самые хваленые “го-сы”, сопромат Историко-архивного?»

Поэтому, когда настало время семинаров и из туманных осенних сумерек во дворе института перед нашей группой соткалась фигура в зеленом свитере, я уже не ожидала ничего особенного. А следовало бы. Семинар начался не как семинар: это была стандартная лекция, т. к. преподаватель, кажется, совершенно не собирался спрашивать студентов и повествовал, ни на кого не глядя и как будто ни к кому не обращаясь. Усевшись за дальнюю парту, я слушала вполуха, делала записи, в перерыве между которыми рисовала на полях конспекта и то и дело перебрасывалась репликами с подругой. Но то, что сошло бы с рук в 6-й аудитории, в полуподвальной маленькой каморке с крутыми сводами никак не могло остаться незамеченным. Внезапно преподаватель, казавшийся таким отрешенным от окружающей действительности, метнул на меня гневный взгляд и в неожиданно резкой форме потребовал умолкнуть. Меня как будто вожжей стегнули. Опешив от такой метаморфозы, я промолчала до конца семинара. Покидая каморку, я обернулась на пороге и, глядя исподлобья на ненавистный зеленый свитер, мстительно прошипела себе под нос: «Да кто он такой? Я это так не оставляю!»

Вытащить подноготную этого типа, найти что-нибудь порочащее, что угодно — такова была моя задача, к исполнению которой я подошла очень основательно: специально купила карточку МТУ на 5 часов (да, интернет в те времена был по карточкам), заварила крепкого чаю и коварно принялась за свое расследование. Но стоило мне только увидеть первые результаты поиска, как на меня сошло внезапное озарение: да я, оказывается, уже читала книгу этого субъекта! Ее мне, еще школьнице, дал мой репетитор профессор М. Н. Зуев, когда она только-только вышла из печати: «Анечка, что Вы думаете об этом учебнике¹?» А что тогда могла думать Анечка? Совершенно ничего дельного. А вот полтора года спустя, я, уже 17-летняя студентка второго курса, решила, что теперь-то и настал подходящий момент составить мнение о творении господина Сенина, столь неосмотрительно позволившего

¹ Сенин А. С. История российской государственности: Учебное пособие для средних специальных учебных заведений. М., 2003.

себе поднять на меня голос! Сказано — сделано. На другой же день книга была взята в библиотеке, а вместе с ней и прочие того же авторства. «Месть — это блюдо, которое подают холодным», — сказала я себе и углубилась в чтение.

Близился день следующего семинара. А между тем карточка на интернет была потрачена впустую — ничего особенного я не нашла, кроме того, что объект моего пристального интереса увлекался туризмом, работал в музее В. И. Ленина и состоял членом какой-то сомнительной американской академии. Понимая, что на достойный ответный удар за прежний выпад я пока не наскребла и получить публичное замечание еще раз я уже не могу себе позволить, я весь семинар хранила гробовое молчание и мрачно записывала все, о чем вещал преподаватель, — спрашивать студентов, видимо, вовсе не входило в его планы.

Время шло. Сенин продолжал чтение лекций на наших семинарах, а я продолжала нести свою молчаливую вахту на занятиях и чтение его трудов долгими зимними вечерами. Постепенно я стала замечать, что мой мстительный настрой предательски тает: по части содержания к лекциям у меня претензий не было с самого начала — они были и впрямь хороши, а сдержанная, практически безэмоциональная подача и отсутствие желания понравиться аудитории, на мой взгляд, выгодно отличали Сенина от прочих его коллег, пытавшихся заигрываниями и театральными жестами «купить» внимание к себе и своему предмету. Такого мнения, впрочем, придерживались отнюдь не все мои соученики. И вот, на последнем занятии, проходившем в аудитории, оборудованной в те годы под кабинет автодела, Александр Сергеевич объявил, что настал, наконец, и наш черед что-нибудь ему рассказать, и начал задавать вопросы по материалам курса. Аудитория живо встрепенулась: спящие пробудились и в панике зашелестели страницами учебника Н. П. Ерошкина¹: никто не ожидал такого подвоха. Один за другим мои brave товарищи стали мямлить что-то маловразумительное или попросту отмалчивались. Я напряглась: я-то читала студенческие форумы и знала, что этот безобидный с виду субъект в былые годы целым потоком отправлял студентов на пересдачу. Но на сей раз не было похоже, будто он настроен на кровопролитие. Напротив,

¹ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. 4-е изд., перераб и доп. М., 1997.

наше массовое невежество его не злило, а печалило. В ответ на очередной слабый ответ он вздохнул и просто сказал: «Жаль». В этот момент моя рапира выпала из ладони и со звоном покатилась по полу. Не помня сама себя, я подняла руку и ответила за товарища.

После семинара все собрались вокруг журнала в ожидании своих баллов. Мне волноваться было не за что, т. к. я аккуратно везде ходила и вовремя сдавала все письменные работы, но тоже подошла к преподавательскому столу. Выставляя оценки, Сенин без всякого выражения кивнул в мою сторону и произнес: «А Вы хорошо отвечали».

Покидая аудиторию, я остановилась у двери, задержала взгляд на зеленом свитере и произнесла про себя: «Хорошо? Разве это хорошо?! Вот я еще покажу Вам, что такое хорошо!»

Казалось бы, вот он, судьбоносный зачин — но нет, уже в следующем семестре я не устояла перед очарованием Татьяны Григорьевны Архиповой и отправилась писать курсовую под ее руководством. И так бы все и кончилось, не окажись советская эпоха столь мне чужда эстетически — меня неотвратимо влекло в дореволюционную тематику: как сладкоголосые сирены со dna морского, зывали ко мне из глубины веков мои будущие полицейские герои, и этому зову противиться не было сил. Душа моя жаждала полицейщины, однако внятно сформулировать тему мне никак не удавалось. Испробовав все самые рабочие и действенные средства, как то: гадание по стихам и радио, толкование снов, запись обрывков фраз, услышанных между явью и забытием, и, едва не дойдя до гадания по полету птиц и лопатке жертвенного оленя, я внезапно поняла, *чьего* совета мне на самом деле следовало спросить. Для финальной проверки я отправилась слушать лекции А. С. Сенина по истории государственной службы вместе с другим потоком. Проверка эта была предназначена не лектору — с ним мне и так было все понятно (кроме того, почему краткое изложение в конце биографии А. И. Гучкова его авторства написано по-испански¹), но мне необходимо было получить доказательство правильности своего выбора. (Для усиления магического эффекта накануне визита мною был прослушан альбом БГ^{II} «Дети декабря», приобретена пара дореволюционных открыток с паровозами, столь милыми сердцу

¹ Сенин А. С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 248–249.

^{II} В настоящее время — физическое лицо, выполняющее функции иностранного агента.

Александра Сергеевича, и сделана любительская фотосессия в образе Февральской революции).

Лекция шла в привычной манере. Студентки с факультета документоведения чахли над конспектами, я же ждала знак. И ждать мне пришлось недолго. Одна из барышень посреди лекции решила озвучить свое авторитетное мнение о целесообразности повествования об историографии по теме читаемого курса и без капли смущения спросила: «Ну и зачем Вы нам все это рассказываете?» И тут в моих ушах протрубил рог, кони, ощерясь, встали на дыбы, а гончие, рвущиеся с поводков, захлебнулись лаем — возмущение и гнев захлестнули меня с головой, но я, быстро совладав с собой, тут же не без удовольствия отметила, что искомый знак мною получен: самурай опознал своего даймё и, кажется, готов служить верой и правдой.

Прошло еще немного времени, и я принесла свою вассальную клятву, явившись на кафедру и торжественно объявив Александру Сергеевичу о своем неумолимом желании писать у него курсовую, а затем и диплом. Он не выказал ни удивления, ни сожаления, ни радушия, ни заинтересованности, ни досады, ни радости — ни дать ни взять море в абсолютный штиль. Единственная деталь, вполне предсказуемая: к моим наметившимся к тому времени жандармско-полицейским устремлениям прибавился железнодорожный оттенок.

С тех пор я, преисполнившись гордости и благодарности, стала еще усерднее проникаться историей государственных учреждений и ради полного погружения устроилась работать в РГВИА. В контексте будущей научной специализации решение это было сомнительное, но в то время уделять внимание вопросам прагматической пользы казалось мне едва ли не унижительным — мной руководила исключительно жажда мистического опыта. Александра Сергеевича в РГВИА, конечно, все знали, как, впрочем, и много где еще, чем я часто пользовалась: называя с порога имя учителя, я встречала куда более мягкое отношение, чем то, на которое могла рассчитывать.

Летом 2006 года Александр Сергеевич защищал докторскую диссертацию, и уж конечно, я никак не могла пропустить такое мероприятие. Мы с подругой опоздали к началу минут на пять и заняли единственные свободные места в профессорской аудитории Главного здания РГГУ, т. к. поддержать Сенина в такой день собрались многие его коллеги. Более других мне запомнилась Ольга Михайловна Медушевская, с безмя-

тежным и мечтательным видом уплетавшая шоколадку и угощавшая ею своих соседей. От шоколадной фольги по стенам скакали золотые солнечные зайчики. Защита была долгой, торжественной и радостной — ну или такой она запомнилась мне. По окончании мы с подружкой первыми выскользнули из аудитории и разъехались. Я отправилась на дачу, читая в электричке «Московский железнодорожный узел»¹.

И тут, казалось бы, в этой истории должны пойти титры, но нет: как показали последующие события, это снова был фальстарт. Диплом-то я, конечно, написала, но писала я его уже с сыном Федором на руках и без должного старания, т. к. с переменной статуса всякая интеллектуальная жизнь во мне замерла. Когда Александр Сергеевич не пришел на мою защиту, я даже не удивилась: смотреть там и впрямь было не на что. Так, в июле 2008 года я простилась с альма-матер и научным руководителем, как мне тогда казалось, навсегда — с любовью, благодарностью и неисполненным обещанием, о котором, впрочем, никому, кроме меня, и не было известно.

Но жизнь сплетается будто кружево — витиевато, но осмысленно, а искренние привязанности, как компас, бывает, снова влекут тебя в родную гавань. Так получилось и у меня.

Спустя 4 года, проведенных дома с детьми, я стала напряженно размышлять, чем бы мне в жизни позаняться, вызывая к тайным силам бытия и снова прося подать мне знак. Вскоре в один прекрасный осенний день, направляясь на прогулку со своим изрядно пополнившимся семейством, заходя в поезд на «Библиотеке им. В. И. Ленина», я увидела знакомое лицо. Сенин не поздоровался и ничем не дал понять, что вообще меня узнал. Я помялась-помялась, да и подскочила к нему: «Вы меня не узнаете?» — «Отчего же? Я Вас помню», — ответил-вал он. Далее мы раскланялись и каждый поехал по своим делам. А ночью того же дня мне привиделся странный сон: будто живу я в дворянской усадьбе, и ко мне со всей округи съезжаются гости, в числе которых некий жандармский полковник. Мы с ним садимся в открытое ландо и едем кататься по проселочным дорогам, полям и заливым лугам моего имения. И вот мы выезжаем на поляну, посреди которой расположилась большая пасека: цветочный луг, десятки домиков-ульев, над которыми звенят пчелы. Хозяин пасеки, облаченный в молоч-

¹ Сенин А. С. Московский железнодорожный узел. 1917–1922 гг. М., 2004.

но-белый защитный костюм, подходит к нашей коляске, чтобы поприветствовать гостей, поднимает сетку с лица — и я, узнав в нем Александра Сергеевича, просыпаюсь.

Все утро я ходила задумчивая, и тут внезапно у меня перехватило дыхание, в глазах потемнело, и я, ухватившись за дверной косяк, медленно осела на пол. Я почувствовала, будто не смогу больше сделать ни единого вдоха, если сейчас же не приму решение вернуться на некогда предначертанный мне путь. Что ж, иногда судьба оставляет в стороне свои обычные иносказания и говорит ультимативно, и, понятное дело, перечить в таких обстоятельствах не только бесцельно, но и губительно. Одышавшись, я извлекла из ящика стола свою курсовую работу про Особый отдел Департамента полиции с замечаниями Александра Сергеевича. Под оценкой «отл.» его округлым аккуратным почерком было выведено и подчеркнуто: «на будущее» и изложен ряд практических рекомендаций. Скупые слезы покатались из глаз: казалось, никто уже не верил в мое профессиональное будущее, даже я сама, а тот, кого я выбрала своим учителем, когда-то верил и вот даже написал и красной ручкой подчеркнул. На другой день, возвращаясь с детских занятий, я поднялась с коляской по эскалатору на «Площади революции» и подошла к крыльцу Историко-архивного. Там, стоя под мелким морсящим дождем и глядя в темные окна, я со значением произнесла: «Я возвращаюсь домой!»

С первым снегом я явилась на порог кафедры сообщить Александру Сергеевичу о своем решении. Очевидно, наличие младенца у меня на руках не внушало особой уверенности в серьезности моих намерений поступить в аспирантуру. Мне было рекомендовано устроиться в архив и готовиться к экзаменам. Спустя короткое время я опять приехала, чтобы известить учителя, что «пацан сказал — пацан сделал», продемонстрировать корочки ГА РФ, а также свою непоколебимую решимость воплотить задуманное.

Встретившись со мной в последний раз накануне экзаменов, Александр Сергеевич предупредил: «Попробуйте, но учтите, что никто за Вас экзаменационную комиссию просить не будет». «Еще чего! Просить?! Неужели Вы и впрямь думали, что я рассчитывала занять место, которого не заслуживаю?» — подумала я, но вслух произнесла только: «Ну разумеется».

Конечно, на кафедре меня не ждали: кому охота возиться со вчерашней декретницей? Но тем приятнее было заявиться в сентябре

и поставить коллег перед фактом: хотите Вы этого или нет, но я здесь, и я Ваша — такова воля Провидения и моя.

Александр Сергеевич, видимо, решил покориться судьбе и безропотно читал весь тот вздор, который я писала в первые годы своего ученичества. Когда же плоды моих научных усилий перестали быть столь удручающими, он устроил мне несколько «светских выходов» на серьезные конференции и помог пристроить статьи в приличные журналы. Я по сей день благодарна за поистине бескрайнее терпение этого человека: никому другому не удалось бы вырастить дуб из того желудя.

Удивительное дело, но при всей несхожести стиля, темперамента и тематики, не позволяющих стороннему глазу распознать в нас научных «отца» и «дочь», ни один из коллег и покровителей никогда не пользовался таким доверием и не обладал таким влиянием, как человек, которого я когда-то выбрала своим учителем. И потому, когда дело дошло-таки до защиты¹, я испытывала не только приличествующие переживаемому событию облегчение и радость, но и опустошение: «Неужели дальше я пойду одна?» Я знала наверняка, что свободное плавание мне не на пользу: я окажусь в вихре вздорных мнений и тревожных голосов, которым не смогу противиться, и никто не станет меня щадить; мое внимание раздергают, истреблют, я буду соглашаться на все подряд, и дурное, и хорошее, и всякую безвкусицу, и не будет мне отныне ни покоя, ни мира. Эти отчаянные мысли крутились у меня в голове, когда по окончании банкета в честь моей защиты я прощалась с Александром Сергеевичем. Он говорил мне какие-то теплые напутственные слова, но я запомнила только, что мне обязательно нужна книга².

С той минуты прошло много лет, но не было ни дня, чтобы в горе или в радости, в утреннем блеске или под бледным светом неверных звезд я не вспоминала, что «на свете счастья нет, но есть покой и воля», и не хотела бы вновь вернуться к родному порогу.

¹ Лаврёнова А. М. Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880–1917 годах: дисс... канд. ист. наук. М., 2018.

² Лаврёнова А. М. Тонкая синяя линия: жандармы и общество на закате империи. М.; Берлин, 2023.

А. М. Третьяков,
*аспирант Исторического факультета
Историко-архивного института РГГУ*

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИКИ

Наша первая встреча с Александром Сергеевичем Сениным произошла на занятиях. Во время нашего обучения в магистратуре на программе кафедры государственных учреждений и общественных организаций «Государственный аппарат современной России: исторические модели, стратегическое планирование и анализ», он вел у нас четыре предмета: «Государственный аппарат России в XVIII–XX вв.» (дореволюционную часть), «Подготовка исторического исследования» и «Органы управления экономикой России в XVIII–XXI вв.» (дореволюционную часть), «История российской бюрократии XVIII–XXI вв.» (послереволюционную часть). В отличие от многих других преподавателей, Александр Сергеевич не использует привычных презентаций — если его рассказ требует иллюстративного ряда, он пользуется фотографиями, сканами книг и документов. Особенностью этих изображений является то, что, как правило, они не скачаны из интернета, а сделаны им самим во время его путешествий, исследований или посещения различных музеев. Так, например, во время лекции по советскому чиновничеству он нам показывал фотографии машин советских лидеров, запечатленные на выставке.

Кроме того почти на каждой своей лекции Александр Сергеевич задает каверзный вопрос, который требует размышления, и, что уж там, чаще всего ответа он не получает, впрочем, затем сам спокойно на этот вопрос развернуто отвечает.

Помимо материала учебного, он рассказывает и о годах своего студенчества. На одной из своих лекций он вспоминал, как писал диплом и как его рецензент устроил ему разгром, однако, увидев потенциал в его работе, всё-таки поставил ему оценку «отлично». В другой раз Александр Сергеевич рассказывал, как проходил практику в Российском государственном историческом архиве и искал там материал для своего исследования. При этом Сенин был активным студентом и жил

не одной лишь наукой — был бойцом студенческого строительного отряда и летом выезжал на заработки на целину.

Помимо воспоминаний о студенческой жизни, Александр Сергеевич порой делится и курьезными случаями из своего опыта работы историка. Нашей учебной группе запомнилась следующая история. В одну из своих научных поездок в Санкт-Петербург он жил в бывшем здании тюрьмы. И здание тюрьмы атаковали тараканы. Он смог лично вытравить этих незваных гостей из своей «камеры», чтобы продолжать комфортно жить. Также Александр Сергеевич рассказывал нам о своей административной работе в университете, о работе в газете «Гудок» и др.

Несмотря на увлекательные лекции, у Александра Сергеевича очень трудоемкие семинары. На каждом своем семинаре он требует точного ответа. Для подготовки он отправляет нам сканы из книг, которые было невозможно найти в Интернете. При этом он всегда дополняет студента во время ответа на семинаре. Нет предела совершенству студенческого ответа на интересный исторический вопрос, и Сенин всегда стремится помочь отвечающему этого совершенства достичь.

Отдельно я бы хотел выделить его любовь к своим ученикам. Александр Сергеевич часто на своих парах упоминал свою ученицу, которая занимается историей военно-морского флота Российской империи. Он восхищался ею, рассказывал о том, как она ездила в Санкт-Петербург для сбора материалов для своего исследования. Он сильно гордился тем, что она, будучи студенткой 3-го курса бакалавриата, выступала на научной конференции в Институте российской истории РАН. Имени своей ученицы при этом он не называл. Позднее автор выяснил, что речь шла об Анастасии Уваровой.

Что характерно, уже будучи опытным исследователем, Анастасия Дмитриевна с особой теплотой вспоминает не о своих успехах, а о той поддержке, которую Александр Сергеевич оказывал ей и другим студентам в самом начале пути. Для неё запоминающимся было то, как Александр Сергеевич приглашал первокурсников принять участие в конференции кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций «Государственный аппарат России в эпоху войн и революций в первой четверти XX» и предлагал опубликовать свою первую статью по результатам выступления. «Мы тогда только поступили, это был второй месяц обучения, — вспоминает А. Д. Ува-

рова, — и он был первым и единственным преподавателем, который предложил еще только начинавшим свой путь студентам попробовать себя в научной деятельности и приобщиться к этому делу. Такая открытость к не успевшим еще себя ничем зарекомендовать будущим историкам меня очень сильно впечатлила и показала большой пример воспитательного подхода и поддержки студенческой науки. Я сразу же заинтересовалась, т. к. очень хотела попробовать себя в этом. Для меня это был большой шаг, который является ощутимым и по сей день, т. к. преодоление уже на первых порах страха выступлений и наличие опыта в публикации статьи очень помогли мне в том, чтобы заниматься этим и по сей день»¹.

Если наша группа обсуждала труды учеников Александра Сергеевича, то он рассказывал немного о них. Когда на одной из пар обсуждалась статья Анны Михайловны Лаврёновой «Правоохранительные органы в феврале–октябре 1917 года» из сборника «Государственность в России в 1917 г.: власть, общество, территории»¹¹, то он с восхищением рассказывал об успехах автора, научных интересах и о её дружбе с кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций.

При этом он не бросал своих учеников, даже когда сами ученики теряли веру в себя. На защите наших выпускных квалификационных работ выступал один его ученик с темой об управлении транспорта в годы Первой мировой войны. В конце своей речи на защите он немного растерялся и сказал, что «разработка его темы немного не завершена». Но когда наступил момент речи Александра Сергеевича, то он не бросил своего подопечного. Он сказал, что тема очень актуальная, и выводы у работы интересные, и над этой темой нужно продолжать работать дальше.

Практически в каждой своей лекции Александр Сергеевич затрагивает тему транспортного комплекса России. Причем он разбирается в железных дорогах России практически во всех хронологических рамках: от появления их во времена царствования Николая I до современности. Лично мне, как человеку, родившемуся в Архангельске и часто

¹ Автор благодарит А. Д. Уварову за уделенное время при написании этих воспоминаний.

¹¹ Лаврёнова А. М. Правоохранительные органы в феврале–октябре 1917 г. // Государственность в России в 1917 г.: власть, общество, территории. М., 2019. С. 69–107.

пользующемся поездом «Москва — Архангельск», запомнились его воспоминания о поездке именно в этом поезде. Но помимо северного направления железных дорог он вспоминал и другие направления, так как он побывал во многих уголках России.

Я благодарен Александру Сергеевичу Сенину за его занятия и истории, за то, что он провел с нами 2 года нашей магистратуры. Его занятия надолго останутся приятным воспоминанием для меня.

А. Д. Уварова,
*магистрантка Исторического факультета
Историко-архивного института РГГУ*

ОБ УЧИТЕЛЕ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ

В академическом сообществе научная школа является жизненно важной категорией, т. к. она возвращает новые кадры и обуславливает профессиональную преемственность. Большой удачей в жизни для любого исследователя является возможность попасть в начале своего пути в окружение такой школы, которая будет серьезно заниматься твоим воспитанием. Но еще бóльшим везением, которое оказывает огромное влияние на формирование тебя не только как будущего специалиста, но и личности, — это встретить на своем пути настоящего Учителя. Александр Сергеевич Сенин является не только крупнейшим и уважаемым специалистом, посвятившим свою жизнь созданию фундаментальных научных трудов. Александр Сергеевич является высокой личностью, которая занимается воспитанием молодых человеческих душ. К своим научным подопечным он относится с большой вовлеченностью, тактом, уважением и заботой. А сам, будучи чрезвычайно интеллигентным человеком, показывает своим примером, какие внутренние качества должен развивать в себе каждый из нас.

Значение встречи с Учителем осознавалось мною с самого начала знакомства, оно оказало и оказывает на формирование моей личности невероятное влияние. Я уверена, что оно пронесется и через всю мою жизнь. Мне повезло попасть под научное руководство Александра Сергеевича с самого начала моего пути — с первого семестра 1-го курса бакалавриата. С самого первого момента общения и взаимодействия он показал мне высокий уровень академической культуры, который произвел на меня большое впечатление. Восхитила меня также его открытость в приобщении к научному труду по отношению к тем людям, которые еще не успели себя зарекомендовать ни в учёбе, ни в науке. Желая связать свою жизнь именно с научной деятельностью, я сразу же ухватилась за ту возможность, которую предоставил Александр Сергеевич нашему курсу посредством участия в конферен-

ции и публикации своей первой статьи. И помимо самого предложения, в котором чувствовалась большая поддержка первым начинаниям, он оказывал постоянную помощь на протяжении всего периода подготовки. Меня глубоко поразило, как незадолго до защиты курсовой работы в конце 1-го курса он сказал мне, что готов был поставить мне «отлично» только за то, что я уже тогда опубликовала свою первую статью. И такое признание, помощь и поддержка присутствуют с его стороны всегда. Неважно, стоишь ли ты на защите своей выпускной квалификационной работы, выступаешь ли на международной конференции, или представляешь доклад на семинаре, — он всегда готов выслушать твои переживания, найти ободряющее слово, помочь с возникшими трудностями.

Александр Сергеевич всегда предоставляет различные возможности для самореализации своим научным подопечным. Особенно приятно всегда делиться с ним своими успехами и достижениями, рассказывать о новых знакомствах с разными старшими коллегами из академического сообщества и о новых предложениях в рамках науки. Он всегда проявляет большой интерес к тому, чем ты занимаешься, разделяет радость от твоих успехов вместе с тобой и рассказывает о них своим коллегам. Та или иная высокая оценка, которую Александр Сергеевич дает по отношению к моему труду, является для меня самым большим достижением в жизни. Услышать, что твоему научному руководителю было очень интересно прочитать тот или иной текст, что твои выводы выходят на серьезную научную проблему или что твоя поездка в архив, расположенный в г. Санкт-Петербурге, напомнила ему о том, как его научный руководитель и Учитель Н. П. Ерошкин¹ делился со своими учениками впечатлениями и результатами от исследовательской работы в архивах, расположенных в этом же городе, — является самой огромной похвалой, которую только можно получить и которая сильным образом воодушевляет на то, чтобы продолжать заниматься делом дальше.

Но не менее значимыми являются его советы, комментарии и замечания. Здесь также проявляется его полная вовлеченность, старательность, желание помочь ученику. Например, от него можно получить

¹ Ученый-государствовед, основатель и заведующий кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций Московского государственного историко-архивного института (ныне Историко-архивный институт РГГУ).

в распечатанном виде текст твоей будущей статьи с многочисленными подчеркиваниями, с множественными пометками на полях, в которых содержатся предложения по внесению исправлений в текст: что уточнить, что лучше вовсе убрать, где ты допустил серьезные ошибки или в каких местах лучше доработать стилистику. При этом Александр Сергеевич может дать и различные другие рекомендации, в частности относительно того, как сделать текст более понятным для разных читателей, а не только для специалистов в этой области. Столь основательный и кропотливый подход вызывает огромнейшую признательность — то, как готов такой большой профессионал отдавать свое время только на то, чтобы усовершенствовать твою работу, говорит о его полной самоотдаче и включенности в преподавательский процесс. В то же время Александр Сергеевич обладает удивительной способностью преподносить самые серьезные замечания настолько деликатно, тактично и любезно, что после этого не впадаешь в юношеский нигилизм ввиду задетого самолюбия, а принимаешь их с большой благодарностью и стремишься их во всем учесть.

Большое внимание Александр Сергеевич уделяет научной этике. Прежде всего, он обладает такой глубокой внутренней порядочностью, что уже только одним своим отношением к окружающим показывает значимый пример. Почему, исходя только из этого, стараешься перенимать, чтобы соответствовать статусу научной подопечной. Однако он сам, непосредственно, постоянно говорит о важности, необходимости культурного и вежливого поведения в академической среде, про необходимость уметь выстраивать грамотный контакт с различными людьми, работающими в этой сфере. Это те вещи, которые он вкладывает в юные и неокрепшие умы на постоянной основе. И важность этих наставлений заключается не только в том, чтобы знать, как себя правильно вести среди профессионалов, — они учат тому, как следует взаимодействовать с социумом в целом. В этом же отражается и его особый преподавательский стиль — то, что он ко всем студентам, магистрам, и уж тем более аспирантам относится как к своим коллегам, что проявляется как во время самих занятий, так и в межличностной коммуникации.

Отдельно можно отметить и высокую содержательность, фундаментальность тех знаний, которые Александр Сергеевич передает на лекционных и семинарских занятиях. Крупнейший историк во мно-

гих областях, написавший множество трудов и имеющий богатый опыт исследовательской работы, основательно передает образ прошлого, а также делится самым ремеслом историка. Особенно запоминающимися были занятия, посвященные развитию военно-промышленного комплекса Российской империи в XIX — начале XX в., в особенности в преддверии Первой мировой войны, а также курс, посвященный истории российского чиновничества и государственной службы. И большое везение учиться у такого авторитетного специалиста не только как студент на занятиях, но как раз в категориях Учитель — ученик.

В конце 2025 г. Александр Сергеевич, поддерживая меня ввиду возникших трудностей, которые, вероятно, являлись не столь серьезными, но остро воспринимались, сказал мне следующее: «Радуйте меня своими новыми статьями». Эти слова были как нельзя кстати, т. к. как раз в тот момент я готовила втайне от него статью в этот сборник. Наложившиеся в один и тот же момент различные перипетии вызывали у меня большие переживания о том, чтобы суметь воплотить задуманное, и, не зная о том, Александр Сергеевич смог поддержать меня и в этом.

Благодарю своего Учителя за все высказанные мне когда-либо слова поддержки, за постоянную помощь, за возможность учиться у него. Надеюсь, что статья, публикуемая в данном сборнике, сможет его порадовать.

Е. А. Шерemet,
*магистрант Исторического факультета
Историко-архивного института РГГУ*

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ СЕНИН — КОЛОСС РОДОССКИЙ, ОСВЕТИВШИЙ МОЙ ПУТЬ

Я познакомился со своим научным руководителем на 2-м курсе обучения в РГГУ. В то время я «искал себя», пытался прибиться к какой-то теме. Разумеется, у меня было романтическое представление об исторической науке. Мне нравилась славянская история, русско-турецкие войны, Гражданская война, Великая Отечественная... всего не перечислить.

Александр Сергеевич, полный тёзка великого русского поэта и почти однофамилец другого русского поэта советской эпохи, как никто другой помог мне сориентироваться в «буре исторических сюжетов и пристрастий». Я пришёл к нему после пар, рассказал о своих «плавающих» научных интересах. Он внимательно меня выслушал. В тот раз я нажимал на то, что меня интересует XX век, Гражданская война в частности. Но меня штормило: Колчак — гетман Скоропадский — Пилсудский. Верховный правитель России меня интересовал постольку-поскольку, а вот славянские новые государства, выросшие на «обломках империи», были моей страстью. Александр Сергеевич разглядел во мне стремление заниматься славянами, в первую очередь — славянским национальным строительством в период Гражданской войны. Под конец встречи я стал «тянуть одеяло» в сторону гетмана Скоропадского и Польской Республики, и тогда Александр Сергеевич задал мне вопрос: «Евгений Александрович, а что с архивами?» Действительно, я собрался строить свой научный дом без кирпичей и цемента. Как бы я поехал на Украину или в Польшу, в архив, в 2022 году? Ни одно исследование невозможно без прямого привлечения архивных источников в массовом количестве — вот какую истину смог вложить Александр Сергеевич в мою буйную казачью голову, помешанную на всём славянском в тот момент. Мне нравилось изучать поляков

и украинцев, белогвардейцев и даже турок. «Белое движение — уже перепаханное поле», — думал я. Конечно, я мог бы выбрать это направление, но, по правде сказать, не прямо уж горел желанием, а «гайдамаки» и «шляхтичи» недружелюбно настроены к нашей Отчизне в данный момент нашего исторического бытия. К ним в гости не съездишь.

Александр Сергеевич смог найти отличный выход в сложившейся ситуации — Беларусь! Белорусская государственность! Это был компромиссный вариант. Белорусы — славяне, наши союзники и, кстати, своё государство стали активно строить именно в период Гражданской войны параллельно с поляками и украинцами. В Республику Беларусь я мог бы поехать без всяких проблем (и в итоге поехал!).

Александр Сергеевич смог научить меня рационально смотреть на мои «научные хотелки» и превращать их в конструктивное исследование с качественной научной новизной. В работе нужно «разбавлять» свою страсть к теме архивной эвристикой, изучением историографии и источников, а также подходящей методологией. Если нет научно-технического инструментария, даже самая интересная тема обречена на фиаско — это тоже я понял благодаря Александру Сергеевичу.

Тема моей курсовой на 2-м курсе, сформулированная под чутким руководством научного руководителя, звучала так: «Белорусские государственные структуры в 1917–1918 гг.». Я старался работать в постоянной стыковке с Александром Сергеевичем.

Мы виделись с ним примерно 1 раз в 2–3 месяца, однако были постоянно на связи по почте. Он писал много, пространно и конкретно одновременно, абстрактно и точно, с разных позиций. Писал подробно, просматривая работы, которые я ему скидывал. За 4 года он стал своего рода «бацькой»: проверит досконально, подробно выскажет мнение, похвалит и покритикует, даст рекомендации — общение с Александром Сергеевичем всегда проходило под знаком наивысшего качества!

Написание моей первой курсовой работы шло достаточно волнительно и непросто. Меня постоянно тянуло в какие-то дебри и сюжеты, не связанные напрямую с историей государственных учреждений России и Белоруссии. Мне хотелось заниматься пресловутой БНР (Белорусской народной республикой), которая как государство не состоялась, а Белорусская Советская Социалистическая Республика привлекала меня не так сильно. Александр Сергеевич объяснил мне

ещё одну мудрость: история государственных учреждений — это история реальных учреждений, а не идей или каких-то непризнанных неуконплектованных структур. Меня регулярно тянуло не в ту сторону, и Александр Сергеевич постоянно доставал меня из самых разных псевдоисторических зарослей и ставил на верный путь.

Многие мне говорили, что Александр Сергеевич — это фанат и знаток железных дорог, хотя в действительности он специалист куда более широкого профиля. Это обстоятельство, наверное, на меня тоже как-то повлияло.

На примере своего научного руководителя я старался погрузиться как можно глубже в область моих научных интересов. Александр Сергеевич на собственном примере привил мне любовь к моей теме, и я искренне полюбил белорусскую историю. Наверное, белорусская государственность, как и другие славянские национальные движения, не сильно соотносилась с научными интересами моего научного руководителя, но он видел, что мне это нравится, и поэтому взялся курировать мои курсовые работы и выпускную квалификационную работу, а теперь уже и магистерскую диссертацию.

Он обосновал для меня необходимость непрерывности развития своей темы. Кто-то из моих коллег по цеху менял темы как перчатки: сегодня про Россию XX века, а завтра про африканское племя Тумба-Юмба. Александр Сергеевич дал мне прочувствовать ответственность за область моих научных разработок. Он неоднократно беседовал со мной в кабинете кафедры, мы с ним могли говорить по часу. И это с его-то занятостью!

Тема исследования — это как большая любовь — одна на всю жизнь. Развод неприемлем. Любовь к Беларуси пришла ко мне после брака, чистейшее чувство научной привязанности. И сводней между мной и Белорусской государственностью выступил именно Александр Сергеевич Сенин.

Отдельно хочу сказать про то, что он очень уважительно относится ко всем: и к студентам, и к преподавателям. И в письмах, и в разговоре он всегда обращался ко мне на «Вы», называл по имени-отчеству.

Однажды во время очередной консультации Александр Сергеевич сказал мне, что он открывает для себя много нового через мои работы, что я занимаюсь настоящим научным исследованием, которое полезно не только мне и моему студенческому кругу, но и преподавателям,

которые обращаются к белорусской государственнической тематике. Он говорил со мной о своей жизни, рассказывал о своих исследованиях. Происходило это как-то по-свойски, по-домашнему.

Именно Александр Сергеевич объяснил мне «правила игры» — как нужно переходить с одной ступеньки на другую, что ценится в научной среде, как писать научные статьи, как постепенно и успешно двигаться к научным вершинам. Это долгий и тернистый путь, но при поддержке моего научного руководителя я его постепенно прохожу.

Изучение источников и историографии, курсовые и ВКР — это то, что было мне всегда интересно. Но в определённый момент возникла необходимость участвовать в научных конференциях, публиковать статьи и хоть как-то заявить о себе в научном мире. Бакалаврская и магистерская работы — они на правах рукописей, а научная статья — это то, что публикуется для широкого круга и кем-то читается. Помню тот разговор с моим научруком в коридоре 5-го корпуса РГГУ, когда Александр Сергеевич сказал: «Нужно реально смотреть на вещи. Научные статьи дают баллы при поступлении в аспирантуру. Студенческая научная деятельность — это, конечно, хорошо, но нужно ею заниматься не вхолостую».

Под его влиянием я тотально пересмотрел свою научную доктрину и стал участвовать в конференциях кафедры, печататься в журналах и не только.

Июнь 2025 года — это было по-своему переломное время. Госэкзамен уже отгремел, и впереди была защита выпускной работы. Александр Сергеевич ещё в апреле на предзащите сказал, что «моя работа готова к защите хоть завтра». Слово его было настолько авторитетным среди коллег, что они даже не задали мне вопросов. Защита прошла блестяще. Для меня было большой честью то, что Александр Сергеевич на ней присутствовал.

Учась в магистратуре кафедры истории государственных учреждений, оглядываясь назад и обращая взор вперёд, мне хочется сказать искреннее спасибо моему научному руководителю Александру Сергеевичу Сенину, сыгравшему в моей жизни роль Колосса Родосского, учёному, который смог меня убедить, что историк — это звучит гордо, который научил меня «быть историком», а не «мечтать быть историком», и продолжает учить.

В. К. Азаревич,

независимый исследователь, г. Владивосток

«ОТ САМОЙ ДУМЫ ЖДАТЬ ХОРОШЕГО НЕЧЕГО»:

**парламент и жандармский надзор в провинции
(по материалам Владивостокского
охранного отделения)**

В рамках элитистской парадигмы традиционно принято рассматривать Государственную думу Российской империи в качестве своеобразного штаба контрэлиты — той части политического класса страны, что была лишена возможности непосредственно участвовать в управлении страной, но очень хотела этого добиться¹. Такая роль Государственной думы не была секретом для властей, которые силами Особого отдела Департамента полиции и Санкт-Петербургского охранного отделения вели активный надзор за наиболее яркими её представителями и лидерами, вроде А. И. Гучкова². В этой связи интерес представляет то, какие механизмы надзора и контроля использовались политическим сыском в регионах Российской империи по отношению к депутатам, представлявшим их интересы в парламенте. Пробирным камнем здесь представляется Дальний Восток, так как все девять избранных от его областей депутатов в Государственной думе примыкали к левой или либеральной оппозиции³, что позволяет уверенно включить их в состав оппозиционной контрэлиты. В то же время на территории Дальнего Востока в 1907–1917 гг. постоянно действовало Владивостокское охранное отделение с розыскными пунктами в Благовещенске, Никольск-Уссурийском и Хабаровске. Его материалы позволяют увидеть точку зрения местных властей на парламент и парламентариев, а также наиболее предпочтительные, с точки зрения органов безопасности, стратегии поведения по отношению к ним.

I и II Государственные думы выпали из внимания жандармского надзора, поскольку процесс их созыва и роспуска пришёлся на самое начало деятельности организованного политического сыска в Приморской области. В 1906 г. перед Владивостокской крепостной жандармской командой была поставлена задача следить за выборщиками от социалистов-революционеров и арестовывать их при наличии неопровержимых доказательств в осуществлении ими противоправительственной деятельности⁴. Созданное в январе 1907 г. Владивостокское охранное отделение с самого начала было ориентировано, в первую очередь, на надзор за эмигрантскими революционными центрами в Нагасаки и противодействие агитации в гарнизоне Владивостокской крепости и среди матросов Сибирской флотилии⁵. С августа 1907 г. охранка вела активную слежку за военно-революционной организацией эсеров, что привлекло почти все её силы, как и подавление последствий восстания 17 октября того же года⁶. Благодаря этому не замеченными для политического сыска прошли и выборы в III Государственную думу. В результате же этих выборов от Приморской, Амурской и Забайкальской областей были избраны кандидаты, придерживавшиеся леволиберальных взглядов. Сам процесс избрания депутатов сопровождался расколом между эсерами и социал-демократами по вопросу о поведении в связи с выборами. Если изначально левые силы были готовы объединиться, то в итоге эсеры решили использовать предвыборную кампанию для бойкота и провозглашения своих требований, тогда как социал-демократы были нацелены на реальную политическую борьбу. В ряде городов области для проведения своих кандидатов объединялись местные кадеты и октябристы⁷. Однако это не позволяет говорить о наличии единой леволиберальной оппозиции в регионе и, соответственно, единой контрэлиты в конце 1900-х годов. Её настоящее объединение наступило уже в рамках Государственной думы, где депутаты от Дальнего Востока, будучи членами Сибирской парламентской группы, совместно выступали против правительственных проектов о распространении частноземельных отношений в регионе или, наоборот, голосовали за развитие железных дорог, даже если это противоречило программам тех партий, от которых они избирались. Общей платформой для них оставалась лишь оппозиционность по отношению к правительству⁸.

В 1908 г., после разгрома областного комитета РСДРП и нанесения ряда чувствительных ударов по эсеровскому Восточному автономно-

му комитету в Нагасаки, Владивостокское охранное отделение смогло обратить своё внимание на деятельность отдельных парламентариев. Депутат-трудовик от Приморской области Андрей Иванович Шило летом 1908 г. установил связь с группой выборщиков от Удского уезда области и Николаевска-на-Амуре в связи с обсуждением проекта сохранения порто-франко в Приамурье. В рамках этой связи он не только побывал в Николаевске, но и передал несколько брошюр партии трудовиков. Это привлекло внимание Владивостокского охранного отделения, которое по представлению военного губернатора Приморской области возбудило дознание об антиправительственной агитации, для ведения которого в Николаевск выехал чиновник для поручений отделения штабс-ротмистр В. П. Акцынов. Практически сразу же выяснилось, что все переданные брошюры относились к легальным и прокуратура потребовала закрытия дела ввиду отсутствия состава преступления. Но при этом жандармы имели поручение директора Департамента полиции М. И. Трусевича, «не привлекая Шилов в качестве обвиняемого, произвести дознание о его деятельности в возможно полных и широких размерах»⁹. С лета 1908 г. жандармские органы Приамурья приступили к установлению контроля за деятельностью дальневосточных депутатов Государственной думы в интересах Департамента полиции МВД.

Апофеоз политического контроля наступил в 1912 г. во время выборов в IV Государственную думу. Это были первые выборы, проходившие в условиях социально-политического спокойствия, что позволило охранке сосредоточить своё внимание на всех этапах предвыборной кампании.

В январе 1912 г. Владивосток готовился к публичным лекциям популярного дореволюционного публициста и писателя Григория Спиридоновича Петрова. Агентура владивостокской охранки доносила, что эта поездка нужна, чтобы «проверить на местах настроение и ознакомление с деятельностью лиц левого направления к предстоящим выборам, создать на местах настроение в пользу левых, вскрыть идейную несостоятельность правых»¹⁰. Вопреки ожиданиям, лекции Петрова стали яблоком раздора между владивостокскими левыми, а не точкой консолидации. Раскол произошёл по вопросу о месте проведения лекций. Близкие к социал-демократам руководители Дома народных чтений имени А. С. Пушкина настаивали на том, чтобы Пе-

тров читал свои лекции у них, перед более «пролетарской» публикой, в то время как близкие к эсерам представители местной интеллигенции хотели организовать их в Пушкинском театре с расчётом на более широкий охват¹¹. Примечательно, что в расколе по вопросу о месте проведения лекций Петрова широкая молва обвиняла доктора Михаила Залевского, бывшего агентом охранного отделения¹². Приехав в Хабаровск с аналогичным лекционным туром, Петров интересовался у организаторов, каковы настроения местного общества накануне выборов в IV Думу и можно ли ожидать избрания прогрессивных депутатов от Приморской области¹³.

В итоге лекции состоялись в Пушкинском театре. В марте один из руководителей Дома народных чтений Александр Фёдорович Тамм выступил в печати с критической статьёй, в которой назвал эти лекции «провокацией». Такая критика ударила, в первую очередь, по самому Тамму, которого стали подозревать в работе на охранное отделение. Агентура отделения считала (как выяснилось позже — ошибочно), что этот скандал негативно повлияет на репутацию Тамма и лишит его возможности избраться выборщиком от владивостокских рабочих¹⁴. Пристальное внимание охранного отделения к лекциям Петрова и общественному резонансу вокруг них подчёркивает несколько моментов. Жандармские офицеры и их агенты вели целенаправленное наблюдение за подготовкой предвыборной кампании в IV Думу и её ходом. При этом они же прекрасно отдавали себе отчёт в том, что помимо настроений местной общественности огромную роль играет деятельность приезжих эмиссаров общественной контрэлиты — публицистов, журналистов, политиков и общественных деятелей, близких к Государственной думе и её партиям. Более подробный анализ выборов в IV Государственную думу по Приморской области был представлен 10 октября начальником отделения ротмистром Константином Адольфовичем Нагродским в виде доклада о ходе кампании. Донесение жандармского офицера содержит подробные описания и анализ настроений населения области. Например, характеризуя городское население, Константин Адольфович писал, что оно в Приморье крайне неустойчивое, возникло относительно недавно, а его социальная структура представляет собой военно-чиновничью бюрократию, которая выполняет функции высшего класса и обслуживающих его наёмных работников, лиц свободных профессий и иной мелкобур-

жуазный элемент. О последнем Нагородский писал: «...социальное настроение которых пролетарское, малоустойчивое, легко поддающееся агитационному влиянию, таящее в себе явные или дремлющие признаки недовольства своим положением. Группа собственников весьма незначительна, при том же за ничтожным исключением, она почти вся принадлежит к так называемой мелкой буржуазии, непосредственно примыкающей к пролетариату и обычно всюду выступающей его союзником при подъёме протестующего настроения»¹⁵.

Такие настроения он объяснял неустойчивостью городского населения, отсутствием у него укоренённости в Приморье и «бывуачным» характером жизненных интересов. На этом основании начальник владивостокской охранки провозглашал, что городское население Приморской области подавлено наносными внешними влияниями, игнорирует насущные нужды действительности в пользу социально-утопических фантомов, сконструированных под воздействием больших внешних идей. Вместе с тем Нагородский отмечал, что у местного городского населения нет какой-либо сплочённости — все общественные организации, кружки и объединения быстро и легко возникают и так же быстро и легко исчезают¹⁶.

Сельское население жандарм также характеризовал как неустойчивое, не укоренённое в регионе и лишь недавно возникшее. Несмотря на то, что положение крестьян лучше, чем на прежнем месте их жительства, в их социальных настроениях Нагородский также отмечал почву для формирования недовольства. Он писал: «К естественной тоске по родине, по оставленным там насиженным местам присоединяются воспоминания о лишениях в трудном пути, об утрате дорогих лиц, сознание наличной нужды и тяжёлого предстоящего труда на нетронутой почве. К этому присовокупляется, неизбежное на первых порах, разочарование новыми местами потом, что, несомненно, двигаться сюда переселенца заставило ожидание найти несравненно больше, чем может им дать местная действительность»¹⁷. Из этого он делал вывод, что сельское население не обрело ещё свойственное ему в общеимперском масштабе чувство здорового консерватизма. Говоря о возможности какого-либо агитационного воздействия на крестьян области, Нагородский писал: «Для агитационных воздействий, этот элемент, только что сорвавшийся со старых корней и не успевший пустить далеко в глубь новых, тоже даёт благоприятную почву по без-

условному недостатку в нём глубокого, живого, чисто местного консерватизма, которым можно было бы парировать и ослаблять воздействие из противоположного лагеря»¹⁸.

Констатируя, что «города Области во всех тенденциях прогрессивны», вместе с тем Нагродский указывал на полный абсентеизм избирателей. Городские и сельские избиратели считали выборы ненужной комедией без достойных кандидатов, а интеллигенция рассматривает их лишь как способ провести максимально «прогрессивного» кандидата в Думу для дальнейшей критики правительства. Общее настроение населения области характеризовалось фразой «от самой Думы ждать хорошего нечего»¹⁹. При этом он же указывал, что интеллигенция разочарована в Думе, видит в ней лишь «законопослушный» правительству парламент и рассматривает её лишь как трибуну для озвучивания прогрессивных идей и взглядов. Крестьянство же в принципе воспринимало выборы в Думу как обременительную повинность, а к выборам относятся по принципу «нужно выбрать, а кого — и у каждого зарождается мысль: хорошего человека жалко, пострадает, да и бесполезно»²⁰.

Говоря же об отношении левых партий к выборам в Государственную думу, ротмистр Нагродский констатировал, что местные социал-демократы лишены связи с ЦК, поэтому не знают о решениях VI конференции РСДРП в Праге. На VI конференции было принято решение о выдвижении при выборах в Думу как можно более радикальных лозунгов — превращение России в демократическую республику, конфискация помещичьих земель — и отказ от сотрудничества с другими партиями. Не зная об этих решениях, приморские социал-демократы приняли решение бойкотировать выборы в Государственную думу. Логика их заключалась в том, что никакой возможности провести в Думу своего однопартийца у местных социал-демократов нет, оказать поддержку какому-то внепартийному кандидату — значит выдать себя и свои намерения властям, а любые внешние формы бойкота выборов (голодовки, забастовки и т. п.) приведут лишь к арестам. Поэтому приморские социал-демократы решили просто проигнорировать выборы²¹.

Местные эсеры же исходили из того, что выборы в Государственную думу позволят им провести в имперский парламент своего кандидата «исключительно с целью разоблачений», для чего намеревались

выдвинуть такового «под чужим флагом», выдавая его за кадета или прогрессиста²². В целом же, как указывал начальник Владивостокского охранного отделения, активной предвыборной деятельности партии не вели, более того, отделений никаких легальных партий (кроме «Союза русского народа») во Владивостоке и Приморской области не было. В конечном итоге выборщиками от Приморской области были избраны представители прогрессивных политических сил — близкий к социал-демократам Александр Тамм, прогрессивные Евгений Луценко и Сергей Минин, а также Э. А. Гедговд²³.

Начальник охранки признавал, что деятельность правых партий в области не ведётся, их лидеры дискредитированы, а «города Области захвачены прогрессивной агитацией»²⁴. Признавая полное преимущество леволиберальных сил в регионе и прогнозируя их победу на выборах (что и произошло), ротмистр Нагородский вместе с тем не предлагал и не предпринимал никаких мер, направленных на недопуск неугодных кандидатов до выборов. Одной из причин такой популярности было активное участие левых (в первую очередь, социал-демократов) в деятельности институтов гражданского общества — Общества народных чтений, Общества изучения Амурского края, национальных диаспор²⁵. В 1906–1907 гг. власти Приморской области приложили максимум усилий для недопуска до выборов популярного кандидата от социал-демократов Ф. Е. Манаева, что, тем не менее, не помогло предотвратить победу левых сил²⁶. К 1912 г. политический сыск в регионе предпочитал вести наблюдение за оппозиционными силами, фиксируя и методы ведения агитации с их стороны, и общественные настроения. При этом сами выборы характеризовались ими сугубо как механизм проведения оппозиционных активистов в Думу.

Обращает на себя внимание то, что от слежки за отдельными представителями политизированной общественности к 1912 г. Владивостокское охранное отделение (в лице его начальника ротмистра К. А. Нагородского) перешло к попыткам полноценного политического анализа предвыборной кампании. Жандармский офицер пытался не только констатировать определённые общественные настроения, но и проанализировать их, объяснить, почему они принимали именно такие формы. При этом он старался в своём анализе исходить из социально-экономических реалий, а не списывал колебания общественно-го мнения на воздействие каких-то внешних сил.

В марте 1913 г. Константин Нагородский оставил пост начальника Владивостокского охранного отделения и был переведён в Таврическое губернское жандармское управление. Преемником его в должности начальника владивостокской охранки стал его же бывший заместитель ротмистр Евгений Константинович Лалевич. Он пробыл в этой должности с марта 1913 по май 1914 гг. За это время из сколь-либо важных событий, связанных с деятельностью Государственной думы, на Дальнем Востоке произошла совместная поездка депутатов-кадетов Николая Некрасова и Фёдора Родичева в сопровождении депутата-трудовика от Приморской области Александра Русанова осенью 1913 г.

Во Владивостоке Родичев и Некрасов, согласно донесениям агенты, конспиративно встретились с сотрудниками местных газет «Дальняя Окраина» и «Текущий день», а также некоторые общественные деятели, чьи имена остались неизвестны для секретных сотрудников. Кроме приезжих депутатов на этом совещании присутствовал Александр Русанов. Оно было посвящено обсуждению той политической обстановки, которая сложилась в стране к концу 1913 г. Началась же встреча с констатации того факта, что любые громкие выступления в текущей ситуации преждевременны и не приведут к каким-либо позитивным последствиям. В целом же, характеризуя сложившуюся обстановку, Родичев и Русанов сравнивали её с периодом 1903 и 1904 годов, когда рядом забастовок экономического характера было вызвано повсеместное движение политического характера²⁷.

Дальше Родичев выступил с речью, в которой призвал печать во всём поддерживать леволиберальную думскую оппозицию, констатируя факт объединения левого крыла парламента в некое единое целое, для которого особенно важны связи в регионах. О сложившемся политическом моменте Родичев говорил: «Момент требует, если мы только искренне любим родину и народ, чтобы мы пробуждали не министров, а народ, проникнутый теперь ненавистью к правительству больше, чем когда-либо. Вы не поднимайте вопросов партийных: перед вами враг один — правительство, его нужно одолеть общими силами»²⁸. Основной целью думских политиков Родичев называл как можно более широкую агитацию среди широких народных масс, делая особый упор на необходимости ведения такой деятельности в регионах. Как он сам заявлял приморским журналистам и общественни-

кам «для этого мы, депутаты, и решили объездить возможно большие районы для организации связей на местах, для чтения лекций, отчётов и т. п., это связывает и сближает нас с обывателем, поднимает настроение народных масс»²⁹. Главной же задачей он провозглашал создание устойчивой связи между представителями оппозиционной общественности в регионах и депутатами Государственной думы в Санкт-Петербурге.

Во время пребывания в Никольск-Уссурийском (втором городе Приморской области) Родичев неоднократно говорил о необходимости «проснуться от уныния», влиять на деятельность местных обществ в нужном оппозиционным депутатам Государственной думы ключе и быть готовыми к «моменту всеобщего пробуждения». При этом он отдельно указывал на необходимость и желательность создания профессиональных союзов, так как видел в них наиболее эффективный инструмент борьбы с правительством³⁰. Характеризуя жандармский надзор за поездкой Фёдора Родичева по городам Приморской области, стоит отметить, что он был сосредоточен на выявлении того, о чём Родичев говорил представителям местной общественности во время конспиративных и публичных встреч и выступлений. Общая картина, складывающаяся из донесений охранного отделения, показывает, что во время поездки по Приморской области Родичев стремился обзавестись сетью контактов, с целью связать их в некую единую сеть, завязанную на оппозиционную часть Государственной думы. Слова про грядущее пробуждение и нарастающую силу общественно-го движения, которая сметёт правительство, в этом контексте можно понимать двояко. Можно видеть в них всего лишь средство мобилизации сторонников в регионах, можно видеть прямое указание на наличие контрэлитного антиправительственного заговора. Так или иначе, стоит признать, что в 1913 г. представители оппозиционных политических парламентских сил перешли, в рамках своего противостояния с правительством, от активных политических интриг и игр в столице к попыткам создания общеимперской сети контактов с общественными деятелями местного значения. Несмотря на все попытки соблюсти конспирацию, утаить истинную цель этих поездок от политической полиции не удалось.

О наличии связей между регионами и центральным руководством политических партий говорят и агентурные донесения лета 1914 г.,

предоставленные Владивостокским охранным отделением в Санкт-Петербург. Например, агент Никольск-Уссурийского розыскного пункта владивостокской охранки «Каменев» 18 августа 1914 г. сообщил, что в Москве состоялось конспиративное собрание членов РСДРП, ПСР и некоторых членов партии кадетов. Поводом стало получение предложения из Лондона выработать новые партийные директивы в связи с начавшейся войной. По словам агента «Каменева», московское собрание пришло к необходимости по мере возможности поднять в прессе вопрос о политической амнистии, организовать и объединять различные общественные группы и отдельных активистов, начать максимально широкую пропаганду программ всех вышеупомянутых партий, а после первых побед над австро-германскими войсками начать широкую общественную кампанию с требованиями проведения выборов в Думу по «четырёххвостной» системе (всеобщие, равные, прямые и тайные выборы), формирования ответственного перед Думой правительства, включая как коллективную ответственность, так и персональную каждую отдельного министра, расширения законодательных прав Думы, отмены национальных и сословных ограничений³¹. При этом агент указывал, что об этом совещании и его решениях откуда-то известно редактору газеты «Уссурийский край», социал-демократу Николаю Севастьяновичу Арефьеву, который, в частности, осенью 1913 г. встречался с Фёдором Родичевым и участвовал в организации его выступлений в Никольск-Уссурийском.

Конечно, по одному агентурному донесению невозможно определить, действительно ли было такое конспиративное межпартийное совещание в Москве за почти девять тысяч километров от Никольск-Уссурийского, действительно ли оно выработало такие решения или нет. Однако можно уверенно сказать, что у офицеров жандармского надзора в Приморской области летом 1914 г. было сформировано чёткое представление о наличии некоего заговора общеимперского масштаба, ставящего своей целью кардинальные реформы в стране в духе расширения прав Государственной думы, превращения России в де-факто парламентское государство и при этом руководимое депутатами леволиберальной направленности. Контактными же лицами этого заговора в Приморской области жандармы видели участников встреч с Родичевым, на которых якобы уже звучали предложения объединить все оппозиционные силы для достижения поставленных задач по кардиналь-

ным изменениям государственного строя России. Примечательно при этом, что сам Арефьев в частных разговорах озвучивал мысли, что даже в случае победы Антанты правительству России необходимо пойти на как можно более широкие реформы, отсутствие которых чревато революционным взрывом. Взгляды самого Арефьева (и, надо полагать, заметной части общественности) он излагал весьма открыто: «Чем кровопролитнее будет война, тем скорее судьба приблизит нас к свободам и возрождению; стыдно будет перед французами и англичанами, если это не будет так, если русский народ по-прежнему будет коснеть в невежестве и бесправии; рабы со свободными не могут быть в союзе прочном, столь необходимым для народов Европы»³².

Как известно, начало Первой мировой войны сопровождалось подъёмом патриотических настроений, что в своих донесениях отмечали агенты владивостокской охраны, указывая на то, что представители оппозиционной части местной общественности излагают свои взгляды либо в частных кулуарных разговорах, либо в весьма иносказательной завуалированной форме в статьях в прессе. Однако уже в мае 1915 г. началось Великое отступление Русской императорской армии — отход войск из Польши на восток, в глубь страны, продлившийся до осени 1915 г. В августе 1915 г. был сформирован Прогрессивный блок — объединение парламентских депутатов, составившее законодательное большинство. Члены блока выступали с идеями создания «ответственного министерства», подконтрольного Думе правительства. При этом среди сторонников Прогрессивного блока были также и действующие министры царского правительства, что привело к обострению борьбы между бюрократией и общественной контрэлитой, настаивавшей на расширении прав Думы, то есть властного института, полностью ей подконтрольного³³.

Само же Великое отступление спровоцировало рост оппозиционных настроений в обществе, которые находили своё выражение, в том числе, и в усилении интереса к деятельности оппозиционных депутатов. Назначенный в июне 1914 г. начальник Владивостокского охранного отделения ротмистр Александр Гинсбург отмечал рост интереса среди населения области к деятельности Думы с сохранением скепсиса касательно её возможностей³⁴. Помимо этого важную роль в жизни Владивостока и Приморской области стали играть органы местного самоуправления и общественные организации. Так, например, Влади-

востокская городская дума осенью 1914 г. присоединилась к резолюции Всероссийского союза земств и городов (Земгор), выразив полную ему поддержку как общественной организации, помогающей фронту³⁵. Владивостокский военно-промышленный комитет (ВПК), по сообщениям охранного отделения, вместо выполнения своей прямой работы активно вмешивался в вопросы вне своей компетенции, касающиеся, например, сборки американских вагонов во Владивостоке. Считая, что этот процесс идёт слишком медленно, члены Владивостокского ВПК посчитали нужным выразить своё неудовольствие в резолюции, направленной приамурскому генерал-губернатору Гондатти и депутату Государственной думы от Приморья Русанову³⁶.

К концу 1915 г. интерес к Государственной думе у населения Приморья, столкнувшегося с ростом цен на продукты питания и товары, спал, сменившись полным безразличием. Интересно, что при этом больше всего пострадала репутация кадетской партии. Несмотря на то что в Приморье у неё не было своего местного отделения, никто из местных политических активистов не заявлял о себе как о члене или стороннике партии народной свободы. Причиной ухудшения отношения к КДП стало поведение её депутатов в Думе, в рамках Прогрессивного блока. Выступление за создание ответственного министерства было однозначно понято как желание самих кадетов получить доступ к министерским портфелям³⁷. В конце концов успехи Русской армии в начале 1916 г. (взятие Эрзерума и Трапезунда, успешное начало Луцкого прорыва), улучшение экономической ситуации привели к тому, что Государственная дума исчезла из повестки разговоров и выступлений в широких народных кругах населения Приморской области³⁸.

Вместе с тем начальник владивостокской охраны ротмистр Гинсбург отмечал частые визиты депутата Госдумы от Приморской области А. Н. Русанова, в ходе которых тот устанавливал связи с представителями местной общественности — руководством Владивостокского военно-промышленного комитета, представителями кооперативного движения. В своих выступлениях Русанов открыто критиковал правительство, обвиняя его во всех неудачах на фронте и стремлении к сепаратному миру с Германией. По итогам он попросил представителей приамурской общественности регулярно высылать ему материалы о жизни в крае, ссылаясь на то, что это будет символизиро-

вать столь необходимую депутатам поддержку со стороны общества³⁹. В сентябре 1916 г. агентура отделения утверждала, что рабочая группа при Владивостокском ВПК является «ядром будущих эксцессов», которая занимается сплочением различных рабочих элементов. Русанов же выполняет для этой группы роль связного с ЦВПК и думской оппозицией, указывая на необходимость постепенной, незаметной для властей работы⁴⁰. Несмотря на успешную деятельность охраны по аресту революционных агитаторов и предотвращению забастовок, ротмистр Гинсбург считал, что настроение населения выжидательное и что от активного участия в революционных выступлениях его отвращает лишь боязнь немедленного наказания и отсутствие явного лидера⁴¹. При этом деятельность депутата Госдумы А. Н. Русанова описывалась им как однозначно направленная на консолидацию оппозиции в регионе, выстраивание связей с революционными элементами среди рабочих и подготовку к некой дальнейшей работе, в которой он видел возможные беспорядки с требованием дальнейших реформ.

Такие описания поездок Александра Русанова в Приморскую область показывают, что руководство Владивостокского охранного отделения продолжало воспринимать деятельность депутатов Думы в рамках представления о наличии некоего общеимперского заговора, состоящего из руководящего центра, сосредоточенного в оппозиционном крыле парламента, и его союзников-подчинённых, в виде региональных общественных организаций, партий и движений. В своих мемуарах последний начальник Московского охранного отделения Александр Павлович Мартынов писал, что лишь к концу 1916 г. руководство Департамента полиции восприняло всерьёз всю поступающую информацию о подготовке членами Прогрессивного блока государственного переворота с участием руководства армии и общественных организаций, вроде ЦВПК и Земгора⁴². Можно констатировать, что среди хора голосов, сообщивших о подготовке заговора в Департамент полиции, уверенно, но крайне осторожно звучал и голос руководства Владивостокского охранного отделения, пытавшегося указать на взаимосвязь оппозиционно настроенных думских депутатов из Прогрессивного блока, местных, сочувствующих социалистам политических активистов и представителей общественных организаций.

Всё вышеизложенное позволяет проследить динамику отношения политического сыска в регионах к местным депутатам Государствен-

ной думы. Если в 1907 г. у политической полиции не хватало сил на систематическое наблюдение за ними из-за более срочных и неотложных дел (предотвращение агитации и бунтов в войсках, ликвидация их последствий), то после общественного успокоения 1908–1909 годов, по поручениям Департамента полиции, региональные жандармы использовали любой повод для установления надзора за парламентариями и их деятельностью в тех регионах, от которых они были избраны. К выборам в IV Государственную думу 1912 года эта система была отлажена в достаточной степени, чтобы по результатам её деятельности предоставлять аналитические материалы, посвящённые общественным настроениям и политическим предпочтениям населения подопечного региона, его ожидания от выборов в думу и т. п. В конце 1913 г. у офицеров жандармского надзора, на основе агентурных донесений, появилось представление о существовании внутри Думы некоего руководящего центра, пытающегося объединить все общественные организации и активистов для активной политической борьбы против правительства с целью дальнейших реформ. Исходя из этого представления, надзор за парламентариями и их деятельностью в Приморской области стал уже представлять поиск проявлений глобального общеимперского заговора.

В годы Первой мировой войны, несмотря на «священное единение» правительства и оппозиции в начале войны, пристальное внимание к деятельности думских депутатов и их сторонников усугубилось после политического кризиса лета–осени 1915 г. Деятельность парламентариев всё ещё рассматривалась как попытка антиправительственного заговора с целью сформировать сеть своих организаций-сторонников по всей России. Жандармские управления и охранные отделения к востоку от Урала фиксировали отсутствие какой-либо активной революционной деятельности, связи отдельных активистов и групп друг с другом, в том числе и за пределами региона. При этом у них не было возможности для ведения агитации, а те группы, которые переходили к активной деятельности, немедленно арестовывались⁴³. При этом органы политического сыска ограничивались лишь наблюдением, не предлагая каких-либо решительных мер и ожидая таковых от руководства МВД в Санкт-Петербурге⁴⁴. Однако они так и не поступили не только во Владивосток, но и в остальные города Российской империи.

Примечания

- ¹ Куликов С. В. «Революции неизменно идут сверху...»: Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // *Нестор*. 2007. № 11. С. 119.
- ² Гайда Ф. А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 174.
- ³ Саблин И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 57.
- ⁴ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1907 г. Оп. 237. Д. 9. Ч. 81. Л. 2.
- ⁵ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 г. Оп. 316. Д. 825. Ч. 27. Л. 7.
- ⁶ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1741. Л. 1.
- ⁷ Кочеткова И. С. Выборы в Государственную думу на Дальнем Востоке России, 1907–1912 гг. // *Россия и АТР*. 2007. № 2. С. 8.
- ⁸ Сафронов С. А. Участие Сибирской парламентской группы в работе III Государственной думы (1907–1912 гг.) // *Омский научный вестник*. 2012. № 2 (106). С. 16.
- ⁹ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 46. Д. 921. Л. 11.
- ¹⁰ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1912 г. Оп. 242. Д. 9. Ч. 64. Лит. Б. Л. 4.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1912 г. Оп. 242. Д. 5. Ч. 64. Лит. Б. Л. 1.
- ¹² ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 680. Л. 6.
- ¹³ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1912 г. Оп. 242. Д. 5. Ч. 64. Лит. Б. Л. 19 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 23.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф. 102. 4-е д-во. 1912 г. Оп. 121. Д. 130. Ч. 55. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Л. 2.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Л. 3.
- ¹⁹ Там же. Л. 2 об., 4.
- ²⁰ Там же. Л. 4.
- ²¹ ГА РФ. Ф. 102. 4-е д-во. 1912 г. Оп. 121. Д. 130. Ч. 55. Л. 5.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Л. 6.
- ²⁴ Там же. Л. 3 об.
- ²⁵ Макаручук С. В. Социал-демократы и институты гражданского общества на Дальнем Востоке России, июнь 1907–1910 г. // *Вестник Томского государственного университета: история*. 2012. № 4 (20). С. 144.
- ²⁶ Кочеткова И. С. Выборы в Государственную думу на Дальнем Востоке России, 1907–1912 гг. // *Россия и АТР*. 2007. № 2. С. 5.
- ²⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 5. Ч. 64. Лит. Б. Л. 72.
- ²⁸ Там же. Л. 73.
- ²⁹ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1913 г. Оп. 243. Д. 5. Ч. 64. Лит. Б. Л. 73.
- ³⁰ Там же. Л. 75.
- ³¹ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1914 г. Оп. 244. Д. 5. Ч. 64. Лит. Б. Л. 118.
- ³² Там же. Л. 124.
- ³³ Куликов С. В. «Революции неизменно идут сверху...»: Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // *Нестор*. 2007. № 11. С. 145–146.
- ³⁴ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 245. Д. 167. Ч. 64. Л. 3.
- ³⁵ Там же. Л. 5 об.
- ³⁶ Там же. Л. 7 об.
- ³⁷ Там же. Л. 13.
- ³⁸ Там же. Л. 35.

³⁹ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 245. Д. 167. Ч. 64. Л. 20 об. — 22.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1916 г. Оп. 246. Д. 5. Ч. 64. Лит. Б. Л. 49 об.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 245. Д. 167. Ч. 64. Л. 49.

⁴² Мартынов А. П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: воспоминания руководителей охранных отделений / вступ. статья, подгот. текста и коммент. З. И. Перегудовой. Т. 1. М. : Новое литературное обозрение, 2004. С. 383.

⁴³ Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. С. 20.

⁴⁴ Заварзин П. П. Жандармы и революционеры // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / вступ. статья, подгот. текста и коммент. З. И. Перегудовой. Т. 2. М. : Новое литературное обозрение, 2004. С. 118.

А. Б. Астахов,
*профессор, доктор исторических наук, доцент
кафедры истории России Средневековья и Нового
времени Историко-архивного института РГГУ*

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЗЕМСКИЙ СОЮЗ, 1914–1918: опыт работы на оборону общественной организации в тотальной войне

Деятельность Всероссийского земского союза продолжает оставаться в центре внимания историков Февральской революции, обвинявших эту организацию, с одной стороны, в неэффективности ее работы для обороны, а с другой — в «подрывной» деятельности против существовавшего царского правительства, что привело в конечном счете к Февральскому перевороту и приходу либералов к власти во главе с председателем Земсоюза Г. Е. Львовым. В данной статье наиболее полно представлены итоги работы на оборону Земсоюза во время Первой мировой войны, имевшей характер тотального военного конфликта.

Всероссийский Земский союз (далее ВЗС) — общественная организация для помощи больным и раненым воинам Русской армии и решения социальных проблем в русской провинции, вызванных Первой мировой войной (1914–1918 гг.). ВЗС являлся преемником подобной же Общеземской организации, действовавшей для помощи больным и раненым воинам в годы Русско-японской войны и после нее, помогавшей также сельскому населению в борьбе с голодом, вследствие неурожая, переселенцам, погорельцам, в проведении столыпинских аграрных реформ¹.

ВЗС был создан 30 июля 1914 г. на учредительном съезде уполномоченных 35 губернских земств: по одному от управы и земского собрания. Съезд избрал Главный комитет и Главноуполномоченного Г. Е. Львова, руководителя Общеземской организации, также вошедшей в состав ВЗС. Земсоюз являлся первой общероссийской организацией фактически всех земств. 25 августа 1914 г. царем было издано

разрешение на работу ВЗС только на период войны. ВЗС существовал под эгидой Российского общества Красного Креста, но был от него независим в финансовом, организационном и деловом отношениях².

В союз входили 42 (из 43 общего количества) губернских земств, включая казаков Донской, Кубанской и Терской областей³, а также 312 (из 440 общего количества) уездных земств⁴. Население земств, входивших в ВЗС, составляло 112,5 млн чел. (из 171 млн общего числа жителей России), из них 98,2 млн — сельское⁵. Организационную структуру союза составляли представители съездов уполномоченных губернских земств. Съезды определяли важнейшие задачи союза и выбирали исполнительный орган — Главный комитет. Местными органами союза являлись земские губернские и уездные собрания, которые создавали комитеты и комиссии для решения конкретных задач⁶. В реальности Главный комитет распоряжался всеми финансами и действиями местных земств⁷.

Часть комитетов, отделов и комиссий Главного комитета ВЗС являлись совместными с Всероссийским союзом городов: Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов (Земгор), Отдел Всероссийских земского и городского союзов по устройству беженцев (Собеж), включая Детский подотдел и Всероссийское бюро труда, Объединенная организация помощи русским военнопленным Всероссийских земского и городского союзов и Московского городского общественного управления, Объединенная санаторно-курортная комиссия, Объединенная психиатрическая комиссия, Исполнительная комиссия съезда статистиков (занималась разработкой, проведением и обработкой данных всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.), Центральный комитет общественных организаций по продовольственному делу.

По своему составу Земсоюз отражал «цензовый», помещичий, характер земских учреждений, однако в его комитеты и комиссии на высшем уровне и на местах назначались многочисленные представители так называемого «третьего элемента» — служащие земских управ (земские статистики, работники страхования, почты, учителя, агрономы, врачи и т. п.)⁸. Эта категория служащих не нуждалась в утверждении со стороны властей, что превращало ВЗС в орган взаимодействия цензовых (буржуазно-помещичьих либеральных, октябристско-кадетского толка) и нецензовых (сельской интеллигенции, разночинцев, со-

циалистической, неонароднической окраски) элементов под главенством цензовых групп земств.

В Земсоюзе насчитывалось 230 тыс. человек, из которых на театре военных действий было 178 тыс.⁹ На фронте работали бывшие учащиеся учебных заведений, кооператоры, хозяева-собственники и рабочие, чиновники. По национальной принадлежности это были русские, поляки, литовцы, латыши, евреи. Во внутренней России в учреждениях союза работали крестьяне, мещане, дворяне, почетные граждане, купцы. В союзе в основном работала молодежь 20–30 лет, множество женщин, как правило со средним и высшим образованием¹⁰. Руководящий состав союза представляли земские деятели, опытные работники местного самоуправления, ученые (экономисты, юристы), преподаватели, врачи, предприниматели, служащие.

Первый год своего существования ВЗС работал исключительно в деле помощи больным и раненым. ВЗС содержал самое большое количество госпиталей — 2 300, или 32% от всего их количества¹¹. К госпитальному делу были привлечены все силы земств: губернские, уездные, сельские больницы¹². В течение всей войны ВЗС лидировал среди общественных и частных организаций в количестве больничных коек, составлявших на 1917 г. 198 863, или около 19% от их общего количества¹³. Подавляющее большинство коек ВЗС предназначалось для долечивания тяжелобольных воинов (40–50 дней) глубоко в тылу¹⁴. Уже в 1915 г. военные власти признавали, что только благодаря учреждениям союзов, включая ВЗС, недостатка в больничных койках не ощущалось¹⁵. Кроме госпиталей, ВЗС организовал на фронте 21 врачебно-питательный отряд, 47 мелких (летучки) команд санитаров для работы непосредственно на передовой линии. Они действовали в период усиленных военных операций: снабжали солдат и население пищей, перевозили их в госпитали, лечили. В 1917 г. появились подвижные транспорты: конные, автомобильные, вьючные (на Кавказе)¹⁶.

Для вывоза больных и раненых воинов с театра военных действий ВЗС содержал на 1917 г. 75 поездов¹⁷, предоставленных военными властями, но полностью содержавшихся силами союза. За всю войну Земсоюзом было перевезено 2256 тыс. раненых и больных, т. е. 50% от их общего количества¹⁸.

Всего Земсоюз имел на фронте 7728 учреждений: комитеты, столовые, транспорты, поезда, мастерские, склады, земские лавки, пекар-

ни, прачечные¹⁹. Громадная работа проводилась Земсоюзом по снабжению больных и раненых в госпиталях и поездах бельем, теплой одеждой. Была организована закупка медикаментов²⁰, лекарств, хирургических инструментов, перевязочных средств. Была создана сеть ремонтных мастерских, складов, налажен розыск помещений для госпиталей в разных городах²¹.

ВЗС строил сам закройные мастерские, чтобы не переплачивать деньги при покупке белья. Для пошива белья привлекали кооперативы, организовали мелкие предприятия, на которых работали десятки тысяч нуждающихся женщин, в основном солдаток. С приходом зимы в 1915–1916 гг. ВЗС взял на себя снабжение больных и раненых, а затем и солдат на фронте теплой одеждой²².

Номенклатура объектов деятельности Земсоюза была обширной: госпитали, склады, временные госпитали и амбулатории, врачебно-питательные пункты, чайные, бани и банные отряды, обозы, врачебно-питательные отряды, авто- и велотранспорт, прачечные и прачечные отряды, санитарные поезда, суда и железные дороги²³.

ВЗС наладил собственное производство термометров, японских дезинфекционных камер и разных предметов сантехники. Была организована заготовка белья для коек, меховой одежды, шапок, валенок, перчаток, носильного белья для воинов, халатов для разведчиков, противогазов. Все предметы для армии изготавливались в московских мастерских. Для их производства были привлечены жены солдат, работники попечительств, арестанты тюрем, члены кооперативов, учащиеся гимназий, служащие монастырей, кустари. Всего для интендантства были изготовлены 202 млн вещей, над выработкой которых работали 50 тыс. человек²⁴. Для доставки больных и раненых на фронт, обеспечения их снаряжением был создан целый автопарк, включая 1 000 легковых, 150 специальных санитарных, 400 грузовых машин, 300 мотоциклов, 10 тракторов²⁵. Союз создал собственный флот на Днепре и его притоках²⁶.

На всех фронтах были созданы комитеты ВЗС, где работали около 5 тыс. учреждений (на 1917 г.) и 178 тыс. служащих. На фронте были организованы бани, прачечные, парикмахерские, амбулатории, зубоврачебные кабинеты, столовые, солдатские лавки²⁷. Была развернута сеть складов (белья, медикаментов и др.), мастерские: ремонтные, автомобильные, слесарные, кузнечные, столярные, плотничные, починочные для наиболее ходовых предметов: кипятильников, котлов,

повозок, сапожные. Были построены целые заводы: лесопильные, чугунолитейные, мыловаренные, кожевенные; фабрики: консервные, механической обуви, молочные фермы, скотобойни. Организована заготовка кож, продовольствия для солдатских лавок, закупка медикаментов за границей, сапог (3 млн пар), ботинок (1,7 млн пар)²⁸. Вездесущая, активная, новаторская деятельность работников ВЗС сделала из них «Робинзонов театра военных действий»²⁹.

Второй проблемой на фронте были беженцы, общее количество которых в годы войны оценивалось в 10–15 млн. Большинство их осталось на театре военных действий, но около 3 млн беженцев двинулись во внутреннюю Россию. Это породило массу проблем: с весны 1915 г. беженцы заполнили дороги, по которым шли на фронт войска и осуществлялось снабжение армии. Они явились очагами множества заразных болезней. Армия и гражданские власти обратились к ВЗС за помощью³⁰. Начиная с июня 1915 г., ВЗС развил активную помощь беженцам по просьбе самих властей: военных и местных. ВЗС по пути движения беженцев организовал врачебно-санитарную помощь, склады необходимых предметов³¹. Была налажена система питания, помощь в следовании по железнодорожным, сухопутным и речным путям, устроены амбулаторные пункты, заслоны от эпидемий (фильтрационные пункты, бараки для заболевших), юридическая помощь, больницы, ясли, временные приюты для осиротевших или затерявшихся детей, обследование нужд беженцев, снабжение их квартирами, топливом, одеждой, бельем, обувью, питанием, приискание им работы, помещение в больницы и т. д.³²

Решение проблем с беженцами, однако, наткнулось на противодействие властей, не желавших отдавать эту сферу деятельности обществу. В результате с октября 1915 г. забота о беженцах на фронте и в тылу переходит к ведению бюрократии, имевшей финансы и организационные возможности. Однако помощь беженцам продолжала оказываться ВЗС на местах, в провинции, на собственные средства, в рамках объединенного отдела ВЗС и ВСГ помощи беженцам (Собеж). Собеж наладил регистрацию беженцев, учредил центральное справочное бюро по их розыску, организовал Всероссийское бюро труда³³. Однако весной 1916 г. из-за недостатка средств Собеж прекратил свою деятельность, хотя осуществлял отдельные виды помощи беженцам по просьбам местных властей³⁴.

Большая работа проводилась ВЗС против эпидемических заболеваний (дизентерия, холера, тиф и др.), распространившихся на фронте, а затем и внутри России с зимы 1914/1915 г. Еще весной 1915 г. ВЗС разработал общий план борьбы с инфекционными болезнями. На фронте были созданы эпидемические и прививочные отряды, бактериологические лаборатории, организовано снабжение армии водой, созданы специальные госпитали-заслоны на распределительных пунктах, сделаны массовые (5 млн) предохранительные прививки³⁵. Особенно важны были организация водоснабжения, канализации, санитарный надзор за группами населения, устройство дезинфекционных установок³⁶. Однако власти и здесь отказывались передать в ведение ВЗС всю работу по борьбе с эпидемиями, выдавать средства на ее проведение, опасаясь роста популярности общественности³⁷. Борьба с различными заболеваниями среди населения была признана не входящей в сферу деятельности ВЗС³⁸.

В целом в сфере помощи больным и раненым воинам ВЗС действовал как на собственные средства (10–12 млн руб.)³⁹, так и на средства государства. На май 1916 г. финансовые вливания в Земсоюз равнялись 121 125 руб., что составляло 83,7% от общего количества средств, находящихся в распоряжении союза. В этом отношении Земсоюз ничем не отличался от других благотворительных и ведомственных организаций, также использовавших в своей деятельности средства государства, которые составляли до 80–90% всех привлеченных средств⁴⁰. На 1 сентября 1917 г. средства государства, выделенные Земсоюзу, составили 830 млн руб.⁴¹

ВЗС оказывал также немалую помощь российским солдатам, находившимся в плену. Особый отдел ВЗС помощи военнопленным с ноября 1915 г. наладил регистрацию, наведение справок о местонахождении военнопленных, организовал пересылку посылок и денежных переводов, продуктов непосредственно из России, а также из стран-союзниц и нейтральных государств, сбор пожертвований⁴².

По размаху своей деятельности ВЗС являлся громадным военно-санитарным ведомством, «вторым интендантством», «государством в государстве»⁴³. Особенностью его работы было развитие элементов муниципальных учреждений, которые могли пригодиться и в мирной жизни, «работе на будущее»: создание санитарной, путей сообщений инфраструктуры, исследование проблем провинции, издательское

дело, почта, медикаменты, почилочные мастерские для сельскохозяйственных машин, машинно-подвижные склады, заводы, связанные с агрономическими мероприятиями: мукомольные предприятия, мельницы, крахмальные, кожевенные, овощесушильные, консервные, маслодельные и др., тем более на кооперативных началах, заводы по производству удобрений, сельскохозяйственных машин и орудий и т. п.

В рамках деятельности Земсоюза происходила активизация всех общественных сил для решения социально-экономических задач: использования природных богатств края и поднятия благосостояния местного населения. В ВЗС в годы войны налаживалась сфера социальных услуг для будущего послевоенного земства: помощь увечным воинам, организация центральных колоний для призрения сирот воинов, различных курсов, мастерских для увечных, разрабатывались планы демобилизации, госпитальной сети⁴⁴.

Большая работа была проведена в рамках Главного по снабжению армии комитета всероссийских Земского и Городского («Земгор», создан 10 июля 1915 г.). Силами ВЗС была проведена мобилизация мелкой и кустарной промышленности, объединение при посредстве земств технических сил страны. ВЗС принимал участие в эвакуации промышленных заведений с театра военных действий. По заданию интендантства изготовлялись предметы боевого снабжения и снаряжения армии: повозки, сбруя, колеса, кухни, подковы, брезенты, ранцы, седла, а также предметы артиллерийского и военно-технического снабжения: бомбометы, ручные гранаты, шанцевый инструмент, полевые телефоны, снаряды. Для этого были построены собственные предприятия⁴⁵. Всего ВЗС получил заказов на 242 млн руб. на 1 февраля 1917 г., но выполнил на 80 млн из-за нехватки сырья и материалов⁴⁶. ВЗС кормил на фронте 300 тыс. окопных рабочих⁴⁷, создал военно-строительные дружины для строительства укреплений, мостов, дорог⁴⁸.

ВЗС принимал участие в решении социально-экономических и хозяйственных проблем России. Важнейшие из них: нехватка рабочих в деревне, проблема уборки урожая⁴⁹, забота о жертвах войны, помощь семьям запасных, борьба с алкоголизмом, организация работы кооперации, особенно в области реализации урожая, помощи беженцам. Эти вопросы не были предусмотрены существовавшим Положением о земстве⁵⁰, но являлись актуальными для деревни и провин-

ции. Их решение включало налаживание дела попечения о беженцах, решение вопроса нехватки работников в сельском хозяйстве, образование структуры попечительств помощи сельскому населению, развитие деятельности кооперативов, не контролируемых властями, для чего был необходим кооперативный закон. Необходимость решения этих вопросов втягивала Земсоюз в «политику», объединяло их с требованиями «Прогрессивного блока». Они включали введение волостного земства, изменение Земского положения 1890 г., издание закона о земских и городских съездах и союзах⁵¹. Во время войны продолжалась работа земств под руководством ВЗС в привычных областях: медицине, образовании, агрономии, лечебно-госпитальном деле, закупке и производстве медикаментов для земских лечебниц⁵².

Острой оставалась проблема дороговизны продуктов и предметов первой необходимости, особенно в непродовольственных губерниях, приостановка предприятий в связи с отсутствием сырья, расстройство транспорта, мобилизация и реквизиции транспорта, скота, хлеба для военных нужд в прифронтовых губерниях. Земсоюз не уклонялся от участия самих властей в решении указанных проблем: закупке продовольствия для районов с его нехваткой, устройстве беженцев, борьбе с эпидемиями, мерами против сокращения посевной площади и вообще против упадка сельского хозяйства, агрономической помощи, уходе за семьями мобилизованных. Особенное внимание ВЗС уделял деятельности мелких единиц, волостных комитетов, как наиболее близко стоявших к интересам населения, требуя их легализации в рамках закона о волостном земстве⁵³.

Для решения социально-экономических проблем на «экономических совещаниях», созданных при Главном комитете ВЗС 28–30 апреля и 21–22 июля 1916 г., обсуждались планы, которые были разработаны в Экономическом отделе (создан согласно постановлению съезда уполномоченных 14 апреля 1916 г.) и включали следующие пункты: проведение переписи сельского хозяйства, организация реквизиции скота, принятие мер по расширению посевной площади. Непременным условием решения этих вопросов деятели Земсоюза полагали объединение земств, привлечение кооперативов, создание мелких сельских органов⁵⁴.

Параллельно Земсоюз пытался участвовать в решении вопросов, непосредственно вызванных войной, например в сфере оказания по-

мощи инвалидам войны, где власти также отказывали в сотрудничестве Земсоюзу и вообще общественным организациям⁵⁵. Власти противились даже содействию ВЗС в решении проблемы помощи душевнобольным, отвергнув план особой психиатрической комиссии при союзах⁵⁶.

Несмотря на это общественники-земцы не прекращали заниматься решением гуманитарных проблем. Так, земства создавали приюты для детей, лишившихся родителей, ставились вопросы развития библиотечной сети, вообще образования на селе, организации «народных домов» (типа домов культуры, клубов)⁵⁷. ВЗС оказывал помощь населению театра военных действий: доставлял продовольствие, строительные материалы для восстановления жилья⁵⁸.

Важнейшей проблемой для ВЗС в деле помощи населению был продовольственный вопрос. Он касался производства и равномерного распределения хлеба. Его решение влекло за собой проблему дороговизны на промышленные товары, а также вопроса о земле. Программа решения продовольственного вопроса ВЗС сводилась к государственной организации сбора и распределения главнейших продуктов, отмене свободного рынка его продажи, созданию аппарата из местного сельского населения (волостные земства), установлению монополии на главнейшие промышленные товары повседневного спроса и топливо, введение мер регулирования транспорта. Такая программа была близка программе Всероссийского союза городов и отвечала нуждам широких масс населения⁵⁹. Эти мероприятия в целом повторяли уже введенные на Западе участниками войны меры по регулированию рынка и распределению товаров первой необходимости для широких масс потребителей. Они рассматривались как естественные меры, вызванные тотальной войной.

В течение войны постоянно возникали разногласия между ВЗС и правительством. Они касались главным образом противодействия правительства расширению деятельности ВЗС на многочисленные сферы жизни страны. Так, власти пытались ограничивать финансирование ВЗС операций на фронте, но уступали под нажимом военных. Военные власти всегда подчеркивали значение вклада ВЗС в деле помощи больным и раненым воинам, называя ее «серьезной» и признавая неспособность силами одного ведомства с ней справиться⁶⁰. Но при этом для властей был неприемлем размах борьбы ВЗС, напри-

мер, с эпидемиями, что затрагивало сферу здравоохранения, контролируемую властями. Власти не принимали единого плана ВЗС и ВСГ борьбы с эпидемиями, разработанного еще в сентябре–октябре 1914 г. Кроме того, власти отказывали ВЗС в его стремлении взять на себя дело инвалидов войны, не принимали планов союзов, даже не позволяли делать протезы⁶¹. При этом сами власти упускали из своих рук одно дело за другим, не имели необходимого аппарата, не в состоянии были освоить новые задачи, не могли организовать дело на нужном уровне, но при этом ревниво относились к Земсоюзу и в целом к ответственности в деле решения проблем, вызванных войной, боясь роста их влияния и полномочий. Только медико-санитарное дело оказалось прочно в руках общественности из-за поддержки союзов военными. Крупные недостатки имелись в хлебных поставках, производившихся властями, реквизиции скота. Земсоюз и Согор ставили вопросы организации экономики во всей широте. Но все ограничилось планами, так как нужна была государственная власть для их реализации⁶².

Политические разногласия между властью и обществом, включая ВЗС, выросли из отношения союзов к своим обязанностям по обороне страны. Сначала ВЗС был строго лоялен к власти, ограничиваясь делом помощи больным и раненым воинам. Однако с весны 1915 г. общественность стала обвинять власти в недостаточной способности провести мобилизацию страны, одновременно государство ограничивало инициативу союзов, рассматривая их деятельность как покушение на само существование власти. Столкновение произошло в ходе собрания уполномоченных ВЗС, в марте 1915 г., когда союзы потребовали передать им дело борьбы с эпидемиями⁶³. Третье собрание уполномоченных ВЗС (по телеграфу) 5 июня 1915 г. прошло уже под знаком открытой оппозиции власти, которая отказывалась сотрудничать с обществом. Делегаты съезда критиковали правительство за нехватку амуниции, оружия, отступление на фронте, требовали объединения усилий правительства и общества, созыва Государственной думы, создания правительства общественного доверия. На 4-м съезде 7 сентября 1915 г. земцы вновь потребовали от правительства сотрудничества между правительством и народом и решили послать, вместе с Союзом городов, специальную депутацию императору, с требованием создания правительства, пользующегося доверием страны и поддерживаемого Прогрессивным блоком⁶⁴. 5-й съезд Земсоюза, на-

меченный на декабрь 1915 г., вообще не был разрешен. На 6-м съезде Земсоюза в марте 1916 г. было отмечено увеличение пропасти между правительством и обществом. Впрочем, по политическим вопросам съезд продолжал занимать умеренную позицию создания правительства общественного доверия. 7-й съезд 9 декабря 1916 г. принял резкие политические заявления в адрес правительства и был им в ответ распущен⁶⁵.

При этом в конце 1916 г. года в Земсоюзе отмечалось усиление радикальных настроений среди служащих комитетов при земствах, придерживавших левых настроений⁶⁶. К этому времени в стране утвердился огромный авторитет ВЗС, популярность его руководителя Г. Е. Львова, умевшего организовать, «найти средства», помощников. Г. Е. Львов рассматривался в обществе кандидатом № 1 на будущий пост лидера России. В обществе и среди населения пользовался популярностью сам стиль лидера Земсоюза, отличавшийся демократизмом и одновременно деловитостью, сочетавшейся со светскостью в отношениях с военными и бюрократией. Этому соответствовала и форма работников ВЗС: полувоенный френч без армейских знаков, но являвшийся символом мобилизованной общественности.

Накануне 1917 г. особенно обострился продовольственный вопрос. В ВЗС его решение разрабатывала группа неонароднических экономистов. Они выступали против капитализма, государственного социализма и анархического коммунизма, делая ставку на крестьянское трудовое хозяйство. В их план входило государственное регулирование главнейших отраслей промышленности, создание единого министерства снабжения с представителями общественности и прогрессивной бюрократии, введение государственной монополии на хлеб, топливо, транспортные перевозки, образование районных и волостных органов с участием общественности и кооперации, введение плановых перевозок на всех виды транспорта, распределение продуктов среди населения вплоть до введения имперской карточной системы⁶⁷.

ВЗС приветствовал Февральскую революцию. Часть его отделов (экономический, юридический) вошли в состав аппарата Временного правительства, а некоторые видные земцы вошли в состав правительства. Глава ВЗС Г. Е. Львов получил посты председателя Временного правительства и министра внутренних дел. Многие работники ВЗС стали или комиссарами Временного правительства на местах, или со-

ставили часть аппарата губернского земского и уездного управлений. Но это не сняло проблему противостояния между «обществом» и левонастроенными провинциальными низами: для Львова это были лучшие местные люди, а для населения — ненавистные «цензовики», получившие мандаты в земских собраниях по имущественному цензу⁶⁸.

Временное правительство провело реформы, составлявшие программу ВЗС: приняло закон о земской реформе (21 мая 1917 г.), ввело волостное земство, легализовало деятельность кооперативов, демократизировало выборы в органы местного самоуправления. В стране была введена хлебная монополия, на местах возникли продовольственные комитеты с целью распределения продуктов, а также подготовки аграрной реформы.

Октябрьскую революцию ВЗС встретил враждебно. В начале ноября 1917 г. ВЗС ненадолго возглавил сопротивление органов местного самоуправления новым властям, примкнув к Комитету спасения Родины и революции. 23 декабря 1917 г. (5 января 1918 г.) был принят декрет СНК, предусматривавший передачу всего имущества ВЗС в собственность Российской Республики. Главный комитет переизбирался с задачей готовиться к ликвидации⁶⁹. В начале 1918 г. собственность ВЗС на фронте была захвачена частично немцами и частично большевиками⁷⁰. Весной 1918 г. было ликвидировано большинство земских самоуправлений на местах, что подорвало поддержку Главного комитета. К третьему съезду Советов был ликвидирован Главный комитет Земсоюза, а его отделы стали вливаться в советские учреждения⁷¹. Но в последующие месяцы власти работали с оставшимися учреждениями ВЗС, помогая Красной армии и получая средства на содержание больных и раненых воинов. С апреля 1918 г. стал действовать Объединенный комитет Всероссийских земского и городского союзов, постепенно передававший свои отделы советским наркоматам. «Совершенно и окончательно» союз был ликвидирован только 1 марта 1919 г.⁷² В ноябре 1919 г. ВЗС как организация прекратила свое существование, а ее лидеры и ведущие работники отправились в эмиграцию.

Выводы

Всероссийский земский союз явился наиболее обширной общественной организацией, взявшей на себя широкие задачи помощи больным и раненым воинам Русской армии. В своей деятельности

работники союза, главным образом представители интеллигенции, «третьего элемента», проявили патриотизм, самоотверженность, неутомимую энергию, что позволило решить основные проблемы помощи больным и раненым, а также борьбы с заразными заболеваниями на театре военных действий Русского фронта, социальной помощи на селе. Такая деятельность могла бы принести еще больший эффект в случае единства в их решении с властями, широкими слоями населения, стоявших, однако, в своей основе на антивоенных позициях. Деятельность Земсоюза оказалась ценным опытом решения социально-экономических и в целом гуманитарных проблем. Но этот опыт оказался важным уже в другой социально-политической реальности: в Гражданской войне, в условиях послевоенного времени Советской России, а также для мобилизации общества и всего населения в другом тотальном военном конфликте — Великой Отечественной войне.

Примечания

- ¹ Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. Январь 1916. М., 1916. (далее: Краткий очерк...). С. 6.
- ² Полнер Т. И. Жизненный путь Г. Е. Львова. М.: Русский путь, 2001 (далее: Полнер Т. И., 2001). С. 251–255; Polner, T. I. / Obolenskii V. A. / Tiurin, Sergei Petrovich: Russian local government during the war and the Union of Zemstvos, New Haven; London, 1930 (далее: Polner T. J. 1930). P. 9, 56.
- ³ Polner T. J. 1930. P. 9.
- ⁴ Там же. P. 75.
- ⁵ Там же. P. 36.
- ⁶ Там же. P. 78.
- ⁷ Земское самоуправление в России, 1864–1918 : в 2 кн. Ин-т рос. истории РАН. М. : Наука, 2005. Кн. 2: 1905–1918 (далее: Земское самоуправление в России...). С. 239.
- ⁸ Выступления делегатов на 4-м съезде представителей Всероссийского союза городов в марте 1916 г.: Стеногр. отчет (см.: Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 84. Оп. 1. Д. 4. Л. 328–329).
- ⁹ Россия в Мировой войне 1914–1918 года (в цифрах) / ЦСУ. Отд. воен. стат.; [предисл.]: Упр. ЦСУ П. Попов. М. : Тип. МКХ им. Ф. Я. Лаврова, 1925. С. 25; Крылов В. Три года деятельности // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам (далее: Известия...). 1917. № 67–69. С. 41.
- ¹⁰ Земское самоуправление в России... С. 248.
- ¹¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2002. Оп. 1. Д. 31. Л. 200.
- ¹² Крылов В. Три года деятельности // Известия... 1917. № 67–69. С. 38.
- ¹³ Содержание больничных коек различными организациями на 1915–1916 гг. (см.: РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 95. Л. 35–35 об.; Д. 264. Л. 29); Крылов В. Указ. соч. С. 38.
- ¹⁴ Земское самоуправление в России... С. 237.

- ¹⁵ Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917 гг. : сб. док. Куйбышев, 1942. (далее: Санитарная служба...). С. 106.
- ¹⁶ Краткий очерк... С. 17.
- ¹⁷ *Belevsky A. et Voronoff B.* Les organisations publiques russes et leur rôle pendant la guerre. Paris, 1917. P. 62.
- ¹⁸ *Polner T. J.* 1930. С. 196; Известия... 1917. № 58–60. С. 81.
- ¹⁹ *Polner T. J.* 1930. С. 70; Земское самоуправление в России... С. 247.
- ²⁰ Земское самоуправление в России... С. 241–242.
- ²¹ *Полнер Т. И.* 2001. С. 257.
- ²² Там же. С. 258–259.
- ²³ РГВИА. Ф. 2002. Оп. 1. Д. 41. Л. 21.
- ²⁴ *Крылов В.* Указ. соч. С. 43–44; *Полнер Т. И.* 2001. С. 259.
- ²⁵ *Крылов В.* Указ. соч. С. 49.
- ²⁶ Краткий очерк ... С. 9.
- ²⁷ *Полнер Т. И.* 2001. С. 266.
- ²⁸ *Крылов В.* Указ. соч. С. 42, 45, 47; *Полнер Т. И.* 2001. С. 258–259.
- ²⁹ Краткий очерк ... С. 9.
- ³⁰ *Polner T. J.* 1930. P. 170; *Полнер Т. И.* 2001. С. 271–273.
- ³¹ *Крылов В.* Указ. соч. С. 51.
- ³² Известия... 1915. № 22–23. С. 48–51.
- ³³ *Полнер Т. И.* 2001. С. 289.
- ³⁴ *Крылов В.* Указ. соч. С. 52.
- ³⁵ Краткий очерк... С. 12; Известия... 1915. № 22–23. С. 32.
- ³⁶ Известия... 1915. № 22–23. С. 34.
- ³⁷ Краткий очерк... С. 13; *Крылов В.* Указ. соч. С. 46.
- ³⁸ *Крылов В.* Указ. соч. С. 51.
- ³⁹ *Polner T. J.* 1930. P. 59.
- ⁴⁰ Содержание коек на средства казны и собственных поступлений на 17 мая 1916 г. (см.: РГВИА. Ф. 2002. Оп. 1. Д. 31. Л. 201).
- ⁴¹ *Лукьяновский Б.* Всероссийский земский союз и земства // Известия... 1917. № 67–69. С. 17.
- ⁴² *Крылов В.* Указ. соч. С. 53.
- ⁴³ *Кочетов А.* Итоги и перспективы // Известия... 1917. № 67–69. С. 9.
- ⁴⁴ Там же. С. 14–15.
- ⁴⁵ *Полнер Т. И.* 2001. С. 268.
- ⁴⁶ Земское самоуправление в России... С. 261–264.
- ⁴⁷ *Polner T. J.* 1930. P. 281.
- ⁴⁸ *Полнер Т. И.* 2001. С. 271–273; Краткий очерк... С. 9–10.
- ⁴⁹ Земское самоуправление в России... С. 68–69.
- ⁵⁰ Известия... 1915. № 22–23. С. 135–136.
- ⁵¹ Там же. С. 94–96.
- ⁵² *Кочетов А.* Новое земство и земсоюз // Известия... 1917. № 64–66. С. 1–4.
- ⁵³ *Полнер Т. И.* 2001. С. 269, 299, 314.
- ⁵⁴ Экономические совещания при Главном комитете Всероссийского земского союза 28–30 апреля и 21–22 июля 1916 года. М., 1916. С. 3, 5, 52.
- ⁵⁵ *Полнер Т. И.* 2001. С. 287–288.
- ⁵⁶ *Крылов В.* Указ. соч. С. 51.
- ⁵⁷ Земское самоуправление в России... С. 292–294.
- ⁵⁸ Там же. С. 247.

- ⁵⁹ Продовольственный вопрос // Известия... 1917. № 56. С. 44.
- ⁶⁰ Отчет Верховного начальника санитарной и эвакуационной части за время с 3 сентября 1914 г. по 3 сентября 1915 (см.: РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 950. Л. 10).
- ⁶¹ Полнер Т. И. 2001. С. 284–285. С. 287.
- ⁶² Кочетов А. Развитие земсоюза и его дальнейшая судьба // Известия... 1917. № 61–63. С. 3–4.
- ⁶³ Кочетов А. Итоги и перспективы // Известия... 1917. № 67–69. С. 7.
- ⁶⁴ Polner T. J. 1930. P. 85.
- ⁶⁵ Там же. P. 86.
- ⁶⁶ Там же. P. 88.
- ⁶⁷ Доклад Главного комитета Собранию уполномоченных губернских земств 9 декабря 1916 г. «О работах продовольственного отделения экономического отдела». [М., 1916]. С. 7–10.
- ⁶⁸ Указ Временного правительства от 5 марта 1917 г. о предоставлении председателям губернских земств статуса комиссаров Временного правительства // Полнер Т. И. 2001. С. 355.
- ⁶⁹ Декрет СНК РСФСР от 23 декабря 1917 г. о национализации предприятий и реорганизации Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам // СУ РСФСР. 1918. № 13. Ст. 187.
- ⁷⁰ Polner T. J. 1930. P. 306.
- ⁷¹ Там же. P. 359–362.
- ⁷² Секретарь президиума ВСНХ А. В. Шотман — товарищу председателя военно-ликвидационного комитета при Военно-законодательном совете от 15 марта 1919 г. (см.: РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 691. Л. 137).

А. Ю. Бахтурина,
*доктор исторических наук,
профессор кафедры истории государственных
учреждений и общественных организаций
Историко-архивного института РГГУ*

А. М. Лаврёнова,
*кандидат исторических наук,
ведущий специалист отдела изучения
и публикации документов ГА РФ*

ДНЕВНИК БАРОНЕССЫ РИТЫ ГЕЙКИНГ «МЫСЛИ И ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ГОДА ВОЙНЫ. 1914 г.»

С началом Первой мировой войны прибалтийские немцы оказались в психологически незавидном положении: на одной чаше весов была их многовековая преданность царскому престолу, в очередной раз засвидетельствованная в годы первой русской революции, а на другой — их сочувствие к единокровным братьям — подданным кайзера, портрет которого нередко украшал дома представителей остзейского рыцарства. Это заставляло прибалтийских немцев смотреть на Германию, воевавшую на два фронта, как на противника на Востоке, и при этом сочувствовать ей в борьбе на Западе. Проблема лояльности остзейцев усугублялась рядом непродуманных антинемецких мероприятий царского правительства, направленных на сокращение употребления немецкого языка, деятельности немецких общественных организаций и т. д. Усилению симпатий к Германии в среде прибалтийского немецкого дворянства способствовал и ряд общеимперских экономических мер, вызванных войной: реквизиций скота и конфискаций.

Следствием первоначальной двойственности положения остзейских баронов, антинемецкой политики царского правительства, приправленной многочисленными обвинениями в шпионаже со стороны эстонского и латышского населения (нередко принимавшимися к рассмотрению военным руководством, несмотря на их очевидную фанта-

стичность), стало то, что лояльность прибалтийских немцев российскому престолу к 1915 г. заметно поколебалась.

Поскольку искоренение крамолы и мониторинг общественных настроений традиционно входили в обязанность чинов Отдельного корпуса жандармов и Департамента полиции, неудивительно, что документы этих учреждений богаты любопытными свидетельствами той перемены, которая произошла в умах представителей остзейского дворянства. Так, например, в обзоре общественного настроения в Курляндской губернии, составленном Курляндским губернским жандармским управлением 21 ноября 1915 г., рассматривались все наиболее крупные дела против баронов, заподозренных в нелояльности русскому отечеству¹. Начальник управления полковник П. А. Демин, составивший данный обзор, среди всех рассмотренных случаев особо выделил дело о дневнике баронессы Риты Николаевны Гейкинг, считая, что именно оно относится «к числу весьма характерных дел, пригодных для установления более или менее верного взгляда на направление курляндского дворянства»². Жандармский полковник отмечал, что дневник написан «весьма развитой личностью, хорошо во всем осведомленной и при том довольно богатой помещицей, имеющей значительный круг родства и знакомства, ...знающей взгляды большого числа лиц», а потому она писала «не только от своего имени, но как бы от имени других дворян-балтийцев»³.

Баронесса Рита Николаевна Гейкинг (Mary Anne Helen Margherita «Rita» Heyking) была дочерью владельца имения «Вандзен» Тальсенского уезда в Курляндской губернии. На момент написания дневника ей было 32 года⁴. В середине апреля 1915 г. её дневник был, по-видимому, найден детьми, гулявшими в лесу возле ее имения, и передан властям. 13 июня 1915 г., для знакомства с автором и выяснения обстоятельств дела на место выехал помощник начальника Курляндского губернского жандармского управления в Виндавском, Тальсенском и Гольдингенском уездах ротмистр Эдгар Реймерс, и было начато следствие. По его итогам баронесса Гейкинг была заключена под стражу в Туккумскую тюрьму, а затем выслана из Курляндской губернии, как из местности, объявленной состоящей на военном положении, в Москву. 20 июля 1915 г. Курляндским губернатором П. В. Гендриковым Московскому тюремному

инспектору была отправлена телеграмма с просьбой освободить Риту Гейкинг, объявив, что ей воспрещено жительство в губерниях, состоящих на военном положении. При освобождении из тюрьмы местом жительства баронесса указала: Москва, Маросейка, Космодамианский пер., д. № 5, кв. 24 (2 участок Мясницкой части)⁵. Однако по данным Московского охранного отделения, тогда же, в июле 1915 года, она выбыла из Москвы к родственникам в Псковскую губернию⁶. Ее дальнейшая судьба сложилась вполне благополучно: 17 января 1921 г. она вышла замуж за барона Артура фон Гейкинга, 18 мая 1923 г. у них родился сын Курт Эгон. Рита умерла 10 августа 1974 г. в Люнебурге (Нижняя Саксония).

Во время допроса при предъявлении жандармским ротмистром Реймерсом наиболее предосудительных выдержек из дневника о симпатиях к Германии, Рита Гейкинг пояснила, что, во-первых, дневник не был предназначен к прочтению посторонними, а во-вторых, некоторые мысли были записаны ею «под непосредственным, свежим впечатлением минуты или досады по поводу различных мероприятий правительства или иных властей, направленных против прибалтийских немцев»⁷. Действительно, в дневнике фигурирует семья автора и ее многочисленные впечатления от фронтовых новостей, слухов и сплетен.

Машинописная копия перевода дневника была отправлена полковником Деминым в Департамент полиции дважды: первый экземпляр был отправлен «по горячим следам» 14 июля 1915 г.⁸, второй же фигурировал в качестве приложения к вышеуказанному обзору общественных настроений в Курляндской губернии⁹. В настоящее время оба экземпляра хранятся в фонде Департамента полиции (Ф. 102) Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ).

В тексте имеется довольно много искажений фамилий и географических названий. Отсутствие немецкого оригинала текста для сравнения с переводом не позволяет отнести их ни к ошибкам автора, ни к ошибкам переводчика. Текст дневника со значительными сокращениями был опубликован¹⁰ в 2024–2025 гг. в журнале «Исторический архив» наряду с дневником Е. В. Герье, дочери знаменитого профессора Московского университета В. И. Герье¹¹. В настоящий момент предлагается полная версия текста дневника баронессы.

Дневник баронессы Риты Гейкинг**«Мысли и воспоминания из года войны. 1914 г.»**

Копия

Июль 1914 г.

21 июля. Вчера сообщила Госпожа ф[он] Раден, что Германия объявила войну России¹². Итак, — она началась! То ужасное, чего так долго ожидали, всемирная война! Все ещё надеялись, что, в конце концов, каким-нибудь путем продержится мир, но требования, предъявленные Австрией Сербии, для тех были слишком резкими, они их не приняли, и Австрия объявила Сербии войну. Что Россия потребовала немедленно от австрийцев, чтобы они отозвали свои войска, имело своим последствием, что Германия, когда Австрия, понятным образом, не согласилась, и, со своей стороны, объявила войну России; и вот мы находимся на положении войны.

Меры, которые принимаются сейчас у нас (в нашем крае), безумны: большими массами реквизируют в нашей местности скот и зерно, отправляют все в Стенден, и оттуда только ничтожная часть может быть отправляема по железной дороге, дикая путаница уже теперь! Некоторые должны были отгонять обратно частью скот, согнанный туда, и хлеб, доставленный из сельских складов, отправляется обратно. Мы тут сидим и боимся, что скоро очередь за нашим скотом. Сегодня ожидают обстрел Либавы со стороны германских военных судов.

22 июля. Сегодня...¹³ поехал в Тальсен, чтобы навести справки в канцелярии, в порядке ли его бумаги насчет освобождения от действительной службы (он приемный сын дяди Тер...); он опасается могущих случиться неприятных сюрпризов, или что-нибудь в них не в порядке. Ужасно много знакомых уже призваны, среди них я знаю в настоящую минуту: все пять Ламздорферов, Вернер, Игений, Адольф и Курт Гаарен, Жорж Г., Фрид Г., шурин Перси со своим полком уже ушел к границе, Эрнст Клейст, гвардейский улан, также ушел (бедняга отец, который осенью ему хотел передать хозяйство), сын наших соседей Лео из Л. вчера также уехал в Одессу. Они разбросаны во все четыре стороны, если б только их пришлось встретить снова здоровыми и бодрыми! Наши реквизированные лошади позавчера отправлены в Туккум. Эгон поехал с ними, присоединился к Ульману, который сопровождает транспорт из Ногаллены. Одну лошадь мы получили обратно, конечно, самую слабую! Фанни в субботу вечером приехала

к нам после тягостной дороги из Сувалок. Про своего Перси она ничего не слыхала с тех пор, как она рассталась с ним.

24 июля. Теперь после объявления войны прошло уже 5 дней, и почти ничего не известно с театра войны, ни одного факта, только слухи, и те даже скудные. Газета изо дня в день становится все более жидкой, и что она сообщает, с трудом верится. Германия будто бы вступила во Францию, пройдя через бельгийскую и люксембургскую нейтральную территорию, без объявления войны¹⁴; не могу верить в правильность этого сообщения. Англия пока ещё нейтральная; Италия, кажется, к сожалению, также питает намерение оставаться нейтральной. Здесь в нашей Божьей области (Готтеслэндхен), реквизиция лошадей вызывает разлад (создает злобу): крестьяне утверждают, что господа (немцы) пользуются преимуществом сравнительно с бедным латышским населением и национальная травля против нас вступает в дело как в достопамятном 1905 году¹⁵. В Туккуме говорят только, что призванные запасные отказались отправиться в путь под начальством немецкого (вероятно, балтийского) офицера, и ввиду этого назначили к ним русского в качестве офицера. Милые порядки! Перевозка скота со стан[ции] Стендена тоже не может совершаться как следует, так как, во-первых, не хватает вагонов, а во-вторых, большая часть доставленных вагонов имеют настолько гнилые полы, что скот их прободает ногами. Кроме того, несколько коров издохли, потому что перевозка была замедлена, скот не получает достаточного корма, и коров не доят. Для нас, балтийцев, война просто ужасна. Воодушевления нет, так как дело, с нашей точки зрения, несправедливое; стоять на стороне сербов, этой шайки убийц, для нас может быть только невозможным положением, а все-таки мы должны участвовать, будучи русскими подданными. Наше сочувствие совсем не направлено туда, куда оно должно было бы быть направленным, а между тем мы ясно сознаем, что не победоносная война России была бы для нас гибелью, так как таковая имела бы последствием новую революцию. Кроме того, у нас много близких друзей и родственников в рядах русских войск, и мы трепещем за их участь.

26 июля. Англия объявила войну Германии, возмущаясь тем, что Германия прошла через нейтральную Бельгию и нейтральный Люксембург¹⁶. Если бы немцы не прошли так скоро, то это сделали бы французы, в данном случае, весь вопрос сводился только к скорости.

Невыгодный свет, правда, бросает на Германию то, что она предъявила Бельгии ультиматум относительно пропуска войск, а потом, не получив разрешения, прошла через нее и обращалась с ней, как с врагом. Но совершенно не знаешь, насколько можно поверить газетным известиям — они настолько односторонние и приносят настолько скудные сведения с театра военных действий.

2 августа. Газеты все ещё доставляют мало сведений; вероятно, они смеют сообщать только выгодное для нас (России) — этим и объясняется скудность сведений. Сегодня отправлен наш транспорт скота в Стенден, с тяжелым сердцем мы смотрели на уход красивых животных. Так как брат Эгон владеет только полукровным скотом и простым (крестьянским), Папа дал Эгону из нашего чистокровного скота, а Эгон доставил соразмерно тому большее количество своих коров, которых менее жалко. Если бы наши милые коровы испытали хорошее обращение, пока их не зарежут для солдат! Англия, значит, также объявила войну Германии и Австро-Венгрии. В Бельгии и на французской границе все время происходят столкновения, но вопрос остается открытым, правдивы ли все эти сообщения, которые почти всегда невыгодны для Германии. Наши войска на прусской границе тоже уже бывали под огнем, но газеты пока только сообщают о мелких стычках. В Сербии австрийцы также мало продвигаются вперед. Теперь австрийские военные суда обстреляли Антивари, чем возмущена Италия (сфера ее интересов), при всем том эта черногорская гавань, а Черногория объявила войну Австрии! Да, итальянцы, кажется, не верные союзники. Дума и Государственный Совет были на этой неделе созваны для нескольких заседаний — царил великолепное единство (единение), и выражалось огромное национальное воодушевление. Оба наши представителя, Фелькерзам¹⁷ и Пилар¹⁸, высказали в кратких, простых словах лояльные верноподданные чувства своих балтийских собратьев¹⁹. Да, мы лояльные подданные — патриотизм и увлечение войной ни один русский не может потребовать от нас!

10 августа. После разного рода плохих для немцев сведений с германско-французского театра войны в Бельгии-Эльзасе, наконец, получилось хорошее. Брюссель занят, а про Льеж говорят также, что он взят немцами. После того как Англия высадила свои войска в Булони и соединила их с войсками французов и бельгийцев, загорелась исполинская битва в Бельгийской области. Бог да поможет немцам!

11 августа. Мы вчера были в гостях в Кломене, что подействовало освежающим образом в такие серые времена. Графиня, родом из Берлина, переживает теперь много тяжелого, живя только краткими и, вдобавок, искаженными сведениями «Рига-Штейтунг»²⁰. Она ужасно озабочена судьбой дорогих ей немцев. Алинг Ливен теперь в Кломене, и мы с ней основательно побеседовали. Она объявила, что она могла бы позавидовать своей бель-сэр, которая в такую ужасную эпоху всеобщей борьбы может и смеет увлекаться германским делом. Если мы сочувствуем немцам, то у нас совесть все-таки не чиста, так как мы русские подданные. Ну, что касается войны там, в Бельгии и Эльзасе, то для нее совершенно ясно, на чьей стороне мое сочувствие. Здесь, на русско-прусской границе, для меня это менее ясно, так как здесь в нашей (русской) армии находятся шурины Перси и много хороших, милых знакомых и родственников. Наши мысли и чувства превратились в хаос, и с отчаянием часто хватаешься за голову — да, чего, собственно, ты желаешь, на что ты надеешься? Вчера у нас было много гостей. На обеде присутствовал милый пастор Мартинелли, с которым после обеда основательно побеседовали по душе. Он придерживался того мнения, что Германия хотела во что бы то ни стало войну в настоящее время, потому что она закончила всю свою подготовку и всю свою воинскую реформу, между тем как России понадобилось бы ещё два года, чтобы закончить свою подготовку, в особенности, восстановлении своих морских сил. Так, по его мнению, Германия предпочла воевать теперь вместо того, чтобы выжидать, а до войны в течение ближайших годов дело все равно дошло бы. К кофе приехали Силаукинские с братом Вилли Рекке, потом ещё Нолькен-Ногаллен, взявшие с собой и Ульмана. Последнего мы предпочли бы видеть у себя одного без его принципа. Тот в настоящее время для нас совсем не годится, так как он наполовину русский и читатель «Нового времени»²¹, он для нас личность, не внушающая доверия. Поэтому следовало бы быть осторожным при разговоре с ним и в его присутствии. Но разные смешные вещи все-таки рассказывали и освещали относительно нашего положения дел. Рекке.-С, например, рассказывал про Митаву, про обучающихся там резервистов — 150 человек, перешедшие сорокалетний возраст «пипнеки»²² должны превращаться в кавалеристов, а часть из них ещё никогда не сидела верхом, как «нэки» (грибы) они падают. О стрельбе их душа тоже уже ничего не чаёт, они ещё еле зна-

ют, как брать ружье на прицел, и для упражнений в верховой езде для всех 150 челов[ек] существует только 30 седел. Это рассказывают относительно Митавы, где Джемс Ламбсдорфер функционирует в качестве унтер-офицера, фон-Сиверс П. в качестве офицера, тоже 15 лет тому назад последний раз сидевший верхом на лошади! В Двинске также много запасных, рассказывал сеслаукенский рабочий; получали они отвратительную пищу, постоянно только щи, кислые, как уксус, с твердым, как камень, мясом, кроме того, только прокисший хлеб, немножко сахару к чаю, желудок вечно пустой, а в Двинске между тем стоят 30 000 голов рогатого скота, согнанного, купленного. Жены запасных отчасти сопровождали мужей вместе с детьми, так как они не знали, чем жить дома, и расположились биваком в Двинске, где их мужья кормят скудными остатками своей отвратительной пищи. Ах! Какие безотрадные явления создает война!

13 августа. У меня такое впечатление, что эта война была неизбежной, которая должна была наступить когда-нибудь и скоро. Мир, т. е. настроение народов, участвующих в этой громадной борьбе, был настолько насыщен скопившимся электричеством, как воздух перед грозой при продолжительной жаре, — вот и окончилось всеобщим взрывом. Атмосфера очищается, но жертвы, жертвы!

14 августа. Трое молодых балтов пали в бою: барон Пилар, (сын Лифляндского предводителя дворянства) Грюневальд, Гершельман. Балтийцы сражаются и умирают за Россию, а вчера газета публикует следующее известие: министр народного просвещения приказал закрыть все немецкие школы, содержимые из средств «Дейчер Ферейн» в Прибалтийском крае²³. Это благодарность России! «Дейчер Ферейн» в Эстляндской губернии около 1 000 рублей передал Красному Кресту в пользу раненых, про это сообщили на прошлой неделе газеты — и это ответ. На прусской границе «Мы»²⁴ заняли много германских пунктов и, по-видимому, действительно, двигаемся вперед. Говорят, что взят Инстербург, который считается ключом к Тильзиту. В Бельгии происходит ожесточенная битва между Намюром и Люксембургом, и часть германских войск продвигается в западном направлении от Брюсселя. В Эльзасе французы должны были уступить Динантские²⁵ возвышенности, но говорят про крупный свой успех там, в то время как немцы достигли успехов в Лотарингии. Все эти известия не дают ясной картины. Более крупное решение последует только по-

сле битвы в Бельгии, которая, как полагают, будет длиться несколько недель. От тети и Норы также нет известий из Германии. Мама несколько дней тому назад написала испанскому консулу в Риге, который напечатал в газетах объявление, что он согласен навести справки относительно германских подданных в Германии²⁶. Если бы только получить сведения — Эгон прямо так в бешеном настроении.

18 августа. С нетерпением ждем газету, проглатываешь ее с жадностью и остаешься неудовлетворенной. Первая часть большой битвы в Бельгии (Шарлеруа), кажется, обозначает собой победу немцев, хотя купленную большими потерями. Сражались с ужасным ожесточением. Африканские войска из Алжира также принимали участие в битве и сражались против германской гвардии, сражение продолжается. В Брюссель немцы вступили как победители, торжественно при звуках оркестра, с пением «Вахт ам Рейн»²⁷, «Дейчланд, Дейчланд юбер-аллес». Должно быть, это была возвышающая душу картина. Полк уланов и черные гусары смерти «Данциген» вошли первые. Фельдмаршал Фон-дер-Гольц²⁸ назначен генерал-губернатором занятой бельгийской территории в Брюсселе. Военные действия в Эльзасе в настоящее время отходят на задний план. Генерал Эмlich, генерал Бюлов убиты в бою, говорят также и принц Альберт Шлезвиг-Голштинский, дядя императрицы. Относительно крон-принца говорят, будто он ранен; то же самое передают относительно принца Оскара. На нашей русской границе «Мы» сильно двинулись вперед в Пруссию. Взяли уже Инстенбург и Тильзит, а кроме того, целый ряд мелких местечек вдоль всей Восточно-прусской границы. Теперь мы направляемся против Кенигсберга, откуда жителей уже увозят в Д.-поездах²⁹ в Берлин. Жители Восточной Пруссии убежали на запад. Плодородную область Эльбинг-Данциг подвергают наводнению, чтобы остановить русских. Немцы переправляют войска с запада на восток, подкрепления, которые им, по-видимому, действительно нужны против «нас». Что принесут ближайшие дни?

С напряженным вниманием мы следим по карте за действием немцев на Париж; они наступают тремя корпусами, с ожесточенными боями. Согласно вчерашней газете, они дошли до Сан-Кентэна и Гама, сражались при Линою и Ротеле³⁰. Во всяком случае, они, по-видимому, несмотря на сопротивление союзников (французов и англичан) продвигаются вперед, положим, с тяжкими потерями. Здесь на нашей

границе, произошли сильные бои. Немцы более сотни поездов с войсками перебросили с западного фронта на восточный, чтобы остановить наше наступление. У нас будто бы громадные потери, но место не было обозначено. Мы потеряли 3 генералов, очень многих офицеров. Фанни в ужасном волнении, волнуется за Перси, который, должно быть, находился в самой гуще. Позавчера уездный начальник Раден получил телеграмму из Петербурга, которая сообщает о сражении с большими потерями (на нашей стороне) под Кенигсбергом³¹. Говорят, будто 90 000 чел[овек] убито. Дай Бог, чтобы дело не обстояло так скверно! Вероятно, только сегодняшняя газета сообщит подробности. Наш царь «соблаговолил» переименовать гор[од] Петербург и дал ему название «Петроград». Все телеграммы из Петербурга уже со вчерашнего дня несли это название. Ненависть против всего немецкого производит странные плоды. В Москве бойкотировали все немецкие фирмы, и последние, вероятно, будут принуждены закрываться. В Ревеле закрыто «Немецкое общество юношей» административным порядком, хотя оно выказало только благотворную деятельность и, наверное, не занималось антирусской политикой. Граф Рейтерн³² (наш предводитель дворянства) вместе с графом Паленом-Кауцмюнде³³ поехал в Петербург. Первый из них хочет опровергнуть разные лживые доносы на балтийских дворян, распространенных газетой «Новое время». Пален постарается спасти школы «Дейчер Ферейн»³⁴ в качестве председателя Ферейна.

22 августа. Только что госпожа ф[он] Р. мне передала телеграфные известия из Петербурга — ох, виновата, Петрограда — мы взяли Львов³⁵ и нанесли жестокое поражение австрийцам. Битва, при которой мы понесли весьма крупные потери, про которую писали в газете — но без указания места, произошла при Сольдау, на юге Восточной Пруссии. Так мы надеемся, что шурин Перси не участвовал в этом деле, так как его полк, согласно нашему предположению, находится ближе к Кенигсбергу. Из Франции получено известие, что население Парижа стремительно покидает Париж, немцы все ближе подходят к столице Франции и правительство переехало в Бордо. По-видимому, немцы действительно ведут могучее наступление.

26-го августа. Немцы проникли до Комниено (с севера) и до Лафернтуэр (с востока) в направлении на Париж. 22 больших современных мортир отправлены в Париж. Французы уже поговаривают, что

их войска в случае необходимости отойдут до Луары, но что это еще не факт столь крупного значения, если возьмут Париж, что войну будут вести дальше. Мы заняли Лемберг, который газеты только называют Львовом. «Во всей Российской империи царит бурный восторг. Это более, чем Седан», говорят, генерала Рузского³⁶ теперь называют только «Героем Львова». Ненависть к немцам все усиливается — просто отвратительно. В Эстляндии «Дейч[ер] Ферейн» закрыт администрацией, и деньги передаются Красному Кресту — добровольно ли? Так наш Курляндский «Дейчер Ферейн» поскорее сам заявил себя закрытым, чтобы иметь возможность хоть самостоятельно распоряжаться деньгами по собственному усмотрению! Три самые знаменитые старинные церковные училища (при церквях Св. Анны, Св. Петра и Св. Екатерины) принуждены ввести у себя русский язык преподавания — какой позор! Нашим дворянским училищам (ландесшулен), вероятно, предстоит та же участь. Я вообще сердита как никогда еще. Последний остаток «патриотизма» потух во мне, как будто он подвергся всей сырости потопа. Какой это народ, эти русские — прямо-таки обезумевшие в своей слепой ненависти: с чистой совестью мы можем утверждать, что мы до сих пор были самыми лояльными и приличными подданными. В 1905 году мы, немцы, были единственной народностью в России, среди которой не было социал-демократического союза. Тысячи ассигнованы нашими дворянствами и нашими немецкими ферейнами на нужды Красного Креста и т. п. Балтийцы все без исключения явились на призыв и теперь прольют свою кровь за Россию, а это им благодарность. «Новое Время» и «Вечернее Время» ежедневно публикуют самые отвратительные антинемецкие статьи, ложные доносы и т. д. Две брошюры в громадном количестве экземпляров безвозмездно раздаются среди народа: с заглавиями «Великая война» и «Зверства немцев»³⁷ — какие это, вероятно, милые печатные произведения! Ну что, во мне живо ясно выраженное сознание своей породы (*Rassegefühl*³⁸). Теперь я это знаю! Позавчера здесь были Бринкены — это было истинное наслаждение побеседовать с ними.

30 августа. Кажется, добрались до предлога, чтобы оправдать борьбу с немецкими школами: с нашим министром народного просвещения Кассо дурно обращались во время его обратного путешествия из Германии. Сначала он очень самонадеянно потребовал салонный вагон; когда в этом отказали, по крайней мере, I или II класса. Но ему

ответили, что он должен отправиться в вагоне III класса; другого ничего нет. Он рассердился, ругался, протестовал и заявил, что он так не поедет, он желает поехать в вагоне I класса. Потом он спросил очень самонадеянно: «Знаете ли Вы, кто я? Я министр народного просвещения Кассо». Это его погубило. «Ты эта собака», — был ответ. Его схватили и при помощи ударов ружейными прикладами его толкнули в вагон III класса³⁹. Таким образом Кассо отправился в обратный путь, бешеный от злости и — отомстил прибалтийским немецким школам! Потом говорят, при том же случае два польских студента отказались сесть в вагон III класса и на шумели, после чего у служащих лопнуло терпение, им предложили вопрос, отчего они вообще приехали для университетских занятий в Германию, а не занимались в университете у себя на родине. Ответ был: «Эта собака, которую Вы только что толкнули туда, виновата, что мы не можем заниматься в университете, что у нас не хватает университетов». Газеты передают теперь зверства немцев по отношению к русским подданным в Германии, почерпанные из так называемой «Черной книги». Мне кажется, что даже не половина всех этих рассказов правда и что часто русские (как и великолепный Кассо) сами подали повод для дурного обращения вследствие слишком самонадеянного поведения и нахальства. Бельсёр⁴⁰ Нора, вероятно, на днях приедет через Швецию, как она пишет Эгону в письме, отправленном для неё шведской дамой. Вот через неё можно будет кое-что узнать! Известия с разных театров войны отчасти очень скудные, отчасти туманные. Во Франции началась исполинская битва на реке Марне⁴¹, которая пока будто бы благоприятная для союзников, если можно верить в правдивость их сообщений. У Мони-мирейля⁴² (на востоке от Парижа) говорят, например, будто немцы потерпели поражение. В Лотарингии бои также продолжают с переменным успехом. Про Северную немецкую армию рассказывают, будто бы она наложила большую контрибуцию на гор[од] Гент. Осада Антверпена должна была быть прекращена, так как бельгийцы затопили все окрестности, чем они себе причинили громадный ущерб, но и немцам нанесли большие потери. На Восточно-прусском театре войны, говорят, перевозятся ещё больше германских войск, и там, будто бы, ничего особенного не произошло. Наш Главный штаб официально сообщает только о незначительных стычках. В Галиции и Польше идут жестокие бои. Австрийцы, говорят, получили подкрепления,

и у Ровны Русской происходит большое сражение. Про морские сражения ничего не слышно. Сражение около острова Гельгоlanda, в котором Германия потеряла два крейсера, было последним более крупным действием.

Англия скоро получит подкрепления из Канады, находящиеся уже на пути в Европу. Индийские войска прибыли в Порт-Саид — для Египта, который Англия намерена проглотить окончательно. Вероятно, хотят отвлечь турок от Европы. Дела Австрии действительно плачевны, она не может справиться с буйной маленькой сербской шайкой, терпит теперь поражение со стороны Черногории, и нигде ничего им не удастся. Германия в лице их (австрийцев) имеет безотрадно слабого боевого товарища.

2 сентября. Я в горе: вчерашняя газета сообщила довольно неблагоприятные известия относительно большой битвы на Марне во Франции. Кажется, союзники после ожесточенных боев при Сезанне, Монмирейне, Соммесане, Витре, Лефрансэ⁴³ переходят в наступление, и немцы по всей линии принуждены отступить; сведения из французских источников говорят про 60 км, на которые отступили германцы. Потери большие с обеих сторон. Левый фланг французов опирается в Париж, откуда, как будто, прибыли подкрепления; кроме того, кажется, на этот раз принимали значительное участие английские войска под начальством Жоффра. Таким образом, немцы отчасти отходят к Суассону и Реймсу. Дай Бог скоро лучших известий. Бои в Лотарингии велись с переменным успехом. Свои позиции к северу от Нанси немцы, как будто, сохраняют. Но в Англии теперь вербуют в широких размерах войска и хотят их численность довести до 900 000. Начальник племени зулусов предлагает королю Георгу свою помощь, и канадские вспомогательные войска скоро придут. Что касается Восточно-прусского театра войны, то телеграмма из Петербурга, будто бы, сообщает, что «нас» выгоняют из Пруссии, немцы собирают подкрепления и переходят в наступление. Также на Польско-галицийском театре войны они отправляют войска на помощь совершенно разбитым австрийцам. Что те, казалось, выиграли в Люблинской области, они теперь опять потеряли, «мы» теперь заняли Томашев на галицийской границе — укрепленный пункт. Русские газеты сообщают с Галицийского театра войны, что целые полки сдаются в плен, русских в Лемберге (Львове), напр[имер], встречают криками «Ура»,

все ликуют при приходе русских. С такими недобросовестными войсками Государство, организованное как нельзя лучше, не может вести победоносную войну — каким же образом можно ожидать со стороны Австрии победы! Она, кажется, близка к своей кончине, и я от всей души жалею, что престарелому императору Францу-Иосифу придется дожить до гибели своего государства. Германская эскадра, говорят, крейсирует в Балтийском море, 30 судов обнаружено у острова Готланд, а потом у Аландовских островов, а ныне эти суда ушли в южном направлении, пойдут ли они в Финский залив напугать Ревель и Кронштадт? Ненависть ко всему немецкому захватывает все более широкий круг; бесчисленная масса местностей переименовывается, «Новое Время» волнуется, что столько немецких названий местностей в Прибалтийском крае, и высказывает мнение, что эти названия все должны быть изменены, «эти ненавистные немецкие названия». Везде подозревают немцев, а они оказались такими верными до сих пор. Что последние искры патриотизма теперь угасают в сердцах многих из нас, да в этом виноваты сами русские. На пинки ногой в большей части случаев не реагируют любовью и лизанием рук. «Новое Время» и К° для нашего брата слишком скверны, даже чтобы служить клозетной бумагой.

4 сентября. Неблагоприятные для немцев известия сообщили сно-ва последние газеты. Германские войска отходили всё дальше и дальше и стоят уже позади, т. е. к северу и северо-западу от Реймса. 24-го августа (ст[арого] ст[иля]) началось ужасное сражение на фронте Париж-Верден. Генерал фон-Клук своим правым флангом с самого начала должен был отойти, чтобы избежать обхода со стороны левого фланга французов. Наступление германского центра, преследующее цель разбить французские силы на две части, не удалось. Тут действовали армии ф[он] Бюлова, Саксонская армия и часть армии Герцога Виртембергского. Жестокие бои были у Сезанн и Витри Лефрансэ. Теперь немцы отступают на всем фронте и даже в Лотарингии, по слухам, армия кронпринца находится в критическом положении и принуждена отступать. Чем все это окончится — а я так надеюсь, что будет победа! В Бельгии опять произошли бои, и немцы некоторые области страны потеряли. Бельгийцы нападают на германские отряды, отправленные в качестве подкреплений во Францию, и таким образом их могли отвлечь оттуда. После четырехдневного боя в треугольнике Брюссель-

Лувен-Малин бельгийцы отступили в Антверпен. Потери значительные с обеих сторон, но бельгийцы исправно сделали свое дело! На Восточно-прусском театре войны, кажется, «мы» очищаем поля и отступаем перед превосходящими нас численностью силами. Согласно сообщению Главнокомандующего⁴⁴, «мы» заняли исходные позиции для новых операций. Где эти пункты находятся, неизвестно, вероятно, уже на русской территории! Факт, вероятно, то, что быстрый энергичный натиск русской армии под начальством Ренненкампа в Восточной Пруссии и победоносные бои с австрийцами в Польше-Галиции принудили немцев крупные силы перебросить с запада (франц[узского] театра войны) на восток. Теперь дела немцев во Франции плохие и производят впечатление, что они слишком ослабили свои силы там в пользу восточного театра войны. «Со стороны Мемеля слышна канонада» — сообщает телеграмма из пограничного местечка Ковенской губернии. Намерен ли «наш враг» немец вторгнуться к нам, перейти к активному образу действия по отношению к нам?

Напряженность ожидания растет с каждым днем, и ещё менее знаешь, чего желать, на что надеяться. Положение наше, т. е. прибалтийских немцев во всяком случае, скверное, идет ли вопрос о победе или поражении для «нашей» армии. Неужели прав наш заведующий винокурным заводом Л., который недавно говорил: «Русский не должен победить фрейлен, иначе он нас (балтов) растопчет окончательно». Идут слухи, будто бы Соединенные Штаты хотят быть посредниками для заключения мира. Разве это теперь может осуществиться? Австрия почти что разбита, Германия потерпела тяжелое поражение во Франции — разве мир в настоящую минуту не был бы весьма неблагоприятным для Германии? Не попытается ли она собрать свои силы для новой борьбы во Франции и рискнуть энергичным натиском на Россию?

7 сентября. Отступление немцев во Франции пока прекращено, и на северо-западе, и к северу от Реймса новая битва в полном ходу. Немцы, кажется, придерживаются оборонительной тактики, хотя говорят про контратаку немцев, отбитую французами, во французском сообщении. Что все это отступление германской армии обозначает собой для немцев явное поражение, это, пожалуй, факт. Но со страшной сдержанностью французские газеты отзываются о своей победе и предупреждают публику, чтобы она не ликовала преждевремен-

но, «хотя мы новую битву окончим так же победоносно, как и битву на Марне», как гласит текст сообщений. Да, ведь я тоже опасалась, что немцы будут разбиты. Английские газеты говорят теперь про индийские войска, принимающие участие в боях, и громадный набор войск успешно осуществляется в Англии. Против такого превосходства сил Германия не устоит. Принц Иоахим, кажется, серьезно ранен шрапнелью, также и ландграф Гессенский, шурин императора Вильгельма⁴⁵.

Производит впечатление, как будто главные силы будут направлены против России. Германские войска очистили Восточную Пруссию от русских войск и вступили в Сувальскую губернию, в её северную часть, в южной части они это, по-видимому, не сделали, опасаясь болотистой местности Августовских озер, но германские отряды продвигаются в направлении Ломжи-Гродны в качестве заслона правого германского крыла. Где сейчас находятся наши войска под начальством Ренненкампа, неизвестно; мы предполагаем, что они находятся в Ковенской губернии.

Разбитую австрийскую армию, очевидно, преследуют все дальше и дальше, за Сан. Но переправа через эту реку, по-видимому, для нас сопряжена с затруднениями, и остатки австрийской армии, таким образом, выиграли время. Может быть, они теперь получают подкрепления и приостановят русское наступление.

В Боснии австрийцы без перерыва терпят поражения со стороны сербов и черногорцев, это уже чересчур, как австрийцы никогда очевидно не побеждают, и сколько они потеряли убитыми и ранеными и сколько пушек⁴⁶. Англия, т. е. лорд Китченер, утверждает, что Англия соберет полный комплект своих сил до весны.

Англичане, значит, рассчитывают на продолжительную войну, которая, конечно, может быть только выгодной для Англии, так как она путем торговли, захваченной целиком в свои руки, выигрывает миллионы. Сепаратный мир союзники не смеют заключить, так война может продолжаться без конца, и Германия истечет кровью. Наш Главнокомандующий Николай Николаевич издал воззвание «К народностям Австро-Венгрии», в котором, между прочим, говорится следующее: «не впервые Россия проливает свою кровь за освобождение народов от чужеземного ига, она добивается ничего, кроме водворения законности и справедливости. Вам, народам Австро-Венгрии, она несет исполнение ваших заветных желаний. Австрийское Правительство в те-

чение веков сеяло ненависть и раздор между вами, ибо его господство над Вами опиралось на отсутствие единства между вами. Россия, наоборот, поставила себе цель, чтобы каждый из вас развивался и благоденствовал, храня драгоценное наследие предков, их язык и их веру, чтобы каждый из вас, связанный с братьями по крови, проживал в мире и единстве с соседом, уважая его индивидуальность. Будучи уверен, что вы приложите все силы к достижению этой цели, я предлагаю вам встречать русские войска как верных друзей и лучших борцов за вашу заветную идею. Генерал-адъютант Николай»⁴⁷. Какие трогательные обещания! Я боюсь только, эти слова, будучи направлены к славянам, найдут благодарную почву. Целые полки в Австрии изменяют, для русских войск дорогу осыпают розами, как сообщает русская газета.

Чтобы подобное воззвание не имело успеха! Эта неравная борьба, которую ведет Россия против Австро-Венгрии, которая перемешана с славянскими элементами и видит в лице славянского неприятеля своего друга! Но как русские гордятся своими победами — их скоро разорвет от гордости. «После победоносной борьбы против миллионной армии, — пишут, — вторая (т. е. германская) уже не может быть для нас страшной». Что нам принесут ближайшие дни и недели? Терпишь все муки пытки, благодаря скудости сведений в газетах, меньшая часть которых только заслуживает доверия. А ненависть ко всему немецкому растет с каждым днем. В Одессе одного господина, который носил усы с поднятыми вверх кончиками, заставили опустить их вниз — мода «Император Вильгельм» запрещена. Некоторые английские газеты восторгаются русским союзником. Россия теперь доказывает, пишут они, что она находится на более высокой ступени культуры, чем Германия и т. д. Расхваливают русскую литературу и музыку — я не хочу этого оспаривать, но этот дурман, который наводит на себя хладнокровный англичанин, вследствие своей ненависти к Германии и руководимый завистью и недоброжелательством, я нахожу отвратительным и глупым. Во всяком случае, это доказывает, что англичанин подразумевает под русской культурой русские романы и русскую музыку. О некультурности нашей «матушки» России в других отношениях он, по-видимому, ничего не знает.

В Митаве на берегу Дриссы пасется большое стадо реквизированного⁴⁸ скота, который не может быть использован для консервов, так как нет больше жести и олова для жестянок! Для газет также дело скоро

будет плохо, так как в Риге единственный завод, вырабатывающий сажу, а ввоза нет. Также плохо будет дело скоро для некоторых местностей России относительно бумаги — а «бумаги» нужны русским в таком большом количестве. Двоюродный брат Куно Герсдорфф получил в Петербурге отпуск, потому что не хватает седел... ох да! Культурное государство Россия, есть-таки в нем кое-какие недочеты! Поражение при Сольдау, по слухам, вызвано интригой одного генерала по отношению к другому, один из них покинул в беде другого, хотя он тому обещал помочь ему в случае нужды. Из-за личных счетов он так поступил, и тысячи русских бедняг лишились жизни по его вине⁴⁹. Я надеюсь, что это неправда.

10 сентября. Газетные сведения с Восточно-Прусского театра войны становятся все более скудными. Факт то, что ни один русский не находится на прусской территории, и сегодня мы узнали, что П. получили телеграмму от Августа Сиверса с известием, что он встретил обоих своих братьев (Перси, наверное, один из них) в Кельмах, к югу от Шавель (Литва, Ковенск[ая] губ.). Значит, наши войска уже достигли центра Литвы со своим отступлением из Восточной Пруссии, похожим на бегство. А ведь говорят, что это было бегство в буквальном смысле слова и что следует удовольствоваться хоть тем, что Ренненкампф со всей своей армией не был отрезан. Моё чувство, кстати сказать, при этом замечании не совсем определенного направления (*geteilt*⁵⁰ колеблется между двумя сторонами). Рассказывали, будто бы прусские передовые отряды появились в Полангене, значит, уже священная Курляндская почва. В Митаву, говорят, прибыло много беженцев из Литвы, и Литва скоро сделается ареной новых боев. В Галиции русские дошли до Перемышля, который они намерены осаждать. На французском театре войны, по-видимому, никаких решительных событий не было. Немцы заняли сильно укрепленные позиции на северо-западе от Реймса и, говорят, свирепо бомбардируют его, Реймс, причем сильно пострадал старинный красивый собор. Немцы, по слухам, там ожидают подкрепления, говорят про 500 000 человек. В Лотарингии также не случилось ничего существенного. Газеты в настоящее время прямо-таки скучные, настолько скудные известия в них! Двоюродный брат Жорж Гейкинг вчера приехал домой раненный в руку; говорят, что он имеет жалкий вид в своем поношенном мундире — у него нет другой одежды; его статские костюмы остались в име-

нии в Польше, где он занимал должность, когда была мобилизация. Говорят, у него запас задумчивых рассказов. Пережитого хватает на всю жизнь, полагает тетя.

12 сентября. Вчера брат Эгон получил телеграмму от Норы из «Петрограда», в которой она извещает о своем возвращении из Германии. Ура! Эгон тотчас на лошадях поехал в Туккум к трехчасовому поезду, и завтра, передали они по телефону, они надеются быть дома. Что тетя Э[мми] и Л. не могли тоже приехать домой, для нас большое горе; но маршрут через Швецию, конечно, был бы чересчур утомительным для тети Эмми. Так им остается только дожидаться мира, на который сейчас надежды мало. Последняя газета мало сообщает относительно Восточно-Прусского театра войны. Германские войска, судя по ее словам, достигли в северной части Сувалкской губернии, Шаков (20 верст к югу от Немана, на котором будто бы занимают укрепленные позиции наши войска), Вильковишек и Сувалок. У Лыка, говорят, сосредоточены более крупные силы. Правый фланг немцев расположился на сорокаверстном фронте между Млавой на южном конце и Мазурскими озерами (Иоганнесбургом). Где находятся наши главные силы, Ренненкампф, напр[имер], неизвестно.

В Галиции мы заняли Ярослав, который объявляют сильно укрепленным городом и про который говорят, что он господствует над переправой через Сан. В Кракове, по слухам, царит форменная паника; население покидает город стремительно, говорят, что сообщили населению, будто бы город может быть без боя передан врагу на основании тактических соображений. Взятие этого города, впрочем, говорят, для русских утратило свое значение после поражения австрийской армии и захвата железнодорожной линии, ведущей в Краков. Так как это, по-видимому, не особенно сильная крепость, взятие ее стоило бы, может быть, бесполезно много трудов и жертвы не находились бы в соответствии с приобретенной выгодой. Большее значение, говорят, имеет для нас взятие Перемышля, ещё более сильно крепости. В Сербии от Боснии происходят упорные бои, и кажется, что австрийцы и далее все только проигрывают. Подобное положение дел у них, очевидно, стало хроническим. Бедный старый император Франц-Иосиф! С французского театра войны сообщают, что после жестоких боев между Уазой и Эном и в Вевре немцы опять отступают. Но так как парижский корреспондент соглашается, что немцы «проявили некото-

рую активность без существенных успехов», то можно ещё питать надежду. Много лучше, чем передает это француз, дело для немцев, наверное, обстоит. Но всё-таки сокрушаешься, что не слышишь ничего про блестящие победы немцев а-ля 70!

Царит возмущение по поводу разрушения Реймского Собора. Римский Папа отправил сочувственную телеграмму кардиналу Люсону в Реймс. «Трибуна» сообщает, что «приказ пощадить собор опоздал». Три британских крейсера потоплены германскими подводными лодками. Кроме этого, мало что слышно про морские действия, пишут только про германские торговые суда, захваченные английскими судами. Громадный ущерб, причиненный торговле Германии, и не только Германии — вся торговля парализована, а выгоду получает одна только Англия, которая захватила всю торговлю. Позапрошлой ночью обстреляли Виндаву с моря. Это вызвало, конечно, опять некоторое возбуждение, в особенности, со стороны туземного населения. Горничная Минна недавно объявила: «Ах! Для чего я себе купила новые дорогие башмаки. Теперь придут “прусаки” и отнимут их у меня, а также новое белье отнимут тоже. Люди говорят, что Вам, барышни, ничего не сделают, вы тоже немцы. Но нам!» Я, в свою очередь, менее боюсь чего-нибудь со стороны немцев, чем мероприятий нашего правительства в случае появления неприятеля, принудительного сожжения усадеб, уничтожения скота, хлеба и т. д., чтобы немцы ничего не нашли. Ведь говорят, что подобная участь предстоит Курляндии, если она сделается ареной войны.

Ох, если можно было ясно понять, чего желать, на что надеяться! «Новое Время» привела статью «Берлинер Тагеблатта», в которой эта газета утверждает, что прибалтийские провинции после войны не должны быть более представлены на произвол русской бюрократии, что Германия должна будет их аннексировать. Сливки общества, по словам газеты, чистокровные немцы, которые не поддавались даже среди хаоса революции 1905 года, а германизм которых после испытаний той тяжелой эпохи расцвел еще больше и т. д. и т. д. «Новое время» прибавляет к этой статье кое-какие замечания, насчет бессмысленности этой статьи, и кроме того, что немцы Прибалтийского края уже 200 лет как прибывают прочными русскими подданными, которые в настоящее время жертвуют своим добром и кровью за Царя так же, как любой русский. Вот вдруг мы стали верными прочны-

ми подданными и жертвуем собой за Отечество. На этот раз «Новому Времени» угодно объявить нас хорошими русскими подданными, только чтобы доказать бессмысленность и неосновательность германских претензий. Завтра, может быть, мы снова изменники, немецкие звери, и Бог знает, что ещё!

13 сентября. С французского театра войны сообщают, что сражение на Эне (Уаза-Эн-Вевр), длящееся уже 8 дней, стало регулярной позиционной войной — вроде Мукдена. Немцев трудно вытеснить из их укрепленных позиций. Бывают дни, когда французы приобретают лишь 500–1 000 метров, на которые они продвигаются вперед. Но они говорят с уверенностью про второе отступление немцев, «про начало конца». Неужели дела обстоят так плохо? У нас на Восточном фронте мы вдоль всей линии пришли в соприкосновение с неприятелем, но ещё не доходило до боев. В другом месте упоминают, правда, про попытку германских войск перейти через Неман при[...] ⁵¹, но попытка не удалась, а немцы понесли тяжелые потери. Обстрел Виндавы — простой вымысел, при перестрелке дело касалось германских матросов, которые со своих судов сели в лодки и предпринимали измерения. В них стреляли русские пограничники — вот и все. Черногорцы наступают на Сараево; говорят, у них большой подъем духа.

От осады и взятия Перемышля «мы», русские, кажется, отказались. Эту сильную крепость объявляют пунктом, не имеющим значения.

15 сентября. Нора вернулась здоровая и бодрая. Путешествие было довольно утомительным; из Берлина через Стральзунд — Рюген — Треллеборх — Мальме — Гёфле; потом на маленьком пароходе в Раумо (Финляндия), потом через Тамерфорс — Выборг — Петербург — Дерпт в Ригу. К счастью, она в Берлине в пансионе м[адам] Самсэна встретилась с другими балтийцами, лифляндцами Ганзенами, Клодтами и другими, вместе с которыми (их было 8 лиц) она совершила все отвратительное путешествие. Противнее всего были эти толпы русских евреев, которые в одно время с ними совершали путешествие; грязные, противные, нахальные, свирепые и превосходящие их числом. Самая неприятная сторона всего было выжидание возможности отъезда в Берлине. 12 дней Нора просиживала там, бегала от Понтия к Пилату, вечно приходилось становиться в шеренгу с толпой евреев у какого-то г[осподи] на ф[он] Фэ, который взялся помочь своим землякам (он бывший балтиец) вернуться домой. Для этой цели он сни-

мал в модной гостинице несколько комнат и там открыл своего рода справочное бюро. Это выжидание, откладывание со дня на день, должно быть, было противно⁵². Совсем чисто, кроме того, дело не происходило, рассказывает Нора. Некоторым лицам, главным образом, опять ловким жидам удалось скупать билеты, выданные специально для иностранцев с переплатой в пользу Красного Креста⁵³. Иным и получившим разрешительное свидетельство на приобретение билета, должны были снова выжидать, потому что какой-то нахальный жид там дал взятку. Хотя цель была хорошая, но дело было неправильно, и Нора рассказывает, что благодаря такому положению дел было там много лиц, ожидающих возможность отправиться в путь уже в течение 6–7 нед[ель].

На большом пароходе, на котором Нора и ее знакомые переправились из Германии в Швецию, они получили только билеты на нижней палубе, и, хотя переправа длилась только четыре часа, Нора чувствовала себя там внизу так отвратительно, что она сначала поместилась в пустой столовой, когда ее заставили покинуть помещение, потому что надо было накрывать на стол для судовых офицеров, она разостлала свой плед на полу в коридоре и легла там на полу! Проезд через Швецию (III класса), говорит она, был довольно утомительный, но похож на триумфальное шествие, что для меня не совсем понятно, так как настроение в Швеции безусловно в пользу Германии. На отдельных станциях путешественников встречали криками «Ура!», угощали чаем, тартинками, фруктами и конфетами — все даром. Когда они приехали в Гефле, они могли там переночевать, так как их пароход ещё не прибыл. Очень ловкие носильщики прислуживали им, когда она своему носильщику, красивому бойкому юноше, хотела дать деньги, он немножко сконфуженно смеялся и сказал, что он ничего не возьмет, так как он вовсе не носильщик, а ученик старшего класса одной из гимназий. Он и многие товарищи, знающие немецкий язык, согласились исполнять работу носильщиков для русских путешественников, чтобы им помочь, так как все они, вероятно, не знают шведского языка. Как мило! Он их повел потом в гостиницу, и вечером Нора и её знакомые в благодарность за его услуги пригласили его на ужин и вместе провели вечер в одном ресторане при звуках музыки за пуншем. Дальнейший проезд они совершили без всяких затруднений. Переправа из Раумо на одном только пароходе, говорит она, была несимпатич-

ная. Ну, по крайней мере, мы вчера видели у себя свою Норетту здоровой и бодрой, и утомительная обратная поездка из «вражеской страны» ей, кажется, никакого вреда не причинила. Если бы только наши милые тети Э[мми] и Л. также вернулись, но для милой тети «Экхен» это, конечно, невозможно. Нора говорит, что настроение в Германии настолько восторженное, что она себе это не могла представить. Громадное воодушевление царит во всем населении, сглаживает всякий партийный разлад и различие племен и увлекает весь германский народ. Слава Богу, что все это так. Потери, говорят, огромные у немцев, однако дело у них обстоит совсем иначе, чем сообщают нам наши газеты. Кронпринц, говорят, одержал великолепную победу при Сан-Кантэне. На Марне, говорят, немцы вовсе не потерпели поражения и во все не должны были отступить, а они стоят недалеко от Парижа. Хотя Нора ещё не слыхала ничего про новейшие события, про бои между Уазой и Эном до своего отъезда, но кто знает, не искажены все эти сведения и обстоит ли дело для немцев гораздо более благоприятно. Неужели же германские газеты могут сообщать настолько преувеличенные известия о победах. Я не думаю. Отступление наших войск, говорят, было фактически регулярным бегством, и немцы взяли ужасно много пленных и орудий, Нора сама увидела перед дворцом кронпринца в Берлине отбитые русские пушки, целую шеренгу можно было там видеть. Сувалкскую губернию, говорят, немцы заняли; как далеко они, кроме того, проникли, Нора не знала.

Бои в Галиции, будто бы, также не были настолько вовсе не благоприятными для Австрии, как нам передали. По крайней мере, есть надежда, что дела немцев не совсем плохие и что ещё нет начала конца, согласно выражению французской газеты.

Что касается первопричины войны, то дело, очевидно, также обстоит совершенно иначе, чем нам передали. В Германии рисуют дело в таком виде: «Царь просил Императора Вильгельма, чтобы тот заступился за сохранение мира, что последний и обещал, и после чего он и предпринимал соответств[ующие] шаги. В то же самое время Россия начала усердно мобилизоваться⁵⁴. От Германии был получен запрос: для чего мобилизация⁵⁵? Три дня прошло, ответа не последовало; когда Германия вторично запросила в энергичном тоне, был получен ответ: “Мы защищаем свои границы”. — “Хорошо, — возразила Германия, — в таком случае, мы защищаем также и свои границы”, —

и тоже быстро мобилизовалась. Потом в один хороший день внезапно перешел через германскую границу отряд казаков и взорвал один мост, после чего у Германии лопнуло терпение по отношению к русскому медведю, и она объявила войну Германии»⁵⁶.

Что касается нарушения нейтралитета Бельгии, совершенного Германией, то Германия, будто бы, сначала действительно дружественным образом просила разрешения проходить со своими войсками через Бельгию и обещала возмещение всех убытков. Бельгия не дала свое согласие, кроме того, в Германии узнали, что французам будет дан свободный пропуск и немцы, медля недолго, вступили в Бельгию.

17 сентября. Последние газеты не сообщают никаких особенно важных известий. Во Франции все продолжают ожесточенные бои к северу от Реймса, от Уазы до Эна, до Вевра: на восточной части фронта французы вытеснены из Туля, и там на востоке немцы, как будто, немножко продвинулись вперед. Но сообщения настолько туманные, словно нарочно — нельзя получить ясную картину всего дела. В Восточной Пруссии железнодорожные линии, ведущие в Штеттин, Данциг и Кенигсберг, в течение нескольких дней были закрыты для пассажирского обращения и здесь (вероятно, совершенно правильно), что Германия теперь переправит войска в Германию⁵⁷ ещё и морским путем. Говорят, что 2 000 судов назначены для этой цели. Не преувеличено ли это число? Перси опять прислал Фанни два письма, в которых, однако, он не сообщает (ему запрещено), где он сейчас находится. Он, очевидно, здоров и бодр, в воинственном настроении и зол на врага. Русский офицер, пожалуй, должен быть в таком настроении, но мне все кажется, что германец так не может чувствовать, что должна была бы заговорить кровь. Не заставляют ли себя бедные балтийцы в русских войсках насильственно чувствовать своего рода «ложно-патриотизм»? Их патриотизм не может быть искренним. Верность долгу, да, та должна у нас быть, и мы ею обладаем, но откуда может появиться патриотическое чувство, если никогда не было дано для такого чувства основания? Вчера в нашем уезде происходила вторая реквизиция лошадей. Мы снова должны отдать 4–5 хороших лошадей; на этот раз требуются лошади, безусловно годные для артиллерии, и поэтому нужны крепкие хорошие лошади, которых можно достать только на мызах помещиков. Крестьяне, таким образом, на этот раз не пострадают.

18 сентября. Телеграмма из Петербурга от 13-го сообщает, что в Сувалкской губернии (в районе Гопочкина и Друскеник, на северо-западе от Гродно) завязался бой с германскими войсками. Потом в телеграмме от 14-го сообщают, что неприятель отошел⁵⁸. Неприятель, передают, завязал артиллерийский бой с крепостью Осовец⁵⁹. В Варшавской губернии сбили два германских цеппелина, которые сбросили бомбы в Варшаву. Всё ещё продолжающая свое отступление австрийская армия, говорят, уходит в Краков. Наши войска, как передают, отбросили два полка гонведов⁶⁰ и взяли потом горный проход Турка (в Карпатах). Большая колонна, отступающая к югу, подверглась обстрелу из наших орудий, и, преследуя врага, «мы» перешли через венгерскую границу! При ст[анции] Миэне на восточном французском фронте немцы уже перешли через реку Маас, но их, как будто, отбросили обратно. У Шалоня на Марне произошли ожесточенные бои между Уазой и Суассоном. Так как немцы прибегают к стремительным атакам, утверждают, что они хотят добиться скорого и решительного поворота. Сообщают, что в госпитале в Брюсселе умерли от ран: принц Адальберт Прусский⁶¹, Фридрих-Вильгельм Гессенский⁶² (племянник императора) и совсем молодой принц Карл Вюртембергский⁶³ (катол[ической] лин[ии]). Надо надеяться, что известие ложное. «Новое Время» продолжает писать разного рода отвратительные вещи, направленные против немцев. Газета высказывается за изменение нашего прибалтийского землеустройства по образцу земства в остальных губерниях России, она высказывает желание, чтобы просить закон о колонистах немецких колоний в России распространить на наш Прибалтийский край и т. д. Не следовало бы сердиться, а все-таки всё снова сердиться.

20 сентября. Германские позиции при Августове (Сувалкск[ой] губер[нии]) обратно взяты нашими войсками. Маленькая крепость Осовец всё ещё обстреливается немцами — без результатов, утверждает русская газета. Немцы после последних боев отброшены к линии Сувалки — Сейны — Мариамполь. В Ломжинской губернии происходили мелкие стычки. С французского театра войны не получены никакие особенно важные известия: французские газеты, однако, утверждают, что решительная победа союзников близка и неминуема. «Эхо де Пари» утверждает, что левый фланг французов далеко продвинулся вперед. «Матен» говорит: скоро французская страна будет возна-

граждана за свое терпение. «Пети Паризьен» утверждает, что стремительность, с которой немцы производят свои операции на французском фронте, доказывает, что опасность со стороны России увеличивается. По поводу сообщения «Таймса», что император Вильгельм отправляется в Восточную Пруссию, «Фигаро» высказывает мнение, что Вильгельм увидел, как разбили его войска при Нанси, и что он теперь увидит, как их будут бить русские. Телеграмма «Эксченж-компани» сообщает, что союзники прорвали правый фланг немцев и преследуют неприятеля. Официального подтверждения ещё нет — Верден, передают, обстреливается немцами усиленно из тяжелых орудий днем и ночью. Из Бельгии сообщают, что бельгийская армия вырвалась из осажденного Антверпена и что после уничтожения германских передовых отрядов главные силы немцев были отброшены. Король бельгийский⁶⁴, говорят, — душа бельгийского сопротивления и играет роль штатгальтера Вильгельма Оранского во время осады Лейдена. В связи с известием о прекращении пассажирского обращения между балтийскими гаванями Штеттином, Данцигом и Кенигсбергом, морской военный корреспондент «Брут» заявляет, что не может быть речи про немецкий десант на прибалтийском побережье, пока Эссен⁶⁵ со всей эскадрой охраняет Балтийское море и его берега. Неужели немцы действительно относятся с таким почтением к нашим старым галошам? Граф Бобринский⁶⁶, новый генерал-губернатор завоеванной провинции Галиции⁶⁷, обещает галичанам Бог знает что: мир, благосостояние, хорошее обращение, справедливость и терпимость. Кто знает, многое ли из обещанного будет исполнено? Впрочем, говорят, что русские газеты высказывались довольно озабоченно относительно русской армии, продвинувшейся в область Венгрии, так как последняя может быть отрезана от остальных войск в Галиции, а австро-германская может на нее нападать с тыла. «Русское Слово» пишет про рассказы вернувшихся из Восточной Пруссии раненых, передающие любопытные подробности относительно принадлежащего Вильгельму имени (Роминтен). Огромные запасы фуража и боевых припасов и много ценностей, принадлежащих императору, будто бы, вывезены оттуда. Деревья парка срубили, так как они им мешали при маневрировании: животных (идет речь об оленях или о домашних животных) частью убили дубинами, частью прогнали и т. д. И все время просто «Вильгельм» — весьма неприличная газета, должно быть.

22 сентября. Сражение на Восточно-прусском фронте продолжается. Бой в Мариампольском районе ещё не решен. В Сувальском районе происходит упорный бой. На фронте Августово неприятель получил подкрепление и перешел в наступление, но наша пехота, производя энергичную контратаку, вытеснила неприятеля из этой области. Также к югу от Сувалки и к юго-западу от Августова неприятель вытеснен из Щучина и Граева, и перешли наши войска на германскую территорию. Только что сообщают, что, согласно телеграмме из Петербурга, русские после ожесточенного боя одержали победу, полагают, в Сувальской губернии. Из Франции сообщают некоторые французские генералы о победах и завоеваниях и высказывают мнение, что в скором времени следует ожидать победоносное решение этого боя, продолжающегося уже более 20 дней. Во всяком случае, положение дел выставляется в благоприятном для французов виде. Битва распространяется мало-помалу в северном направлении до района к югу от Арраса. В Вевре французы продвигаются вперед, в особенности, между Арнмонтом и ст[анцией] Миэлем. Сильная бомбардировка Антверпена из орудий самого крупного калибра все ещё продолжается. От Главного морского штаба сообщают, что слухи о поврежденных судах нашей эскадры не соответствуют действительности. Мы не доставили германской эскадре удобного случая, чтобы она могла отметить каких-нибудь результатов. По причинам важного стратегического значения нельзя осведомить публику об операциях наших морских сил; неприятель может из простых газетных сведений черпать подробные данные относительно состояния боевой готовности существующих резервов и т. д. Таким образом, мы можем сообщать о совершившихся фактах только после достижения своих целей, к которым наша эскадра стремится со всеми доступными ей средствами. Мы не ставим себе в пример некоторые иностранные правительства, которые мелочи разглашают крупными победами и т. д. Это звучит чрезвычайно самоуверенно! Я только не верю, чтобы наши старые галоши в состоянии сделать что-нибудь более крупного и даже не совершили ничего мелкого, из чего они не преминули бы сделать более крупное дело. Сообщают, что в Вене растет недовольство и брожение среди простого народа. В центральных местностях Австро-Венгрии холера принимает характер эпидемии. Дай Бог, чтобы дело не было так плохо! С Дальнего Востока (Японии) раздается предостерегающий голос по адре-

су самонадеянных турок, которые, может быть, захотят участвовать в войне. Так как японцы обещали англичанам защищать Индию, для них, конечно, небезразлично, принимает ли Турция участие или нет, так как последняя может угрожать Индии из Белуджистана и Йемена. Петроградское купечество высказало желание, чтобы не были приняты в его сословие немцы, как лица, принадлежащие к варварской нации. Оно обратилось к министру торговли с просьбой не принимать впредь немцев и австрийцев в русское подданство!

Вчера К. и я были в доме лесничего, где мы встретили кроме Ульяма еще г[осподи]на и г[оспо]жу Древиц и много разговаривали о политике и современных событиях. В Митаву какой-то еврей прислал своим родным следующее письмо: «Мы побеждаем постоянно. Начальство очень хорошее. Пища превосходная. Сердечный привет, фамилия. Противоположное правда». Какой остроумный хитрец! Но-ра еще многое рассказывает про Германию, между прочим, что немцы в зарядном ящике, принадлежащем к отбитой русской пушке, нашли дамское белье. Да, каким образом белье попало туда, — это удивительно. Беглецы во время русского отступления из Восточной Пруссии должны были пройти 180 верст в 3 дня — пехота; говорят, это не поддается описанию. Это рассказывает Щеденский, рабочий, вернувшийся с войны. Постепенно все более и более страшные подробности выясняются благодаря рассказам вернувшихся. Новые запасные (вчера был приказ получен о созыве остальных сроков ополчения I разряда) еще менее охотно пойдут. Бедняги! В Англии царит возмущение, что там ничего не узнали заранее про постройку крупновских исполинских мортир, и немцы поэтому побеждают: «Ни огонь, ни уголь не обжигает так горячо, как крупновские орудия, про которые никто ничего не слышал».

25 сентября. Сражение Августовское закончилось победой наших войск, и немцы после ожесточенных боев при Сувалкских⁶⁸, Мариамполе и Августове отеснены за границу. Говорят, что у них были крупные потери. Бои 12 сентября начались обстрелом Сопочкина и попыткой переправиться через Неман около Средника, после чего последовал обстрел маленькой крепости Осовец и бои в вышеупомянутых местностях. Теперь немцы занимают укрепленные позиции между Лыком и Вержболовым. Восемь дней продолжались бои, и наши войска, говорят, дрались великолепно. Таким образом, они загладили по-

зор отступления из Восточной Пруссии, которое, говорят, было похоже на бегство. Большие бои ожидают в ближайшее время на границе Силезии — Польши — Галиции, куда сосредоточена, говорят, громадная масса войск. Как ужасно думать о стольких цветущих жизнях, погубленных этой ужасной войной. Исполинская битва во Франции все еще не окончена. Левый французский фланг, говорят, успешно продвигается вперед, битва распространяется в северном направлении, французский центр также наступает и хочет прорвать германский фронт. Непрерывные атаки в Аргонском лесу (армия кронпринца) и на реке Маас французы успешно отразили, как сообщают французские газеты. Бомбардировка Антверпена из огромных мортир и его сильных фортов все еще продолжается, но одна «Петроградская газета» утверждает, что немцы с некоторых пор хуже стреляют, между тем как другие газеты опять-таки утверждают, что взятие Антверпена не исключено. «Эксченж Компани» узнала, что великая герцогиня Люксембургская находится в плену в замке в окрестностях Нюрнберга, — кто этому поверит, заплатит талер, говорю я! Наш «Царь Батюшка», в самом деле, отправился в Ставку Главнокомандующего с многочисленной свитой. Мне кажется, это произведет хорошее впечатление на войска. Президент Пуанкаре⁶⁹ также отправляется в действующую армию. Похоже на то, что они взяли себе пример у императора Вильгельма и поступили как он. Во Львове доходит дело до разных эксцессов по отношению к русским войскам; значит, всеобщее увлечение неприятелем, встречаемым с радостью, там все-таки не царит. Наши войска спускаются с Карпат в долины Венгрии и, по-видимому, хотят наступать на Будапешт. Японское правительство решило штурмовать Циндао и не жалеть человеческих жертв. После падения Циндао Япония хочет отправить войска на европейский театр войны. Вероятно, там еще мало войск против Германии и Австрии. Португалия отправила войска из своей африканской колонии в Мозамбике. Французы, очевидно, требуют туда помощи. Таким образом, Германии приходится сейчас иметь дело с восемью врагами, и кто ни придет еще, кроме того, на помощь.

28 сентября. Бои на Восточно-прусском фронте не прекращались ещё 24-го, а продолжались с не меньшим упорством, однако потом мы отразили неприятеля, а вчера сообщили про взятие некоторых мелких пограничных местечек, в том числе Лыка, Бялы и т. д. Значитель-

ных боев в течение последних дней там больше не было. На французском театре войны также решения ещё нет. Французы стараются все шире охватить правый германский фланг, который, однако, получает все новое подкрепление. Там теперь боевая линия на севере растянулась до Арраса. Правый германский фланг получает подкрепление за счет южного фронта. Также из района Реймса и из Аргонского леса войска перевозят на правый фланг. На своем левом фланге немцы постепенно отходят к северу к с. Этосин. Таким образом, они сократили свой фронт, действие кавалерийских отрядов теперь распространилось до Северного моря. Между Соммой и Уазой французская армия продолжает теснить немцев, относительно которых говорят, что у них нет успехов. Также в Вевре, говорят, немцам не помогают их стремительные атаки. В конце этой недели, будто бы, ожидают решения боев. В Боснии также не случилось ничего существенного, сообщают только все время, что австрийцы разбиты или отбиты — удивляешься только, что у них существует ещё хоть одно орудие, столько орудий у них отнимают со стороны неприятеля. Про наступление на Венгрию газета сегодня ничего не сообщает. «Новое Время» продолжает травлю против немцев, живущих в России, которых газета всячески старается выжить, и для этого она не брезгует никакими средствами. Теперь пишут, что правительство разрабатывает проект частной ликвидации немецкого землевладения в России⁷⁰. Хотят начинать с немецкого землевладения на юге России. Приятные виды на будущее, если это известие окажется правдивым. Дворянские училища скоро должны получить русский язык преподавания. И в Биркенру⁷¹ (инерл. двор [янская] гимназия) в это же время прибыли раненные воины, находят приют в помещениях немецкой школы, пользуются уходом со стороны немцев! Содержатся за счет лифляндского дворянства! Смерть принца Адольберта диментировали⁷² — ни слова правды в этом известии; Слава Богу! Говорят, будто Верховное командование над Австро-Германской армией перейдет в руки германского Генерального штаба, и австрийский Главнокомандующий обижен и откажется, а именно Конрад гр. Гецендорф⁷³. Не ложный слух ли это, распространяемый, чтобы подчеркивать разлад среди врагов в виде доказательства его слабости! Бой у Перемышля принимает благоприятный для нас оборот. Некоторые передовые укрепления главных фортов нами уже взяты. Только что, в 9 часов вечера, по телеграфу получено известие: теле-

грамма из «Петрограда» сообщает: Антверпен пал — немцы вошли в город — ура! Шапки долой перед вами, милые храбрые немцы!

30 сентября. На Восточно-прусском фронте, судя по нашим газетам, бои ведутся для нас успешно. «Враг» образовал две группы, из которых северная сражается у Владиславова-Вержболова, другая — южная — более многочисленная около озер Ентша и Бакларжева. Наше наступление на всем фронте продолжается. Относительно галицийского театра войны, пишут, что крупные галицийские бои, которые расслабили австрийскую армию и вызвали продолжительное отступление и заставили немцев перебросить большую часть своих боевых сил на Восточный фронт на помощь австрийцам, создали совершенно новое положение вещей. Мы, значит, находимся на пороге новых знаменательных событий, и официальные сообщения о шагах нашей армии в течение ближайшего времени могут быть только очень скудными. Общее положение на французском театре войны без перемен. На севере от Лилля германские и французские кавалерийские отряды продолжают оперировать. Большое сражение все ещё длится на линии, ведущей через районы Ланс — Аррас — Брэ к Сомме — Шолн — Руэ-Лассиньи. В центре между Уазой и рекой Маас были только отдельные стычки. В Вевре продолжается артиллерийская дуэль. Германские атаки в районе Ланса и Лилля отбиты, и германский корпус, вытесненный из Лилля, должен был отступить к Культрэ (на бельгийской территории). В районе Руа, пишут в официальном донесении из Парижа, 1 000 немцев взято в плен, других перемен нет. Ну, я надеюсь, что тогда, в общем, дело не обстоит так плохо! Из Антверпена получено известие, которое рисует в ужасном виде положение несчастного города. Королева, пишут, покинула город, а потом сообщают, что главная квартира (вероятно, с королем) перенесена в Сильцэте (на голландской границе) 42 километра западнее Антверпена. Сообщают, что бельгийцы открыли шлюзы, потопили целый германский полк и захватили несколько батарей и одно из 42-сантиметр[овых] орудий. К счастью, можно утешиться тем, что в то время Антверпен взят. Немцы опасались прорыва бельгийских боевых сил к югу, для соединения с французской армией. Ждешь с нетерпением дальнейших сведений. «Новое Время» продолжает волноваться по поводу немцев в Прибалтийском крае и утверждает, что следовало добиться того, чтобы в России могли владеть землей только иностранцы, принявшие рус-

скую национальность. Может быть, нам нужно будет выпустить у себя всю германскую кровь и влить вместо нее славянскую. Очень забавно то, что Эгон рассказывает про былые дни мобилизации в Туккуме. Он и Ульман встречаются на улице безобидного немецкого обывателя города Туккума, который останавливает Эгона и предлагает вопрос: «Что здесь творится? Ярмарка?» — «Нет, война, — отвечает Эгон. — Война». — «С кем?» — «С Германией». — «Что? С Германией?» — Крайнее изумление. Невинный обыватель и понятия не имел, а уже несколько дней продолжалась мобилизация. Много смеха вызывает забавная игра слов, гласящая: будет мир, если Ник. (Николай) и Виль кивает (Вильгельм): «Ник виль и Виль никт». (Наш Царь-батюшка Николай⁷⁴ и император Вильгельм!)

2 октября. 28 сентября произошли бои в Польше между крепостью Ивангородом и Сандомиром вдоль Вислы. Из Галиции-Венгрии сообщают, что только вторично, что в некоторых пунктах наши кавалерийские отряды перешли через Карпаты и вторглись в Венгерскую равнину. На Балтийском море (у нас) германская подводная лодка потопила выпущенный в него миной русский крейсер «Палладу»; весь экипаж, за исключением шести лиц, находившихся случайно на суше, утонул⁷⁵. Ужасно! Бедняги! Менее жалко мне, откровенно говоря, той старой галоши. Из Восточной Пруссии ничего не сообщают. На французском театре войны решения не было, но все ещё сражаются с переменным успехом. Взятию Антверпена не приписывают крупного значения, высказывают только мнение, что для немцев важно владеть им, чтобы иметь заслон для правого фланга, если они будут принуждены отступать; таким образом, этот фланг был бы в безопасности от попыток обхода со стороны левого французского фланга. Теперь немцы хотят, главным образом, взять ещё Гент, Брюгге и Остенде. В Остенде ушла бельгийская осажденная армия из Антверпена вместе с отрядом английских вспомогательных войск. Король Альберт⁷⁶ и королева⁷⁷ все ещё находятся в Бельгии. Смелчак, во всяком случае, король! Страшными, пишут, были последние дни в Антверпене, в особенности, когда германские снаряды зажигали нефтяные баки, в городе начались пожары и началось бегство на суда. Отступление бельгийской армии удалось великолепно, и немцам не достались пленные (жаль!). Даже тяжелые орудия и бронированные поезда спасены и все боевые припасы, хлеб и все запасы уничтожены или увезены; очевидно, немцы

нашли только разоренную груду развалин. А всё-таки взятие Антверпена — великолепное дело, торжество германских крупповских заводов. Бельгийцы предполагали держаться в течение 12 дней, и по истечении 12 дней Антверпен был взят! Англичане не грозят, что сделают десанты в Голландии, и, в таком случае, Голландия была бы принуждена отказаться от своего нейтралитета — ведь против Англии она не выступит! Персия также готовится, очевидно, против России. Турки медлят, болгары медлят; итальянцы не внушают доверия, португальцы пока ещё заявляют, что намерены оставаться нейтральными. Япония предполагает обстреливать Циндао, которое все ещё держится. В Румынии чудный король Карл внезапно умер, какие получаются последствия. Новый король Фердинанд, говорят, в своем образе правления будет придерживаться более национального направления и будет более румынским королем, чем Гогенцоллерном. Кроме того, молодая королева Мария (у которой со стороны матери славянская кровь) считается преданной русским. Болгария пока ещё соблюдает нейтралитет, но, говорят, настроена против России. Производит впечатление, как будто весь мир разбивается по всем швам. Но как ни страшно все, интересное все-таки переживаем время, все время ждешь чего-то.

4 октября. Из Восточной Пруссии новостей нет, последние три газеты не сообщают никаких сведений оттуда. В Радоме сражаются, и вокруг Перемышля происходит ожесточенный бой между германско-австрийской армией, идущей на помощь осажденным и русскими войсками. Там, в Галиции ожидают весьма решительные бои. В Бельгии заняты Гент и Санкт-Николас, и немцы наступают на Остенде при сильном сопротивлении со стороны бельгийских войск, отошедших туда с королем Альбертом во главе. Лилль взят немцами, и дальнейшие бои происходят в районе Уазы, у Бэры-ан-Бак (к северо-западу от Реймса), Бельфор подвергается усиленной бомбардировке, также и Верден, где несколько фортов уже разрушены. Намерены ли ещё немцы пойти на Париж? Аэропланы недавно сбросили в гор[од] бомбы с прокламациями следующего содержания: «Антверпен наш. Теперь за вами очередь!» Зажигательная бомба попала в Нотр-Дам и причинила сильное повреждение крыш, как передают. У нас очень приятный гость, дядя Л. Гилль, который во время объявления войны как раз был в Германии, а потом там ещё пробыл 14 дней. Таким образом, он может рассказать много интересного; например, про блестящую побе-

ду немцев при Нанси; потом, что Льеж пал так скоро, что немцы были сами удивлены, также и Мобеж. Потом он описывает великолепное настроение, великолепный порядок, подготовку к войне в Германии и т. д. Душа радуется, когда слушаешь все. Он очень оптимистически смотрит на дела немцев, о войсках которых он чрезвычайно высокого мнения. Это прямо комично, как он, будучи англичанином, может так чувствовать и надеяться, как германец. Наш старый друг Ал. Бр. также здесь, и много говорят про политику. Слишком много для сестры Ф., которая часто очень сердится, когда наши виды и надежды обнаруживаются. Тут ничего не поделаешь! Нельзя быть таким личным в такой вещи, какой является эта страшная великая война. Из Циндао выселяют мирное население, а германский гарнизон все держится. Маленький бойкий пароход «Эмден» и несколько других, предоставленных там своей судьбе пароходов германских, подвергаются теперь преследованию со стороны английских и французских судов, потому что они английскому мореходству (говорят, захватом английских торговых судов) нанесли большой ущерб! Не выступит ли, в конце концов, Китай против Японии? Сначала они, т. е. японцы, заявили, что они хотят вернуть Киао-Чао Китаю, а теперь, когда взятие Киао-Чао стоит жертв, они хотят его взять себе, постоянно там нарушают нейтралитет Китая (недавно разрушили железнодорожную линию к югу от Циндао), и Китай в Токио заявил энергичный протест⁷⁸. В Египте тоже начинается брожение; мусульмане, вероятно, хотят избавиться от англичан, и английские войска готовятся. Новый румынский король⁷⁹, впрочем, теперь заявил, что он сохранит строжайший нейтралитет⁸⁰. Последними словами Карла⁸¹ были: «Не проливайте крови».

6 октября. Германские кавалерийские отряды заняли Остенде. Французы все продолжают сообщать о своих победах. Они хотят выручить Верден; пишут, и таким образом становится известным, что с Верденом дело обстоит плохо. Не взят ли он? Немцы все ближе и ближе подходят к Варшаве. Вокруг Перемышля идут ожесточенные бои. Турция готова к войне; партия, требующая войны, с каждым днем становится сильнее. Но Португалия также заявляет, что она, в случае необходимости, придет на помощь Англии. Однако объявление войны Германии ещё не последовало. Мы по телефону узнали от г [осподи] на Ю., что потоплены, по крайней мере, уничтожены, три германские миноноски и девять английских судов. Не в связи ли это с ка-

нонадой в направлении Гельгоlanda, про которую сообщили в последнем номере газеты? Надо ещё выждать. Вчера разнесся слух о падении Варшавы, но газета опровергает этот слух. Что нам принесут ближайшие недели, ближайшие дни? Русская армия, значит, опирается в Варшаву, Новогеоргиевск, правым флангом в Ломжу-Гродно, левый фланг на юге в Ивангород; Брест-Литовск, сильная крепость, остается в тылу. Немцы опираются своим правым флангом в Краков и наступали по линии Калиш-Велюн. Подробности боев в Польше газеты не сообщали, пока не заявили вдруг, что бой происходит вдоль Вислы в районе Сандомира и Ивангорода и по верхнему течению по направлению Варшавы⁸². Немцы, должно быть, перенеслись сюда на крыльях, не встречая никакого сопротивления, судя по газетам. Вчера говорили, что германские передовые отряды показывались на расстоянии 12 верст от Варшавы. Массами прибывают в столицу Польши беженцы. Про наше наступление в Венгрии ничего больше не слышно, также мало про бои под Перемышлем. Император Вильгельм, говорят, находится на восточном театре войны, сопровождаемый свитой из 13 генералов; в их числе находится и бывший военный агент в Петербурге ф[он] Хилиус⁸³. В Ченстохове делаются приготовления к приему весьма высокопоставленного лица. Что касается французского театра войны, то французские военные критики продолжают считать положение союзников весьма благоприятным. Пишут, будто бы немцев медленно, но безостановочно оттесняют. Наступление немцев на Брюгге не имеет важного значения, утверждают они. План немцев наступать на Кале, чтобы уничтожить левый французский фланг, не имеет никакого шанса успеха; немцы будут отброшены, утверждают французы! Посмотрим!!! К 25 сентября опубликованы следующие германские сведения — списки потерь: всего 108 611; из них 15 582 — убитыми, 14 149 — тяжело ранеными и 55 808 — легко ранеными. В Германии, говорят, усиленным темпом строят цеппелины. Будто уже готовы 26 станций для дирижаблей. На Восточном фронте играют роль станции Позен, Торк и Кенигсберг. Дядя Г. рассказывает, что Крупп имеет филиальное отделение в Венгрии, получающее пособие от Австро-Венгерского правительства. Оттуда, вероятно, будут снабжать мортирами также и восточный театр войны, я не дала бы 5 копеек больше за то, что Варшава уцелеет. Португалия объявила мобилизацию, и германское посольство в Лиссабоне собирается выехать из стра-

ны. Англо-турецкие сношения, говорят, ухудшились, потому что Турция отказывается от открытия Дарданелл. Италия, пишут, остается нейтральной, и в Берлине, и в Вене довольны, очевидно, большего и не ожидают от этого союзника! Дядя Л. Г. рассказывает столько интересных и занимательных вещей. Вчера он рассказывал следующий забавный анекдот: еврей пишет с театра войны (у нас) домой: «Мер уступаем, мер уступаем (отступаем), и, если мер будет иметь и дальше зон счастье, я к Шаббесу прибуду к тебе». О положении в Польше и в Галиции говорит «Русский инвалид», что немцам только весьма ловкое стратегическое руководство может доставить успехи, так как русские обладают громадным превосходством сил: у них 50 армейских корпусов наготове, у врага же всего-навсего только 28 и из числа последних несколько австрийских значительно ослабленных. Неужели дело действительно так плохо; в существовании этих 50 готовых к бою корпусов я не верю!

7 октября. Относительно потопленных девяти английский крейсеров дело обстоит иначе: в одном нумере датской газеты несколько дней тому назад было написано, что всего-навсего англичане за все время войны до сих пор потеряли 19, а немцы только 6 военных судов. Это место в газете было замазано цензурой, но г[осподи] н Гр., который выписывает эту газету, мог это место вычистить и прочесть. Дядя Т. вчера рассказывал, что во время последней перевозки лошадей из Туккума в Митаву дорогой исчезли 50 лошадей — дорогой были тайком проданы одному жиду. Вот уж конец всему! Значит, вскоре опять будет реквизиция, так как нужно будет заменить зажуленных лошадей! Кроме того, не хватало 30 000 пар сапог, которые должны были быть налицо, — зажулены! Какой позор! И тут русские претендуют на патриотизм и говорят про святость этой войны.

9 октября. Решительного все еще ничего не было, но каждый день может случиться. В Польше немцы, по-видимому, стянули громадные силы, и около Варшавы, к югу, вдоль Вислы происходят ожесточенные бои, уже совсем близко от Варшавы. Один стратег пишет, что у немцев 700 000 человек, между Варшавой и Ивангородом, 500 000 чел[овек] между Ивангородом и Сандомиром, 450 000 чел[овек] между Сандомиром и Перемышлем. Войска, расположенные к северу от Варшавы и в Восточной Пруссии, не вошли еще в этот счет. Под Перемышлем идут ожесточенные бои. Относительно боев под Перемышлем, а так-

же относительно боев в Польше, утверждают русские источники, что у нас частичные успехи. У меня такое впечатление, как будто это означает: дело плоховато. С французского театра войны сообщают про бои к югу от Арраса и Лабассе и в западной части Бельгии, где немцы занимают следующие пункты: Остенде — Тиэль — Рулер — Манс. Ожидают на днях более крупного сражения под Дюнкерком, так как немцы, по-видимому, наступают на Кале. Бельфор и Верден, говорят, обстреливаются из тяжелых орудий. Может быть, туда доставлены 42-сантим[етровые] орудия. Ожидаешь все более и более с напряженным нетерпением события!

10 октября. Ничего существенного не случилось. Наши войска отчасти находятся в тесном соприкосновении с неприятелем, отчасти в бою с ним — на фронте от реки Зуры (Бзура, левый приток Вислы), до Стрия (Юго-Западная Галиция). Так сообщает Главнокомандующий Ник[олай] Н[иколаевич]. Дядя Лори называет его не иначе как «Сиятельным». В Варшаве, должно быть, положение уже очень неуютное. Железнодорожное и почтовое сообщение с югом приостановлено, театры закрыты, город полон беженцев из деревень и из пригородов; более состоятельное население бежит большей частью в Москву. Непрерывно слышится канонада, но про обстрел самого города еще не пишут. Еврейка, которая из Варшавы приехала в Тальсен, утверждает, что она на расстоянии двух верст от Варшавы ехала по расположению германских войск. Не в Ломжинской губернии ли это? С французо-бельгийского театра войны сообщают про новые бои, оставшиеся нерешенными. Немцы, говорят, перебрасывают на фронт армии, оперирующей в Бельгии, все свободные войска. Донесения о боях в Сербии, отн[осительно] Боснии все такие же смешные и невероятные, так как, судя по ним, только австрийцы терпят потери, все наступают и каждый раз отражаются. Вчера упомянули про легко раненного черногорца, мне казалось, что это первая потеря со стороны черногорцев. Сараево еще не взят, хотя приблизительно 14 дней тому назад черногорские и сербские войска стояли под самым городом и рассуждали так, как будто они уже вошли в город. Турки все еще не начинают; их эскадра, однако, уже крейсирует на Черном море. Японцы в мелком масштабе работают усердно против Германии, заняли разные важные стратегические пункты на германских Маршалльских, Каролинских и Марианских островах и все еще обстреливают

Циндао. Отношение между Японией и Китаем все более обостряется, и Северные Соединенные Штаты недовольны образом действия японцев. Дядя Л. рассказывал нам, что он на обратном пути из Германии через Швецию беседовал с одним шведским офицером, из беседы можно было заключить, какую ненависть питают шведы к России. Они, будто, очень хотели бы отвоевать обратно Финляндию, но правительство против войны. Не примут ли они все-таки участие, когда дела Германии примут явно благоприятный оборот? Нижеследующую статью «Матен» я нахожу столь классической, что я должна была ее включить сюда (текст немецкий).

«Голоса французской печати»

Париж, 18 октября. Газета «Матен» напоминает о помощи, оказанной Россией в начале войны. В самом начале войны русские генералы, исполняя непосредственное указание императора Николая II, под начальством великого князя Николая Николаевича со своими войсками наступали на германцев; опрокинули выставленных против них 200 000 немцев и своими удачными действиями распространили такой ужас в Восточной Пруссии, что население убежало и солдаты императора Вильгельма последовали за ним. Вследствие этого Главный штаб императора Вильгельма, охваченный ужасом, переработал свои планы и некоторые части лучших войск, находящихся на пути к Марне, отозвал на восток, и против нас вместо двух миллионов мог выставить только 1 500 000. Потом Россия, удовлетворенная, что она оказала союзникам такую помощь, возобновила свои боевые действия уже всеми своими силами и намерена вести войну на своей собственной территории. Продолжая преследование австрийско-германских армий, принужденных сплотиться против России, Россия после кровавого поражения, нанесенного войскам пристыженного Габсбурга, а в Галиции в настоящее время готовится опрокидывать войска последнего Гогенцоллерна.

11 октября. Нумер газеты, полученной вчера, нас всех очень растроил, так как в нем сообщалось про абсолютное отступление германских войск, находящихся на пути в Варшаву, в районе к северу от реки Пилицы. Они, пишут, оставили на поле битвы своих раненых и, словно убегая, теряют свои заранее укрепленные позиции. «Наши войска», пишут, «наступают на всем фронте», но еще есть надежда, то есть я надеюсь, что дело, в конце концов, сильно преувеличено со стороны

русских и эти вещи про победы, печатанные жирным шрифтом, преследуют цель затушевать и загладить другие неблагоприятные события, например, поражение в Галиции. Ведь ничего не слышно больше про действие к северу от Перемышля и около Лемберга и очень мало что слышно про бои к югу от Перемышля. Только что рассказывает старший лесничий Т., что Лео Герценб. вчера вернулся из Риги и говорит про весьма угнетенное настроение среди населения; носятся слухи о поражениях, большие транспорта раненых прибыли в Ригу, и одна Рига должна будет поместить у себя 150 000 раненых. Не преувеличено ли это! Правда, несколько училищ уже превращены в лазареты. Много забавного содержит статья какого-то И. Н. Данченко в газете «Русское слово». Он рассуждает отчасти довольно толково о росте России в течение последнего десятка лет, и вообще кое-что заслуживает доверия и понятно в устах русского. С большой похвалой он отзывается о качествах русского Генерального штаба. Он говорит, между прочим: «Где та традиционная суетливость, услужливость (разве она так скверна! Р.), показная работа... Чуешь движения громадного механизма, управляющего умной, твердой рукой. Скромный штаб бескорыстной армии. Когда-то император Вильгельм упрекал русских офицеров в пьянстве. Это даже тогда было неправда (ого! Р.). Время все у нас изменило (а взяточничество, нечестность интендантства и обо-за! Р.). Так что упрек их предводителя (императора Вильгельма) падает обратно на них. Наша армия напоминает пуританцев, идущих в бой, как верующие идут к причастию. С раннего утра кипит работа и т. д. и т. д. Наполеоновское распределение сил: изобилие по отношению к армии (но только не относительно еды), экономия по отношению к Штабу. Никаких картин, напоминающих постыдные картины Маньчжурской войны (но ведь тогда все-таки было великолепно). Тогда суетливость, неустойчивость, разбросанность — теперь сосредоточенная тишина. Только люди, не знающие великую ужасную реальность войны (хорошо выражено!), могут предполагать, что нам будет дана легкая победа, что в книгу войны будут занесены только красные строки успеха (о, нет, отступление Ренненкампа из Восточной Пруссии и потеря 400 000 человек не забывается — бедная Гвардия!). Будут еще тяжелые испытания — апофеоз, торжество затмит их своим сиянием... Подводя итог своих впечатлений, я убеждаюсь, что вновь воскреснут в наших боевых силах идеи Петра Великого, железная воля

Суворова, орлиный полет Скобелева («Да единственного Скобелева они не могут забыть», — сказал недавно Фр. ф. Ф. О.). Я отсюда вынесу не только надежду на победу, но уверенность в ее появлении. Могучие крылья его уже бросают мрачную тень на страну наших врагов, великую страну, но погубленную Каином всего мира.

«Таймс» утверждает, что обладание Антверпеном не представляет собою пока крупную выгоду для Германии, если она не нарушит нейтралитет Голландии и будет пользоваться Антверпеном в качестве морской базы. Особенно большое значение Антверпен будет иметь для немцев только тогда, когда они будут выгнаны из Франции и будут вести оборонительную войну, опираясь на Бельгию. В таком случае они заставили бы союзников вести войну по весьма длинному фронту от Антверпена до Бельфора. «Таймс» еще прибавляет: «Мы будем бороться, пока не победим, и если даже нам, союзникам, пришлось бы отступить вплоть до Пиренейских гор». Население Лондона так раздражено против немцев, что хотят выселять немцев и австрийцев из Лондона. Между Турцией и Болгарией, как будто, заключен оборонительный и наступательный союз, разумеется, тайный союз. Переговоры по поводу сдачи Киао-Чао, будто, уже начались. Лео Герц, говорят, привез из Риги известия, что раненные прибыли из Польши в ужасно жалком виде, босоногими, даже без брюк. Не преувеличено ли это! Брюки! ведь нельзя было так скоро изнашивать до полного исчезновения!!! Бедняги! Из Франции вчера не было получено никаких воинских известий. И не слышно ни звука про Верден и Бельфор.

14 октября. Мы опять взбешены, и как еще! Третья реквизиция лошадей сегодня производится у нас, и нам, очевидно, придется опять выдать восемь хороших лошадей для артиллерии, в том числе некоторых очень милых. Просто реветь хочется! И когда подумаешь, что предстоит бедным животным, сначала чуть не помирать с голода, а потом быть расстрелянным! Господин У., который был у нас в воскресенье, нам снова рассказывал кое-что, от чего волосы просто становятся дыбом и впадаешь все в большую ярость. В Польше немцы все продолжают отступать, «мы» на широком фронте перешли через Вислу и наступаем. Австрийские войска продолжают упорно сражаться у Сольца (немного южнее Ивангорода), на Сане и к югу от Перемышля. В Восточной Пруссии положение без перемен; сообщают только про ожесточенные бои под Лыком. Относительно боев в Польше «Матэн»

пишет очень самонадеянно: «Наши храбрые союзники одержали блестящую победу на Висле. Вильгельм II попал в ловушку, приготовленную русскими для его тщеславия. Когда он убедился, что ему нельзя будет во главе войск идти в Варшаву, он стал во главе своих обращенных в бегство войск». Как бы дела в Польше ни обстояли, но мы очень сокрушаемся, что немцы там должны были отступать. Сообщают про новые бои в Сербии — Боснии, и союзники постоянно ведут энергичное наступление. Удивительно только то, что они, наступая так энергично, еще не очутились в Северном море и не погружают свои богатырские члены в волны моря! Сараево все еще не взято. Во Франции нет еще окончательного решения, и французы пока все еще находятся в ожидании обещанной явной победы. Германские боевые силы не прекращают ожесточенных атак против левого (французского) фланга во всем районе между морем и Лабассе. В общем положение союзников без перемен, «хотя мы на некоторых пунктах должны были немножко отступить». Особенную активность проявляет неприятель также у Аракса, на Сомме и к северу и югу от этой реки. В районе Вердена и Понтамунсона французы имели частичный успех — по крайней мере, они сами это утверждают. «Боевой фронт с конца сентября стал длиннее приблизительно на 200 километров и стремится к тому, чтобы достигнуть бельгийской границы и опираться в побережье, где мы находим поддержку со стороны английской эскадры».

Цель, к которой стремятся немцы, по-видимому, Дюнкерк, и я с нетерпением жду момента, когда они займут его. В Остенде и других городах, занятых немцами, только небольшие гарнизоны, так как они главные силы сосредоточили на полях битвы между Ньюпортом и Ипром. «Стэр» утверждает, что ему сообщили из Роттердама, что немцы все приготовили к отступлению; на вокзале в Остенде, будто, уже стоят под парами свыше ста паровозов для эвакуации войск! «Петр [оградский] курьер» сообщает, что германские цеппелины увозят из Остенде на юг и заменили аэропланами, получившими приказ полететь в Англию и бомбардировать Лондон, устье Темзы, Дувр и Кинборо⁸⁴. Англичане ждут их прибытия в четверг и хотят им приготовить достойную встречу!!! Все уже готово. Большие транспорты с ранеными постоянно прибывают в города нашего прибалтийского края. В Митаве также закрыты для учебных занятий гимназия, реальное училище и дворянская гимназия и с лихорадочной поспешностью превращаются в лазареты. Ан-

глийский посланник выселяет своих англичан из Константинополя или в Россию — не знаменательная ли это примета?

С подлинным верно.

Начальник Курляндского губернского жандармского управления
полковник

*Подпись*⁸⁵

ГА РФ. Ф. 102. Д-4. 1914 г. Оп. 123. Д. 143. Т. 3. Л. 118–136 об.

Заверенная копия. Машинопись.

Комментарии

- ¹ Бахтурина А. Ю., Лаврёнова А. М. «Экзамен по государственной лояльности»: остзейцы в годы Первой мировой войны в документах Департамента полиции // Ежегодник Государственного архива Российской Федерации: публикации, исследования, рецензии / гл. ред. С. В. Мироненко. М., 2025. С. 135–174.
- ² ГА РФ. Ф. 102. 4-е д-во. 1914 г. Оп. 123. Д. 143. Т. 3. Л. 91–117.
- ³ Бахтурина А. Ю., Лаврёнова А. М. «Экзамен по государственной лояльности»... С. 166.
- ⁴ ГА РФ. Ф. 102. Д-4. 1914 г. Оп. 123. Д. 143. Т. 3. Л. 111 об.
- ⁵ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 36. 1916 г. Д. 256. Л. 1.
- ⁶ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 36. 1916 г. Д. 256. Л. 15, 15 об.
- ⁷ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343. Лит. Г. Т. 4. Л. 89–89 об.
- ⁸ ГА РФ. Ф. 102. Д-4. 1914 г. Оп. 123. Д. 143. Т. 3. Л. 118–136 об.
- ⁹ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343. Лит. Г. Т. 4. Л. 203–221 об.
- ¹⁰ Бахтурина А. Ю., Лаврёнова А. М., Ростиславлева Н. В. «Наши мысли и чувства превратились в хаос...»: Россия и Германия глазами российских немцев. 1914 г. // Исторический архив. 2024. № 6. С. 137–150.
- ¹¹ Бахтурина А. Ю., Лаврёнова А. М., Ростиславлева Н. В. Россия и Германия глазами российских немцев. 1914 г. // Исторический архив. 2025. № 1. С. 139–150.
- ¹² 19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России в связи с отказом последней выполнить условия германского ультиматума об отмене всеобщей военной мобилизации.
- ¹³ Здесь и далее отточие документа.
- ¹⁴ Бельгия с 1831 г. считалась нейтральным государством, нейтралитет которого был гарантирован европейскими государствами. Но 22 июля (4 августа) 1914 г. германская армия, нарушив нейтралитет страны, пересекла государственную границу Бельгии.
- ¹⁵ С началом войны в местной латышской и эстонской периодической печати публиковались сообщения о шпионаже и нелояльном поведении прибалтийских немцев. В жандармские управления и военным властям в изобилии поступали доносы, содержащие информацию о содействии прибалтийских дворян противнику. Проверки показывали, что доносы являются ложными. Данные документов фонда Двинского военного округа и опубликованные в периодической печати сведения о возбуждении судебных дел против немцев в Прибалтике показывают, что реальные преступления прибалтийских немцев заключались не в шпионаже в пользу Германии и сигнализации немецким аэропланам, а в массовом уклонении владельцев имений от реквизиций крупного рогатого скота и лошадей. Уклонение от реквизиций настраивало

местных крестьян против немцев, которые также вынуждены были отдавать лошадей на военные нужды.

- ¹⁶ Великобритания вступила в Первую мировую войну 4 августа 1914 г.
- ¹⁷ Фелькерзам Гамилькар Евгеньевич (1854–1929), барон, остзейский помещик, член Государственной Думы 3-го и 4-го созывов от Курляндской губернии.
- ¹⁸ Пилар фон Пильхау Адольф Адольфович (1851–1925), барон, член Государственного совета по выборам от дворянских обществ (1912–1917), Лифляндский губернский предводитель дворянства.
- ¹⁹ Автор ошибочно упоминает А. А. Пилара. Первые заявления от имени прибалтийских немцев об их отношении к войне были сделаны с думской трибуны 26 июля 1914 г. Депутатом от Курляндской губернии бароном Г. Е. Фелькерзамом и Л. Г. Люцем, членами «Союза 17 октября». Фелькерзам от имени своих «ближайших политических друзей» заявил, что «верноподданное немецкое население Прибалтийского края всегда готово встать на защиту престола и отечества» и «по примеру наших предков готовы жертвовать жизнью и имуществом за единство и величие России» (Стеногр. отчет о заседании Государственной Думы 26 июля 1914 г. // Известия Министерства иностранных дел. Пг., 1914. Кн. V. С. 20).
- ²⁰ Ригаш-Цейтунг (Rigasche Zeitung, нем.) — газета, выходившая в Лифляндской губернии на немецком языке.
- ²¹ Газета «Новое время» ее издателем В. В. Сувориным была сориентирована на максимально широкую аудиторию, относилась к числу так называемых информационных газет, вводивших в сферу влияния периодики все более широкие слои читателей (см.: Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2004).
- ²² Пипнеки — кличка для флегматичного неповоротливого мужика. В оригинале слово «пипнеки» подчеркнуто карандашом. На полях напротив сделана помета: «Папашки?».
- ²³ Министр народного просвещения Л. А. Кассо летом 1914 г. издал распоряжение о закрытии «Эстляндского немецкого общества распространения образования», занимавшегося организацией школ с преподаванием на немецком языке (РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 8. Л. 8).
- ²⁴ Сохранено употребление заглавной буквы автором документа.
- ²⁵ Слово «Динантские» вписано чернилами.
- ²⁶ Обращение к испанскому консулу мотивировалось тем, что с началом Первой мировой войны защита интересов русских подданных в Германии и Австро-Венгрии взяла на себя нейтральная Испания. Испанские посольства в Берлине и Вене, а также консульства в других городах вели сбор информации о русских подданных, ходатайствовали об их освобождении из заключения, о переводе им денег и выезде на Родину (см.: Петрова А. А. Посредническая и гуманитарная деятельность Испании в годы Первой мировой войны в восприятии российской общественности (по материалам газеты «Новое время» за 1914–1917 гг.) // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3. С. 68).
- ²⁷ «Die Wacht am Rhein» — «Стража на Рейне».
- ²⁸ Гольц (Goltz) Кольмар фон дер (1843–1916). В 1909–1912 гг. вице-председатель Высшего военного совета Турции. В 1911 г. присвоено звание генерал-фельдмаршала; вскоре фон дер Гольц вышел в отставку. В начале Первой мировой войны был возвращен на службу генерал-губернатором оккупированной немцами Бельгии.
- ²⁹ Так в документе.
- ³⁰ Так в документе.

- ³¹ Русские войска потерпели поражение в сентябре 1914 г. под Танненбергом в ходе Восточно-Прусской операции и понесли значительные потери. Общие потери русских войск в Восточно-Прусской операции составили порядка 30 000 человек.
- ³² Рейтерн, граф Нолькен фон, барон Владимир Евстафьевич (1851–1917), член Государственного Совета по выборам от землевладельцев Курляндской губернии. С 12 марта 1909 г. — Курляндский губернский предводитель дворянства.
- ³³ Пален, граф, Павел Петрович (1862–1942), член Государственного Совета по выборам от землевладельцев Курляндской губернии, предводитель дворянства Баусского уезда Курляндской губернии (1889–1912, 1915), председатель Союза немцев в Курляндии (1910–1914), владеец имения Кауцмюнде в Баусском уезде.
- ³⁴ Имеются в виду школы, открытые в Прибалтийских губерниях немецким обществом «Дейчер-Ферейн».
- ³⁵ Львов был взят русскими войсками 3 сентября 1914 г. в ходе Галицийской операции.
- ³⁶ Рузский Николай Владимирович (1854–1918), генерал-адъютант, до 3 сентября 1914 г. командовал 3-й армией, затем Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта.
- ³⁷ Под заглавием «Великая война» в 1914 г. вышло несколько изданий небольшого объема от 4 до 17 стр. Заглавие «Зверства немцев» также часто использовалось различными издателями в 1914 г. Вероятнее всего автор упоминает брошюры издательства «Мировая война», выходившие в серии народные книжки «Про войну». В этой серии вышла брошюра «Зверства немцев» (М., 1914. 16 с.). Публикации о зверствах немецких войск были вызваны расправой германских войск над гражданским населением захваченного 2 августа 1914 г. города Калиша, в результате чего население города сократилось с 70 до 5 тысяч человек (см.: Русская армия в Великой войне: Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. М., 1942).
- ³⁸ Расовое чувство (*нем.*)
- ³⁹ В начале войны в Германии находилась значительная масса русских подданных, преимущественно студентов и туристов. Имели место многочисленные уличные инциденты, избиения, принудительная доставка «русских шпионов» в полицейские участки. Нападению на улицах Берлина подверглись члены русского посольства, отъезжавшие из Германии. По сообщениям прессы, находившийся в Германии министр народного просвещения Л. А. Кассо был избит на вокзале толпой немецких обывателей (см.: Богомолов И. К. Русские подданные в Австро-Венгрии и Германии в июле–октябре 1914 г. // Россия и современный мир. 2017. № 2 (95). С. 146–148).
- ⁴⁰ Belle-sœur (*франц.*) — золовка.
- ⁴¹ Марнское сражение между немецкими и англо-французскими войсками состоялось в ходе Первой мировой войны 5–9 сентября 1914 г. на р. Марна.
- ⁴² Так в документе.
- ⁴³ Так в документе.
- ⁴⁴ Верховным главнокомандующим армией и флотом 20 июля 1914 — 23 августа 1915 г. был Великий князь Николай Николаевич (1856–1929), двоюродный дядя Николая II.
- ⁴⁵ Вильгельм II (1858–1941) — император германский и король прусский в 1888–1918 гг.
- ⁴⁶ Имеется в виду наступательная операция Сербии в южной Боснии в сентябре 1914 г. Но силы Сербии были недостаточны и в конце сентября вытеснены с территории Австро-Венгрии.
- ⁴⁷ В тексте Дневника дан свободный пересказ «Воззвания к народам Австро-Венгрии». Воззвание было подписано 4 (17) сентября 1914 г. Верховным Главнокоман-

дующим великим князем Николаем Николаевичем. Полный текст воззвания выглядел следующим образом: «Венское правительство объявило России войну за то, что Россия, верная своим историческим заветам, не могла оставить беззащитной Сербию и допустить ее порабощение. Народы Австро-Венгрии. Вступая во главе русского войска в пределы Австро-Венгрии, Именем великого русского Царя объявляю Вам, что Россия, не раз уже проливавшая кровь за освобождение народов от иноземного ига, ничего иного не ищет, кроме восстановления права и справедливости. Вам, народы Австро-Венгрии, она также несет теперь свободу и осуществление ваших народных вождлений. Австро-Венгерское правительство веками сеяло между вами раздоры и вражду, ибо только на вашей розни зиждилась его власть над вами. Россия, напротив, стремится только к одному, чтобы каждый из вас мог развиваться и благоденствовать, храня драгоценное достояние отцов — язык и веру, и, объединенный с родными братьями, жить в мире и согласии с соседями, уважая их самобытность. Уверенный, что вы будете всеми силами содействовать достижению этой цели, призываю вас встречать русские войска, как верных друзей и борцов за ваши лучшие идеалы». Год войны с 19 июля 1914 г. по 19 июля 1915 г. Высочайшие манифесты. Воззвания Верховного Главнокомандующего. Донесения. Пг., 1915. С. 13–14.

⁴⁸ Так в документе.

⁴⁹ Автор излагает свою версию событий поражения русских войск в Восточной Пруссии. В операции принимали участие 1-я армия под командованием П. К. Ренненкампа и 2-я армия под командованием А. В. Самсонова. В ходе военных действий из-за незнания в штабе фронта реальной ситуации было принято неверное стратегическое решение. Приняв перегруппировку германских войск за отступление, штаб фронта направил 1-ю армию на Кенигсберг и преследование немцев в районе Вислы. Это позволило противнику беспрепятственно перебросить войска против 2-й армии Самсонова. Под Солдау 2-я армия была уничтожена. Самсонов застрелился.

⁵⁰ *Geteilt* (нем.) — разделенный.

⁵¹ В тексте пропущено слово, вместо которого поставлен знак «—».

⁵² Выезд русских граждан из Германии летом 1914 г. в связи с начавшимися военными действиями был затруднен и не организован. Германское правительство препятствовало выезду военнообязанных русских мужчин призывного возраста, чтобы не допустить их вступления в армию в России. В августе 1914 г. при содействии известных немецких ученых Т. Шимана, Б. Кана, Г. Симона и Э. Фукса вопрос о массовом выезде русских из Германии был принципиально решен Берлином. При участии представителей русских подданных, среди которых был известный историк Н. И. Кареев, были составлены списки отъезжающих и порядок распределения мест и билетов. Но на начальном этапе в распределение вмешалась берлинская комендатура. Были значительно изменены и списки отъезжающих, многих перевели на более поздние сроки отправления. Несмотря на все организационные трудности и препятствия, 23 августа первый «русский» поезд отправился из Берлина. Позднее специальные составы с русскими стали уходить и из других городов Германии. К середине осени 1914 г. большая часть русских подданных — женщин, детей и мужчин, не подлежавших призыву, — выехала с территории Германии и Австро-Венгрии (см.: Богомолов И. К. Русские подданные в Австро-Венгрии и Германии в июле–октябре 1914 г. // Россия и современный мир. 2017. № 2 (95). С. 154–155).

⁵³ О злоупотреблениях Красного Креста при организации выезда из Германии русских подданных упоминают и другие современники. Ситуации, описанные автором в Дневнике, видимо, имели место. Есть другие указания на небезвозмездную помощь

этой организации в деле отправки русских на родину. Современник описывал одного энергичного немецкого барона, который за помощь русским в отправке на родину требовал «внесения через него на Красный Крест 500 марок». Потом он же заявлял о возможности содействия при условии, что «за каждого, за кого я должен хлопотать, внести через меня в Красный Крест 10 марок». Автор мемуаров сомневался, был ли этот барон мошенником или нет, но такие подозрения закрадывались (см.: *Ростиславлева Н. В.* Диверсификация гуманитарной помощи российским подданным в Германии в годы Первой мировой войны // *Интернирование и депортации гражданского населения России и Германии в годы Первой мировой войны: политический, социальный и гуманитарный аспекты.* М.: Издательство РГГУ. 2020. С. 115–116).

⁵⁴ 18 (31) июля 1914 г. Россия заявила, что не допустит оккупации Сербии, и начала всеобщую мобилизацию. Германия, в свою очередь, потребовала от России прекращения мобилизации и 19 июля (1 августа) 1914 г. объявила войну.

⁵⁵ Россия объявила мобилизацию 30 июля 1914 г. На следующий день кайзер Вильгельм обратился к Николаю II с предложением прекратить мобилизацию в связи с отсутствием для России прямой военной угрозы.

⁵⁶ Так в документе. Правильно «России».

⁵⁷ Так в документе.

⁵⁸ Имеется в виду наступательная операция войск Северо-Западного фронта в районе г. Августов — Суваки 12–30 сентября 1914 г.

⁵⁹ Массированный артиллерийский обстрел крепости Осовец начался 26 сентября 1914 г. После контратак русских войск обстрел был прекращен, и противник отступил, отведя артиллерию.

⁶⁰ Королевский венгерский гонвед — независимые от Сухопутных войск Австро-Венгерской империи Вооруженные силы королевского правительства Венгрии в 1867–1918 гг.

⁶¹ Адальберт Фердинанд Беренгар Виктор (1884–1948), принц прусский, третий сын кайзера Вильгельма II и императрицы Августы Виктории. В годы Первой мировой войны принимал участие в военных действиях во Фландрии.

⁶² Имеется в виду Максимилиан Фридрих Вильгельм Георг фон Гессен (1894–1914), сын младшей сестры кайзера Вильгельма II Маргареты Прусской. Погиб 13 октября 1914 г. в Бельгии.

⁶³ Карл Александр герцог фон Вюртемберг (1896–1964). В годы Первой мировой войны сражался на Западном фронте в Италии.

⁶⁴ Альберт I (1875–1934), король Бельгии.

⁶⁵ Эссен Николай Оттович фон (1860–1915), адмирал, командующий флотом Балтийского моря в 1914–1915 гг.

⁶⁶ Бобринский Георгий Александрович (1863–1928), временный военный генерал-губернатор Галиции (1914–1915).

⁶⁷ Имеется в виду Временное военное Галицийское генерал-губернаторство, созданное в 1914 г. для управления территориями Австро-Венгрии, занятыми российскими войсками во время Первой мировой войны.

⁶⁸ Так в документе.

⁶⁹ Пуанкаре Раймон (1860–1934), 10-й президент Франции (1913–1920).

⁷⁰ Законы об ограничении немецкого землевладения были приняты в феврале 1915 г. (см.: *Ерохина О. В.* «Ликвидационное законодательство» Первой мировой войны // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы.* 2014. С. 69–71).

⁷¹ Так в документе.

- ⁷² Имеется в виду: «Оболгали». От фр. «mentir» — врать.
- ⁷³ Имеется в виду Франц Конрад фон Гетцендорф (1852–1925), начальник генерального штаба австро-венгерских войск накануне и во время Первой мировой войны.
- ⁷⁴ Николай II (1868–1918), император всероссийский в 1894–1917 гг.
- ⁷⁵ Имеется в виду гибель 28 сентября (11 октября) 1914 г. от торпеды германской подводной лодки экипажа броненосного крейсера «Паллада» в Финском заливе численностью 598 человек.
- ⁷⁶ Альберт I (1875–1934), король Бельгии в 1909–1934 гг.
- ⁷⁷ Елизавета Габриэле Валери Мария Баварская (1876–1965), королева Бельгии в 1909–1934 гг.
- ⁷⁸ В 1898 г. Германия по договору с Цинской империей получила в аренду на 99 лет территорию на полуострове Шаньдун с центром в Циндао. Германия планирует развивать Циндао как мировой порт. В 1898 г. он был объявлен порто-франко, в марте 1904 г. была построена большая гавань и судостроительные мастерские. К 1914 г. Циндао стал административным центром германских концессий в восточноазиатском и тихоокеанском регионах. После начала Первой мировой войны китайское правительство объявило о своём нейтралитете и обратилось к воюющим державам с просьбой не переносить военные действия на арендованные воюющими державами китайские территории. После объявления Японией о состоянии войны с Германией 22 августа 1914 г. японские части высадились севернее Циндао и через два месяца захватили германские владения в провинции Шаньдун.
- ⁷⁹ Фердинанд I (1865–1927), король Румынии в 1914–1927 гг.
- ⁸⁰ Король Румынии Фердинанд I придерживался нейтралитета до 1916 г. В 1916 г. Румыния вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты.
- ⁸¹ Имеется в виду кончина Кароля I (1839–1914), короля Румынского, скончавшегося 10 октября 1914 г.
- ⁸² Имеются в виду бои в ходе Варшавско-Ивангородской операции силами русских войск Юго-Западного и Северо-Западного фронтов 15 (28) сентября — 26 октября (8 ноября) 1914 г.
- ⁸³ Хилиус фон Вильгельм, военный атташе Германии в Петербурге в 1906–1912 гг.
- ⁸⁴ Так в документе.
- ⁸⁵ В тексте машинописной копии документа подпись отсутствует. Пост начальника Курляндского жандармского управления в 1915 г. занимал полковник П. А. Демин.

А. Н. Варламова,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории государственных
учреждений и общественных организаций
Историко-архивного института РГГУ

ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА А. В. КОЛЧАКА:

обзор архивных фондов РГВА и ГА РФ

Высшее искусство, которым обладает учитель, — это умение пробудить радость от творческого выражения и получения знаний.

А. Эйнштейн

Эти слова великого ученого в полной мере относятся к научному руководителю кандидатской диссертации автора статьи — Александру Сергеевичу Сенину, который сумел превратить изучение, казалось бы, строго регламентированной темы — аппарата военного управления Российского правительства А. В. Колчака в увлекательное путешествие в сложный и неоднозначный период истории нашей страны. Здесь следует отметить, что именно это правительство, действовавшее под руководством Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего Александра Васильевича Колчака являлось самым влиятельным, официально признанным («союзниками» и белым офицерством) и законным (насколько это вообще было возможно в то время) белогвардейским правительством на протяжении всего периода своего существования. А имя А. В. Колчака — это «имя целого движения, целой эпохи русской революции»¹, изучение которого крайне важно и в настоящее время.

Диссертация «Военное управление Правительства А. В. Колчака: попытки сохранения имперской традиции», защищенная в 1999 году в ИАИ РГГУ по специальности 07.00.02 — Отечественная история, охватывает период ноябрь 1918 — декабрь 1919 г. и рассматри-

вает историю создания и организационное устройство вооруженных сил «белого» лагеря на территориях Урала и Сибири, начиная с первых попыток организации централизованного руководства белогвардейскими формированиями и акцентом на его преемственность, полученную от органов военного управления Директории, в которой сам Александр Васильевич сыграл немалую роль и содержит подробную информацию о каждом органе военного управления этого правительства: Штабе Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России, Военном министерстве, Морском министерстве, Главном управлении по делам казачьих войск при Военном министерстве, Штабе Восточного фронта. Следует отметить, что эти органы на протяжении всего изучаемого периода подвергались постоянным преобразованиям, каждое из которых выявлено на основе архивных документов и отражено в работе. Идея рассмотреть изменения структуры системы военного управления в целом и каждого центрального органа, в нее входящего, на фоне постоянно меняющейся оперативно-стратегической обстановки как на фронте, так и в тылу «белогвардейского государства», принадлежала А. С. Сенину и существенно обогатила исследование, т. к. власть и армия в суровые годы войны (тем более гражданской) неотделимы.

Провести столь детальное исследование невозможно было только через привлечение широкого круга источников и литературы, как опубликованных, так и не опубликованных, только перечисление которых заняло около 50 страниц кандидатской диссертации, что само по себе является существенным научно-справочным аппаратом по теме исследования. Следует отметить, что без энциклопедических знаний А. С. Сенина подобрать такое количество литературы по теме исследования было бы невозможно. Вместе с тем исследование построено преимущественно на архивных документах. Особенное место среди них занимают архивные фонды: Центрального государственного архива Советской армии (ЦГАСА), преобразованного в Российский государственный военный архив (РГВА) и Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ).

Ввиду ограниченности объема данной статьи рассмотрим только ряд из них, сыгравших основную роль в раскрытии темы исследования. Прежде всего это документы органов военного управления Российского правительства А. В. Колчака, хранящиеся в РГВА.

Фонд 39499 — Штаб Верховного правителя и Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России — один из самых больших фондов, поскольку с течением времени вобрал в себя более мелкие фонды своих управлений. Документы Штаба ВГК стали краеугольным камнем в работе, ввиду значимости данного учреждения в системе военного управления. Они охватывают период с сентября 1918 по декабрь 1919 года и содержат в себе приказы по Штабу ВГК и его управлениям (административно-строевые и по личному составу); положения и штаты структурных подразделений штаба, соединений и частей армии, схемы их формирования; оперативные сводки соединений и частей; доклады о положении в районах боевых действий, состоянии железных дорог, организации авиации, обеспечении материально-техническими ценностями и вооружением; записи разговоров по прямому проводу Верховного правителя с начальниками штабов по оперативным вопросам; разведывательные и агентурные сводки о состоянии войск Красной Армии; воззвания Верховного правителя к населению; информационные отчеты о настроениях местного населения и о внутреннем и международном положении правительства А. В. Колчака; сведения о боевом и численном составе соединений и частей; военно-политические обзоры о положении на фронтах и восстаниях против правительства; материалы по редакции газеты «Русская армия»; доклады военного прокурора о дознании по преступлениям офицеров; переговоры военно-полевых судов; судебно-следственные дела; доклады и переписка по организации и состоянию лагерей военнопленных; сведения о движении больных и раненых личного состава частей; именные и послужные списки, аттестаты и наградные листы офицеров и др. В фонде содержатся некоторые документы по морскому ведомству колчаковского правительства.

Фонд 40218 — Отдел контрразведки Штаба Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России — является продолжением вышеназванного фонда, охватывает период 1918–1919 гг. и содержит документы по агитационно-пропагандистской и контрразведывательной работы Штаба ВГК.

Говоря об информационной емкости и важности сведений, содержащихся в документах органов центрального военного управления, фонд 39597 (Военное министерство Временного Всероссийского

правительства) равнозначен фонду Штаба ВГК, т. к. именно Военное министерство являлось административно-управленческим органом системы центрального военного управления. Фонд содержит в себе материалы управлений помощников Военного министра по организационно-инспекторской части, по снабжению и технической части, морского ведомства, и охватывает период с марта 1918 г. по январь 1920 г. Документы фонда позволили автору не только изучить организационное устройство Военного и Морского министерств, но и осветить в своей работе историю создания вооруженных сил на изучаемых территориях, так как содержат в себе постановления Административного Совета Временного Сибирского правительства; приказания по военному ведомству Временного Сибирского правительства; выписки из журналов заседаний Совета министров; доклады министерств и ведомств по различным вопросам военного управления; сводки сведений о чрезвычайных происшествиях; приказы Военного и Морского министров; приказы по военному ведомству, по канцелярии управляющего Военным министерством, по главному военноквартирному управлению «Народной армии»; по комендантской части канцелярии управляющего Военным министерством; приказы помощника Военного министра по организационно-мобилизационной части; по военно-санитарному ведомству, по окружному военно-ветеринарному управлению, приказы по личному составу; положение о чиновниках военного времени, о службе добровольцев в сухопутных войсках, об организации снабжения войск; обзоры прессы, составленные осведомительным отделом Штаба ВГК; книги сметных расходов канцелярии управляющего военным министерством; сведения о ходе мобилизации; о состоянии инженерного имущества; переписка с различными ведомствами по административно-хозяйственным вопросам и личному составу; материалы о порядке назначения пенсий и различных надбавок, материалы о состоянии снабжения продовольствием и имуществом войск, об организации железнодорожных перевозок и состоянии транспорта, о состоянии санитарного и ветеринарного дела в военных округах; материалы об увольнении от службы и назначении, послужные и именные списки, наградные листы офицеров и служащих Военного и Морского министерств и их управлений. Вместе с тем следует отметить далеко не полную сохранность документов главных управлений Военного министерства, что не могло не повли-

ять на работу. Документы управлений Военного министерства собраны в специальные фонды, которые также были изучены автором.

Важнейшим из них является фонд 39466 — Главный штаб Военного министерства. Являясь главной организационно-административной частью Военного министерства, это учреждение отложило в своих архивах множество интереснейшей информации по личному составу органов центрального военного управления и, прежде всего, самого Военного министерства. Хронологические рамки фонда охватывают период с октября 1918 по конец 1919 г. и содержат в себе приказы начальника Главного штаба Военного министерства (далее Генерального штаба) по комендантской части, по отделу дежурного генерала, по личному составу; приказание и циркуляры начальника Главного штаба; постановления Совета министров Всероссийского Временного правительства; обращения союзного командования к населению России, документы главнокомандующего Восточным фронтом; отчеты о деятельности отделов и отделений Главного штаба; доклады начальника и руководящего состава Главного штаба по различным вопросам; докладные записки контрразведывательного отделения и переписка о проведенных арестах и дознаниях; оперативные карты-схемы расположения войск; указания начальника Главного штаба командующим войскам Омского, Иркутского и Приамурского военных округов; текст обязательств, присяги и формы подписки добровольцев; штаты, положения, сведения о составе, организации и функционировании отделов Главного штаба, Главного управления военных сообщений, Военного и Морского министерств; послужные и именные списки, наградные листы, краткие записи о службе офицеров и переписка о повышении офицеров в воинских званиях; материалы по разработке пенсионного устава, назначении и выдаче пенсий и единовременных пособий военнослужащим и их семьям; протоколы заседания Комитета по делам военнопленных, сведения о количестве военнопленных, находящихся в Сибири (в том числе занятых на строительстве Южно-Сибирской железной дороги), регистрационные карточки военнопленных и переписка по вопросам военнопленных; переписка с другими военными учреждениями по вопросам дислокации и боевом составе армии, а также по личному составу; сметы и перечни расходов, сличительные ведомости денежных расходов на содержание Военного министерства в целом и его Гене-

рального штаба в частности, а также их управлений (в том числе очень информативные объяснительные записки к ним, а также о расходах на содержание контрразведки и агентов); требовательные ведомости на выдачу денежного содержания офицерам и служащим отделов Главного штаба и др.

Фонд 39706 (Главное управление военно-учебных заведений) охватывает период с ноября 1918 по ноябрь 1919 года. Несмотря на то, что в большей своей части он содержит документы непосредственно по Иркутскому военному училищу, Оренбургскому, Хабаровскому и Сибирскому кадетским корпусам, Иркутской и Хабаровской гимназии военного ведомства и, практически, не освещает деятельность самого управления, фонд был использован для ознакомления с программами подготовки офицеров и младшего командного состава, в которых отчетливо прослеживается стремление сохранить имперские традиции даже в организации обучения, несмотря на ход Гражданской войны. Следует отметить, что вопросы обучения новобранцев и повышения квалификации офицеров раскрывают фонды военных училищ Российского правительства Колчака, часть из которых была изучена автором². Фонд 33892 (Всероссийская академия, бывш. Всероссийская академия Генерального штаба) содержит в себе сведения по истории создания академии, именные списки ее выпускников и другие интересные документы.

Говоря о попытке сохранения имперской традиции, следует отметить и деятельность священнослужителей армии А. В. Колчака, осуществляемую в соответствии с дореволюционным Уставом царской армии. Здесь нельзя не упомянуть фонд 40253 (Управление главного священника армии и флота при Ставке ВГК), который содержит в себе следующие документы: циркуляры управления; протоколы совещаний духовенства и мирян Омской и Павлодарской епархии; переписку со Ставкой Главковерха, соединениями и воинскими частями об организации проповедческих отрядов и усилении религиозной пропаганды, назначении священнослужителей; речь главного священника Сибирской армии на соборном совещании от 22-го ноября 1918 года; переписка со Всевышним временным церковным управлением, редакциями газет «Армия и народ» и «Сибирский Благовест»; приказы по управлению; положение о главном священнике армии и флота (протопресвитере); материалы и денежные отчеты по церквям; мате-

риалы о ликвидации управления епископа русской армии и др., позволяющие показать влияние духовенства и его роль. Хронологические рамки неплохо сохранившихся документов этого управления включают в себя декабрь 1919 — февраль 1920 г.

Особняком стоят фонды, содержащие сведения о санитарном деле, осуществляемом в Белой армии на изучаемых территориях, которым руководило Главное военно-санитарное управление. Следует отметить, что несмотря на то, что в исследовании документы лечебных частей практически не исследовались, они были автором выявлены и могут быть интересны молодым исследователям, т. к. показывают уровень организации лечебного дела в армии А. В. Колчака³.

Фонд 39708 (Главное интендантское управление), несмотря на неполную сохранность документов, содержит в себе временные штаты управления, его подразделений и подведомственных ему учреждений, доклады военного министра в Совете министров об организации снабжения армии продовольствием и интендантским имуществом, об установлении окладов; протоколы дознаний о хищениях на заводах и в мастерских; переписку о поступлении, наличии и расходе продовольствия, об эвакуации заводов, мастерских и упреждений и др. документы, позволяющие осветить это направление деятельности. Хронологические рамки документов фонда: ноябрь 1918 — конец 1919 года.

Материально-технический и экономический потенциал Всероссийского Временного правительства А. В. Колчака отражен в фондах учреждений и ведомств, заводов и мастерских, выполнявших заказы верховной власти на поставку оружия, предметов интендантского довольствия войскам. В фондах имеется переписка, наглядно показывающая взаимодействие законодательной и исполнительной власти, а также «рыночные отношения» в лагере белых. При освещении вопросов снабжения армии всеми видами довольствия автор также использовал документы фондов: 39459 (Высший совет снабжения союзных армий, действующих в пределах Российского государства); 39486 (Ревизионная комиссия по проверке действий Военно-экономического общества офицеров действующей армии в г. Омске); 39818 (Управление главного казначея армии, впоследствии — Главный казначей армии Восточного фронта) и др.

Фонд 40818 (Главное военно-инженерное управление) содержит в себе небольшой объем плохо сохранившихся документов по органи-

зации работы этого управления: приказы по управлению; временные штат и положение управления, за период с сентября 1918 по сентябрь 1919 года.

Фонд 39753 (Главное артиллерийское управление) содержит в себе весьма интересные документы по организации артиллерийского дела; проекты приказов по окружному артиллерийскому складу Западной армии; временный штат управления и схему его организации; временный штат Владивостокского артсклада; протоколы заседаний Военно-химической комиссии при Главном артиллерийском управлении; переписку по финансовым вопросам, о состоянии артскладов и размещении артиллерийского имущества, о строительстве заводов артиллерийских снарядов и взрывателей, о заготовке соответствующего сырья, по личному составу и административным вопросам; требовательные ведомости на имущество за период с ноября 1918 по октябрь 1919 г. Однако большая часть документов находится в россыпи. Фонд был активно использован в работе, так как затрагивает вопросы снабжения и поражает масштабом. В дополнение к нему были частично изучены документы фондов 39884 (Тыловая артиллерийская мастерская Курганского военного округа) и 40277 (Начальник подвижной авиационной мастерской № 2) в качестве уточнения порядка выполнения военных заказов.

Говоря о главных управлениях Военного министерства, нельзя обойти вниманием фонд 39709 (Главное управление по делам казачьих войск) прежде всего потому, что казаки, являясь неотъемлемой частью регулярного колчаковского войска, вместе с тем сохранили самобытность в своем управлении. Хронологические рамки фонда охватывают период с ноября 1918 по октябрь 1919 г. Фонд содержит в себе приказы по Иркутскому и Сибирскому казачьим войскам; протоколы заседаний войсковых кругов и чрезвычайных съездов казачьих войск; обращения Всероссийского Правителя к казачеству; приветствия войсковых казачьих кругов в адрес казачьих съездов и конференций. Особый интерес представляют положения о Совещании представителей войсковых общественных самоуправлений казачьих войск при помощнике Военного министра, об общеказачьей организации по закупке товаров и сбыту продуктов, о войсковых атаманах, о Главном управлении по делам казачьих войск; временные штаты Штаба походного атамана всех казачьих войск и войсковых управ,

а также Инструкция о порядке рассмотрения вопросов на Совещании представителей всех казачьих войск и протоколы этого Совещания; оперативные сводки штабов ВГК и Восточного фронта; сводки и доклады о настроениях казаков и экономическом положении станций Сибирского казачьего войска и др., о реорганизационных преобразованиях в казачьих войсках; призывы и обращения войскового осведомительного отдела Сибирского казачьего войска и Штаба Сводного казачьего войска; переписка о деятельности правлений казачьих войск и по личному составу. Особняком стоит телеграмма представителей войсковых управлений казачьих войск Сибири о признании атаманом Г. М. Семеновым правительства А. В. Колчака и полном согласии со всеми его действиями.

Несомненным является тот факт, что казаки играли значимую роль в истории белого движения. Очевидно и то, что неспособность правительства объединить их под единым командованием во многом повлекла за собой столь печальный исход «белой» борьбы 1918–1919 годов на изучаемых территориях. Документы казачьих частей и соединений были использованы автором для освещения вопроса участия казачьих войск в вооруженной борьбе против большевиков⁴.

Особое внимание было уделено фонду 39768 — Штабу походного атамана всех казачьих войск и генерал-инспектора кавалерии Русской армии — как руководящему органу казачьих войск на театре военных действий. Фонды формирования и учреждений Г. М. Семенова, И. П. Калмыкова, А. И. Дутова и Б. В. Анненкова⁵, как наиболее ярких лидеров «белого» казачества, были изучены в этом ракурсе. Среди них особо следует отметить фонд Штаба Главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины (39532) как своеобразного «преемника» военного управления казачьими войсками. Тема казачества широка и многообразна и является самодостаточной для самостоятельного исследования.

Завершая обзор фондов центральных органов военного управления Правительства А. В. Колчака, хранящихся в РГВА, необходимо акцентировать внимание на документах фонда 39483 (Управление Восточного фронта) в связи с тем, что в конце 1919 г. именно этот орган — Штаб Восточного фронта — вобрал в себя практически все структурные части аппарата центрального военного управления Всероссийского правительства А. В. Колчака. Документы фонда, сохранившиеся

неважно, охватывают период с 1919 по 1920 г. и позволяют изучить последние дни существования централизованного руководства на изучаемых территориях.

Проследить историю создания аппарата центрального военного управления на изучаемых территориях, а также пути трансформации органов военного управления колчаковского правительства после «отставки» Верховного главнокомандующего помогли фонды центральных военных учреждений белогвардейских правительств как предшественников Российского правительства А. В. Колчака, так и его последователей. К ним прежде всего относятся фонды: 39465 (Главное управление Генерального штаба «Народной... армии»); 39551 (Главный штаб Народной армии «Комуч»); 40240 (Военный отдел Временного Сибирского правительства); 40294 (Штаб командующего сухопутными и морскими силами Временного правительства Приморской областной земской управы, впоследствии Штаб сухопутных и морских сил Приморского района и крепости Владивосток); 40446 (Личная (военная) канцелярия Верховного уполномоченного Всероссийского правительства на Дальнем Востоке), а также документы руководящих органов воинских формирований «Народной армии»⁶.

Немалый интерес представляют и персональные фонды лидеров Белого движения, и коллекции документов, имеющих непосредственное отношение к изучаемой теме.

Фонд Колчака Александра Васильевича (40216) по большей части в момент изучения находился в россыпи. Однако автору удалось ознакомиться с его документами, которые были использованы для воссоздания исторического портрета Верховного правителя как государственного деятеля. Фонд содержит в себе немало документов, характеризующих вице-адмирала как личность.

Фонд генерал-лейтенанта К. В. Сахарова (39778), видного военного деятеля, занимавшего высокие посты в аппарате военного управления Российского правительства А. В. Колчака, был использован автором для освещения вопросов организации и деятельности системы военного управления, учебно-инструкторских школ во Владивостоке и острове Русском, а также для изучения «последнего» похода колчаковской армии в Забайкалье, непосредственным участником которого являлся К. В. Сахаров.

Фонд генерал-лейтенанта В. О. Каппеля (39458) интересен тем, что этот офицер являлся преданнейшим сторонником Верховного Главнокомандующего, войска считались образцовыми среди колчаковского войска. Судьба этого человека трагична, как, впрочем, и всего Белого движения. Фонд содержит в себе послужной список, личную карточку и другие материалы личного дела. Документы фонда при его изучении находились в россыпи.

Фонд генерал-лейтенанта Р. Гайды (40169) интересен тем, что именно он сыграл немаловажную роль не только в судьбе колчаковской армии, но и оставил отпечаток во всей «эпопее белого движения Урала и Сибири».

Фонд 40290 (Материалы белогвардейских частей и учреждений, собранные органами ВЧК—ОГПУ) представляет собой коллекцию, составленную в партархиве Новосибирского обкома ВКП (б) и содержит документы периода 1918–1919 гг., собранные частями после спешных эвакуаций армии Колчака. Говоря о коллекциях белогвардейских документов, хранящихся в РГВА, нельзя не назвать следующие коллекции: 40213 (Приказы, приказания, объявления, циркуляр); 40307 (Коллекция документов белогвардейских объединений, соединений, частей и учреждений «VARIA»); 40308 (Коллекция документов белогвардейских объединений, соединений, частей и учреждений «Особая VARIA»); 40840 (Мелкие поступления) и др. Следует отметить, что названные коллекции содержат в себе документы практически всех белогвардейских формирований, существовавших в изучаемый период на территории всей страны.

Для освещения вопросов кадрового состава центрального аппарата военного управления правительства А. В. Колчака наряду с фондами самих центральных учреждений этой системы могут быть интересны фонды: 40214 — Сведения по личному составу военных учреждений, войсковых частей Восточного фронта. Коллекция; 40215 — Наградные листы, послужные списки и анкеты на личный состав военных учреждений, частей и соединений военного ведомства.

Вопросы мобилизации (пополнения армии свежими силами) освещены в фондах центральных органов военного управления, отвечавших за эту работу. Помимо них, автором были изучены следующие фонды: 39469 — Комиссия по регистрации и переосвидетельствованию офицеров при Омском военном округе; 39497 — Управление

уполномоченного начальника добровольческих формирований Иркутского военного района, 40013 — Управление уполномоченного начальника добровольческих формирований Томского военного района и др.

Организация и деятельность военно-полевых судов, прокурорской части и органов контрразведки на местах достаточно полно отражены в документах соответствующих учреждений⁷.

При изучении структуры системы военного управления автором были привлечены фонды управлений и штабов войсковых частей и соединений, подчиненных Верховному главнокомандующему, что позволило восстановить картину соподчиненности и проанализировать «бюрократическую военную машину» в действии⁸.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) также хранит определенную группу документов, проливающих свет на аспекты формирования аппарата военного управления правительства А. В. Колчака, хоть и посвящены прежде всего гражданской администрации. Например, фонды Совета министров Российского правительства А. В. Колчака и его центральных учреждений, такие как: Р-176 — Совет министров Российского правительства; Р-180 — Управление делами Временного Всероссийского правительства (Колчак) и др.^{9, 10} Эти документы помогли воссоздать исторические события тех лет, разобраться в межминистерских интригах, уточнить некоторые вопросы, затрагивающие военное ведомство и отношения между союзниками и колчаковским правительством, установить имена исторических лиц того времени, занимавших важнейшие государственные посты.

Немалый интерес представляют и фонды печатных органов колчаковского правительства изучаемого периода, такие как: Р-4856 — Контора газеты «Правительственный вестник» отдела печати при Управлении делами Верховного правителя и Совета министров Российского правительства; Р-4911 — Редакция газеты «Русская армия» и другие¹¹, а также фонды общественных организаций того периода, имевших непосредственное отношение к армии¹².

Документы фондов белогвардейского правительства «доколчаковского» периода были привлечены с целью изучения некоторых вопросов по организации военного управления вышеуказанных правительств, а также вопроса прихода к власти А. В. Колчака¹³.

Документы вышеперечисленных фондов ГА РФ охватывают период с 1918 по 1920 г. и содержат в себе ценнейшие материалы, использованные автором в своей работе как дополнение к документам РГВА.

Таким образом, к работе над диссертацией был привлечен 141 фонд РГВА и ГА РФ. Использование такого масштабного объема источников и особенно архивных фондов позволило автору составить приложения к работе. Среди них:

- развернутые схемы системы аппарата военного управления Всероссийского Временного правительства в целом и каждого его центрального органа в отдельности с отражением всех изменений, происходящих в них на протяжении всего периода их существования;
- детальный перечень военных частей и соединений «Белой Армии», действующих на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока;
- именной список руководителей центральных органов военного управления правительства А. В. Колчака;
- указатель более чем 500 имен, упоминаемых в исследовании и др.

Столь существенный научно-справочный аппарат, являющийся приложением к диссертационному исследованию автора, во многом результат научного руководства А. С. Сенина — кропотливого исследователя, сумевшего передать свое трепетное отношение к источникам и кропотливость в их изучении и представлении своему ученику.

Подводя итоги обзора использованных архивных фондов, нельзя обойти вниманием их сохранность. В целом физическое состояние документов можно охарактеризовать как хорошее. Несмотря на то, что от времени бумага несколько пожелтела, угасание текста не произошло. Рукописный текст в документах встречается редко (как правило, это черновики докладных записок, переписка и т. п.). Практически все приказы, штатные и должностные расстановки, положения о всех органах центрального военного управления, их структурных подразделений, воззвания Верховного правителя напечатаны типографским способом. Аналогичные документы штабов военных округов, групп армий и более мелких частей и соединений напечатаны на машинке, что демонстрирует качество организации делопроизводства на всех уровнях аппарата военного управления¹⁴. Однотипные документы в боль-

шинстве своем подшиты (переплетены) в дела по хронологическому принципу. Тем не менее еще немало документов находится в россыпи. Дела неравномерны по объему: от 10–15 до 500–600 (в основном переписка) листов. Все дела имеют архивный шифр и занесены в архивную опись.

Автор уже много лет как отошел от исследования темы военного управления Правительства А. В. Колчака, и возвращение к ней обусловлено подготовкой юбилейного сборника в честь Александра Сергеевича Сенина — научного руководителя диссертационного исследования автора, оказавшего серьезное влияние на постановку задач исследования, сбор литературы по теме и подготовку приложений к нему. Вместе с тем автор надеется, что систематизированный обзор архивных фондов РГВА и ГА РФ, использованных в диссертации «Военное управление Правительства А. В. Колчака: попытки сохранения имперской традиции», поможет молодым исследователям его продолжить, не трата время на выявление фондов.

В заключение хочется высказать слова благодарности Александру Сергеевичу за его научное руководство диссертационным исследованием автора, благодаря которому в научный оборот было введено значительное количество архивных фондов и закрашены многие белые пятна в истории Белого движения.

С Юбилеем — Александр Сергеевич! Долгие лета на научном поприще!

Примечания

- ¹ Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни / сост. Г. В. Егоров. Барнаул, 1991. С. 7.
- ² Фонды РГВА: 39815 — «Главная инструкторская школа младших офицеров (бывш. Повторительные курсы младших офицеров)»; 39467 — «Иркутская школа для подготовки унтер-офицеров»; 39833 — «Иркутская учебная инструкторская школа»; 40218 — «Иркутское военное училище» и др.
- ³ Фонды РГВА: 39746 — «Военно-санитарный поезд № 4»; 39989 — «Красноярский (монастырский) пункт для выздоравливающих воинов»; 39952 — «Курганский военный госпиталь»; 39954 — «Красноярский военный госпиталь Омского ВО»; 40111 — «Старший врач 3-го Уфимского лазарета для военнопленных, главный врач 2-го эвакуационного госпиталя (Уфа)»; 40183 — «Окружное военно-санитарное управление Западно-Сибирского военного округа», далее «Окружное военно-санитарное управление Омского военного округа»; 40271 — «Тюменский военный госпиталь»; 40286 — «Санитарный поезд № 121 РОКК» и др.
- ⁴ Фонды РГВА: 39596 — «Войсковое правление Уссурийского казачьего войска»; 40153 — «Войсковой штаб Сибирского казачьего войска»; 40193 — «Войсковой

- штаб Амурского казачьего войска»; 40417 — «Войсковое правление Забайкальского казачьего войска», 39532 — «Штаб походного атамана Дальневосточного казачьего войска» (далее «Штаб главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины и походного атамана казачьего войска Сибири и Урала») и др.
- ⁵ Фонды РГВА: 39544 — «Штаб Уссурийской отдельной сводной атамана Калмыкова дивизии», 39547 — «Хабаровский добровольческий отряд Уссурийской отдельной атамана Калмыкова бригады», 39711 — «Штаб партизанской дивизии атамана Анненкова», 39712 — «Представитель атамана Анненкова при походе атамана всех казачьих войск Российской Восточной окраины», 39724 — «Войсковой атаман Забайкальского казачьего войска» и др.
- ⁶ Фонды РГВА: 39548 — «Штаб формирования частей Народной армии Хвалынского района»; 39552 — «Штаб формирования частей Народной армии Боткинського района»; 39556 — «Штаб формирования частей Народной армии Уфимской губернии»; 39562 — «Штаб формирования частей народной армии Ижевского района»; 40037 — «Штаб формирования частей Народной армии г. Казани и губернии»; 40048 — «Штаб формирования частей Народной армии Сарапульского района»; 40777 — «Штаб формирования частей Народной армии Иващенковского района».
- ⁷ Фонды РГВА: 30575 — «Канцелярия военного прокурора объединенного Приамурского военного и военно-морского суда»; 39464 — «Заведующий военно-судной частью войск Западного фронта»; 39526 — «Управление политического розыска войск Гродековской группы»; 39742 — «Военно-окружной суд Оренбургского военного округа»; 40112 — «Заведующий военно-судной частью Самарской группы войск»; 40129 — «Временный военный суд в г. Чите»; 40219 — «Контрразведывательное отделение штаба Восточно-Сибирского ВО»; 40220 — «Контрразведывательное отделение штаба Иркутского ВО»; 40221 — «Контрразведывательное отделение штаба Омского военного округа»; 40225 — «Красноярский контрразведывательный пункт при Штабе Иркутского ВО»; 40262 — «Объединенный Приамурский военный и военно-морской суд»; 40293 — «Военный следователь при общем корпусном суде 3-ей армии»; 40319 «Начальник военного контроля и контрразведывательного отделения Владивостокского района»; 40321 — «Начальник военного контроля при Иркутском военном районе»; 40322 — «Военный контроль при управлении начальника Иркутского ВО»; 40324 — «Общий корпусной суд Западной армии» и др.
- ⁸ Фонды РГВА: 30506 — «Штаб Южной группы войск Западной армии»; 39477 — «Управление Оренбургского военного округа»; 39500 — «Управление Волжской группы войск»; 39504 — «Штаб Омского военного округа»; 39515 — «Управление Иркутского военного округа»; 39533 — «Управление Забайкальского военного округа»; 39610 — «Управление Тюменского военного округа на театре военных действий»; 39617 — «Управление Сибирской армии (бывш. Западно-Сибирской армии)»; 39624 — «Штаб Московской группы армий»; 39625 — «Управление Оренбургской отдельной армии (бывш. Юго-Западной армии)»; 39722 — «Управление Екатеринбургской группы войск»; 39736 — «Управление Сибирской армии»; 39782 — «Штаб Поволжской группы войск»; 39998 — «Управление Уфимской группы войск»; 40014 — «Штаб Уфимской группы войск»; 40017 — «Управление Северной группы войск Сибирской армии»; 40021 — «Управление отдельной Степной группы войск»; 40022 — «Управление Уральской группы войск»; 40023 — «Штаб Восточно-Сибирского военного округа»; 40025 — «Управление 1-й Сибирской армии»; 40027 — «Управление Уральской отдельной армии (бывш.

- Уральская армия»); 40028 — «Управление Оренбургской армии (бывш. Южной отдельной армии)»; 40151 — «Управление Сибирской группы войск»; 40275 — «Штаб Восточно-Сибирского военного округа»; 40320 — «Военно-административное управление Западной армии»; 40835 — «Управление 2-ой армии»; 40836 — «Управление Восточно-Сибирской отдельной армии» и др.
- ⁹ Фонды РГВА: 39532 — «Штаб походного атамана Дальневосточного казачьего войска», далее «Штаб главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины и походного атамана казачьих войск Сибири и Урала»; 39544 — «Штаб Уссурийской отдельной сводной атамана Калмыкова дивизии»; 39547 — «Хабаровский добровольческий отряд Уссурийской отдельной атамана Калмыкова бригады»; 39710 — «Отряд особого назначения есаула Красильникова»; 39711 — «Штаб партизанской дивизии атамана Анненкова»; 39712 — «Представитель атамана Анненкова при походном атамане всех казачьих войск Российской Восточной окраины»; 39724 — «Войсковой атаман Забайкальского казачьего войска» и др.
- ¹⁰ Фонды ГА РФ: Р-200 — «Министерство иностранных дел Российского правительства»; Р-1700 — «Министерство внутренних дел Российского правительства».
- ¹¹ Фонды ГА РФ: Р-952 — «Русское телеграфное агентство при акционерном обществе "Русское общество печатного дела"»; Р-3499 — «Редакция газеты "Дело Сибири"», Р-4626 — «Русское бюро печати».
- ¹² Фонды ГА РФ: Р-250 — «Общество "Возрождение армии"»; Р-1845 — «Временное главное управление Российского общества Красного Креста»; Р-3850 — «Сибирский благотворительный комитет имени верховного правителя адмирала Колчака» и др.
- ¹³ Фонды ГА РФ: Р-131 — «Административный совет Временного Сибирского правительства»; Р-144 — «Государственное совещание. Уфа. 1918 г.»; Р-151 — «Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства»; Р-175 — «Совет министров Временного "правительства автономной Сибири"»; Р-670 — «Совет управляющих ведомствами Комитета членов Всероссийского учредительного собрания»; Р-749 — «Комитет членов Всероссийского учредительного собрания»; Р-1397 — «Управление делами делового кабинета при временном правителе генерал-лейтенанте Хорвате»; Р-3247 — «Кабинет военного и морского министра Временного правительства автономной Сибири» и др.
- ¹⁴ Согласно любому штатному расписанию при любом отделе любого штаба неизбежно встречается должность делопроизводителя и машинистки.

А. В. Ганин,
*доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник Института славяноведения РАН*

«БОЛЬШЕВИКИ... ПРЕВРАТИЛИ ОФИЦЕРОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В УЗКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ...»:

статья А. С. Резанова «Наш Генеральный штаб»

Среди разнообразных и случайных материалов коллекции видного публициста и издателя В. А. Бурцева (17.11.1862—21.02.1942) в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) хранится машинописный набор статьи «Наш Генеральный штаб»¹. Этот текст содержит критическую оценку Генерального штаба старой России и определенные наблюдения автора, ряд суждений которого довольно точно характеризовали особенности службы специалистов Генерального штаба в Гражданскую войну, в связи с чем возникла идея его публикации. Впрочем, статья содержала и ошибки.

Свой обзор автор начинает со времен Русско-японской войны 1904–1905 гг., отмечая, что представления о противнике в военном ведомстве были поверхностными, не имелось ни плана войны, ни специальных карт будущего театра военных действий. Действительно, руководством военного министерства поощрялся взгляд на японскую армию как на плохо обученную и не подготовленную к широкомасштабной войне. Разведывательная информация не отличалась достоверностью. Как в прессе, так и в документах военного ведомства распространялись шапкозакидательские настроения². Планы военных действий, разумеется, существовали, но недооценка противника велась к ошибкам военного планирования, в котором, в частности, не учитывалась возможность внезапных действий противника и высадки им крупных сил на континенте³, как произошло в итоге. Что касается необеспеченности картами театра будущей войны, то это утверждение является мифом: в период 1890-х — начала 1900-х гг. (до войны) российские военные топографы провели новые топографические съем-

ки в Южной Маньчжурии, в том числе на Квантунском полуострове и большей части Ляодунского полуострова⁴. Картографическая обеспеченность театра военных действий признается специалистами вполне удовлетворительной.

Как справедливо констатирует автор статьи, после поражения в Русско-японской войне, офицеры Генерального штаба стали подвергаться нападкам в военной печати. Обоснованно приводятся недостатки, присущие генштабистам, — несостоятельность получаемой слушателями Николаевской академии Генерального штаба подготовки, оторванность офицеров от строевой службы и жизни, их карьеризм, кастовость и самонадеянность. Впрочем, некоторые суждения автора, пытающегося возложить на генштабистов ответственность за все неудачи Первой мировой войны для России, включая вопросы функционирования военной промышленности, излишне категоричны и критичны.

Далее автор переходит к рассмотрению роли генштабистов в Гражданской войне. На наш взгляд, это наиболее интересная часть статьи. Эту часть автор начинает с обвинения генштабистов в том, что они в большинстве своем перешли на сторону красных. Остановимся на этом тезисе подробнее.

Обвинения генштабистов в массовом переходе на сторону большевиков получили широкое распространение в кругах белой эмиграции как способ объяснения военного поражения белых⁵. Например, журналист Г. В. Немирович-Данченко в 1922 г. в Берлине писал о 75% бывших офицеров Генштаба, служивших большевикам⁶. Подобные оценки разделяли и генштабисты, стоявшие в руководстве Белого движения. Так, генерал А. И. Деникин отмечал, что особенно широко у красных был представлен Генеральный штаб⁷. Схожие оценки оставляли и обыватели. Журналист А. А. Валентинов в штабе Врангеля 30 мая (12 июня) 1920 г. узнал, что красным служат свыше 80% генштабистов⁸. Автор же публикуемой статьи утверждал, что в РККА поступило $\frac{2}{3}$ офицеров Генерального штаба. Разумеется, это было значительным преувеличением, а неудачи белым было проще списать на более квалифицированный командный состав противника, чем задуматься о собственных системных просчетах.

В настоящее время существует возможность оценить численность военспецов-генштабистов РККА предметно. По последним подсче-

там, через ряды Красной армии за время Гражданской войны 1917–1922 гг. прошло не менее 1 600 выпускников академии различных категорий. Разумеется, такое количество генштабистов служило у красных не одновременно, а в разные периоды. Контингент военспецов-генштабистов РККА превышал аналогичные показатели по любой из белых армий, хотя совокупно через ряды белых армий прошло больше выпускников академии. На РККА приходилось 39,3% мест службы всех выпускников академии, прошедших через все противоборствующие армии⁹. Всего же в Гражданской войне участвовало не менее 2 859 выпускников академии¹⁰. Если исходить из этого количества, то через ряды РККА прошло 56% таких лиц.

Далее в статье приводились некоторые наиболее громкие фамилии военспецов-генштабистов, но этот список содержал неточности. К примеру, бывший военный министр генерал А. Н. Куропаткин в Красной армии не служил, а занимал должность консультанта Холмского отдела народного образования в Псковской губернии и занимался обустройством Наговской сельскохозяйственной школы, созданной по его инициативе еще до революции¹¹. Не служил в РККА и бывший генерал В. А. Черемисов. Генерал А. П. Архангельский уже в 1918 г. перешел в антибольшевистский лагерь, а до того, параллельно со службой в РККА, деятельно участвовал в работе белого подполья. Генерал Л. М. Болховитинов в том же году попал в плен к белым и в красный лагерь уже не вернулся. Бывший полковник М. Ф. Раевский был расстрелян за причастность к антибольшевистскому подполью. Таким образом, из тринадцати персоналий, указанных в статье, добросовестными военспецами могут считаться не более девяти человек. Кроме того, насколько известно, представители старой Военной академии, вопреки утверждению автора статьи, не подносили наркому по военным делам Л. Д. Троцкому диплом и ученый знак академии¹².

Но что действительно выглядит проницательным наблюдением, так это утверждение автора статьи о превращении большевиками военспецов-генштабистов в узких специалистов, контролируемых комиссарами. В результате присущие генштабистам старой школы негативные качества оказались минимизированы, на первый план вышли результативность работы и профессионализм, а среда генштабистов оздоровилась.

Сравнивая работу военспецов-генштабистов и их прежних товарищей, оказавшихся в белых армиях Юга России, автор отмечает, что в белом лагере такие офицеры заняли все руководящие посты, однако без сдерживающего фактора комиссарского контроля белые генштабисты в полной мере продемонстрировали прежние кастовые традиции, карьеризм, протекционизм и самомнение. Это негативно сказалось на исходе Белого движения. Подобная оценка также представляется справедливой.

Установить, публиковался ли этот текст когда-либо, не удалось. Однако, поскольку он не встретился автору этих строк за несколько десятилетий изучения темы, очевидно, что публикуемый материал достаточно редкий.

Насколько можно судить, статья по времени написания относится к 1920 г. На обложке дела с ней указан, видимо, автор — полковник А. С. Резанов. Александр Семенович Резанов (1878–?) был выпускником Александровской военно-юридической академии и известным военным юристом своего времени. Его послужной список включал должности помощника военного прокурора Варшавского и Петроградского военно-окружных судов, а сам он был специалистом по борьбе со шпионажем. Также Резанов считается автором неосуществленного проекта создания мощного контрразведывательно-полицейского ведомства¹³. Резанов участвовал в расследовании ряда дел о шпионаже на Северном фронте в годы Первой мировой войны и являлся многолетним сотрудником знаменитого контрразведчика генерала Н. С. Батюшина. По рекомендации последнего Резанов едва не стал директором Департамента полиции МВД¹⁴. Батюшин вместе со своим окружением приобрел скандальную репутацию борца с немецким засильем и шпиономана. В итоге деятельность Батюшина и его сотрудников в Первую мировую войну (в том числе участвовавших в негласной оперативной разработке Г. Е. Распутина и его окружения) привела к провалу и дискредитации военной контрразведки¹⁵. Самого же Резанова обвиняли в коррупции и вымогательстве¹⁶.

Резанов имел склонность к писательству. Еще в 1910 г. в Варшаве вышла его работа «Армия и толпа», а в 1914 г. в Петрограде — книга «Немецкие зверства», выдержавшая в военные годы несколько изданий. По мнению автора, победить немцев в открытом бою было недостаточно, требовалось освободить от германской зависимости торгов-

лю и промышленность, а земли — от немецких колонистов. «Пусть же наша книга будет первой бомбой, брошенной в эту цитадель немецкой эксплуатации России», — писал он в августе 1914 г.¹⁷ Затем в 1915 г. Резанов издал книгу «Немецкое шпионство», внесшую вклад в рост шпиономании в стране¹⁸. Его же перу принадлежала работа «Закон 5 июля 1912 года о государственной измене путем шпионства в мирное время», содержавшая постатейные объяснения и приложение иностранных законов о шпионстве.

После революции Резанов оказался в эмиграции во Франции, где продолжил свою прежнюю деятельность, в том числе выступая на тему германского шпионажа¹⁹. Продолжал он и публиковаться. В частности, в 1924 г. издал труд «Штурмовой сигнал П. Н. Милюкова» с критикой деятельности этого политика в годы Первой мировой войны. По-видимому, в числе его эмигрантских трудов оказалась и статья про Генеральный штаб. Дальнейшую судьбу Резанова установить не удалось.

Статья публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала. Явные ошибки исправлены без оговорок.

Наш Генеральный штаб

Японская война с наглядностью показала военную бездарность наших офицеров Генерального штаба. Начиная войну на Дальнем Востоке, Россия не только не знала театра кампании, но даже не имела какого-либо определенного плана возможных военных операций. В Главном штабе, ведавшем тогда и всеми стратегическими вопросами, не оказалось даже специальных карт дальневосточного театра военных действий. Наспех были командированы военные топографы, не знавшие местных условий и местного языка, а потому неудивительно, что плоды их огромных трудов и напряженной работы оказались ненужные для России. Начертания китайских названий вышли фантастическими, почему-то ориентировка по этим планам представлялась далеко не легким делом. Достаточно напомнить, что большинство китайских поселков обозначалось словом «Бутунда» с прибавлением числа, указывающего последовательность этих «Бутунд» в данном округе.

Разгадка отмеченного начертания поселков оказалась весьма простой.

Дело в том, что когда наши топографы чертили карты, как сказано выше, без знания языка, то естественно, что они не могли китайскому населению ясно и определенно объяснить те вопросы, с которыми обращались. На все расспросы о названии поселений, китайцы отвечали одним словом: «Бутунда!», что значит: «не понимаю». Наши же топографы, считая это слово обозначением деревень, написали его на карты, отчего и получилась военно-географическая терминология.

После войны военная печать была полна нападка на офицеров Генерального штаба, которых обвиняла, и вполне основательно, в проигрыше кампании. Отмечалась полная несостоятельность академической подготовки офицеров Генерального штаба, их оторванность от строя, карьеризм и кастовый дух, царивший в их среде, вредно отзывавшийся на интересах армии.

Под давлением протестующих голосов печати правительство решило сделать шаги в смысле реформирования службы Генерального штаба, но эти шаги, предпринятые по указке высших руководителей этой корпорации офицеров, не внеся нового духа, увеличили лишь преимущества Генерального штаба.

Уже в течение Японской войны из компетенции Генерального штаба были выделены все стратегические вопросы и переданы для разрешения новому учреждению — Главному управлению Генерального штаба²⁰.

Эта реформа, по существу, не улучшила дела боевой подготовки России. Главное управление Генерального штаба, составленное из офицеров старой школы, унаследовавшее все традиции этой школы, ничего нового сказать не могло. И по-старому, среди корпорации офицеров Генерального штаба царили те же, знакомые армии, традиции — карьеризм, протекционизм, самонадеянность и оторванность от жизни штабных офицеров.

Армия ненавидела офицеров Генерального штаба, дав им меткое название «моментов»²¹, т. е. людей, ставящих выше всего запросы настоящей минуты, удовлетворение которых сулит много личных выгод.

Среди офицеров Генерального штаба установилась нездоровая атмосфера канцеляризма, низкопоклонничества и карьеризма. Боясь рискнуть своей обеспеченной карьерой, они не вступали в пререкания для пользы дела, с самодурством высших начальников, благодаря

чему живая, светлая критическая мысль вовсе была чужда нашей военной доктрине.

В области военных наук и в деле боевой подготовки армии царил шаблон, ходячие, прописные истины, украденные у немцев. Ко времени Великой войны у нас в России отсутствовала самостоятельная научная разработка тактических, стратегических и иных военных теорий, благодаря чему мы не умели не только наступать, но даже противопоставить немецкой тактике достаточные образцы сопротивления.

Вся научная разработка военных вопросов выражалась в жалких, бездарных компиляциях немецких учебников. В войсках же не было надлежащих руководителей для ведения современной войны, ввиду чего некоторыми штабами местного обучения уже во время военных действий переводились французские и опять-таки немецкие же наставления по атаке, обороне, укреплению крепостей и позиций и т. д. и т. д. согласно опыту войны.

Между тем, со свойственной офицерам Генерального штаба самоуверенностью и соответственно переоценкой своих дарований и военных знаний, эти офицеры все более и более захватывали в свои руки отрасли жизни армии. К моменту Великой войны у нас в России получила роковая система централизации военного дела. Во главе всех отраслей подготовки войны стояли не специалисты, а обязательно офицеры Генерального штаба, академический значок которых давал им смелость самоуверенно решать вопросы, которые требуют для удовлетворительного ответа долгих и трудных лет упорного, специально изучения теории и практики данного предмета.

Последнее слово в области инженерной подготовки возможного театра войны артиллерийского вооружения и снабжения армии, интендантского довольствия принадлежало офицерам Генерального штаба, мнение которых почти всегда торжествовало над мнением специалистов.

Удивительно ли поэтому, что по прихоти военного министра генерала Сухомлинова²² срываются укрепления варшавского плацдарма у нее²³ тогда, когда атмосфера Европы была насыщена признаками развивающейся военной бури.

Удивительно ли поэтому, что русская армия вышла на войну без тяжелой артиллерии, без достаточного количества легких пушек и с абсолютно недостаточным комплектом снарядов?

Удивительно ли поэтому, что интендантское снабжение армии было поставлено более чем небрежно и неумело?

Замкнувшись в тесный кружок привилегированной военной касты, питаясь истинами доступной лишь им военной алхимии, оторванные от жизни и армии, наши офицеры Генерального штаба не могли всесторонне охватить общественные факторы современной войны и оказались ничтожным противником германского Большого Генерального штаба. Тогда как последний штаб, прекрасно учитывая значение технических средств современной войны, заранее вошел в тесный контакт с представителями германского капитала и промышленниками — наш штаб усиленно отмахивался от предложения общественной помощи, иронически улыбаясь на грозные предостережения представителей русской общественности, промышленности и техники.

Мобилизация отечественной промышленности, показавшая, какие возможности по снабжению боевым довольствием армии Россия таила в себе, отнюдь не является заслугой высших руководителей наших войск. Эта идея, идея органического содействия труда боевым успехам войск, заимствована у немцев, будучи случайно почерпнута из статьи журнала «Вестник Европы», излагавшей уже много месяцев спустя после начала войны техническую мобилизацию немцев. На сокровенный смысл этой статьи было обращено внимание ген. Сухоминова, что и дало толчок к мобилизации отечественной промышленности.

Техническую подготовку немцев, как и много других вопросов, представляющих первостепенную важность в деле войны, наше Главное управление Генерального штаба по обыкновению просмотрело.

Надо сказать, что Особый отдел этого управления, ведавший вопросами тайной (военно-стратегической) разведки и борьбой с немецкими шпионами, руководился все теми же офицерами Генерального штаба, невежественными в этой области, смотревшими на службу в разведывательных отделениях как на отбытие ценза, а потому и не умевших поставить работу отдела на должную высоту. Взгляд наших офицеров Генерального штаба на постановку германского шпионства — это взгляд дилетанта, сложившийся по преимуществу на рассказах детективной литературы о похождениях немецких агентов. Не только серьезной постановки дала, но даже сколь-

ко-нибудь удовлетворительного знания предмета, при таких условиях, у наших штабных офицеров быть не могло. Неудивительно поэтому, что раскрытые судебными властями гнезда немецкого соглядательства в страховом деле, финансовой области и торгово-промышленной сфере казались нашим руководителям контршпионской службы «сюрпризами немецкого шпионства». Характерным образчиком дилетантизма наших штабных офицеров в области тайных разведок может служить следующий факт.

Незадолго до войны на страницах «Нового времени» появился ряд статей под общим заглавием: «Немецкое шпионство, его задачи и цели в мирное время», знакомивших общество с этим вопросом.

Автор статей, базируясь на большом судебном материале, предупреждал русское общество о назревшей опасности, не вдаваясь в сенсационный пафос.

Эти статьи «Нового времени» заинтересовали царя, который обратил на них внимание военного министра Сухомлинова, запросившего со своей стороны мнение об их серьезности начальника Генерального штаба Жилинского²⁴.

Тогда, чтобы успокоить страсти высших представителей армии, в «Русском инвалиде» были напечатаны статьи полковника Ген[ерального] штаба Свечина²⁵, инспирированные особой частью Главного управления Генерального штаба, в названных статьях Свечин изображал дилетантскую «шпиономанию», распускающую «желтые слухи о шпионах»²⁶.

Авторитет учреждения, наблюдавшего работу неприятельской разведки, был защищен, но зато война показала, как пострадали от этого интересы России.

В военной печати неоднократно раздавались протестующие голоса, требующие передачу ведения разведки и контрразведки в руки специалистов. Но офицеры Генерального штаба ревностно отстаивали свою власть, согласившись лишь в число своих помощников включить представителей юридического элемента.

Большевистский переворот раскрыл истинную моральную цену белой кости нашей армии — офицеров Генерального штаба.

Верные своему лозунгу: «лови момент», — эти офицеры в подавляющем числе пошли на службу большевиков, организовав им армию, которую повели затем на своих братьев, на своих офицеров и сыновей.

Две трети всего количества офицеров русского Генерального штаба поступили в ряды Красной армии, в виде «спецов», и, конечно, военными успехами большевики обязаны этим предателям Отечества.

Трудно перечислить имена, даже высших представителей Генерального штаба, предложивших свою шпагу Троцкому²⁷ которому, сказать к слову, академия Генерального штаба, в лице ген. Незнамова²⁸ и др., поднесла диплом и отличительный ученый знак этой академии²⁹.

Куропаткин³⁰, Клембовский³¹, Поливанов³², Гутор³³, Сытин³⁴, Архангельский³⁵, Болховитинов³⁶, Черемисов³⁷, Парский³⁸, Бонч-Бруевич³⁹, Каменев⁴⁰, Самойлов⁴¹, Раевский⁴² и т. д., и т. д.

Большевики, верные общему направлению своей политики, превратили офицеров Генерального штаба в узких специалистов, работающих под неустанным наблюдением политкомов и военкомов. При такой постановке дела дилетантизм и верхоглядство наших офицеров Ген. штаба отпали, и они втянулись в свойственные своей специальности занятия — разработку организационных и операционных вопросов.

Принимая во внимание политические условия и общую разруху России, при которых организовалась Красная армия, разбирая стратегические операции этой армии против ген. ⁴³ Колчака⁴⁴, ген. Деникина⁴⁵, Врангеля⁴⁶, — должно признать, что работают наши «моменты» в красном стане прилежно, усердно и толково. Большевистский режим оздоровил, в смысле технической постановки дела, дилетантскую среду офицеров Генерального штаба.

К сожалению, должно сказать, что в южных добровольческих армиях Генеральный штаб, свободный от сдерживающих их красных комиссаров, заняв к тому же все ответственные должности армии, вновь проявил кастовые традиции, а именно: нетерпимость к чужому мнению, карьеризм, протекционизм и самомнение. Вновь важные отрасли военного дела, требующие специальных знаний, всецело оказались в руках офицеров Генерального штаба, что отразилось вредно на общем итоге борьбы с большевизмом.

В особенности пострадала от невежества руководителей разведывательная область, имеющая в Гражданской войне огромное значение.

На этом примере особенно ярко выразились кастовые пороки офицеров Генерального штаба, о чем требуется поговорить особо.

Комментарии

- ¹ ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 1. Д. 2084. Л. 1–6.
- ² Глушков В. В., Шаравин А. А. На карте Генерального штаба — Маньчжурия. Накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 2000. С. 59, 375.
- ³ Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., 1998. Кн. 1. С. 151.
- ⁴ Глушков В. В., Шаравин А. А. На карте Генерального штаба — Маньчжурия... С. 378.
- ⁵ Подробнее см.: Ганин А. В. Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2023. Т. 1. С. 327–328.
- ⁶ Немирович-Данченко Г. В. В Крыму при Врангеле: Факты и итоги. Берлин, 1922. С. 27.
- ⁷ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 2. С. 547.
- ⁸ Валентинов А. А. Крымская эпопея // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 16.
- ⁹ Ганин А. В. Кадры Генерального штаба... Т. 1. С. 372, 374.
- ¹⁰ Там же. С. 357.
- ¹¹ Подробнее о советском периоде жизни Куропаткина см.: Попов Ю. Г. Куропаткин и Шешурино (документы, воспоминания, публикации). Торопец, 2002; Он же. Шешуринский шатер Алексея Николаевича Куропаткина. СПб., 2017; Генерал Куропаткин — государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения. СПб., 2018. С. 254–315.
- ¹² Подробнее об академии в Гражданскую войну см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014; Он же. Академический зигзаг. Главное военно-учебное заведение старой России в эпоху войн и революций. М., 2025.
- ¹³ Зданович А. А. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004. С. 49–50.
- ¹⁴ Хутарев-Гарнишевский В. В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М., 2020. С. 473.
- ¹⁵ Каширин В. Разведчики военного шпионства // Родина. 2008. № 12. С. 31–32.
- ¹⁶ Падение царского режима / под ред. П. Е. Щеголева. Л., 1925. Т. 4. С. 93.
- ¹⁷ Резанов А. С. Немецкие зверства. Изд. 2-е. Пг., 1915. С. VIII.
- ¹⁸ Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 209.
- ¹⁹ См., напр.: «Канун октябрьской революции» // Шанхайское Новое время. 1923. 3 ноября. С. 2.
- ²⁰ Главное управление Генерального штаба было создано в июне 1905 г. Автор ошибается, считая Главное управление Генерального штаба не относящимся к Генеральному штабу учреждением.
- ²¹ «Момент» — ироничное наименование офицеров Генерального штаба в старой России.
- ²² Сухомлинов Владимир Александрович (04.08.1848–02.02.1926), генерал от кавалерии, генерал-адъютант, военный министр (1909–1915). Уволен от службы (08.03.1916) и арестован (29.04.1916).
- ²³ Видимо, у Варшавы.
- ²⁴ Жилинский Яков Григорьевич (15.03.1853–1918), генерал от кавалерии, начальник Генерального штаба (22.02.1911–04.03.1914). После октября 1917 пытался эмигрировать. Расстрелян.
- ²⁵ Свечин Александр Андреевич (17.08.1878–29.07.1938), подполковник (впоследствии — генерал-майор), помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (04.05.1908–12.08.1913).

- ²⁶ Речь идет о статье А. А. Свечина «Желтая опасность» (см.: Русский инвалид. 12.09.1910. № 199. С. 3; 19.09.1910. № 204. С. 3; 26.09.1910. № 210. С. 3).
- ²⁷ Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (26.10.1879–21.08.1940), революционер, советский государственный и политический деятель. Народный комиссар по военным делам, председатель Реввоенсовета Республики. Один из ключевых организаторов Красной армии.
- ²⁸ Незнамов Александр Александрович (10.10.1872–28.06.1928), генерал-майор, военный специалист РККА.
- ²⁹ Эти сведения не соответствуют действительности.
- ³⁰ Куропаткин Алексей Николаевич (17.03.1848–16.01.1925), генерал от инфантерии. В 1898–1904 гг. — военный министр России. Должностей в РККА не занимал, а служил консультантом Холмского отдела народного образования в Псковской губернии.
- ³¹ Клембовский Владислав Наполеонович (28.06.1860–19.07.1921), генерал от инфантерии, военный специалист РККА. Умер в тюрьме от истощения после 14-дневной голодовки.
- ³² Поливанов Алексей Андреевич (04.03.1855–25.09.1920), генерал от инфантерии, военный специалист РККА. Умер от тифа во время пребывания в Риге в качестве военного эксперта в составе делегации для заключения мира с Польшей.
- ³³ В РККА в качестве военных специалистов служили двое братьев Гуторов, выпускников Николаевской академии Генерального штаба: Гутор Александр Евгеньевич (11.05.1866–?), генерал-майор, военный специалист РККА. Гутор Алексей Евгеньевич (30.08.1868–13.08.1938), генерал-лейтенант, военный специалист РККА.
- ³⁴ Сытин Павел Павлович (18.07.1870–22.08.1938), генерал-майор, военный специалист РККА.
- ³⁵ Архангельский Алексей Петрович (05.03.1872–02.11.1959), генерал-лейтенант, военный специалист РККА, один из руководителей белого подполья в Советской России. Бежал из Советской России на Украину. Участник Белого движения на Юге России.
- ³⁶ Боховитинов Леонид Митрофанович (05.01.1871–11.06.1925), генерал-лейтенант, военный специалист РККА. Попал в плен к белым, был разжалован в рядовые, впоследствии восстановлен в чине. Участник Белого движения на Юге России. Покончил с собой в эмиграции.
- ³⁷ Черемисов Владимир Андреевич (09.05.1871–1937), генерал от инфантерии, главнокомандующий армиями Северного фронта (09.09–14.11.1917). Не служил в РККА.
- ³⁸ Парский Дмитрий Павлович (10.10.1866–20.12.1921), генерал-лейтенант, военный специалист РККА.
- ³⁹ Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (24.02.1870–03.08.1956), генерал-майор, военный специалист РККА.
- ⁴⁰ Каменев Сергей Сергеевич (04.04.1881 (в ряде документов — 1880) — 25.08.1936) — полковник, военный специалист РККА.
- ⁴¹ Самойло Александр Александрович (23.10.1869–08.11.1963), генерал-майор, военный специалист РККА.
- ⁴² Раевский Михаил Федорович (29.01.1879–1921), полковник, военный специалист РККА. Расстрелян.
- ⁴³ Правильно — адмирала.
- ⁴⁴ Колчак Александр Васильевич (04.11.1874–07.02.1920), адмирал (с 18.11.1918), популярный исследователь. Лидер Белого движения на Востоке России. Верховный правитель России (18.11.1918–04.01.1920).

-
- ⁴⁵ Деникин Антон Иванович (04.12.1872–07.08.1947), генерал-лейтенант, один из вождей Белого движения на Юге России. Главнокомандующий ВСЮР (1919–1920).
- ⁴⁶ Врангель Петр Николаевич (15.08.1878–25.04.1928), барон, генерал-лейтенант, один из вождей Белого движения на Юге России. Главнокомандующий ВСЮР и Русской армией (1920).

Е. М. Григорьев,
*заместитель начальника отдела научно-
информационной работы и научно-справочного
аппарата РГАСПИ*

«КРЫМ В АГОНИИ ГОЛОДНОЙ СМЕРТИ»:

**письма и докладные записки
полномочного представителя Наркомнаца
РСФСР в Крыму С. Х. Сюнчелея Сталину
и в Наркомнац (осень 1921 — лето 1922 г.)**

2 сентября 1921 г. нарком по делам национальностей РСФСР И. В. Сталин подписал мандат, удостоверяющий назначение 32-летнего сотрудника редакционно-издательского отдела Наркомнаца Саида Хамидуллы Сюнчелея представителем Наркомата «при Правительстве (ЦИК и СНК) Крымской Автономной Советской Республики»¹. На товарища Сюнчелея возлагались обязанности «наблюдать за проведением Советской национальной политики в Крымской республике»; «содействовать установлению правильных взаимоотношений между органами РСФСР и Крымской республикой, а равно и отдельными их представителями»; «изучать (на основании статистических и иных данных) историческую, этнографическую, экономическую и культурную жизнь народностей Крымской республики, в первую очередь, особенности быта и классовой структуры, требующие специфических мероприятий экономического и иного порядка, необходимых для безболезненного приобщения этих народностей к Советскому строительству»; «содействовать охране прав и интересов национальных меньшинств в Крымской республике, равно как автономности самого Крыма». Как видно из документа, контроль над соблюдением принципов автономности Крыма признавался приоритетным среди обязанностей представителя Наркомнаца: он должен был следить за тем, чтобы «работники Центра [...] не нарушали своими неосторожными действиями автономности Крыма», и де-

лать представления в центральные учреждения РСФСР (через Наркомат) и Крымской республики в тех случаях, когда общее российское законодательство «не вполне отвечает местным условиям». Сюнчелей не реже двух раз в месяц обязан был представлять отчеты о своей деятельности в Наркомат. Кроме того, ему предоставлялось право вхождения в ЦИК и Совнарком (Ревком) Крыма с совещательным голосом².

Насколько можно судить, после выдачи мандата С. Х. Сюнчелей выехал в Крым не сразу и добрался до Симферополя уже в первых числах следующего месяца, отправив первое письмо И. В. Сталину 4 октября 1921 г.

Положение Крыма на момент его приезда отличалось двойственностью.

В конце сентября 1921 г. завершила свою деятельность Полномочная комиссия ВЦИК и СНК по делам Крыма³. Комиссия, которую возглавлял большевик с дореволюционным стажем и представитель Татарской республики при Наркомнаце Ш. Н. Ибрагимов, была создана решением Президиума ВЦИК 12 мая 1921 г. и прибыла на полуостров в середине июня 1921 г.⁴ За три с лишним месяца она провела большой объем работ, включая разработку проекта конституции Крымской автономной республики, организацию Беспартийной татарской конференции и практическую реализацию политики татаризации, ведение переговоров с представителями «зеленого» движения, принятие мер по поддержке крестьянских хозяйств и нормализации снабжения региона продовольствием⁵. Первоочередной задачей комиссии, как об этом объявил, приехав в регион, Ибрагимов, являлось «преобразование Крыма из области в Автономную республику»⁶. Результатом работы стала успешная разработка проектов конституции и декрета, провозглашавшего создание республики. Постановление ВЦИК и СНК об автономии Крымской Советской Социалистической Республики было принято 18 октября 1921 г. и опубликовано в «Известиях ВЦИК» на следующий день. В ноябре 1921 г. состоялся I учредительный Всекрымский съезд Советов, принявший Конституцию Крымской АССР и избравший руководство республики: председателем Крымского ЦИК был избран известный местный большевик Ю. П. Гавен, председателем СНК — присланный из Москвы сотрудник Наркомнаца, поволжский татарин С.-Г. Саид-Галиев. Одновре-

менно был избран новый состав местного обкома РКП (б), который возглавил рекомендованный Москвой А. И. Израилович⁷, заменивший И. А. Акулова — оппонента идеи создания в Крыму республики⁸. Другим важным направлением деятельности Полномочной комиссии стал разбор многочисленных жалоб арестованных и заключенных в концлагеря и инициирование чисток рядов чрезвычайных и репрессивно-карательных органов Крыма⁹. Эти меры, вкпе с предложением комиссии всем трибуналам и чрезвычайным органам не приводить в исполнение смертные приговоры без ведома и согласия комиссии, способствовали нормализации положения в регионе и затуханию массового красного террора. Благотворное значение имела и линия комиссии на мирное урегулирование проблемы зеленого повстанческого движения. 3 июля 1921 г. Ибрагимов с группой политработников встретился в Алушке с начальником штаба зеленых Мумладзе и заключил договор о перемирии и сдаче оружия зелеными с последующей их полной амнистией¹⁰. Процесс разоружения и амнистирования протекал сложно, тем более что военные органы и местный обком отдавали предпочтение силовому варианту решения вопроса, но часть вооруженных формирований зеленых сложила оружие. Наконец, в течение 1921 г. активно велась работа по созданию в Крыму «всесоюзной здравницы». Достигнутые результаты были далеки от заявленных: по ленинскому декрету «Об использовании Крыма для лечения трудящихся» от 21 декабря 1920 г. планировалось уже весной 1921 г. развернуть 25 тыс. коек, но на самом деле в октябре 1921 г. на побережье действовало 39 санаториев на 4 тыс. мест¹¹. Тем не менее в 1921 г. удалось обеспечить лечение и отдых примерно 17 тыс. человек¹².

С другой стороны, осенью 1921 г. в Крыму по-прежнему актуальной оставалась проблема уголовного бандитизма, а начавшиеся после отъезда Ибрагимова аресты и высылки сдавшихся «зеленых» привели к тому, что часть оставшихся на свободе ушла обратно в горы и возобновила свою повстанческую деятельность¹³. Положение и без того подорванной за годы Гражданской войны экономики региона усугубили мероприятия крымского руководства в конце 1920 — начале 1921 г., когда подавляющее большинство национализированных имений было зачислено в госфонд для совхозного строительства. К началу 1921 г. было создано около тысячи советских хозяйств, в распоряжении которых оказалось 780 тыс. десятин земли. Но ни силами, ни сред-

ствами для их обработки совхозы не располагали. В то же время безземельные крестьяне-арендаторы, ранее арендовавшие помещичьи имения, оказались совершенно отстранены от земли. Реализация продразверстки, отмененной в стране в марте 1921 г., продолжалась в Крыму до 31 мая 1921 г. и привела к изъятию из деревни 2,7 млн пудов зерна, в т. ч. семенных запасов¹⁴. Небывалая засуха (вернувшийся в сентябре 1921 г. из поездки по южным районам страны нарком здравоохранения Н. А. Семашко в беседе с журналистом «Известий» сравнил некогда тучные равнины Северной Таврии с пустыней Сахарой, подчеркнув при этом, что «Крым пострадал от засухи в первую очередь»¹⁵) резко обострила продовольственную ситуацию. Зноем оказались выжжены не только посевы зерновых и урожаи овощей и фруктов, но и травяной покров, что пагубно отразилось на скотоводстве¹⁶. Дефицит продовольствия, который отчетливо наблюдался еще весной 1921 г. и сопровождался случаями голодной смерти¹⁷, осенью приобрел критический характер, приняв зимой 1921/1922 г. масштабы катастрофы.

Саид Сюнчелей, прибывший на полуостров в начале октября 1921 г., стал очевидцем голода и подробно задокументировал в корреспонденциях на имя наркома И. В. Сталина детали своей деятельности и внутренней обстановки в Крыму. Назначение его полпредом Наркомнаца в Крыму, несмотря на то что он был родом из Среднего Поволжья, не было случайным. И дело не только в том, что поволжские татары в раннесоветский период нередко командировались туда Центром, как вышеупомянутые Ибрагимов и Саид-Галиев или представлявший Наркомнац в Крыму в феврале–марте 1921 г. М. Х. Султан-Галиев. Для Сюнчелей Крым был хорошо знакомым местом и отнюдь не по эпизодическим наездам рекреационного назначения. Но перед тем, как перейти непосредственно к опыту его работы в Крыму, начиная с осени 1921 г., стоит осветить основные вехи жизненного пути автора публикуемых документов.

Саид (Сагит) Хамидулла (Хамидуллович, Ибне Хамид) Сюнчелей (Сунчелей) родился 25 декабря 1888 г. в татарской деревне Старый Мостяк Шиковской волости Хвалынского уезда Саратовской губернии (ныне — село в Старокулаткинском районе Ульяновской области)¹⁸. Из-за голода семья Сюнчелеев переехала в 1891 г. в Астрахань, где Саид закончил в 1904 г. учебу в местном медресе «Вахха-

бия», после чего преподавал в медресе при старейшей мечети «Ак-мечет». В 1907 г. он переехал в Казань, где продолжил образование в медресе Шакирзяна Хамиди, а в августе 1908 г. поступил в татарскую учительскую школу, которую не закончил, уехав вместе со старшим братом в деревню Сараш Осинского уезда Пермской губернии работать учителем в земской школе. Очевидно, что его старший брат Шариф (1885–1959), видный педагог, ученый-этнограф и впоследствии член Всероссийского учредительного собрания, заместитель наркома просвещения Башкирской АССР, первый директор Башкирского государственного педагогического института и сотрудник НИИ Коммунистического университета трудящихся Востока, оказал большое влияние на Саида. Но более значительным оказалось влияние выдающегося татарского поэта Габдуллы Тукая (1886–1913), с которым Саид переписывался и встречался, приезжая в Казань. На период жизни в Сараше (1909–1915) приходится пик творческой активности Сюнчелея, когда им было написано около 300 стихотворений и статей, появляются публикации в газетах и журналах и выходят первые сборники стихов. Помимо оригинальной лирики, он активно занимался переводами на татарский язык русской и западноевропейской классики, от А. С. Пушкина и К. Д. Бальмонта до поэм Д. Г. Байрона и Г. Гейне. Перевод «Шильонского узника» Байрона был одобрен Тукаем, который издал его со своим предисловием отдельной книгой. Отголоски многообразия, отличавшего круг чтения молодого поэта, заметны даже в его деловых письмах Сталину, где он цитирует то В. Г. Белинского, то Ф. Ницше.

В 1915 г. Сюнчелей переехал в Уфу, где работал в городской библиотеке, в 1917 г. редактировал газету «Авыл халкы» («Сельский люд»), позднее состоял в редакции газеты «Кераш» («Борьба»). В учетной карточке Бюро заграничных ячеек ВКП (б), заполненной в декабре 1927 г., он указал, что в 1917 г. три месяца состоял в рядах «лев[ых] татарск[их] [э]с[е]р[ов]»¹⁹, т. е., по всей видимости, партии татаро-башкирских мусульманских левых эсеров. Есть сведения о том, что в июле 1917 г. он принимал участие в съезде мусульман Саратовской губернии²⁰. После переезда в Казань в конце 1918 г. он некоторое время работал в газете «Кызыл Армия» («Красная Армия»). В 1918 и 1919 гг. в Уфе и Казани выходят сборники стихов Сюнчелея революционного периода, он активно пишет агитационные пье-

сы, а среди революционной татарской молодежи большую популярность приобретают его переводы «Марсельезы» и «Интернационала». В мае 1919 г. Сюнчелей вступает в ряды РКП (б)²¹ и получает поручение отправиться в Крым для ведения политической и партийной работы, очевидно, в первую очередь среди татарского населения.

Красные, занявшие Крым в апреле 1919 г., в начале мая сформировали Временное рабоче-крестьянское правительство, провозгласившее создание Крымской советской социалистической республики. Опыт первой попытки советского строительства в регионе в конце 1917 — начале 1918 г., который сопровождался жестким вооруженным противостоянием большевиков и крымских татар, был учтен. Декларация правительства от 6 мая 1919 г. объявила «полное и безоговорочное равноправие всех национальностей Крыма», в правительство вошли С. М. Меметов, С. И. Идрисов, И. К. Фирдевс, А. Боданинский и др. Для налаживания контактов с татарами была привлечена группа турецких коммунистов во главе с будущим первым председателем Компартии Турции М. Субхи, причем инициатива его отправки в Крым принадлежала И. В. Сталину²². Сюнчелей также был командирован в Крым по линии органа, руководимого Сталиным, а именно Центрального бюро (ЦБ) коммунистических организаций народов Востока. По мнению ряда ученых, рекомендовал его М. Х. Султан-Галиев — член ЦБ и позднее преемник Сталина на посту его председателя, с которым Сюнчелей был давно знаком²³.

Из Казани Сюнчелей выехал 22 мая 1919 г. и в начале июня добрался до Крыма, где вошел в Мусульманский отдел Наркомата внутренних дел и занялся совместно с Субхи организацией издательства на крымскотатарском языке. В Крыму Сюнчелей провел год с небольшим, но, поскольку Крымская ССР пала уже в июне 1919 г., почти весь первый крымский период его жизни пришелся на правление белых. В июле 1920 г. он перебрался морем в Турцию и прожил там месяц, объездив все побережье Малой Азии от Синопа до Трапезунда с целью ознакомления с положением Турции и турецкого народа. Оттуда по Черному морю через Новороссийск вернулся на родину и добрался до Уфы.

В переписке и дневниковых записях Сюнчелей, анализ которых дан в статье казанской исследовательницы Л. Р. Габдрафиковой, сведения о его политической работе в Крыму в июне 1919 — июле 1920 г. отсут-

ствуют²⁴. Создается впечатление, что он преимущественно занимался литературным и музыкальным творчеством, учил татарских детей в деревне Партенит Ялтинского уезда (где осел с октября 1919 г.), ходил по гостям, встречался с земляками и ждал прихода «товарищей».

Иное представление о его занятиях в Крыму дает доклад в ЦБ коммунистических организаций народов Востока о подпольной работе в Крыму в 1919–1920 гг. и положении в Турции летом 1920 г., составленный Сюнчелеем по возвращении в Советскую Россию²⁵. В докладе подробно описывается внутренняя политика белых режимов в Крыму, волнения и репрессии, состояние экономики и отношение татар к белым. Из него следует, что, руководя небольшой группой татар-агитаторов, Сюнчелей однажды был арестован в Евпатории белой контрразведкой и едва не казнен (помог подпрапорщик-татарин), после чего укрылся в сельской местности. «В своем уезде сеял революционно-коммунистические идеи, настраивал народ против Деникина, объезжал уезд. Влияние имел большое. Ко мне примыкала и работала среди татар по моим указаниям почти вся интеллигенция уезда. Добровольных тружеников, особенно среди татарского учительства, было много[...] Приходилось работать при невероятно трудных условиях. Я, например, вечно нуждался, месяцев 10 не видел горячей пищи и весь обносился»²⁶.

После возвращения Сюнчелей надолго на Урале не задержался и в конце 1920 г. вновь был командирован в Крым, где провел три месяца. 15 декабря 1920 г. на заседании Оргбюро ЦК РКП (б) рассматривался вопрос об утверждении Сюнчелея уполномоченным Отдела Востока Политуправления РСФСР (начальником Отдела был М. Х. Султан-Галиев) в Крыму, но учреждение такой должности было признано нецелесообразным²⁷. Поэтому сначала Сюнчелей поступил в распоряжение Крымского обкома и был назначен председателем Татарского бюро, вскоре перейдя в отдел народного образования Крымского ревкома. Как признавался в докладной записке в ЦК РКП (б) от 10 апреля 1921 г., «я многого не мог сделать по многим причинам, главным образом, за ограниченностью культурных сил среди татар, за отсутств[вием] средств, за необеспеченностью служащих». Тем не менее были открыты Центральная татарская библиотека, Центральный рабочий татарский клуб, татарские драматическая и музыкальная студии, издана татарская азбука и т. д.²⁸ Отношения с местными работника-

ми и в том числе татарскими у Сюнчелея не сложились, а деятельность местных органов, советских, партийных и чрезвычайных, вызывала резкое отторжение, о чем он открыто написал ЦК партии. «Крым, так приветливо встретивший Красную Армию, имел печальный вид. Он весь был обобран армиями. Он был обречен на голод и лишения. Над ним властвовали Особые Отделы. В Ревкомы вошли пришедшие, далекие от народа лица, не пользующиеся ни авторитетом, ни доверием. Как в Ревкомах, так и в парт[ийных] организациях царил бюрократизм. Областком (в лице т. Самойловой) ²⁹ свирепствовал и многих работников направлял в Особ[ый] Отдел или ЧК безо всякой вины, а прибывающих из Центра обратно. Парт[ийная] работа стояла. Члены ОК и Крым[ского] Ревкома большей частью занимались интригами, строительством почти не интересовались. Об обеспечении Крыма продовольствием не озабочивались. И рабочие, и служащие, и больные голодали и жаловались[...] Крестьяне жаловались, главным образом, на Южсовхоз, который, якобы отнимая всё у них, им ничего не давал. Жаловались и на уездно-районные Ревкомы, которые отбирали у деревни весь остаток продуктов и фуража и т. п.»³⁰.

Материальные условия жизни самого Сюнчелея во второй его приезд в Крым вновь оставляли желать лучшего. Будучи отозван оттуда ЦК партии³¹, сразу по приезде в Москву он обратился с просьбой отправить его в Уфимскую губернию для отдыха и лечения в кумысолечебницах до 15-го или 1-го июня 1921 г. Характеризуя свое состояние, Сюнчелей писал: «Очень устал. Три месяца голодал!»³² В документе была указана и другая веская причина для отпуска: тяжелая болезнь сына Тагира, который лежал в детской больнице Уфимского губздравва. К просьбе были приложены удостоверения и свидетельства врачей, подтверждавших заболевания туберкулезом легких у отца и сына³³. Секретариат ЦК РКП (б) рассмотрел просьбу Сюнчелея 11 апреля 1921 г., предоставив ему отпуск для кумысолечения на полтора месяца в Уфимской губернии³⁴.

Сразу после возвращения из отпуска 1 июня 1921 г. Сюнчелей поступил на службу в Наркомат по делам национальностей в качестве редактора тюркских изданий редакционно-издательского отдела. При заполнении анкеты он указал, что холост (известно, что первая жена умерла после рождения сына, со второй женой он расстался и в третий раз женился уже в Крыму в начале 1922 г.)³⁵, владеет татарским,

турецким, арабским и русским языками; принят на работу по рекомендации Сталина и работает «под руководством лишь тов. Сталина»³⁶. В письме своей корреспондентке — писательнице И. А. Гриневской, отправленном в это время, Сюнчелей поделился планами на будущее: «Буду жить в Москве или поеду в Турцию. Решил заниматься одной литературой»³⁷. Но уже 2 сентября 1921 г. состоялось назначение его полпредом Наркомнаца в Крыму³⁸.

Первое письмо Сюнчелейя Сталину с сообщением о прибытии в Крым датируется 4 октября 1921 г., последнее — с просьбой об отъезде в Москву — 10 июня 1922 г. В июле 1922 г. в короткой телеграмме на имя Сталина он еще раз «убедительно просил отозвать меня [в] Москву». Точное время и обстоятельства отъезда Сюнчелейя из Крыма с достоверной точностью не установлены. Одни исследователи считают, что с конца 1922 г. он работал уже в Башкирии в системе Наркомпроса; Л. Р. Габдрафикова на основании его писем датирует отъезд весной 1924 г., соглашаясь с тем, что с осени 1922 г. он перешел на работу в систему народного образования³⁹. Между тем в графе учетной карточки Бюро заграничных ячеек ВКП (б), касающейся трудовой деятельности Сюнчелейя, указана работа в Наркомнаце представителем в Крыму (1921–1922), после чего местом работы значится Наркомпрос Башкирской ССР и занимаемые должности: член коллегии (1922–1924), заведующий художественным отделом (1924–1925) и заведующий Государственным художественным отделом (1925–1926)⁴⁰. Крайне сомнительно, чтобы Сюнчелей, заполняя в декабре 1927 г. партийный учетный документ, ошибся в перечислении недавних мест и времени работы. Пока затруднительно сказать, насколько это согласуется с крымскими адресами его писем за 1923–1924 гг., выдержки из которых даны в статье Л. Р. Габдрафиковой. В конце концов, факт работы в Уфе никак не противоречит вероятности отлучек в Крым для лечения тяжелых хронических болезней, которыми страдал и сам Сюнчелей, и скончавшийся в 1924 г. его единственный сын. Что же касается документов, которые выявлены на данный момент в РГАСПИ и ГА РФ, они определенно указывают на вторую половину 1922 г. как время переезда Сюнчелейя из Крыма в Башкирию. На заседании Президиума Крымского ЦИК 28 июля 1922 г. рассматривалось его заявление о политике Госбанка, которое было передано на рассмотрение органов рабоче-крестьянской инспекции, а так-

же вопрос «о поездке тов. Сюнчелей». Было решено «командировку утвердить»⁴¹. Хронологически последний из выявленных доклад Сюнчелей в Наркомнац датируется приблизительно июнем–июлем 1922 г. и в конце его сообщается о невозможности дальнейшей работы в Крыму, роспуске сотрудников представительства Наркомата и временной передаче дел заместителю, ответственному инструктору ЦК РКП (б) Г. Д. Вайно. Таким образом, точно установленным можно считать то, что с октября 1921 по июль 1922 г. Сюнчелей жил и работал в Крыму, регулярно в письменной форме отчитываясь перед наркомом и Наркоматом о своей деятельности и положении в регионе.

Каков состав этих документов, что они сообщают нам и в чем их ценность, помимо понятной важности как источника по реконструкции биографии автора?

В данную публикацию включены семь писем С. Х. Сюнчелей Сталину и две его докладные записки в Наркомнац. Все документы — из фонда И. В. Сталина и описи документов Бюро Секретариата ЦК РКП (б), хранящихся в РГАСПИ, за исключением последней докладной записки, которая отложилась в фонде Наркомнаца РСФСР в ГА РФ. Иные письма и докладные записки Сюнчелей Сталину и в Наркомат за период с осени 1921 до осени 1922 г. в РГАСПИ на данный момент не выявлены, в то время как наличие их в фондах ГА РФ вполне вероятно. В публикацию не вошли по причине малой информативности 2 телеграммы Сюнчелей Сталину за ноябрь 1921 г. Первая из них содержит краткую информацию о решениях областной партконференции (принятие резолюции о неудовлетворительности работы прежнего обкома и избрание нового его состава)⁴², вторая сообщает о назначении председателем Крымского ЦИК Ю. П. Гавена, Совнаркома — С.-Г. Саид-Галиева и секретарем обкома — А. И. Израиловича⁴³. В публикацию дополнительно включены выдержки доклада ЦК Помгола Крыма, которые были приложены к письму Сюнчелей Сталину от 26 апреля 1922 г. Следует сказать, что 14 апреля 1922 г. в печатном органе Наркомнаца — газете «Жизнь национальностей» была опубликована статья Сюнчелей «Это вымирание целой нации». Автор статьи указан как «Саид», и это несомненно статья Сюнчелей, поскольку подписана его именем и содержит ту же информацию, что и в архивных документах. Указанная статья хорошо известна в научной литературе и общедоступна⁴⁴, в отличие от публикуемых здесь до-

кументов⁴⁵. Все документы, за исключением одного письма и приложения к другому, представляют собой автографы Сюнчелея. Машинописным образом письмо набрано лишь один раз на бланке Крымского представительства Наркомнаца. В трех случаях текст — автограф содержится на бланке Представителя Наркомнаца в Крыму. Резолюции Сталина на документах отсутствуют.

Публикуемые документы содержат подробную картину внутреннего состояния Крыма на исходе первого и в течение второго года с момента окончательного установления в регионе советской власти. Круг поднимаемых в них тем весьма широк: деятельность руководимого Сюнчелеем Представительства Наркомнаца и его взаимоотношения с местными властями; разгул бандитизма и зеленое движение; деятельность крымскотатарских националистов и положение татарского населения Крыма; характеристики, зачастую критические и нелицеприятные, представителей руководства и органов власти Крыма, а также противоречий и склок между ними; положение в аграрной сфере и торговле и др. Но, начиная с декабря 1921 г., основной темой писем и докладных записок становится наступивший в Крым массовый голод.

Голод, охвативший весь полуостров, продолжался с последних месяцев 1921 по лето 1923 года. Точное количество его жертв вряд ли будет установлено, но многие современники событий и историки полагают, что погибло более 100 тыс. человек, примерно $\frac{3}{4}$ из которых — это крымские татары. Если по переписи 1921 г. в Крыму проживало 719,5 тыс. человек, то летом 1923 г., согласно выборочному обследованию Крымского центрального статистического управления, осталось 569,5 тыс.⁴⁶ Часть убыли следует отнести на счет естественной убыли, беженцев и эвакуированных, но и в таком случае смертность, безусловно, являлась аномальной. В сборнике статей и отчетов «Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг.», выпущенном издательством Центральной комиссии помощи голодающим, сообщалось, что голод в Крыму коснулся 52,1% его жителей, почти половина из них дети. «Число умерших от голода к июню 1922 г. достигло 100 000 человек»; мужчины умирали в 2 раза больше, чем женщины⁴⁷. Авторы сборника, изданного в 1922 г., прогнозировали скорое наступление очередного голода, что и случилось. Смертность во второй голодный год оказалась заметно ниже, поскольку Крым остался единственным голодающим райо-

ном страны, но тем не менее: в декабре 1922 г. голодали до 150 тыс. человек, а количество получавших продовольственную помощь от Американской администрации помощи (АРА) в Крыму в апреле 1923 г. составляло 124 863 чел., в мае 1923 г. — 146 206, в июне — 10 253¹⁴⁸.

В своих письмах и докладных записках Сюнчелей выступает как хроникером первого года голода, так и его аналитиком. Большой интерес представляют его соображения по поводу причин бедствия, которое, как он считал, вполне можно было предотвратить в случае принятия своевременных мер, не состоявшихся из-за «инертности стоящих во главе Республики». Среди причин он особо выделял равнодушные Крымского обкома РКП (б) и Совнаркома к делу спасения голодающих, саботирование ими помощи ЦК Помгола Крыма и задержку с учреждением Представительства Крыма в Москве, которое могло бы стать лоббистом крымских интересов в Центре. На прямой вопрос Сюнчелей секретарю обкома Израйловичу: «Почему Вы не заботитесь о вымирающей татарской нации?» — он получил ответ, где отвергалась всякая национальная предвзятость: «Мы ни о ком не заботимся». Обращая внимание на безучастное отношение ответственных органов к нуждам крымских татар, Сюнчелей подчеркивал, что такие настроения присутствуют и среди татарских работников, так называемых «левых коммунистов», стремящихся огнем и мечом провести и в Крыму «классовое расслоение».

Негативную роль в запоздании признания всей территории Крыма голодающей областью (Президиум ВЦИК утвердил это решение 16 февраля 1922 г., при том что в ноябре–декабре 1921 г. уже погибло около 1,5 тыс. чел., в январе 1922 г. 8 тыс., в феврале более 14 тыс.), отмечал Сюнчелей, сыграли ложные статистические сведения местных органов об урожайности 1921 г. Наконец, по его свидетельству, хозяйственные органы республики скрывали или отказывали в выдаче Помголу ценностей и продукции, реализация которых могла быть использована для закупок продовольствия. А когда продажа сырья и ценностей наконец началась, она осуществлялась «без особого хозяйского надзора и расчета — с большим убытком для Крыма». Что же касается свидетельств вымирания, Сюнчелей приводит многочисленные факты гуманитарной катастрофы, постигшей Крым в 1921–1922 гг., среди которых массовая детская смертность и каннибализм, грабежи и хищения складов Помгола и пр.

Сюнчелей не ограничивался описанием голода и поисками виновных, предлагая в записках меры по исправлению ситуации. В письме Сталину 25 апреля 1922 г. он рекомендовал предписать Крымскому обкому и Совнаркому сделать задачу борьбы с голодом первоочередной, использовать аппарат Центрального управления курортами Крыма преимущественно для лечения пострадавших от голода, обязать местные органы ГПУ сдать ценности Помголу для реализации на продовольствие и увеличить финансирование республики. В другом письме Сюнчелей просил наркома уделять особое внимание Крыму, почаще запрашивая крымское правительство о местных нуждах и поддерживая перед Центром все ходатайства Крыма. Еще в декабре 1921 г. в записке Наркомнацу Сюнчелей выдвинул инициативу отправки в Турцию особого представителя от Крымской республики, уполномоченного на «сбор пожертвований денежными средствами и продовольствием в пользу голодающих Крыма». В марте 1922 г. крымские представители А. С. Айвазов и М. М. Недим отправились в Турцию, где встретились с М. Кемалем. Айвазовым в Анкарском театре был прочитан доклад о положении в Крыму, который посетили многие члены парламента и правительства, после чего был организован Центральный комитет по оказанию помощи голодающим Крыма и турецкие власти предложили губернаторам организовывать местные комитеты по сбору пожертвований.

Как и в период командировки в начале 1921 г., отношения Сюнчелей с местными органами Крыма были не более чем удовлетворительными. Должное содействие ему не оказывалось, отпускаемые средства сокращались. В последние месяцы работы прекратились выдачи жалования. 14 июля 1922 г. на заседании Крымской областной контрольной комиссии рассматривалось заявление Сюнчелей о задержке помощи голодающим татарам, вызванной негативным отношением некоторых партийных работников к татарам и цыганам. Заседание вынесло вердикт о беспочвенности такого заявления и предупреждение заявителю⁴⁹. Все это в совокупности со слабым здоровьем и тяжелыми картинами крымской жизни, очевидцем которых он был, не могло не сказаться на психике Сюнчелей⁵⁰. В письмах Сталину, начиная с марта 1922 г., регулярными становятся просьбы об отъезде из Крыма и заметны следы эмоционального выгорания: «В случае, если Центру угодно будет командировать меня куда-либо на Восток, — изъявляю готов-

ность»; «считаю задачи Представительства НКН выполненными[...] изъясняя готовность быть отозванным в Центр и быть направленным куда-либо на Восток, где я бы мог быть полезнее, чем здесь»; «Убедительно прошу отозвать меня в Москву»; «Приходилось работать в нужде и лишениях». Вариант с командировкой в одну из стран Востока представлялся Сюнчелею наиболее предпочтительным, тем более что путешествие по Турции летом 1920 г. оставило у него благоприятные воспоминания. Предположу, что и по этой причине в своих корреспонденциях Сталину он, несколько уклоняясь от прямых обязанностей, неоднократно давал обзоры турецкой прессы, характеризуя их политическую направленность и отношение к Советской России.

По всей видимости, Наркомнац пошел навстречу просьбам своего крымского представителя и отозвал его, после чего Сюнчелей несколько лет проработал в системе Наркомпроса Башкирской АССР. В 1926 г. он был направлен в Турцию и год проработал переводчиком в генеральном консульстве в Смирне (Измир). В июне 1927 г. Сюнчелей был арестован (в вину вменялись контакты с лидером башкирского национального движения, эмигрантом А.-З. Валиди), но вскоре отпущен в обмен на сотрудничество с органами ГПУ в качестве информатора⁵¹. Вернувшись в Уфу, он заведовал Башкирским техникумом искусств, с сентября 1928 г. назначен ученым секретарем Татарского дома искусств в Казани. Повторный арест последовал в феврале 1929 г.: роковую роль сыграло знакомство его с М. Султан-Галиевым. Приговоренный коллегией ОГПУ вместе с другими «султангалиевцами» к расстрелу, Сюнчелей обжаловал приговор, который в январе 1931 г. был заменен на 10 лет заключения в концлагерь. Заключение отбывал на Соловках. В октябре 1937 г. был приговорен к высшей мере наказания и 27 октября 1937 г. расстрелян. Реабилитировали Сюнчелея в 1958 г.

В 1961 г. в Казани был опубликован сборник его избранных произведений, в 2005 г. вышел в свет подготовленный татарским филологом З. З. Рамеевым том «Сочинения и письма» Сюнчелея. В настоящее время Казань является ведущим центром изучения творчества Сюнчелея; помимо литературного наследия вводятся в научный оборот его дневники и переписка. Данная публикация продолжает эту работу, смещая акцент на политическую деятельность Сюнчелея в Крыму в 1921–1922 г. Его письма и докладные записки в Центр представляют

большую ценность как исторический источник, содержащий авторские наблюдения и оценки положения в Крыму в указанный период.

Тексты писем и докладных записок С. Х. Сюнчелея И. В. Сталину и в Наркомнац РСФСР публикуются впервые и приводятся целиком. При публикации используются современные правила орфографии и пунктуации. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Фамилии приводятся так, как в документах, с указанием в комментариях на ныне утвердившиеся варианты их написания.

Автор выражает большую благодарность ведущему специалисту ГА РФ А. М. Лаврёновой за помощь при работе с документами ГА РФ.

№ 1. Письмо С. Х. Сюнчелея И. В. Сталину

4 октября 1921 г.

Сюнчелей

Крым

Тов. Сталин

Я прибыл в Крым.

После Ибрагимова⁵² здесь произошел вновь перелом.

Часть сдавшихся зеленых вновь бежала в горы, так как некоторые из них были арестованы. У зеленых запас, говорят, большой, и в своих рядах они имеют до 200 человек, а быть может, и больше. Нац[ионалис]ты держат с ними большую связь... Кроме зеленых — много бандитов, движение коих носит серьезный уголовный характер. Теперь чуть ли не всё южное побережье в их ведении, в ведении зеленых и бандитов. На путях через горы постоянно происходят нападения и грабежи, так что проникать туда очень рискованно... С бандитами бороться не так трудно, как с зеленым движением. С зелеными бороться и их победить можно лишь добром да милостью, но здесь происходила репрессия¹ к ним...

Из бесед выяснил, что националисты (так называемые «беспартийные») действительно имеют здесь некоторый авторитет среди масс.

Весть о командировке сюда тов. Сеит-Галеева⁵³ была принята здесь весьма холодно. Все желали бы видеть здесь т. Ибрагимова или Султан-Галеева⁵⁴. Говорят, что только последние могли бы работать с мас-

¹ Так в тексте.

сой, ликвидировать всякие партизан[ские] движения и т. д. и что с приездом Сеит-Галеева тут неминуем конфликт.

Врем[енный] представ[итель] НКН⁵⁵ т. Булушев⁵⁶ на днях оставля-ет Крым, уезжает в отпуск, сдает мне дела Представительства⁵⁷.

С комм[унистическим] приветом Сюнчелей
Симферополь 4/Х [1] 921 г.

Штамп: 17 октября 1921. Вход. № 483.

Помета синим карандашом на первом листе документа: Арх[ив]

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5633. Л. 5–5 об. Автограф.

№ 2. Докладная записка С. Х. Сюнчелея в Наркомат по делам национальностей РСФСР

21 декабря 1921 г.

№ 1646

г. Симферополь

В Наркомнац

Ввиду неурожая хлебов население Крыма в настоящее время оказалось в крайне тяжелом положении в продовольственном отношении, и без преувеличения можно сказать, что в Крыму уже наступил голод, который наиболее сильно ощущается в южной части Крыма в селениях с преобладанием татарского населения, где смертные случаи на почве голода учащаются с каждым днем, в ближайшем будущем катастрофическое положение неизбежно. В числе мер, которые могли бы способствовать улучшению положения голодающего населения Крыма, по мнению Представительства, является наиболее существенной это получение для голодающего населения Крыма помощи продовольствием из зарубежных государств (Турции, Болгарии, Румынии и пр.).

Для более рациональной и успешной постановки вопроса о снабжении населения Крыма хлебом и продовольствием Представительство полагало бы необходимым иметь за границей (главным образом, в Турции) особого Представителя от Крымской республики, который должен быть уполномочен на право сбора пожертвований денежными средствами и продовольствием в пользу голодающих Крыма.

Представляя об этом на усмотрение Наркомнаца, Крымское представительство просит оказать со стороны НКН содействие к скорей-

шему разрешению назначения такого Представителя от Крымской Республики.

О последующем распоряжении Представительство просит уведомить его и Крымсовнарком.

Представитель Наркомнаца в Крыму Сюнчелей

Эмиссар^I (подпись неразборчива)

Штамп: Получено в Секретариате т. Сталина 3/І 1922 г. Вход. № 1423.

Печать: [Крымское представительство Наркомата по делам национальностей] РСФСР.

Помета чернилами сверху: т. Сталину. Копия.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5633. Л. 16. Подлинник на бланке Крымского представительства Наркомнаца РСФСР. Маш. текст.

Подпись — автограф С. Х. Сюнчелея.

№ 3. Письмо С. Х. Сюнчелея И. В. Сталину

2 марта 1922 г.

секретно

Тов. И. Сталину-Джугашвили^{II} письмо от Саида Сюнчелей^{III} из Крыма

Уваж[аемый] товарищ Сталин.

Прошу извинения, что давно не писал лично Вам. В Крыму событий важного значения почти не было, вопросами же, не представляющими большого интереса, занимать Вас не хотел. А по делам НКН я обращался к тов. Карклину⁵⁸, как и следовало.

Теперь позвольте поделиться впечатлениями о Крыме.

Когда я прибыл в Крым (октябрь), представительство наше переживало «последние дни» — бывший врид представителя был со всеми (кроме националистов) в ссоре и собирался уезжать, само представительство разбухло и стало безжизненным. Нужно было распустить его большой штат и восстановить правильное взаимоотношение с правительством, что было сделано...

^I В тексте: Эмиссар.

^{II} Здесь и далее все подчеркивания снизу — авторские.

^{III} Так в тексте.

Власть была очень слаба и не авторитетна. Много было этому причин, среди коих можно указать на: бездействие Ревкома и ОК⁵⁹ РКП, внутренний раздор, плохое понимание местными (рус[скими] и евр[ейскими]) работниками политики Центра по нац[ионально-му] вопросу, отмежевание власти и партии от массы (от татар[ской] деревни), чрезмерно крутые репрессии органов ЧК по отношению к безропотному татар[скому] населению и пр.

Ныне же с провозглашением Республики, организацией Советов и благодаря принятым Центром мудрым мерам те ошибки постепенно изглаживаются, положение улучшается и порядок водворяется. Власть окрепла. В Советы вовлечена масса. Земли раздаются безземельным и малоземельным крестьянам. Зеленого движения вовсе не стало. Партийная работа усиливается. Проводится (хотя очень медленно) татаризация Советов. Экон[омическая] политика ведется интенсивно. Начинается торговля с границей и реализация производства Крыма.

СНК, Экон[омическое] сов[ещание] (т. Сеит-Галеев), КрЦИК (т. Гавен⁶⁰), ЦК Помгол⁶¹ и пр. прилагают все усилия на дело поднятия полит[ического] и экон[омического] благосостояния Крыма, пользуются широким авторитетом...Отзыв отсюда Полякова⁶² и Ефремова⁶³ встречен был здесь с удовлетворением.

Была бы надежда на скорое восстановление Крыма, но настиг голод. (Правительство уже принимает меры к изысканию средств получить из заграницы хлеба.) Предотвратить голод своевременно и здесь не могли. Не было запасов продовольствия. Денежный кризис был. Не было долго приступлено к реализации табака и вина. (Последние покупались у татар по дешевке.) Кооперация, шатаясь, гналась за рынком. Она была слаба (КрымСоюз) или спекулятивна (Отд[еления] ЦентрСоюза) и т. д. и т. п.

Во многом пришлось бы винить отозванных ЦК РКП тт. ⁶⁴, стоявших долгое время (около года) во главе Крыма и бездействовавших. И поныне крестьянство ропщет за невнимательность власти к его нуждам... Думается, что правительство КССР при своей усердной работе из положения выйдет в конце концов победителем. Нужны лишь директивы из Центра о том, чтобы власть на местах (в данном случае в Крыму) больше заботилась в настоящую пору о спасении голодных.

По офиц[иальным] данным, в Крыму голодает до ½ миллиона чел., большей частью татар. Смертность увеличивается. Идут вести из де-

ревень о людоедстве... Крым надеется на разрешение Центра на получение доли из прибывающего из Америки хлеба через порты Крыма...

Конечно, и ныне крымские власти не без недостатков и ошибок, но, учтя чрезвычайно усердную работу органов, не приходится слишком огорчаться и отчаиваться, тем более эти недостатки и ошибки — повсеместное явление и общая наша болезнь. (Я хотел было, главным образом, указать на холодное отношение «верхов» и вообще всех органов — до последней несчастной канцелярии какого-либо отдела или милиции и пр. — отношение к угнетенным веками татарским трудящимся.)

С сокращением штата предст[авительст] ва НКН (до 3-х чел.) деятельность последнего ослабла, но я по мере возможности исполняю возложенные на меня задачи, участвую на заседаниях СНК, ЦИКа, Эк[ономического] сов[ещания] и пр., выступаю в печати, живое участие принимаю в татаризации, помголе, просвещении и пр. Имеющиеся материалы посылаю в НКН.

Отношение Правительства к Представит[ельст] ву вполне удовлетворительное. Лишь могу пожаловаться на ОК РКП, который к предложениям и советам моим относится несколько невнимательно и небрежно, и во многом *мнения расходятся*¹ у нас^{II}. (Кстати, должен уведомить, что до сих пор еще не решен вопрос об участии представителя НКН на засед[аниях] Обл[астного] ком[итета] РКП. Затем: местные татар[ские] работники не совсем разделяют линию Секретаря ОК по общей работе и, в частности, по татаризации аппаратов и высказывают недовольство т. Израйловичем.)

А татар[ские] националисты недовольны много (они, впрочем, ни-кем не довольны). У меня с ними идет полемика в татар[ской] печати по политич[еским] вопросам принципиального характера. Те делегаты из Крыма, которые посетили Вас в сентябре в Москве, оказались сущими националистами.

Один из них (Озенбашлы⁶⁵ — член КрымЦИК) пишет в газете «Новый мир»⁶⁶ статью, где выдвигает ряд требований «крымских просвещенных деятелей» и где между прочим говорит: «Для Туркестана, Татарии, Башкирии, Кавказа, а также и для Крыма нужны принципы

^I Здесь и далее курсивом выделен текст, подчеркнутый красным карандашом.

^{II} Текст предложения отчеркнут красным карандашом скобу линией.

не классовой, а национальной власти...», что-де: «чем организовать в восточ[ных] странах советское правление — нужно учитывать только возможности и подобрать подходящую форму правления», что-де: «чем пропагандировать там идеи коммунизма — нужно дать свободу и простор процветанию имеющихся там «револ[юционных]» организаций, а в Крыму мы должны воспользоваться Соввластью во имя нашей национ[альной] независимости в будущем» и т. д. и пр... Должен отметить, что константиноп[ольская] пресса своевременно и подробно была осведомлена (через европ[ейскую] печать) о переговорах крымских «беспарт[ийных]» делегатов с Москвой (в сент[ябре]) и о выставленных якобы ими «требованиях от имени Крымского национ[ального] собрания» (!), где присовокупляется, что, если-де [«]Москва отвергнет требования, крымские делегаты намерены оставить Москву»... Нет сомнений, что эти «делегаты» информировали сотрудников европ[ейской] прессы... Теперь — эта статья... Эта игра крымс[ких] нац[ионалис]тов в политику заставила меня выступить в печати с соответствующим внушением... (Одна лишь заминка: мне неизвестно — нет ли каких-либо изменений во взглядах Центра по национ[альному] вопросу в последний период. Никаких указаний на этот счет из Москвы не получал. Быть может, Вы, уваж[аемый] тов. Сталин, уделите досуг и напишите мне письмо. Я буду очень рад).

Кстати, позвольте мне познакомить [Вас] с 2–3 турец[кими] газетами Константинополя.

Одна из них «Пиаме-Сабах». Консервативная, видимо, орган Султан[ского] прав[ительст]ва. Систематически нападает на Ангору⁶⁷, Мустафу Кемаля⁶⁸ и Энвера⁶⁹, называя последних изменниками родины, последователями большевизма, апостолами зла и насилия и т. п., а Ангору — приютом пьяниц, справляющих банкеты в честь бесчисленных «послов и посланников», прибывающих туда. Газета употребляет все колкости и насмешки по адресу РСФСР, но признает необходимым подружиться с ней как будущей великой Республикой, защитницей Турции от разгрома Европы. Газета распространяет всякие небылицы про Энвера, который якобы обманул Москву и теперь, организовав где-то громадную армию, собирается воевать то с Россией, то с Анатолией и пр. и пр. (Пиаме-Сабах, № 11526).

Газеты же «Икдам», «Вакт» и «Акшам» — прогрессивные и более лояльные. Они к анатол[ийскому] движению относятся друже-

любно, а к РСФСР вдумчиво и серьезно... Интересно: одна из этих газет (Вакт) выдвигает свой «магометанский социализм».

(Выдержки из этих газет (особ[енно] из первой) в моем переводе посылаю в редакцию журнала.)

Вот всё, что наспех мог написать в этом письме. О многом мог бы писать, но боюсь, что будет длинно.

Если у Вас будет желание заниматься подобной «литературой» мой — буду писать почаще.

Всех благ, ув[ажаемый] тов. Сталин.
Ваш сотрудник в Крыму Саид Сюнчелей

Р. S. В случае, если Центру угодно будет командировать меня куда-либо на Восток, — изъявляю готовность.

О личной жизни своей смею уведомить, что пишу новые произведения и... женился⁷⁰.

С тов[арищеским] приветом Сюнчелей
Симферополь

Штамп: Получено в Секретариате т. Сталина 11 марта 1922 г. Вход. № 2285.

Помета красным карандашом на первом листе документа: Арх[ив].

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5633. Л. 18–21 об. Автограф.

№ 4. Письмо С. Х. Сюнчелей И. В. Сталину

15 марта 1922 г.

Симферополь

Ув[ажаемый] тов[арищ] Сталин.

Положение Крымской республики ухудшается.

Республику постигла серьезная хоз[яйственно]-эконом[ическая] катастрофа. С[ельско]-х[озяйственная] культура гибнет. Понижение посевов доходит до 80%. Реализация крымского сырья производится крайне неумело. Под «реализацией» надо понимать систематическое выкачивание из Крыма местного производства (табака, вина и пр.), что продолжается. А взамен крестьянству ничего не выдают (гроши). Крымск[ое] крестьянство обнищало совсем. Всё татарское население голодает. Голод принимает широкие размеры. Помгол весьма слаб — отсутствие средств. Центр до сих пор не выполняет своих нарядов.

Ежедневно в среднем во всем Крыму умирает до 1 000 человек — голодных, в большинстве, конечно, татары. Всё побережье голодает.

Правительство КрССР не в силах заботиться исключительно о голодающих, ибо оно больше поглощено Новой эк[ономической] политикой. Торгует.

Если это критич[еское] положение будет продолжаться, то, несомненно: к лету вымрет 50% татар.

За крайней ограниченностью татарск[их] работников всякая (и парт[ийная], и совет[ская], и проф[союзная], и помгола) работа среди татар[ской] массы парализована. Прочие же работники предпочитают быть «подальше от голодных» и остаться в теплых — хозяйств[енных] органах.

Перед нами вопрос и дело идет только о спасении крым[ских] трудящихся от голодной смерти и их культуры — от окончательной гибели.

Сообщая всё вышеизложенное к Вашему сведению, ув[ажаемый] тов. Сталин, я бы просил Вас: Крыму уделить особое свое внимание, почаще запрашивать Пр[авительст]во КССР (т. Ибрагимова) о нуждах Крыма и все ходатайства республики перед Центром поддерживать... Иначе — без Вашего содействия ни Центр не позаботится слишком о Крыме, не придет своевременно на помощь ему, ни сам Крым не сумеет выйти из этого тяжелого состояния...

Так как татарские работники здесь очень нужны, то желательно бы прикомандировать сюда кое-кого из татар на ответственную работу.

С тов[арищеским] приветом Сюнчелей

*Штамп: Получено в Секретариате т. Сталина 21 марта [1922 г.]
Вход. № 2422.*

Помета красным карандашом на первом листе документа: Арх[ив].

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5633. Л. 34–35. Автограф на бланке Представителя Наркомнаца РСФСР в Крыму.

№ 5. Докладная записка С. Х. Сюнчелей И. В. Сталину

25 апреля 1922 г.

Из Крыма от Сюнчелей¹

Ув[ажаемый] тов[арищ] Сталин.

¹ Так в тексте.

Крым в агонии голодной смерти. Бедная татарская нация вымирает. Мы являемся свидетелями ужасных картин трагедии целой нации. Голод все более и более принимает кошмарные размеры.

Некоторые товарищи склонны думать, что теперь не время обвинять кого-либо в допущении бедствий в Крыму. Я с этим согласиться не могу и утверждаю, что голод в Крыму и гибель татарской трудовой массы суть «плоды» инертности стоящих во главе Республики.

Голод в Крыму можно было вполне предотвратить. Нужны были лишь своевременные решительные меры. Меры же приняты были слишком поздно.

Крым со своей урожайности 1921 г. давал ложные сведения, чем ввел Центр в заблуждение и не был последним признан долгое время голодающим.

Невзирая на настояния Представительства НКН — СНК и ОК в течение 3-х месяцев тянули вопрос о назначении Представителя Крыма в Москве при НКН, который бы в Центре заботился о Республике. Не спешили с этим, ссылаясь на отсутствие подходящих товарищей, а выдвигаемыми мною (т. Султан-Галеевым и Ибрагимовым) пренебрегали.

СНК и ОК до последних пор явно игнорировали ЦИК и Помгол и не давали последнему ни директив, ни работников. ОК РКП вопросами помощи голодающим вовсе не интересовался, когда как всей политикой руководил он и все от него зависело.

Всякие заявления и предложения Представительства НКН по Помголу оставались без внимания.

Помгол влачил жалкое существование и нуждался положительно во всем. Много справедливых и разумных предложений и требований его было СНК и ОК отвергнуто.

СНК и ОК до того разнуздали хозяйственные органы, что последнее о гибели «каких-то татар», о помощи им (и даже о спасении хотя бы детей) и думать не думали, от всех возлагаемых на них обязанностей всячески отказывались, отписывались, прятались и лгали.

Огромные «услуги» в этом злодеянии оказали деятели Внешторга (Туркестанов-Мемедов), Коммунхоза (Шмидт⁷¹), ЦУККА⁷² (Туркельтауб⁷³), Наркомпрод и СНХ. Последние три скрывали в своих складах огромное количество всякого добра и ценностей, не давали верных сведений об имеющемся у них имуществе из боязни захва-

та Помголом на нужды голодных, или отказывались в отпуске чего бы то ни было, ссылаясь на формальности. У НКПрода и СНХ было обнаружено много мануфактуры, а у ЦУККА — десятки ящиков ценностей, вывезенных им из дворцов, ценностей, которые они предполагали куда-то сбыть.

Коммунхоз не убирал трупов, валяющихся на улицах городов неделями. Внешторг месяцами задерживал переброску хлеба Помгола в голодные районы и т. д.

При таком явно преступном саботаже и торгашеско-мещанском отношении распущенных донельзя хозяйственников к страданию сотен тысяч голодающих — Помгол, конечно, был абсолютно бессилён бороться с голодом. Это положение и поныне неизменно. И теперь Помгол нищ, бездеятелен.

У него даже нет денег, чтобы закупить муку во Внешторге для голодных. А мука у Внешторга имеется сотни тысяч пудов. Муку закупают хозяйственные учреждения и выносят... на рынок¹!

А народ, этот татарский народ, вечно нуждавшийся в хлебе и земле, гибнет почему зря! Татарские районы позабыты и заброшены совсем. В Бахчисарае, Карасубазаре и Феодосии свирепствует бандитизм и людоедство.

Там закрываются столовые, кормившие голодных. Положение детей неопишное. Творится что-то страшное...

На днях группа бандитов напала... на город Бахчисарай (!). Налетчики при содействии советских «работников» ограбили склады Помгола. Убили кое-кого. По всему Крыму начали появляться политические бандиты. Ряд случаев убийства видных работников (Попандополо, Македона и Нидова). Везде и всюду идут крупные хищения, воровство и грабежи то на складах, то на железнодорогах. Несомненно участие в злодеяниях и агентов самих органов охраны. Полит. Управление⁷⁴, так рьяно восхваляющее себя в своих докладах Центру, не может пресечь преступлений.

Ныне идет реализация сырья (табака и вина) и ценностей (церквей и дворцов) на продовольствие за границей и в России. Реализация производится огульно, без особого хозяйского надзора и расчёта — с большими убытками для Крыма. По настоянию Предста-

¹ Абзац подчеркнут красным карандашом сбоку двумя вертикальными линиями.

вительства НКН расторгнуто несколько договоров Помгола. Идет разбазаривание и выкачивание крымского табака и вина и ценностей...

СНК и ОК не в силах приостановить дальнейший ход бедствий и разрухи. О серьезной политпросвет[ительской] и партийной работе и говорить нечего.

Таково положение Крыма. В чем же видят выход администраторы, кои так беззаботно, молчаливо и усердно (в чем надо отдать им справедливость) работают. Мне кажется, что они тоже выхода не видят и что это их мало беспокоит. Они, видимо (подобно Белинскому⁷⁵, говорившему в период своего увлечения социализмом: «С неизбежностью жертв нужно примириться»), находят, что жертвы — неизбежны, что действительность — разумна. Видимо, гибель голодной массы их мало тревожит, и они, видимо, считают, что как только перемрет этот «бесполезный для Революции татарский народ» — настанет тишь да благодать в Крыму...

Возможно, что в своей строгой критике я не прав и что никого винить не надо...

Но я готов обвинять многих «вождей» Крымской Республики в недопустимых массовых попустительствах, в инертности, в властолюбии, в азартности, в ставке «ва-банк!» жизнь десятков тысяч бедных татарских трудящихся и пр. и т. п.

Я готов быть тысячу раз несправедливым и неправым, чем оставаться равнодушным зрителем всех испытаний крымских татар и всех творимых в Крыму ошибок, неправд и зол...

Имею следующие предложения, от разрешения которых зависит судьба оставшихся в живых¹:

Предписать Крымскому ОК РКП — на первый план своей деятельности поставить заботу о спасении голодных Крыма.

Предписать СНК КрССР — забронировать и употреблять на борьбу с голодом 25% имуществ, капитала и пр. ресурсов всех хозяйств[енных] органов Крыма.

ЦУККУ (Цен[тральное] Управ[ление] Курор[тами] Крыма) — использовать свой аппарат до 75% на дело лечения больных голодных Крыма.

¹ Весь последующий текст документа отчеркнут красным карандашом сбоку линией.

Полит. Управлению — сдать все свои ценности Помголу для реализации на продовольствие.

Прислать из Москвы деньги на обществ[енные] работы по Крыму.

Прикомандировать в Крым несколько сильных работников, как русских, так и татар.

Симферополь 25/IV 1922 г. Сюнчелей

Делопроизводственная отметка: вх. ЦК 4499/с 23/V 22 г. Крым

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 346. Л. 63–64 об. Автограф.

№ 6. Письмо С. Х. Сюнчелея И. В. Сталину

26 апреля 1922 г.

Ув[ажаемый] тов[арищ] Сталин.

Позвольте мне написать несколько слов о Представительстве НКН в Крыму и о себе.

Представителем НКН работал я 7 месяцев. Как бы ни был я недоволен деятельностью крымских органов, политическое положение Республики *бодрое*, и *национальный* вопрос в Крыму *разрешен* в более или менее *положительном* смысле.

Насколько была возможность, насколько хватало силы и влияния, я выполнял возложенные НКН на меня обязанности.

Никаких конфликтов ни с СНК, ни с ОК у меня не было. Если были кое-какие разногласия, то они улаживались путем бесед и совещаний. О серьезных расхождениях я информировал НКН.

Ныне я считаю задачи Представительства НКН выполненными и полагаю, что *Пр[едставительст]во можно бы даже упразднить*.

По этим соображениям я изъявляю готовность быть отозванным в Центр и быть направленным куда-либо на Восток, где я бы мог быть полезнее, чем здесь.

Жду Ваших распоряжений.

С тов[арищеским] приветом Сюнчелей

Симферополь 26/IV 1922 г.

Р. S. Посылаю докладную записку⁷⁶ и выдержки из доклада Крым[ского] Помгола. Саид.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 346. Л. 61–61 об. Автограф на бланке Представителя Наркомнаца РСФСР в Крыму.

№ 7. Выдержка из доклада Крымского Помгола о голоде в Крыму¹

[Не позднее 26 апреля 1922 г.]

Из доклада Крым[ского] Помгола

Голод в Крыму

Проявление голода в Крыму выражается во все более резких и кошмарных формах. Все чаще встречаются случаи поедания родителями детей. Чаще отмечаются случаи поедания павших животных и человеческих трупов.

Цифры голода растут. Цифры смерти кошмарны, грозны. Деревни вымирают. Есть местности, где жители сожгли свое имущество, бросили все и ушли. Есть местности полуопустевшие, где смрад разлагающихся трупов заражает воздух, наводит ужас на остальных, еще живых, которые уже не в состоянии взять лопату, чтобы вырыть умершим могилу.

В пригородах и слободах сплошной стон голодных людей. Многие лачуги уже опустели, и их тишина еще более зловеща.

Дети... надежда, украшение страны — жалкие скелетики. Они переполнили коридоры и все комнаты детских учреждений. Их густые зловонные массы переполнили коллекторы, детские дома, очаги. Всюду по улицам у дверей магазинов, в нишах подъездов всюду встречаются все те же молящие, полные слез, детские глаза.

Мертвецкие и больницы переполнены. Разгрузка больниц затруднена, т. к. процесс выздоровления тормозится плохим питанием больных. Больные буквально вымирают от голода. Особенно остро это проявляется в закрытых учреждениях: напр., тюрьмах, психиатрической лечебнице и проч., где проценты смертности кошмарны.

Все мероприятия, проводимые в жизнь с такой огромной затратой энергии, ничтожны в сравнении с размерами постигшего Крым бедствия.

Татарская деревня совершенно беспомощная, безропотно, пассивно ждет помощи, а пока вымирает. Продовольственное положение сельского населения Крыма почти всюду катастрофично.

Ежедневно поступают в Помголы массовые ходатайства крестьян о выезде из голодного Крыма. Деревни пустеют. Земля, виноградники,

¹ Приложение к письму С. Х. Сюнчелея Сталину от 26 апреля 1922 г.

сады стоят необработанные, так как ослабевшие люди негодны к физическому труду.

Родители, доведенные до отчаяния голодом, приводят своих детей к дверям детских учреждений, оставляют их там, в надежде, что так или иначе их кто-нибудь подберет и накормит и... Дети мрут, мрут без конца.

По одному городу Симферополю за последние 10 дней погребено 814 детей и 360 взрослых.

В два с половиной месяца умерли в Крыму 30¹ тысяч человек. Еще ожидают смерть 340 000 душ.

Особенно остро отзывается голод на детях. Даже подобранные с улиц, они гибнут в детских учреждениях, т. к. скученность их, отсутствие белья, обуви, одеял, матрацев и пр., а в особенности отсутствие питания, дает полный простор эпидемическим заболеваниям, и проценты их смертности в детских учреждениях ужасны. В Симферопольском коллекторе, рассчитанном на 45 человек, сейчас находится 560 детей.

Ежедневно из него выносят более 30 черных от грязи, маленьких, покорно замолкших трупов...

/С подлинным верно Сюнчелей/

Делопроизводственная отметка: К вх. ЦК 4499/с 23/V 22 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 346. Л. 65–65 об. Заверенная копия.

Машинопись, правка от руки, заверительная подпись — автограф

С. Х. Сюнчелея.

№ 8. Письмо С. Х. Сюнчелея И. В. Сталину

18 мая 1922 г.

Ув[ажаемый] тов[арищ] Сталин.

Еще кое-что о Крыме я хочу написать. Жалею, что ничего отрадно-го не напишу Вам и в этот раз. Все о том же — о голоде.

Теперь по всему Крыму *голодают около 400.000 чел.*^{II} От голода умерло *около 100.000*, из коих $\frac{2}{3}$ — *татары*, больше дети. Таким образом: *погибла $\frac{1}{3}$ татарского населения.*

^I Цифра «3» вписана от руки поверх другой, неразборчивой, цифры.

^{II} Здесь и далее курсивом выделены части текста, подчеркнутые снизу красным карандашом читателем, а не автором.

Для Крыма вынести этот удар было очень тяжело. Велико было несчастье голодных и нищих татар. На глазах у всех происходило форменное детоубийство: на улицах и в очагах дети умирали десятками и лежали неделями. Живым отпускала грязный хлеб.

Теперь Помголом кое-что уже достигнуто, но какими усилиями!¹, и им кормится более 150.000 голодных. Грузия присылает продовольствие⁷⁷. И Турец[кое] Нац[иональное] собрание отозвалось — прислает помощь и принимает до 5 000 татарских детей.

Долгое время на пути Помгола было столько препятствий и загромождений, что никакой бы вражьей силе не преодолеть их! Когда дело касалось помощи голодным — абсолютно все органы забронировали себя от Помгола. Все склады оказались запертыми, все ценности спрятанными, все ресурсы — исчерпанными и т. д.

Требовалось белье для детей и заключенных, гибнущих от тифов, — но белье Помголу не отпускалось, а продавалось.

Требовались деньги, а СНК лишь разводил руками.

Поэтому-то Помгол долго надеялся на помощь Центра и настойчиво просил Предст[авительст]во НКН поддерживать его ходатайства.

Характерны случаи, иллюстрирующие отношение Высших органов и его руководителей к делу пом[ощи] голодающим:

Когда я являлся к руководителям (СНК, ЭКОСО, ОК, Внешторг) с предложениями и объяснениями по Помголу — меня нередко просили «подождать» в приемной. Помню: раз задал я вопрос секретарю ОК РКП: «Почему Вы не заботитесь о вымирающей татарской нации?», то т. Израилович мудро ответил мне: «Мы ни о ком не заботимся».

А что говорили в беседе со мной некоторые тт.?: «Собственно говоря, вовсе не жалко, что вымирает эта татарская нация» И это говорили не рядовые русские работники, в которых нередко течет истинно русская кровь, а ответственные «татарские» работники, так назыв[аемые] «левые коммунисты», стремящиеся огнем и мечом провести и в Крыму классовое расслоение (б[ывшие] наркомы из Татарии).

Ничему не научили тяжелые испытания татарской массы этих товарищей, находящихся в рядах борцов за освобождение наций и народов! И страдание тысяч детей не трогало сердца и не шевелило мозга этим жестколобым «теоретикам».

¹ Так в тексте.

Иногда жутко бывает — среди них... А о матросах, обречших весь Бахчисарайский район (который долгое время был в ведении Севастополя) на повальное вымирание и опустошение, и говорить нечего.

При таком диком отношении татарская голодная беднота, конечно, предпочла умирать безропотно, чем стать предметом презрения и чем умолять милость у презирающих...

Фр. Ницше⁷⁸ говорит в своей «Заратустре»: «Из ваших упущений сплетается ткань будущего, и даже ваше “ничто” есть паутина и паук, который живет кровью будущего».

Усвоили бы эту истину все те, кто берет на себя смелость и бремя управления какой-либо Республикой! А «упущений» в Крыму было проделано много. Администраторы были слепы — властолюбием и азартом коммерческим. Если голода в Крыму нельзя было своевременно предотвратить, то, по крайней мере, вполне можно было ослабить кризис его.

Советовались ли они с кем-либо посерьезнее? Прислушивались ли к тревогам своих тт. и воплям детей? Приложили ли, когда было нужно, максимум энергии на борьбу с бедствием! Нет и нет!

А како[во] настоящее состояние крым[ского] хозяйства? Самое плачевное! Сельское хозяйство пало на 85%. Скот погиб. Культура табаководства и виноградарства переживает последние дни своего существования (табака уже больше не будет, его не сеяли).

Теперь речь может идти не о восстановлении крым[ского] с[ельского] х[озяйства], а об его спасении...

В настоящее время *в деревнях Крыма нет советской власти. Везде орудуют кулаки*. По всем селам Крыма идет купля и распродажа земель, посевов, садов, инвентаря и т. п. Проводить в деревнях какую-либо кампанию, агитацию, пропаганду или пере выборы Советов нет возможности. Ибо крестьяне обеднели до крайности; они уже не имеют табака и вина (закуплено торговцами) и очень нуждаются, голодают и мрут. Рабочие заводов тоже голодают. В Севастополе на одном заводе умерло 260 рабочих от голода.

Невыносимо положение заключенных в тюрьмах («исправдомах»). Тюрьмы превратились в настоящие могилы. По утверждению начальника тюрем: нередко заключенные просят, чтобы их расстреляли, или вешаются сами. От голода и болезней там ежедневно умирают десятками... Если бы обо всем, что творится в тюрьмах Крыма, узна-

ли иностранцы, так часто посещающие Крым, то несомненно ужаснулись бы и за границей подняли бы целый вой!

На днях происходила Всекрым[ская] татар[ская] конференция. Делегаты упорно доискивались причин гибели с[ельского] х[озяйства], причин кошмарного такого голода в Крыму, осуждали действия властей и работников, не понявших местных нужд, не внявших крикам о помощи, отталкивавших татарских работников от себя и от дела, настаивали на углублении татаризации сов[етских] аппаратов и Помголов, требовали обследования деятельности последних, требовали привлечения к строгой ответственности всех тех, кто так или иначе способствовал голоду и разрухе (напр.: Полякова и Ефремова — отозванных в Центр и, наконец, Бененсона⁷⁹ — завед[ующего] Крым[ским] статис[тическим] управлением, ныне крымского торгового представителя в Константинополе, давшего ложную статистику об урожайности Крыма в Центр). На конференции был заявлен упрек по адресу самой татар[ской] интеллигенции, большая часть которой, невзирая на призывы, явно саботировала, уклонялась от работы в сов[етских] органах и Помголе и занималась до последнего дня торговлей... На конференции было заметно отрицательное влияние «левизны» и оторванности от массы тов. Сеид-Галеева и его друзей: националисты, как было видно, сильно ударилась вправо, а за ними и местные татар[ские] коммунисты... Т. Сеид-Галеев работает слишком изолированно, самостоятельно. С каждым днем все более и глубже зияет пропасть между ним и татарами. Это — гнетуще влияет на работу и товарищей.

Конференция беспарт[ийных] татар в вынесенных ею резолюциях высказывает свою искреннюю преданность к Сов[етской] власти и партии и восхищается героизмом Центра на Европ[ейском] фронте (Генуя)⁸⁰ и на фронте голода, но не может скрыть своего недовольства действиями отдельных представителей местной власти, недружелюбным отношением их к татар[ским] трудящимся и т. д.

Состоялся широкий Пленум ОК РКП. Участники горячо критиковали деятельность СНК, ЭКОСО, работу коих нашли бессистемной и линию не совсем правильной.

Возлагать особых надежд на подобных тт. как Сеид-Галеев и Израилевич было бы ошибочно. Они доказали свою слабость в деле восстановления крымского хозяйства и величайшую инертность в деле спасения на-

селения от вымирания. Они не оправдали и не оправдают надежд Центра... Этим я отнюдь не хочу сказать, что их надо наказывать или снять, нет. Надо прикомандировать сюда немедленно кого-нибудь еще, но сильного, испытанного, но главное: глубоко идейного, сердцем чуткого до страданий бедноты, массовика, мудрого, достойного руководить высшей политикой в Крым[ской] республике. Он бы давал директивы и направление. Неважно, что он будет не из татар (ведь Крым уже почти потерял свой татарский облик: татарская беднота чуть ли не вся вымерла!). Не думаю, чтобы этим была нарушена автономность КрССР, а назначить сюда представителя Центр[ального] комитета партии нужно (и с большими правами, чем Пр[едставите]ль НКН).

Об Уполномоченном НКИД⁸¹.

В Крыму живет УполНКИД некий Томсон⁸², который своими дикими выходками, грубым отношением к СНК, НКВД оскандалился и возмущает каждого. *Никого не признает*. И на мои депеши не отвечает месяцами... *Агитпроп ОК и НКВД просят меня сообщить о нем и о действиях его в Центр*. Отозвал бы его НКИД отсюда и таких дельцов не командировал бы никуда.

Турец[кая] печать.

В полученных мною константинопольских газетах помещена речь Мустафы Кемаля на торжеств[енном] заседании Вел[икого] Нац[ионального] собрания. Привожу отрывки из его речи.

Внутр[енняя] политика Ангоры:

«Султаном Анатолии ныне является не кто иной, как сам турец[кий] народ, наш трудящийся крестьянин, и воин, а потому мы стремимся проводить по всей Турции народовластие.

Христианские национальные меньшинства в Турции будут [обладать] всеми теми правами, какими они пользуются во всех культурных странах, но лишь с условием, что и мусульманские нац[иональные] меньшинства, проживающие в других странах, должны будут пользоваться такими же правами гражданина».

Внеш[няя] политика.

«...Наш дружеский союз с РСФСР укрепил нашу внешнюю политику. Нами заключены братские договоры с Россией, с ее отдельными республиками (Бухарой, Азерб[айджаном], Грузией, Арменией и пр.) и Афганистаном, и торговое и экономич[еское] взаимоотношение с ними налаживается» и т. д.

В некоторых газетах пестрят разные нелепости о России. Напр., газета «Иляри» сообщает о подвигах Энвера, который якобы силой вооружен[ного] отряда занял враждебную к большевикам Бухару и теперь занят организацией Совет[ской] Бухар[ской] республики и т. п.

О голоде: сообщение о том, что пожертвования в России тратятся не на борьбу с голодом и пр.

С тов[арищеским] прив[етом] Сюнчелей 18/V 22

Штамп: Бюро Секретариата ЦК РКП. Получено 23/V 1922 г. Вх. 5702/с группа Секретно.

Помета красным карандашом на первом листе документа: Архив.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 346. Л. 3–5 об. Автограф.

№ 9. Письмо С. Х. Сюнчелея И. В. Сталину

10 июня 1922 г.

Симферополь

Глубокоув[ажаемый] тов[арищ] Сталин.

Сообщения о Крыме я написал и послал в НКН. Ими затруднять Вас не хочу.

Положение Крыма несколько улучшилось. Усилиями Помгола и АРА⁸³ кризис голода ослаблен. И Грузия прислала довольно много продовольствия. И Турция присылает. Помгол нуждался в контроле. Много было хищений в округах. Прибывший сюда т. Ибрагимов приступил к ревизии. Надо пола[га]ть, что 2/3 голодных будут спасены. Остальную 1/3 (исключ[ительно] татары) ожидает смерть. Татар умерло много (около 100 тысяч).

Могу пожаловаться на бездеятельность Экон[омического] совещания при СНК и на довольно холодное отношение ОК РКП к ответ[ственным] татар[ским] работникам и особенно к Представительству НКН.

Убедительно прошу отозвать меня в Москву.

С тов[арищеским] приветом Сюнчелей

Штамп: Бюро Секретариата ЦК РКП. Дата 16/VI 22 г. Вх. № 6903/с.

Помета обычным карандашом на первом листе документа: Арх[ив].

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 346. Л. 66–66 об. Автограф на бланке Представителя Наркомнаца РСФСР в Крыму.

**№ 10. Докладная записка С. Х. Сюнчелея в Наркомат
по делам национальностей РСФСР**

[Не позднее 1 августа 1922 г.]

В НКН

[От] Крым[ского] Представителя НКН

Сюнчелей

Докладная записка

I. О Крыме

Положение Крым[ской] Республики продолжает быть тяжелым, несмотря на усиленную и интенсивную работу органов^I.

Голод унес с собою до 100 тысяч жизней. Умерли в большинстве та-тары. Крестьянство распродало весь запас табака и вина за бесценнок. Урожай нынешнего года даст не более 5 милл[ионов] пудов хлеба, чего не хватит и до 1-го января на Крым, после чего, если не будут приняты меры, Республика может быть обречена вновь на голод^{II}.

Продовольств[енный] кризис деревни отражается и на городе, где беднота бессильна бороться с дороговизной и где рабочие живут в большой нужде.

В настоящее время в Крыму голодает до 300 тысяч чел., из коих лишь 40% едва-едва обслуживается Помголом и АРА. Но Помгол с 1-го авг[уста] прекращает прокормление всех взрослых голодных. Помощь же АРА крайне незначительна. Вообще же обе эти организации недостаточно гибки, и развить свою деятельность как следует не смогли^{III}. Надо указать на небывалую халатность высших органов Крыма в деле организации помощи голодающим^{IV}. Затем: несмотря на то, что татарская беднота больше и сильнее голодала, о ней заботы было меньше. При раздаче семян проводилась такая тактика: те, у кого хозяйство было крепче (совхозы, немец[кие] колонисты и т. п.), получили семян больше, чем весьма нуждающееся крестьянство. Таким образом татары-земледельцы не получают достаточного урожая, чтобы

^I Слева на полях текст абзаца отчеркнут простым карандашом вертикальной чертой и поставлена помета галочка.

^{II} Слева на полях текст абзаца отчеркнут синими чернилами вертикальной чертой.

^{III} Справа на полях весь текст, начиная с первого абзаца записки и до этого места, отчеркнут бордовыми чернилами вертикальной чертой с неразборчивой пометой: «М[...]рову».

^{IV} Слева на полях напротив текста синими чернилами помета: «[т]ы?».

прокормить себя в зиму и несомненно будут опять голодать... В выдаче денежных ссуд наблюдается то же: имущие получают гораздо больше, чем слабые, бедные. (Тов. Калинин⁸⁴ был весьма несправедлив, когда (в бытность свою в Крыму) при беседе с татарами-крестьянами сказал, что Банк не особенно доверяет бедным крестьянам, точно так же был не прав, когда писал в «Известиях», что крым[ские] татары не особенно прилежны. Трудолюбивее крым[ского] татар[ского] крестьянина не найти...)

Хозяйств[енные] мероприятия не дали благоприятных результатов. Инициатива в области с[ельского] х[озяйства] была отнята из рук самих производителей. Вместо этого были созданы тресты, ныне дошедшие до краха (табакотрест СНХ и т. п.). Культура табаководства в Крыму уже исчезает. Табаководы и виноградари не получили поддержки...

При наделении крестьян землей татарское крестьянство также было обойдено и бесконечные их хлопоты остались без последствий. Лучшие земельные участки были оставлены под твердой сетью совхозов, кои теперь сдаются в аренду и управляются прежними управляющими или даже хозяевами в качестве «спецов», отношение коих к коренному населению деревень довольно грубое.

Под видом реализации крымского сырья и ценностей происходило бесцеремонное разбазаривание их. Хозяйского надзора и расчета не было. Помгол, напр[имер], производивший всякого рода коммерческие сделки, полгода был бесконтролен¹. Хоз[яйственные] аппараты стали бездеятельными и находятся накануне полного развала. Часто горят заводы и фабрики (гос[ударственная] мельница, гос[ударственная] табачная фабрика, лесопильн[ый] завод и пр.). Нередки стачки рабочих.

Все вышеприведенное не дает возможности особо надеяться на скорое восстановление Крым[ской] Республики. Высший эконом[ический] орган — ЭКОСО — слаб донельзя. Оно не в силах руководить эконом[ической] политикой в Крыму, ни готовить хоз[яйственных] кампаний, ни давать директив. Даже в собирании статистич[еских] данных об урожайности этого года происходит неразбериха: цифры получаются разные. Напр[имер], НКЗ⁸⁵ утвер-

¹ Слева на полях напротив предложения синими чернилами помета: «Дело РКИ».

ждает, что урожай дает (при благоприят[ных] климат[ических] условиях) около 6 милл[ионов] пудов хлеба, НКПрод же указывает на 7–8 милл[ионов] пудов, а Статист[ическое] управление округляет цифру в 10 милл[ионов] пудов. (Этот аппарат и в прошлом году представил ложную статистику.) Такая комедия и нынче может сыграть дурную роль в судьбе крымских трудящихся, и если — повторю — не будут приняты шаги к прекращению разрушительной политики в Крыму и к восстановлению (вернее, к спасению) с[ельско-го] хозяйства, то татарская бедная масса погибнет окончательно, и рабочие дойдут до отчаяния и последней стадии нищеты.

Тут, кстати, надо отметить следующее: при проведении некоторых мероприятий, затрагивающих интересы нац[иональных] меньшинств, гл[авным] образом коренного населения — татар, местные ответ[ственные] работники оставались в сторонке, с мнениями татар[ских] работников и Представителя НКН не считались. По отношению к ним О[б]К[ом] РКП держался несправедливой тактики — постоянно пренебрегал ими, нередко дискредитировал их, отчего работа у них довольно шаталась.

Беспарт[ийная] татар[ская] масса в достаточности не была привлечена в совет[ское] строительство и дело управления. В последнее время шла выборная кампания. Шла она всюду под очевидным и грубым давлением на массу. Напр[имер], во Всекрым[ский] съезд Советов представители беспарт[ийных] татар не были проведены, и многие примкнувшие к нам татар[ские] работники (до Наркома) остались за бортом. Этим отталкиванием татар от Советов крым[ские] тт. неизбежно ухудшают взаимоотношение с населением и теряют авторитет и власти, и партии...

II. О деятельности Представительства НКН

Представитель⁸⁶ входил в СНК и ЦИК Крыма по положению с совещат[ельным] голосом, принимал участие в заседаниях СНК, ЦИК ОК РКП, ЭКОСО, Наркоматов и всевозмож[ных] комиссий, вносил свои замечания и предложения в вопросах, касающихся прав и интересов нац[иональных] меньшинств. Главное свое внимание Пр[едставительст]во обращало на дело помгол, просвещения и земледелия. В области просвещения при участии и часто по инициативе Пр[едставительст]ва разрешались вопросы образования

нац[иональных] меньшинств, глав[ным] образом местных татар, поднятия их искусства, открытия для них педагогич[еских] и юридич[еских] (нарсудей) курсов, курсов политграмоты, организации дет[ских] домов и колоний, издательства и пр. По помголу Пр[едставительст]во имело частую беседу и переписку с органами Помгола об оказании помощи татарской и цыган[ской] бедноте, о реализации сырья, о спасении детей и пр. По земледелию Пр[едставительст]во имело переговоры с НКЗ о наделении крестьян землей, о совхозах, семенах и вакуфных землях. Пр[едставительст]во содействовало улаживанию ряда конфликтов, возникших между населением и органами. Пр[едставите]ль вел борьбу как в печати, так и на беспарт[ийных] конференциях с попользованиями националистов-татар. Пр[едставите]ль обследовал положение крестьян побережья, Севастоп[ольских] и Бахчисарайских округов, деятельность органов на местах. На имеющиеся там ошибки и недостатки обращено было внимание соответ[ствующих] органов.

Представителю в единственном лице (при 1 делопроизвод[ителе] и 1 курьере) быть в курсе всех дел Крыма и реагировать на все не было возможности. Развить деятельность, проделать необходимую большую работу было трудно. И местные органы (СНК, ОК) не оказывали Пр[едставите]лю должного содействия вовсе. И средства были крайне ничтожны. Приходилось работать в нужде и лишениях. Помимо того, Пр[едставите]ль обладал слабым здоровьем, что не позволяло ему выполнять всех возложенных на него задач в достаточной мере. И жалования не получал он в течение последних 4-х месяцев. При таких условиях он более оставаться в Крыму не мог. Сотрудники им распущены. Временно дела переданы бывшему заместителю Вайно⁸⁷ — инструктору ОК.

Сюнчелей

Помета синим карандашом на первом листе документа: К делу. Исползова[ла] Булле⁸⁸. 11/VIII.

ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 23. Д. 13. Л. 16–17 об. Автограф.

Комментарии

- ¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3964. Л. 1. Решение о необходимости создания автономной Крымской республики было принято Совнаркомом РСФСР 10 мая 1921 г. (РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 421. Л. 7) и Президиумом ВЦИК РСФСР 12 мая 1921 г. (Там же. Л. 90; Декреты Советской власти. Т. XV. Май 1921 г. М., 1999. С. 277). 18 мая Пленум ЦК РКП (б) постановил выслать Крымскому обкому партии телеграмму о том, что «признано необходимым выделить Крымский полуостров в Крымскую автономную республику» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 65. Л. 1 об). Но на момент подписания мандата С. Х. Сюнчелея подготовка к провозглашению Крымской республики еще продолжалась.
- ² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3964. Л. 1, 1 об.
- ³ Полномочная комиссия была ликвидирована постановлением Президиума ВЦИК 29 сентября 1921 г. 1 октября 1921 г. на ликвидационном заседании Комиссии были ликвидированы все органы Комиссии и уездные подкомиссии. Документы и материалы комиссии отложились в составе фонда Р-1247 в ГА РФ (см.: Государственный архив Российской Федерации : путеводитель. Т. 2: Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории РСФСР. М., 1996. С. 14).
- ⁴ Как сообщалось в отчете о деятельности комиссии до приезда в Крым, «из Москвы комиссия выехала 6-го июня. В Симферополь прибыла 14-го июня с/г.» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 508. Л. 6 об.).
- ⁵ См.: *Крапивенцев М. Ю.* Роль Полномочной Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма в создании Крымской АССР // *Культура народов Причерноморья*. 2010. № 183. С. 15–19; *Он же.* Роль Полномочной Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма в ликвидации бело-зеленого движения в Крыму в 1921 году // *Культура народов Причерноморья*. 2011. № 212. С. 163–168; *Он же.* Секретный доклад председателя Полномочной комиссии ЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма Ш. Н. Ибрагимова: текст и комментарий // *Причерноморье. История, политика, культура*. Вып. VI (III). Сер. Б. Новая и новейшая история. Севастополь, 2011. С. 64–72; *Он же.* История трансформации политико-правового статуса Крыма в 1917–1921 годах: дисс... к. и. н. Севастополь, 2014. С. 152–161 и др.
- ⁶ Красный Крым. 1921. 19 июня. № 134 (168).
- ⁷ А. И. Израилович был командирован в распоряжение Крымского обкома с рекомендацией в качестве секретаря обкома решением Оргбюро ЦК РКП (б) 26 сентября 1921 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 217. Л. 2).
- ⁸ О взглядах И. А. Акулова на статус Крыма и его противоречиях с Полномочной комиссией по делам Крыма см.: *Крапивенцев М. Ю.* История трансформации политико-правового статуса Крыма в 1917–1921 годах... С. 154–157, 161.
- ⁹ В опубликованных 12 августа 1921 г. в «Известиях ВЦИК» выдержках из доклада комиссии сообщалось, что «с 20 июня по 6-ое июля Комиссией принята всего 551 жалоба, которая распределяется таким образом: 47 проц. от арестованных, заключенных в концентрационные лагеря, их родственников [...] Все эти жалобы разобраны и разосланы с соответствующими заключениями и решениями по инстанциям». Подробнее о чистках и некоторых результатах судебных разбирательств, инициированных комиссией, см.: *Тепляков А. Г.* Крымские чекисты в начале 1920-х гг. // *Вопросы истории*. 2015. № 11. С. 139–145.
- ¹⁰ См.: *Крапивенцев М. Ю.* Роль Полномочной Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма в ликвидации бело-зеленого движения в Крыму в 1921 году...
- ¹¹ История Крыма : в 2 т. Т. 2. М., 2018. С. 461.

- ¹² Подробнее о первом курортном сезоне советского Крыма см.: *Попов А. Д.* Всесоюзная здравница: история туризма и курортного дела Крыма в 1920–1980-е годы. Симферополь, 2019. С. 13–17.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 5633. Л. 1–3. См. также: *Соколов Д. В.* «Железная метла метёт чисто...». Советские чрезвычайные органы в процессе осуществления политики красного террора в Крыму в 1920–1921 гг. М., 2017. С. 286–295; *Ишин А. В.* Повстанческое движение «бело-зеленых» в Крыму в первой половине 1920-х годов: национальные, идеологические, структурные особенности // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 3. С. 405.
- ¹⁴ *Кондратюк Г. Н., Петров В. П.* Крымская АССР в условиях новой экономической политики // Форпост Союза на юге... : очерки истории Крымской АССР (1921–1945 гг.). Симферополь, 2024. С. 104.
- ¹⁵ Известия ВЦИК. 1921. 17 сентября (№ 207).
- ¹⁶ *Борицкий Н. Д.* На грани национальной катастрофы: Голод 1921–1922 гг. в Ялте // Научный вестник Крыма: электр. рецензируемый журнал для науч. публикаций. 2022. № 5 (40). URL: <https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/916/118> (дата обращения: 20.01.2026).
- ¹⁷ Из доклада М. Султан-Галиева И. В. Сталину и ЦК РКП (б) о положении в Крыму от 14 апреля 1921 г.: «В татарских деревнях наблюдаются уже случаи голодной смерти. Особенно усиливается детская смертность. На областной конференции женщин Востока делегатки-татарки указывали, что татарские дети «мрут как мухи» (см.: «Россия опять может очутиться перед фактом потери Крыма...»: Докладная записка М. Султан-Галиева / публ. С. А. Усов // Крымский архив. 1996. № 2. С. 87).
- ¹⁸ В литературе приводятся различные даты рождения Сунчелея. В биографической справке С. Г. Сафуанова в «Башкирской энциклопедии» указаны три даты: 25.8.1888, по др. данным, 25.12.1888 или 2.8.1889 (URL: <https://bashenc.online/ru/articles/77439/?ysclid=mkmi4hjmyr162019661>). В диссертации Р. Р. Мусабековой приведена дата 2 августа 1889 г. (*Мусабекова Р. Р.* Сагит Сунчелей: Личность поэта и мотивы творчества : автореф. дис... к. филол. н. Казань, 2001. С. 8). Здесь указана дата из анкеты ответственного работника Наркомнаца (см.: *Красовицкая Т. Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917 — 1923 г.): Документы и материалы. М., 2007. С. 311). В документах встречаются различные варианты отчества: «Хамидулла» (в мандате за подписью И. В. Сталина и в анкете Наркомнаца), «Ибне Хамид» (в учетной карточке Бюро заграничных ячеек Оргинструкторского отдела ЦК ВКП (б)). В литературе утвердился вариант написания ФИО как «Сагит Хамидулович Сунчелей».
- ¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 36. Д. 1737. Л. 867.
- ²⁰ *Исхаков С. М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 — лето 1918 г.). М., 2004. С. 235.
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 36. Д. 1737. Л. 867; Оп. 99. Учетно-партийные документы С. Сунчелея (отчетная карточка на партбилет).
- ²² См.: *Григорьев Е. М.* Документы РГАСПИ по истории национальной политики и межнациональных отношений в Крыму в годы революций и Гражданской войны (1917–1921 гг.) // Мат. межд. научно-практ. конф. «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг.». М., 2016. С. 63.
- ²³ *Габдрафикова А. Р.* Татарский поэт Сагит Сунчелей и Крым начала 1920-х гг. // Крымское историческое обозрение. 2023. Т. 10. № 1. С. 109.
- ²⁴ Там же. С. 109–112.
- ²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 277. Л. 78–81 об.

- ²⁶ Там же. Л. 80.
- ²⁷ Там же. Оп. 112. Д. 103. Л. 9.
- ²⁸ Там же. Оп. 13. Д. 505. Л. 19.
- ²⁹ Землячка (Самойлова) Розалия Самойловна (1876–1947) — революционерка, советский государственный и партийный деятель. В ноябре 1920 — январе 1921 г. секретарь Крымского обкома РКП (б), член Крымского ревкома, один из организаторов красного террора в Крыму.
- ³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 505. Л. 16–18.
- ³¹ Вопрос об отзыве ЦК РКП (б) Сюнчелея из Крыма рассматривался Крымским обкомом 9 марта 1921 г., где было решено «тов. Сюнчелея откомандировать в ЦК» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 102. Л. 208).
- ³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 150. Л. 7.
- ³³ Там же. Л. 8–10. В удостоверении, выписанном заведующим Уфимской детской больницы в январе 1921 г., перечислялись болезни сына Тагира (Таира): туберкулез легких и костей и тяжелый порок сердца.
- ³⁴ Там же. Л. 2.
- ³⁵ *Исмагилова И. Я.* Личность Сагита Сунчелея в эпистолярной публицистике // Вестник Чувашиского университета. 2013. № 4. С. 272.
- ³⁶ *Красовицкая Т. Ю.* Указ. соч. С. 311.
- ³⁷ *Габдрафикова А. Р.* Указ. соч. С. 113.
- ³⁸ При этом в анкете ответственного работника Наркомата (см.: *Красовицкая Т. Ю.* Указ. соч. С. 311) указано, что с 1 сентября 1921 г. он назначен представителем Наркомнаца при Правительстве Башкирской ССР. Вероятней всего, здесь опечатка. Если предположить, что решение о назначении в Башкирию было изменено уже на следующий день, непонятно, почему не была исправлена информация в анкете. Представителем Наркомнаца в Башкирии Сюнчелей никогда не работал.
- ³⁹ См.: *Габдрафикова А. Р.* Указ. соч. С. 115–116. При этом в статье дважды упоминается письмо Сюнчелея от 30 (!) февраля 1924 г.
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 36. Д. 1737. Л. 867 об.
- ⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 13. Д. 13. Л. 96.
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5633. Л. 14.
- ⁴³ Там же. Л. 15.
- ⁴⁴ Цифровая версия номера газеты доступна, в частности, на сайте Национальной электронной библиотеки: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012282800/?ysclid=ml0ok02qbb969197914.
- ⁴⁵ Упоминания и две цитаты из докладной записки в Наркомнац, хранящейся в ГА РФ, имеются в кандидатской диссертации М. Ю. Крапивенцева (см.: *Крапивенцев М. Ю.* История трансформации политико-правового статуса Крыма в 1917–1921 годах... С. 41, 159, 160). Использование других документов Сюнчелея в литературе мной не выявлено.
- ⁴⁶ История Крыма... С. 460.
- ⁴⁷ Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. М., 1922. С. 220.
- ⁴⁸ *Анишакова Ю. Ю.* «Крымский инцидент»: О работе Американской администрации помощи в Крыму во время голода 1921–1923 годов // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 20. № 3 (2). 2018. С. 329.
- ⁴⁹ *Габдрафикова А. Р.* Указ. соч. С. 115.
- ⁵⁰ Ср.: «Одиночество, пожалуй, основное настроение поэзии Сунчелея. Это господствующий и сквозной мотив всего его творчества» (*Мусабекова Р. Р.* Сагит Сунчелей... С. 22).

- ⁵¹ Подр. см.: *Мустафин Р.* Неизвестные страницы биографии Сагита Сунчелея // Казанский альманах. 2011. № 7. С. 81–86.
- ⁵² Ибрагимов Шэймардан Нуриманович (1899–1957) — советский партийный и государственный деятель. Участник Гражданской войны. С 1919 г. — член Центрального Бюро коммунистических организаций народов Востока, с 1920 г. — сотрудник Наркомнаца. В мае–сентябре 1921 г. — председатель Полномочной комиссии ВЦИК и СНК по делам Крыма, с октября 1921 г. — член коллегии Наркомнаца. Позднее на партийной и хозяйственной работе. Участник Великой Отечественной войны.
- ⁵³ Здесь и далее «Сейт-Галеев» (также встречается вариант «Сейд-Галеев») — это Саид-Галиев Сахиб-Гарей Саидгалиевич (1894–1938) — советский политический и государственный деятель. Председатель Татарского ревкома (1920), Совнаркома Татарской АССР (1920–1921), Совнаркома Крымской АССР (1921–1924), позднее на хозяйственной работе. Репрессирован. С.-Г. Саид-Галеев был откомандирован в распоряжение Крымского обкома с рекомендацией в качестве председателя местного Совнаркома решением Оргбюро ЦК РКП (б) 19 сентября 1921 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 213. Л. 3–4).
- ⁵⁴ «Султан-Галеев» — это Султан-Галиев Мирсаид Хайдаргалиевич (1892–1940) — видный деятель советской национальной политики, идеолог мусульманского национал-коммунизма. С 1918 г. — председатель Центральной мусульманской военной коллегии при Народном комиссариате по военным делам РСФСР и Мусульманского комиссариата Наркомнаца, в 1919–1921 гг. — председатель Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП (б), с 1920 г. — член коллегии Наркомнаца. Представитель Наркомнаца в Крыму в феврале–марте 1921 г. Неоднократно арестовывался (1923, 1927, 1937), в 1940 г. был расстрелян.
- ⁵⁵ Здесь и далее НКН — Народный комиссариат по делам национальностей.
- ⁵⁶ Булушев Зайнулла Хусаинович (1886–1965) — революционер, политический и хозяйственный деятель, участник Гражданской войны. С 1920 г. — в Наркомнаце, в марте–октябре 1921 г. — представитель Наркомнаца в Крыму, затем Крымский представитель в Наркомнаце. Позднее работал в Татарской АССР, Азербайджане и Киргизии, в 1930 г. был арестован и осужден, в 1933 г. освобожден.
- ⁵⁷ Вопрос об освобождении З. Х. Булушева от обязанностей представителя Наркомнаца в Крыму и назначении на должность его заместителя С. Х. Сюнчелея рассматривался на заседании коллегии Наркомата 26 ноября 1921 г. (Протоколы руководящих органов Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. 1918–1924 гг. Каталог документов. М., 2001. С. 99).
- ⁵⁸ Карклин Отто Янович (1884–1942), революционер, политический и государственный деятель, участник Гражданской войны. С 1921 г. — член коллегии Наркомнаца, в 1922–1923 гг. — заместитель наркома по делам национальностей. В 1932–1935 гг. — заместитель председателя СНК Крымской АССР, в 1935–1937 гг. — секретарь Партколлегии КПК по Крыму. Арестован в 1938 г., осужден, умер в лагере.
- ⁵⁹ Здесь и далее ОК — обком, областной комитет РКП (б).
- ⁶⁰ Гавен Юрий Петрович (1884–1936), революционер, советский партийный и государственный деятель. Работал в Крыму с 1917 по 1924 г. С 1920 г. — член Крымского обкома и ревкома, в 1921–1924 гг. — председатель Крымского ЦИК. Был репрессирован.
- ⁶¹ Помгол — сокращенное наименование двух органов, занимавшихся с июля 1921 г. помощью голодающим в СССР: правительственной Центральной комиссии помощи голодающим при ВЦИК (ЦК Помгол) и общественного Всероссийского комитета помощи голодающим (ВК Помгол). В документах С. Сюнчелея речь идет о ЦК

Помгол (ВК Помгол был распущен еще в августе 1921 г.), также он использует слово «помгол» в общем значении «помощи голодающим».

⁶² Поляков Михаил Харитонович (1884–1938), революционер, партийный и государственный деятель. Председатель Крымского ревкома и Экономического совещания при ревкоме (1921), заместитель председателя СНК и нарком внутренних дел Крымской АССР (1921–1922), далее на хозяйственной работе. Репрессирован.

⁶³ Ефремов Доминик Иванович (1881–1925), советский партийный и хозяйственный деятель. В 1921 г. — член Президиума Крымского обкома РКП (б), член коллегии СНК Крымской АССР и председатель Крымского союза. Отозван из Крыма совместно с М. Х. Поляковым по решению Оргбюро ЦК РКП (б) от 2 января 1922 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 267. Л. 2). В 1922–1925 гг. — председатель Правления Госстраха.

⁶⁴ Тт. — товарищи.

⁶⁵ Озенбашы Амет (1893–1958), крымскотатарский общественный и политический деятель, писатель, публицист. В годы революции и Гражданской войны один из лидеров национальной партии «Милли фирка» и редактор газеты «Миллет». С 1920 г. сотрудничал с большевиками. Участвовал в организации сельскохозяйственной кооперативной сети «Ширкет», выступал за реэмиграцию крымских татар из Турции и Баканских стран. Заместитель наркома финансов Крымской АССР (1924–1927). Арестован в 1928 г., осужден на 10 лет, досрочно освобожден в 1934 г. В годы Великой Отечественной войны выступал за сотрудничество с нацистами, был арестован в Румынии в 1947 г., осужден, досрочно освобожден в 1955 г.

⁶⁶ «Новый мир» («Яңы дүнья») — крымскотатарская газета, издававшаяся с 1918 г.

⁶⁷ Ангора — ныне Анкара, столица (с 1923 г.) Турецкой республики. В 1922 г. Ангора являлась ставкой Мустафы Кемаля, который поддерживал тесные связи с Советской Россией. Константинополь был занят войсками Кемаля в ноябре 1922 г.; до этого город, где проживал последний султан Османской империи Мехмед VI, находился в оккупации войск Антанты.

⁶⁸ Кемаль Мустафа Ататюрк (ок. 1881 — 1938), основатель Турецкой республики (1923) и первый ее президент (1923–1938). В начале 1920-х гг. получал серьезную военную и финансовую помощь от большевиков, в марте 1921 г. был подписан советско-турецкий «договор о дружбе и братстве».

⁶⁹ Энвер-паша (1881–1922), османский военный и политический деятель, один из лидеров младотурков, пантюркист. В 1920–1921 гг. тесно сотрудничал с большевиками и был направлен ими в Среднюю Азию для борьбы с басмаческим движением, но перешел на сторону басмачей и возглавил антисоветское движение. Погиб в бою с частями Красной армии.

⁷⁰ В начале 1922 г. Сюнчелей (в третий раз) женился на крымскотатарской актрисе Амине Милушевой. В браке родилась дочь Тагира (см.: *Габдрафикова Л. Р.* Указ. соч. С. 113–114).

⁷¹ Шмидт Н. И., участник Гражданской войны, после взятия Крыма по приказу РВС 4-й армии был откомандирован в распоряжение Крымского обкома, работал на хозяйственной и партийной работе в Севастополе. В августе 1921 г. возглавил отдел коммунального хозяйства Крымского ревкома, с ноября 1921 г. — член Крымского ЦИК и управляющий коммунальным хозяйством Крымской АССР.

⁷² ЦУККА — Центральное управление курортами Крыма.

⁷³ Туркельтауб Лев Самуилович (1876–1936), врач, заведующий Харьковской медицинской академией (1920–1921). Осенью 1921 г. сменил Д. И. Ульянова на посту начальника Центрального управления курортами Крыма.

- ⁷⁴ Имеются в виду местные органы Главного политического управления при НКВД РСФСР.
- ⁷⁵ Имеется в виду литературный критик и публицист Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848).
- ⁷⁶ Очевидно, имеется в виду докладная записка от 25 апреля 1922 г. (док. № 5).
- ⁷⁷ Грузия.
- ⁷⁸ Ницше Фридрих (1844–1900), немецкий философ. Далее приводится цитата из речи Заратустры «Об умаляющей добродетели» из части 3 книги «Так говорил Заратустра».
- ⁷⁹ Бененсон Матвей Ефимович (1881 — позднее 1922), ученый-экономист, автор работ по экономике и статистике Крыма. С ноября 1921 г. — член Крымского ЦИК, заведующий Статистическим управлением Крымской АССР (Подр. см.: Ефимов С. А. Административно-территориальные инновации Крымского революционного комитета: 1920–1921 гг. // Научный вестник Крыма: электрон. рецензируемый журнал для науч. публикаций. 2022. № 3 (38). С. 25–26. URL: <https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/877/pdf> (дата обращения: 30.01.2026).
- ⁸⁰ Речь о работе советской делегации на Генуэзской международной конференции в апреле–мае 1922 г.
- ⁸¹ НКИД — Наркомат по иностранным делам РСФСР.
- ⁸² Томсон Эдуард Петрович (1889–1938), революционер, дипломатический работник, уполномоченный НКИД в Крыму (1921–1922). В газете «Вечерняя Москва» от 22 февраля 1922 г. сообщалось о начале рассмотрения в Московском губернском суде дела Томсона по обвинению в дискредитировании советской власти и присвоении казенных денег. Был осужден условно на 3 года и исключен из рядов РКП (б). Позднее на хозяйственной работе. Был репрессирован.
- ⁸³ АРА — Американская администрация помощи (англ. American Relief Administration) — американская организация, занимавшаяся оказанием помощи голодающим в Европе, в т. ч. Советской России в 1921–1923 гг. (подр. о деятельности в России см.: Платенов Б. Большое шоу в стране большевиков: Деятельность Американской администрации помощи в Советской России во время голода 1921 года. СПб., 2024).
- ⁸⁴ Калинин Михаил Иванович (1875–1946), революционер, советский государственный деятель. Председатель ВЦИК РСФСР (1918–1938), ЦИК СССР (1922–1938), Президиума Верховного Совета СССР (1938–1946). Неоднократно посещал Крым, в т. ч. в голодный 1922 год.
- ⁸⁵ НКЗ — Наркомат земледелия, здесь Наркомзем Крымской АССР, возглавлявшийся в 1921–1925 гг. У. Ибраимовым.
- ⁸⁶ В данном разделе записки Сюнчелей пишет о себе в третьем лице.
- ⁸⁷ Вайно Георгий Дионисьевич (1895–1938), революционер, секретарь эстонской секции Крымского обкома (1921–1923). Сотрудник Наркомнаца с января 1922 г., сменил Сюнчелей в качестве представителя Наркомата в Крыму. В 1923 г. — председатель правления Крымского сельскохозяйственного товарищества. Был репрессирован.
- ⁸⁸ Булле Мильда Оттовна (1892–1938), советский государственный и дипломатический деятель. Участница Гражданской войны. В 1921 г. — сотрудник НКИД, с ноября 1921 г. — в Наркомнаце. В 1922 г. — секретарь коллегии Наркомнаца. Репрессирована.

Г. С. Кан,
кандидат исторических наук,
ведущий специалист отдела изучения
и публикации документов ГА РФ

ЭСЕР-ТЕРРОРИСТ П. В. КАРПОВИЧ

Петр Владимирович Карпович родился 1 октября 1874 г. на хуторе Воронова Гута Новозыбковского уезда Черниговской губернии. Он был внебрачным сыном помещика А. Я. Савельева и его домоправительницы А. Ф. Карпович. Савельев по матери был внуком знаменитого государственного деятеля XVIII века канцлера А. А. Безбородко¹. По сословному происхождению Карпович был записан мещанином². Первые годы жизни он провел в имении своего отца. Савельев был настроен весьма радикально и, по свидетельству единоутробной сестры Карповича Л. В. Москвичевой, «всегда смело негодовал на российские порядки, министров и царя». В 1878 г. Савельев даже восстал на выстрелом В. И. Засулич в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, и малолетний Петр всё это слышал³.

Потом, когда к Савельеву приехал старший сын, Карпович и его мать переехали в Гомель, где он с 1883 г. учился в гимназии. Закончил он там 5 классов — по словам Москвичевой, из-за его вольнолюбивых взглядов учитель русского языка устроил ему переэкзаменовку. В 1891 г. Карпович, подготовившись у репетитора С. С. Далматова, переехал в Слуцк, где поступил в 6-й класс местной гимназии. Здесь он учился четыре года вместо трех, поскольку был оставлен на второй год в восьмом классе. Москвичева пишет, что это было из-за его «передовых убеждений»⁴, биограф Карповича, его внучатый племянник А. Т. Зарубин, считает, что дело было в недостатке трудолюбия.

В пользу своей версии Зарубин ссылается на гимназическую характеристику Карповича⁵. В ней отмечается: «Карпович Петр, своим поведением всегда доставлявший много хлопот своим наставникам, за последнее время остепенился и если не исправился совершенно от прежних своих недостатков, то, во всяком случае, старался обуздать себя и не давать воли своим дурным наклонностям. В общем,

личность Карповича довольно неуравновешенная и мало дисциплинирована. Имея хорошие способности, учился только сносно, так как любил поленился»⁶.

Он имел средний балл 3,7⁷. В аттестате у него закон Божий — 4 (на испытании — 5), физика и история — 5, логика и математическая география — 4, математика — 3 (на испытании — 4), латынь, греческий язык, география, немецкий язык — 3⁸.

Далматов, репетитор Карповича в 1891 г., общавшийся с ним и позже, дает ему такую характеристику: «...Я его считал всегда прямым и добродушным юношей, если и способным надерзить старшим, то только из правдивости и по горячности, естественной таким открытым характерам, каким мне казался Карпович». Занимался он с Далматовым усердно, аккуратно и старался быть исполнительным. Но в сочинениях «очень хромал, хотя вообще был юноша неглупый». В целом Далматов считал Карповича «добродушным и мягким» человеком, после окончания гимназии приехавшим в Москву «серьезно заниматься»⁹. Согласно и самому Далматову, и его жене О. Н. Далматовой, он привязался к их детям, любил их и играл с ними¹⁰. Далматов также сообщает, что Карпович очень любил музыку и с наслаждением слушал оперу. Далматов добавляет, что «на что-либо жестокое, даже по отношению к животным, он не был способен, до того он был добродушен»¹¹.

Журналист, публицист и литературный критик Л. Н. Клейнборт, учившийся с Карповичем в Слуцкой гимназии, многое рассказал о нем в своих воспоминаниях. Плотный и широкоплечий, с ранней растительностью на лице, он напоминал студента. Веселый и жизнерадостный, Карпович приносил в общество радость и веселье. Он любил игры, требующие физической силы, петь украинские песни, вкусно поесть острую пищу, детей. Любил природу — белые снега, озера, придорожные березы. Был неутомим физически и лишь один раз, к концу ловли раков, по-настоящему устал¹². Его основные черты — прямота, доброта, смелость. Со всеми он говорил откровенно, с первого слова переходил на «ты», был деятельно-доброжелателен. Желая помочь товарищу, он делал это как взрослый, но все у него шло от сердца. Когда Карпович начинал: «Голубчик, исполни просьбу. Ну, дай слово, что сделаешь!», все понимали — просить он будет не для себя, а для кого-то другого. И поэтому всегда все его любили¹³.

Бросалась в глаза и смелость Карповича. Он был вспыльчив, но отходчив, вспышки проходили быстро, бесследно. Страстный темперамент проявлялся, но Карпович не нервничал и ни перед кем не терялся. Но однажды он не сдержался и в городском парке избил до синяков одноклассника, унизившего гимназиста-еврея. «Теперь иди... — сказал он, успокаиваясь, — можешь жаловаться на меня». А на следующий день они оба уже мирно беседовали.

— Посуди сам, — унизил товарища, осрамил... И все это ты!

— Позволь, Карпоша...

— Постой, не перебивай. Говори, что хочешь. Но гадости видеть я не могу...»¹⁴.

Клейнборт пишет: «Все, что Карпович чувствовал, он высказывал сразу же; в нем жила потребность делиться всем, что он переживал. Он не мог скрывать своих чувств и к начальству, и приходилось оберегать его даже от мелких столкновений с учителями и педелями, — столкновений, которые в силу этого самого свойства у Карповича могли кончиться скверно». Впрочем, его общественные интересы тогда не шли так далеко, и потому учителя не шли на него войной.

Будучи человеком очень сообразительным, много чего в жизни умевшим, Карпович, однако, был не слишком развит. Клейнборт говорит о Карповиче: «...Все нутро его было не в ладу с книгой. Бывало, все мы увлечемся какой-нибудь книгой. Он же насмешливо скажет:

— Представь, я еще не читал.

Я начинал убеждать его прочесть книгу. Но он прерывал меня, не дослушав:

— Тебе хорошо рассуждать... Я жить хочу, а тут... тыкал он, скажем, в Бюхнера или Молешотта — как в ссылке»¹⁵.

Кружок самообразования, созданный в гимназии, не заинтересовал Карповича. Потом возник другой кружок, образовавший библиотеку. Карпович принимал некоторое участие в организации читальни, но книг из нее брал мало. По своему характеру он, по мнению Клейнборта, «был чужд всего, что требовало умственного напряжения». Не любил Карпович и споры, которые, как он считал, ничего не выясняли: «Лишние слова [...]. Все просто без них». По словам Клейнборта, «всё, что ему было по душе, он схватывал интуитивно. А нужно ему было только то, что связано с живым веянием жизни, с непосредственным выражением ее»¹⁶.

Тем не менее в одном из кружков Карпович участвовал в гимназические годы. Это был польско-белорусский кружок, во главе которого стоял белорусский писатель А. Р. Абухович. На собраниях кружка обсуждались взаимоотношения учителей и гимназистов, сочинения классиков русской, польской и мировой литературы, запрещенные сочинения о польском восстании 1863–1864 гг. Велось обсуждение о роли белорусского языка, и Карпович признавал его достоинства и большие возможности, соглашаясь с самим Абуховичем¹⁷.

Окончив гимназию, Карпович 30 июня 1895 г. подал заявление о приеме на I курс естественного отделения физико-математического факультета Московского университета¹⁸. Его просьбу удовлетворили. Но учился Карпович неважно, занимаясь (о чем позднее) другими делами. Будучи допущенным к экзаменам за первый семестр, он не стал их сдавать и не получил зачет за первое полугодие. Пересдавать экзамены можно было только через год, так что Карпович стал второгодником¹⁹. 8 апреля 1896 г. он подавал прошение на имя ректора с просьбой зачислить его на I курс медицинского факультета, но в этом ему было отказано²⁰.

Карпович принимал участие в студенческом движении, посещал все сходки и вечеринки, читал антиправительственную литературу²¹. Обновил он общение с семьей Далматовых и, как уже писалось, любил играть с их маленькими детьми. За недисциплинированность имел взыскания от университетского начальства. Так, 25 ноября 1895 г. явился на лекции в неформенном пальто, за что получил выговор от инспектора. 27 апреля 1896 г. за несоблюдение формы вне университета, т. е. хождение в красной рубашке, статском пальто нараспашку и форменной фуражке, был посажен в карцер на одни сутки²².

Одевался Карпович действительно небрежно²³, часто носил красную рубашку и длинные волосы²⁴ и на каникулах летом 1896 г. в г. Несвиже Минской губернии по внешнему виду был похож на мастерового, а не на студента²⁵. Но в нем стало больше серьезности — это был уже зрелый человек, немало передумавший, у которого появилась ранее несвойственная ему склонность к самоуглублению. Он разбирался в идущих тогда вовсю спорах народников и марксистов. Однако Карпович по-прежнему не был книжным человеком. Его прежнее нерасположение к науке перешло в сознательное пренебрежение теорией ради насущных политических задач. Впрочем, «Народной волей»

и террором Карпович грезил уже тогда, под влиянием «Подпольной России» С. М. Степняка-Кравчинского²⁶.

В Несвиже Карпович вел антимонархическую пропаганду среди семинаристов. Потом он по студенческой льготе ездил на всероссийскую выставку в Нижнем Новгороде. Здесь Карпович позволял себе расслабиться и выпить водки, но в целом любителем спиртных напитков он не был. Он был заводилой пения над Окой и над Волгой студенческих песен и в своих разговорах о студенческих делах уже склонялся от академизма к революционным, хотя и смутным идеям²⁷.

Карпович был тесно связан с т. н. «Союзным Советом объединенных землячеств» — общестуденческой московской организацией. В нее входило 45 землячеств и 1500 студентов. В ноябре 1896 г. Совет решил возбудить беспорядки в Московском университете, пользуясь таким поводом, как назначение на одну из кафедр профессора П. М. Попова, не пользующегося симпатией студентов²⁸. Повод этот, однако, не приобрел поддержки студенчества, и 21 октября 1896 г. Совет издал воззвание, где говорилось уже о подготовке к политической деятельности, а «факт с Поповым достаточно важный мотив для поднятия организованных беспорядков с целью борьбы против современного университетского режима как частичного проявления общегосударственной политики»²⁹. Несколько позже Союзный Совет выпустил новую прокламацию, где объявлялось о необходимости уличной демонстрации с политической окраской, и поводом выставлялась полугодовая годовщина давки на Ходынском поле. Предлагалось произвести поход на Ваганьковское кладбище, с целью служения панихиды по погибшим.

Власти решили предотвратить демонстрацию и 16–17 ноября арестовали всех известных им участников Совета и активистов в количестве 56 человек. Тем не менее 18 ноября утром группа студентов численностью 500 человек направилась к Ваганьковскому кладбищу для панихиды по погибшим во время Ходынки, но у Пресненской заставы они были остановлены полицией. Студенты вернулись к университету, некоторые ушли, но большинство отказались расходиться. После этого оставшихся 399 человек привели в Манеж, где переписали и, за исключением 36 главных агитаторов, отпустили по домам³⁰. Последних же, среди которых был и Карпович, отправили в тюрьму³¹. Педель I курса естественного отделения В. Н. Коробков сказал о Карпо-

виче: «...Очень бойкий, неохотно подчиняется университетским правилам, [...] 18 ноября являлся в актовыв зал и приглашал товарищей на сходку к Манежу около 1 часу пополудни. Знакомство ведёт с [...] лицами весьма подозрительными и неблагонадежными»³².

Сходки и последующие аресты продолжались еще четыре дня. Всего было задержано 711 человек. Из числа арестованных студентов 75 главарей движения были отправлены в распоряжение Министерства внутренних дел. Оставшиеся были поделены на три категории (разряда), по отношению к которым предполагались разные наказания со стороны Министерства просвещения³³. Сперва Карпович был отнесен к I категории³⁴, но затем попал во II разряд, и его намечалось подчинить гласному надзору полиции на родине сроком на два года³⁵. В конечном счете, согласно постановлению Особого совещания при МВД от 12 декабря 1896 г., Карпович был выслан на полтора года на родину под гласный надзор полиции³⁶. Кроме того, приказом министра просвещения И. Д. Делянова от 22 декабря 1896 г. он был уволен из университета без права поступления в другие высшие учебные заведения³⁷.

Карпович поселился в с. Большие Щербиничи Новозыбковского уезда Черниговской губернии. Там он имел 7 десятин (76,5 квадратных метров) земли, а мать еще больше — 300 десятин (328 квадратных метров). Вел себя Карпович тихо и скромно, из села не отлучался, занимался сельским хозяйством и самообразованием, готовясь к продолжению учебы³⁸. Ближе к окончанию срока гласного надзора Карповича вопрос о нем был рассмотрен директором Департамента полиции С. Э. Зволянским, который не считал нужным возлагать на него каких-либо ограничений, кроме отсутствия права жить в столицах и Петербургской губернии³⁹. Никаких препятствий не нашел Департамент полиции и к принятию Карповича в студенты провинциальных университетов⁴⁰. Карпович объехал Киев, Юрьев и Харьков, но попечители учебных округов ему отказывали в приеме в местные университеты без официального разрешения нового министра просвещения Н. П. Боголепова. Наконец, подав прошение Боголепову, он получил согласие министра и в октябре 1898 г. был зачислен на медицинский факультет Юрьевского государственного университета, куда выехал еще 25 августа⁴¹.

В Юрьеве Карпович задержался не слишком долго. Он опять вовлекся в студенческое бунтарство, был секретарем «Союзного Совета

Дерптских объединенных землячеств и организаций». В феврале–марте 1899 г. Карпович участвовал в студенческих волнениях, на которых звучали требования университетской автономии, отмены платы за обучение, уничтожения ограничений для национальностей, допущения приема в университеты всех кончивших средние учебные заведения. В результате в апреле 1899 г. он был исключен из университета без права обратного поступления⁴². Переехал в Гомель, где примкнул к местной социал-демократической организации. Безрезультатно обыскан 4 октября 1899 г. К дознанию Карпович привлечен не был. В конце ноября 1899 г. он выехал за границу. Позднее было установлено, что в Гомеле Карпович изготавливал и распространял запрещенные издания⁴³.

Поселившись в Берлине, Карпович жил на деньги от продажи доставшегося ему от отца имения, которое он продал почти за бесценок — 4 000 рублей, в то время как его цена была 10 000 рублей⁴⁴. В Берлине он недолго был вольнослушателем Берлинского университета⁴⁵. Сблизился с кружком студентов, впоследствии ставших крупными эсерами (А. Р. Гоц, В. М. Зензинов, И. И. Фондаминский). Зензинов вспоминал о Карповиче: «Он был высокого роста, с черной, как смоль, бородой, веселыми, горячими глазами и полными губами. На студенческих вечеринках он всегда был запевалой. Был он веселого нрава, прекрасный товарищ, всегда готовый посмеяться и пошутить»⁴⁶. А. Р. Гоц написал: «Было во всем духовном облике Карповича, во всем его душевном складе что-то рыцарски прямое, открытое, мужественное, какая-то ясная цельность, которая не позволяла никогда делу расходиться со словом»⁴⁷.

Очень был близок Карпович и с народником-эмигрантом А. Г. Леви (Левитом)⁴⁸. Карпович также организовывал транспортировку нелегальной литературы через русско-германскую границу. Ездил в Швейцарию, Италию, Англию и Францию, где познакомился с социалистическим движением и завязал связи со многими российскими эмигрантами⁴⁹. На немцев производил впечатление человека с замкнутым и застенчивым характером⁵⁰.

В феврале 1901 г. Карпович решил вернуться в Россию в связи с происходившими там событиями и убить министра просвещения. Причины были следующими. За участие в студенческих волнениях 183 студента Киевского университета по распоряжению Боголепова 9 января 1901 г. были отданы в солдаты. За ними 6 февраля последовали 27 сту-

дентов Петербургского университета⁵¹. Несмотря на то, что именно Боголепов разрешил в 1898 г. Карповичу поступить в Юрьевский университет, Карпович не любил его еще со студенческих времен, когда Боголепов был ректором Московского университета. Согласно словам Карповича на суде 17 марта 1901 г., Боголепов отталкивал от себя «черствостью и бессердечием и особенно надменным отношением к неимущим, нуждающимся в стипендиях, пособиях или льготах»⁵².

В более позднем письме к товарищам Карпович так объяснял свой поступок: «Когда получилось первое известие, что 60 человек сдано в солдаты, во мне поднялась такая буря, в которой я совсем не мог разобраться. Дней пять происходило во мне брожение, потом понемногу стало улегаться, оставив, конечно, известный осадок. Мне и тогда приходило в голову покушение на Боголепова, но я ни к какому решению не пришел. [...] Получилось известие в газетах, уже истинное. Тут старые раны вскрылись: правда, не так остро было чувство, но зато глубже. С этой поры и начинается процесс. Много, много я пережил за это время. Медленно, но верно подвигался я к решению. [...] И я решил отомстить»⁵³.

Москвичева в своей биографии Карповича, написанной для В. Н. Фигнер, пишет: позднее Карпович сообщал ей, что ехал в Россию убить царя⁵⁴, но думается, что это либо отзвук позднейших (1907–1908 гг.) настроений Карповича, либо ошибка памяти Москвичевой.

В своей речи на суде 17 марта 1901 г. Карпович говорил: «Зная условия русского военного быта, зная ту вполне законную ненависть, которую русская интеллигенция питает к военной службе, я считал эту меру неизмеримо жестокой, [...] глубоко несправедливой и незаконной. [...] Я счел необходимым такой протест, который соответствовал бы по силе учиненному Боголеповым злодеянию. Лучшей формой такого протеста я счел устранение главного виновника»⁵⁵.

Карпович выехал из Берлина 10 февраля 1901 г. и прибыл в Петербург 12 февраля. Еще по дороге, в Кенигсберге, он купил револьвер⁵⁶. Карпович поселился в меблированных комнатах. Местный пристав тут же уведомил об этом охранное отделение, так как Карпович не имел права на жительство в Петербурге. Но никаких мер власти предпринять не успели⁵⁷. Карпович узнал, в какие дни и часы происходит прием Боголеповым просителей, написал заявление на его имя о разрешении в августе 1901 г. держать конкурсное испытание в Тех-

нологический институт, купил в книжном магазине III том сочинений А. П. Чехова. Эти рассказы он читал вплоть до поздней ночи с 13 на 14 февраля⁵⁸.

В день покушения Карпович, согласно показаниям от 15 февраля 1901 г., «встал с постели около 10 часов, умылся, напился чаю, отдал прислуге вычистить платье и до 12 с половиною часов ничего не делал. В 12 с половиною часов зарядил револьвер пятью патронами, положил его в правый карман брюк и в 12¾ часа дня пошел в Департамент министерства народного просвещения: поднявшись в 3-й этаж, я узнал, что прием у министра уже начался». Карпович продолжает: «Когда я вошел в приемную комнату, то оказалось, что министр беседует с кем-то из просителей. Я подошел к одному из шкафов и стал выжидать, когда министр подойдет ко мне на такое расстояние, чтобы я мог в него сделать выстрел, не причинив вреда другим присутствующим в этой компании лицам»⁵⁹.

Боголепов вышел из своего кабинета в приемную, где, обходя представлявшихся ему должностных лиц и просителей, подошел к городскому голове Чернигова Рудину. Стоявший рядом с ним Карпович выстрелил в министра, попав в правую половину шеи. Боголепов упал, а Карпович был тут же схвачен за руку дежурным чиновником, выронив револьвер. Не сопротивляясь задержанию, он сказал: «Теперь я не опасен»⁶⁰.

Фигнер со слов Карповича говорит, что между Боголеповым и городским головой (видимо, Чернигова) успел состояться краткий разговор, в котором министр успел отказать просителю в открытии гимназии на городские средства. Этот отказ «был последним фактом, укрепившим руку Карповича»⁶¹. Сам Карпович в других своих показаниях, тоже от 15 февраля, также утверждал, что «министр довольно долго объяснялся с господином в цепи. Когда, наконец, кончая свои объяснения, министр подал этому просителю руку и несколько отошел или, вернее, отодвинулся от него, я выстрелил в министра»⁶².

Наконец, на судебном заседании 17 марта 1901 г. Карпович рассказывал: «Он (Рудин. — Г. К.) просил об открытии в Чернигове реального училища. В ответ на его просьбу Боголепов сказал, что надо доставить мотивированную докладную записку, в которой подробно было бы изложено: много ли в окрестностях Чернигова богатых помещиков и вообще выяснить, очень ли нуждаются в открытии училища зажиточные

классы, для которых, по высказанному тогда министром мнению, только и должно существовать образование». Боголепов добавил: «В настоящее время [...] все наши учебные заведения, к сожалению, служат пристанищем голытьбы, не находящей себе потом никакого применения, не удовлетворяющей ничем и производящей поэтому всякие смуты и беспорядки». Карпович слышал подобные слова Боголепова еще в Московском университете. Услышав их вновь, вспоминал он на суде, «я еще больше укрепился в своем праве судить его, и решил, «что я, гомельский мещанин, имею право поднять руку» на министра»⁶³.

Арестованного Карповича перевели в Дом предварительного заключения. 15 февраля он объяснил в показаниях свои мотивы: «В Боголепове я видел самого яркого представителя реакционного направления и виновника суровых мер, принятых относительно студентов университетов за последнее время и завершившихся сдачей в солдаты 183-х студентов Киевского университета. [...] Мною не руководили побуждения мести или злобы к господину министру: я имел в виду лишь устранить его с арены его действий, поэтому я, собственно говоря, не добивался смерти господина Боголепова во чтобы то ни стало, я бы удовлетворен был, если бы дело ограничилось поранением его. Но, конечно, стреляя в министра в упор и прямо целясь в него, а не в воздух, я прекрасно сознавал, что подвергаю его жизни самой серьезной опасности»⁶⁴.

Рана Боголепова сама по себе не была опасной. Но у него началось гнилостно-гнойное воспаление оболочек спинного мозга, в результате которого он и умер 2 марта 1901 г.⁶⁵ Теперь Карпович был уже не покушавшимся на убийство, а убийцей министра просвещения. В показаниях, данных на следующий день, он отмечал: «...Не признаю себя виновным в убийстве г. Боголепова, так как я считал своею нравственною обязанностью стрелять в него, чтобы его убить или ранить. О своем поступке я не сожалею и в нем не раскаиваюсь»⁶⁶.

Карповича судила 17 марта 1901 г. Петербургская судебная палата в Особом присутствии с участием сословных представителей. Обвинителем был товарищ прокурора судебной палаты Ф. И. Гредингер, а адвокатом присяжный поверенный А. Н. Турчанинов. Карпович в ходе судебного следствия выступил с большой речью⁶⁷, отрывки из которой мы уже приводили. Она была четкой и логичной, показы-

вающей, что он был неглупым человеком. Но, конечно, при этом его выступление было с гневом и пристрастием, особенно о том, что касается Боголепова. Тот был действительно реакционером и жестким, сухим человеком, но каким-то жестокосердным монстром он не был.

Петербургская судебная палата приговорила Карповича к 20 годам каторги⁶⁸. В написанном уже из тюрьмы письме к друзьям он писал: «...Вас я всех очень, очень люблю. Люблю так, как никогда не любил никого в жизни. Прощайте, не поминайте лихом. Завет всем вам: боритесь за свободу. Обо мне забудьте[...]»⁶⁹.

30 апреля 1901 г. Карпович был доставлен в Шлиссельбургскую крепость⁷⁰. Здесь он застал режим, уже сильно смягчившийся по сравнению с 1880-ми гг. Тем не менее Карповичу было запрещено работать в мастерских и совершать прогулки вдвоем. В связи с этим он дважды объявлял голодовки. Первая из них завершилась после того, как приехавший в Шлиссельбург военный врач обманул Карповича, обещав, что его требования будут удовлетворены.

Второй раз Карпович объявил голодовку, когда было объявлено, что узникам более не позволят останавливаться у его дверей для разговоров. На пятый–шестой день его голодовки среди шлиссельбуржцев возник вопрос о том, что голодать надо всем. Вопрос уже был почти решен, когда Фигнер уговорили поговорить с комендантом. Он сказал, что официально не разрешает разговоры с Карповичем. Но при этом физическая сила против нарушителей распоряжения применена не будет. Это было достаточно для прекращения голодовки, и уже на следующий день на прогулке Фигнер, стоя у его двора, целый час проговорила с ним⁷¹. Судя по документам, это было 25 августа — 2 сентября 1901 г.⁷²

14 июня 1902 г. в тюрьму был прислан зубной врач, и тюремное начальство потребовало, чтобы в часы его присутствия в крепости соблюдалась тишина. Карпович, не желая соблюдать режим, начал петь. На сделанное ему замечание он ответил: «Не привязывайся, петь буду». В результате Карпович был лишен прогулки на пять дней. 20 июня, выйдя на прогулку, он снова запел. Ему было вновь высказано замечание и обещано принять меры, но он сказал, что все равно будет петь. Тогда его посадили в камеру старой тюрьмы на хлеб и воду на пять дней. Там Карпович объявил голодовку, но сколько он проголодал — неясно⁷³.

Хотя Карповича довольно скоро перевели на общее положение, стычки его с начальством по мелким поводам продолжались и позднее⁷⁴. Фигнер пишет о Карповиче: «...Мне бросилось в глаза, что он отличается не тонким, развитым умом, а здравым смыслом, не образованностью или начитанностью, а тем знанием, которое черпается из практики жизни и общения с людьми. Было ясно, что это — не человек умственного труда, способный в заключении жить книгами[...]»⁷⁵.

В целом внимание Карповича было увлечено мастерскими, к которым его все же допустили. Работая в кузнице, он весь сиял радостью, которую давал любимый физический труд. Его учителем сделался другой арестант, выходец из рабочих — П. Л. Антонов. Под его руководством Карпович стал искусным слесарем. Много занимался Карпович и огородничеством. У него также был прекрасный голос — тенор, и он отлично пел⁷⁶. Все свои деньги, в том числе и вырученные от продажи личных вещей, Карпович потратил на покупку книг для тюремной библиотеки⁷⁷.

Фигнер так характеризует Карповича: «...Он [...] имел очень скромный вид и тихую, вдумчивую речь. Прекрасные, большие серые глаза, обрамленные очень длинными ресницами, казались черными, так сильно ресницы затеняли их. Эти глаза часто были застенчиво опущены, придавая лицу что-то девичье. Общее выражение лица, бледное, матовое, было доброе, и мягкие черты совершенно скрывали суровую решительность, необходимую для того, чтобы поднять руку на ближнего. Его часто опущенные ресницы, кажется, зависели от того нежно-почтительного отношения, которое он нес в душе по отношению к узникам русской Бастилии, когда впервые входил в нее»⁷⁸.

Карпович принес шлиссельбуржцам много радости. Он сообщил им о небывалом подъеме революционного движения в России и росте социалистических настроений в Европе, рассказал о бунтующем студенчестве, повсеместных нелегальных типографиях, росте пролетариата и его протестной активности, образовании политических партий. Карпович в 1901 г. предсказывал, что через пять лет в России будет революция. Он ошибся только в том, что она началась раньше, через четыре года. В общем, как информатор о текущей жизни для многолетних узников Карпович оказался на высоте положения⁷⁹. Фигнер сравнивала его появление в Шлиссельбурге как нечто равносильное дню Благовещения в доме смерти⁸⁰.

Все время нахождения Карповича в Шлиссельбурге его мать писала прошения на имя Николая II, обеих императриц, министра внутренних дел и юстиции, директора Департамента полиции, коменданта Шлиссельбургской крепости с просьбой облегчить участь сына и разрешить свидание с ним, но все они оставались без последствий⁸¹. Впрочем, биограф Карповича, его внучатый племянник А. Т. Зарубин, сообщает, что после Манифеста 17 октября 1905 г. она в начале ноября 1905 г. все же имела два многочасовых свидания с Карповичем⁸².

Через кого-то от сочувствующих узникам надзирателя Карпович передал на волю следующее письмо к товарищам: «Свершилось! Оковы, столь долго угнетавшие Россию, готовы пасть. Еще натиск — и прекратятся кровавые оргии российского бюрократизма и расчистится путь к созданию новой России. Увы! Я из своего монрепо могу только послать мой привет и пожелание успеха всем, борющимся за освобождение России, особенно вам, дорогие товарищи, стоящие под знаменем социализма! Несколько времени тому назад я узнал о выступлении на поле битвы с.-р. партии, воплотившей в своей программе все мои стремления и надежды. В то же время я с болью в сердце узнал о разногласии между двумя партиями, представляющими социализм в России. Дорогие товарищи! Ищите скорее в ваших программах того, что ведет к единению, чем упорно подчеркивать разногласия, решение которых принадлежит будущему»⁸³.

Указом императора от 21 октября 1905 г. каторжный срок Карповичу был сокращен вдвое. 8 декабря 1905 г. последовало распоряжение Николая II об упразднении Шлиссельбургской тюрьмы и переводе содержащихся там узников в Акатуйскую тюрьму Забайкальской области⁸⁴. 30 января 1906 г. Карпович вместе с пятью своими товарищами был вывезен из Шлиссельбурга и уже к концу следующего дня оказался в Бутырской тюрьме в Москве. Приехала в Москву и его мать, хлопотала о свидании с сыном в прошении директору Департаменту полиции. Там переадресовали его московскому губернатору. Тот дал свое согласие, и свидание произошло⁸⁵. Вообще условия Бутырской тюрьмы были достаточно легкими и не отягощали шлиссельбуржцев.

11 мая 1906 г. всех их отправили по этапу в Сибирь, и 13 июня они прибыли в Акатуйскую тюрьму. Карпович обладал развитым эстетическим чувством, что видно из его описания отдельных этапов пути в письме к Фигнер: «...Недалеко от Байкала увидели снежный хребет

Саяна, какой чудный волшебный вид. Горы возвышаются причудливо тонкими, вырезными узорами, какой-то особенной краской, бело-серебристой, синеватой, розовой и чуть-чуть золота, в общем, тон мягкий, нежащий. Затем переехали Байкал — увы, были снизу в ледоколе, посему ровно ничего не видели, но по выходе из ледокола ехали около 30 верст по самому берегу. Было тихо, тихо, Байкал спокойно лежал в своих берегах, только изредка маленькая рябь пробегала по зеркальной поверхности, и волна обнимала прибрежные камни. Становилось так легко на душе, хотелось взлететь над этой гладью»⁸⁶.

В этом же письме Карпович пишет о том, как он горячо любит Фигнер и всех шлиссельбуржцев, как ему их бы «хотелось прижать к груди, увидеть, говорить»⁸⁷. С нетерпением ждет Карпович ответного письма от Фигнер и добавляет: «Расцелуйте всех стариков, целуйте своих всех, не беда, что мы не знакомы»⁸⁸.

7 июля Карпович был выпущен в вольную команду, жил в деревне рядом с тюрьмой. 5 сентября 1906 г. он был арестован, у него нашли два револьвера, два паспорта и бинокль. Видимо, Карпович готовился к побегу. В результате его вернули в тюрьму⁸⁹. Он писал Фигнер: «Нынче я поуспокоился, а 1 октября чувствовал себя прескверно, чуть ли не все мечтания разбиты в прах. Все было так близко и легко осуществимо, а теперь... Ну, да Бог не выдаст — свинья не ест»⁹⁰.

Спиридонова вспоминала о Карповиче в Акатуе: «Его у нас все страшно любили[...]. Редко когда с его губ сходила едва заметная, тонко насмешливая улыбка, с какой он своими умными и добрыми глазами “созерцал” все происходящее. Каждому с ним было просто и легко, как с давно знакомым. Какими особыми чертами или чертой характера он обладал, трудно сказать, но он так располагал к себе и до того ему открывались сердца, что он был один из любимейших и уважаемых всеми товарищей. Он умел подходить к людям и был за это ценим последними».

Спиридонова добавляет, что Карпович «всегда был прост и ясен, всегда спокоен и ровен, даже ленив. Часами лежал он на нарах, слушая болтовню и сам кидая скупое, но острое словечко, и, в конце концов, его длинную широкую фигуру со всех сторон нар обсаживал рой собеседников»⁹¹.

Однако во время столкновений арестантов с начальником Алгачинской тюрьмы С. А. Бородулиным, по приказу которого 2 и 5 мар-

та 1907 г. они были избиты⁹², Карпович отнюдь не был спокоен. В ночь с 12 на 13 февраля 1907 г., когда из Акатуйской тюрьмы увозили в Мальцевскую тюрьму больных М. А. Спиридонову и М. М. Школьник, он был настроен воинственно. Школьник говорит:

«Карпович весь дрожал.

— Вы не уедете, вы не уедете, — повторял он, скрежеща зубами и сжимая свои сильные кулаки. Его глаза были налиты кровью, лицо было багровым. Один момент я подумала, что он кинется на Бородулина, который отступил на несколько шагов, видя его в таком ужасном состоянии. Карпович действительно намеревался тогда убить Бородулина»⁹³.

Арестант Ф. П. Лышковский в пересказе каторжанина И. И. Жуковского-Жука рассказывал, что Карпович устроился на кухню чистить картошку, чтобы иметь при себе нож, когда в помещение зайдет Бородулин. Он собирался этим ножом его зарезать. Бородулина спасла случайность — Карповича вызвали в контору тюрьмы, где сообщили, что он кончил срок заключения и через день-другой идет на поселение⁹⁴.

Карпович в то время был оптимистичен по отношению к перспективам революции и еще в конце 1906 г. писал шлиссельбуржцу Н. А. Морозову: «...Я глубоко убежден, что нынешнее положение долго продлиться не может, полагаю, 1½–2 года и от старого режима останется одно воспоминание»⁹⁵. В несколько более раннем (из Бутырской тюрьмы) письме к другому шлиссельбуржцу, М. Р. Попову, Карпович тоже выражает уверенность, что «заря солнца правды» скоро взойдет, но «крови ещё будет много». Он полностью принимает эсеровскую аграрную программу⁹⁶.

Карпович хочет участвовать в предстоящей борьбе, о чем он говорит и в другом послании к Попову, от 12 ноября 1906 г.⁹⁷ Карпович очень рад, что не оправдался его скептицизм по отношению к крестьянству и крестьяне оказались настроены революционно и социалистично. Он пишет: «Как только будет уничтожено самодержавие, нам предстоит великая задача закрепить вечный союз крестьян и рабочих, и в этом направлении борьба с с[оциал]-д[емократами]; если теперь следует искать примирения, то после победы нам с с[оциал]-д[емократами] не место в России, они должны принять наше обоснование: единство трудящихся, и жизнь заставит их сделать это»⁹⁸.

К кадетам у него было сдержанное отношение. В письме к Попову от 5 января 1907 г. он заявлял: «...Кадеты народ ненадежный, легко могут продать революцию — чем дорога она им, не их кровь лилась, не им дороги могилы. К тому же они и не революционеры, так на чём же соединяться с ними — сделайте, мол, милость, взберитесь по нашим трупам к власти, а там юлите и преследуйте нас. С ними небезопасно соединяться»⁹⁹. Народные социалисты (энесы) тоже не близки ему. По его мнению, высказанному в письме от 12 ноября 1906 г., они не смогут легитимизироваться и организовать массы. В результате энесы растворятся «в инертном, оппортунистическом элементе», который «только и примкнёт к ним». Жаль только «хорошие литературные силы», которые пропадут, «измазавшись в грязи»¹⁰⁰. Критикует Карпович и более крайние течения: «...Какое может соглашение с максималистами — утопистами по теории, анархистами по тактике — что тут можно уступить, на чем согласиться — не представляю себе»¹⁰¹.

Следил Карпович и за результатами избирательной кампании во II Государственную Думу, написав Попову 5 февраля 1907 г.: «...Хотя существенного от них ждать нечего, но всё же желательно, чтобы правительство, несмотря на все наглые надругательства над свободой выборов, получило ещё одну пощечину». И добавляет: «А там опять борьба, долго ли, коротко ли, но в победе сомневаться невозможно»¹⁰².

Очень тесные взаимоотношения в тюрьме сложились у Карповича с Г. А. Гершуни, о чем он писал Попову 12 ноября 1906 г.: «Пожив с ним, я его оценил — очень большой человек — умный, энергичный, беззаветно преданный делу. В заключении я его полюбил»¹⁰³. Однако это всё же была не такая восторженная и безоговорочная любовь, как у Е. С. Созонова к Гершуни, и это мешало полностью сойтись уже Карповичу и Созонову. В письме к М. А. Прокофьевой от 24 апреля 1912 г. Карпович утверждает: «...Я любил его (Созонова. — Г. К.) так сильно, как я способен любить. Большей любви я ни к кому не питал и на большее не способен. Была одна причина, почему мы не были так близки (лучше сказать, не слились с Ег[ором]) — это Григорий. С Гр[игорием] мы были слишком разные люди, и мы не могли быть близкими друзьями, наши отношения были хорошие, я его уважал и любил, но некот[орые] черты его держали меня на извест[ном] рас-

стоянии. Это я понял еще в Шлис[сельбурге] и довольно скоро, а потому и не старался подходить слишком близко»¹⁰⁴.

19 февраля 1907 г. Карпович вышел на поселение в Баргузинский уезд Забайкальской области. Решено было устроить ему побег при подъезде к Верхнеудинску, предполагавшемся 8 или 9 марта вечером. Около города надо было 16–21 км ехать лесом. Чтобы побег не сразу заметили, один «свой» возница должен был встретить карету с Карповичем в лесу, другой тоже сочувствующий революционерам ямщик должен был ожидать его на последнем этапном пункте перед Верхнеудинском. Карпович же должен был не идти, а ехать в повозке, причем в качестве единственного каторжанина. Он или кто-то еще из каторжан ближе к лесу должен был «испортить» лошадь, чтобы она захромала. После этого предполагалось, что Карпович переседает в «свой» экипаж, на котором и скроется от полиции.

Осуществление плана началась с того, что Карпович стал жаловаться на больные ноги. Затем он подал заявление о том, чтобы ехать на место ссылки в подводе, а не пешком. Просьбу Карповича удовлетворили, но в повозке должны были быть и другие каторжане, что мешало побегу. Тогда Карповичу достали рвотное, и он почти перед самым отъездом принял его. Началась рвота, которую с трудом останавливали. Вслед за этим Карпович в новом прошении попросил дать ему подводу без других пассажиров, что на сей раз было удовлетворено.

8 марта, когда оставалось 5–6 км до опорного пункта, одна из лошадей экипажа с Карповичем начала немного хромать. Ему было разрешено осмотреть лошадь, и в результате он незаметно сделал ей небольшой надрез и втер в него несколько кристаллов камфоры. Лошадь после этого только еще больше захромала и еле доплелась до остановки на опорном пункте. Там подводу должен был ждать «свой» возница, но его не оказалось. Он опоздал на целый час, но Карповичу повезло — никаких других повозок за это время через опорный пункт не проезжало, и у опоздавшего возницы конкурентов не было.

Офицер быстро договорился с прибывшим экипажем, и Карповича пересадили в него. Потом все поехали вместе, причем идущие каторжане были посажены в другие повозки. На повороте, в условленном месте у кареты Карповича ослабла подпруга, и экипаж остановился. Не став его ждать, все прочие повозки уехали, но конвойный солдат

с подводы грозно крикнул: «Ну, ты там, скорей!» Проходит несколько томительных минут. Карпович спрашивает возницу: «Не возвращаются, не слышать?» Он отвечает: «Лежи, буян, лежи! [...] Наш сейчас будет». И, действительно, тут к месту происшествия подъехала точно такая же, как и остановившаяся, подвода. Возница сказал: «Здорово, буян, тебе твои кланяются! [...] Ну, прощай! счастливо!» Первый экипаж быстро поехал за конвоем, а второй с Карповичем помчался отдельно по более дальней дороге.

Первому экипажу удалось обмануть бдительность конвоя, который, быстро проехав к Вернеудинску, встречал этап уже при въезде в город. Конвойный с последней повозки, увидев едущую подводу, закричал что-то непонятное, и возница ответил таким же неопределенным криком. Он въехал в город на почтительном расстоянии от конвоя.

Экипаж с Карповичем вскоре остановился в лесу, где Карпович переоделся. Затем он сел в заранее приготовленную тройку, которая поехала очень быстро, поскольку было условлено, что она должна прибыть в город раньше этапа со ссыльными. Перед самым Верхнеудинском эта тройка обогнала все прочие повозки. Проезжая мимо конвоя, Карпович «глубже уткнулся в воротник шубы, и дремавший конвойный не узнал его». Затем он спрятался на заранее подготовленной для него квартире в городе.

Поиски Карповича начались очень быстро, поскольку побег был практически сразу же обнаружен. Его искали в лесу и в окрестностях Верхнеудинска, но никто не подумал, что он находится в самом городе. Карпович прожил в Верхнеудинске около недели, и в одну темную и ненастную ночь выбрался из города. Он со спутником сперва шел пешком, а потом на повозке они поехали в другой город (какой именно, из источников неясно), куда, приехав, Карпович снова переоделся. Остаться в городе было нельзя, поскольку здесь проводились повальные обыски с целью найти Карповича. Тогда Карпович оделся приказчиком, а его спутник — хозяином, и они вместе покинули этот город. Затем они приехали в еще один город, стоявший у моря, где взяли билеты на первый же отходящий пароход. Он шел в Японию. Пробыв там две недели, Карпович уехал в Европу¹⁰⁵.

Оказавшись на Западе, Карпович вступил в ПСР и стал правой рукой Гершуни и Азефа в деле воссоздания в 1907 г. БО, ранее распущенной в ноябре 1906 г. Впрочем, Гершуни вскоре заболел и умер

16 (29) марта 1908 г. в Цюрихе, и Карпович стал работать под началом одного Азефа.

Савинков, познакомивший с ним весной 1908 г. в Париже, дал ему яркую характеристику: «Карпович был резок и прям. Чрезвычайно правдолюбивый, он и в других не переносил ни малейшей неискренности. Это было основной чертой его характера. Другой чертой была его отвага. Он напоминал тех средневековых рыцарей, о которых говорится в сказках: чем опаснее было предприятие, тем охотнее он брался за него. По своим взглядам он был в партийной оппозиции. Он признавал только террор и с оттенком пренебрежения относился ко всякой другой партийной работе. Он с чисто женской нежностью привязался к Азефу и, быть может более, чем кто-либо другой, видел в нем прирожденного вождя центрального террора».

Карпович часто говорил резкие, жесткие слова: «...Нас вешают — мы должны вешать. С чистыми руками, в перчатках, нельзя делать террора. Пусть погибнут тысячи и десятки тысяч — необходимо добиться победы. Крестьяне жгут усадьбы — пусть жгут. Людям есть нечего, они делают экспроприации — пусть делают. Теперь не время сентиментальничать — на войне как на войне».

Но сам он не экспроприировал и не жег усадеб. Савинков считает, что «цельность его убеждений была только внешней. За резкими отзывами и решительными мнениями скрывались колебания — признаки зрелого ума и совестливой души. Его волновали вопросы о моральном оправдании насилия, и в его крайних, часто жестоких выводах мне чудилось отвращение к крови и отчаяние, что революция неизбежно должна быть кровавой»¹⁰⁶.

Савинков добавляет: «...Я не знаю, много ли встречал в моей жизни людей, которые за внешней резкостью хранили бы такое нежное и любящее сердце, как Карпович. И это было тем более хорошо, что о любви к людям он отзывался с презрением, а о ненависти говорил как о законном чувстве. Противоречие между словом и делом у него было всегда, и решительно — в пользу дела. Даже те, с кем он не сходился ни во взглядах, ни в образе жизни, относились к нему с любовью и уважением»¹⁰⁷.

Прокофьева писала Созонову 11 июня 1908 г., что Савинков говорил о Карповиче как об «очень умном человеке. Самостоятельно и искренне доходящий до конца ум и бесконечно, широко добрый»¹⁰⁸.

Однако далеко не всем нравились манеры и речи Карповича времен пребывания в БО 1907–1908 гг. Азеф в общении со своей женой охарактеризовал своего преданного сотрудника как «не особенно умного человека»¹⁰⁹. Фигнер пишет: «Быть может, отсутствие умственной тренировки в течение шестилетней тюремной жизни породило какую-то странную развязность, с какой он стал третировать теперь всякий идейный спор или разговор. [...] В отношении Карповича ко всякого рода теоретическим вопросам был тон, который никому не мог нравиться. Чем дальше, тем становилось хуже: этот простой, деликатный товарищ, демократ по привычкам и вкусам, мало-помалу терял прежние симпатичные черты».

Фигнер продолжает: «Близость с Азефом, который стал его другом, сказывалась в замашках жить на широкую ногу на том основании, что террористу, чтоб не навлекать на себя подозрений, необходимо носить элегантный костюм, иметь соответствующую домашнюю обстановку и тратить много денег. Нелегальное положение, неопределенные, неустойчивые условия жизни и постоянно повышенное состояние нервов, не допускавшее умственного труда, приводило к полному забвению книги, что выродилось, наконец, в пренебрежение ко всему, что требует умственного напряжения»¹¹⁰.

Азеф в то время вел подготовку к цареубийству. Принял в ней участие и Карпович летом 1908 г. на крейсере «Рюрик», стоявшем в Глазго. Сторонник террора машинист Г. Авдеев должен был стрелять в Николая II во время смотра в России в октябре. Карпович дал ему для этого револьвер. Такое же оружие было дано вестовому Каптеловичу. Но во время смотра корабля императором никто из них не выстрелил в него¹¹¹.

Азеф по договоренности со своим полицейским куратором начальником Петербургского охранного отделения А. В. Герасимовым руководил БО, не давая при этом возможность совершить покушение на царя¹¹². Впрочем, в Глазго Азеф играл с огнем, поскольку не было гарантий, что Авдеев и Каптелович не выстрелят в самодержца. Карпович виделся с Азефом едва ли не ежедневно, был, можно сказать, его адъютантом. И вот один раз его арестовал некий мелкий чиновник охранного отделения в Петербурге без ведома Герасимова. Азеф, придя на следующий день к Герасимову, в резком тоне потребовал освобождения Карповича, утверждая, что по-

дозрение в измене падет на него — Азефа. Герасимов пообещал выполнить его просьбу.

Пойти официальным путем и выпустить арестанта Герасимов не мог. Но он был в состоянии устроить ему побег. Карповичу было объявлено, что он задержан из-за проживания по фальшивому паспорту. Его решено было отправить на родину для установления его личности. Одному из наиболее толковых чиновников Герасимов поручил сопровождать Карповича из тюрьмы при охране в пересыльную тюрьму и дать ему при этом возможность бежать. Это оказалось очень сложно.

Одетый в костюм надзирателя чиновник нанял для перевозки Карповича «свою», полицейскую пролетку и поехал в качестве его сопровождающего и охраняющего. По дороге сотрудник охранного отделения остановил экипаж и вышел за папиросами. Он болтал с продавщицей примерно 15 минут, но, вернувшись, с разочарованием увидел в пролетке Карповича. Проехав еще немного, чиновник вышел из экипажа в трактир выпить пиво. Он пробыл там еще четверть часа, но Карпович опять остался сидеть в пролетке. Тогда охранник пригласил его вместе с ним поехать в трактир. Карпович согласился. Они уселись за стол, заказали еду и стали есть. Чиновник пожаловался Карповичу, как тяжело приходится в полиции мелким служащим — небольшой оклад, много работы, тревоги, опасность. Приходится часто арестовывать хороших людей. Потом сотрудник охраны вышел якобы в уборную с твердым решением не возвращаться, пока Карпович не уйдет.

Карпович долгое время продолжал сидеть, есть и пить. Наконец, он поднялся и стал ходить от стола к двери, туда и обратно. Но уйти Карпович решился не сразу, а только через некоторое время. Он подошел к двери и вышел на улицу. Только тогда чиновник, следивший за Карповичем через приоткрытую дверь уборной, покинул свое место и вернулся к Герасимову¹¹³.

Фигнер сообщает об еще одном аресте Карповича, тоже в Петербурге. Тогда его освободил помощник Герасимова М. С. Коммисаров, сказав: «Это — ракло; его можно выпустить»¹¹⁴. Так или иначе, но Карпович благодаря покровительству Азефа был неуязвим для полиции. Впрочем, революции это не помогло.

Разоблачение Азефа в конце 1908 — начале 1909 г. было для Карповича сильнейшим ударом. Незадолго до этого, в середине ноября

1908 г., он встречался в Петербурге с партийным следователем, членом ЦК ПСР А. А. Аргуновым, и заявлял, что полностью доверяет Азефу¹¹⁵. Фигнер пишет, что Карпович первоначально обещал застрелить любого, кто назовет Азефа провокатором¹¹⁶. То же самое говорится и в «Заключении судебно-следственной комиссии по делу Азефа»¹¹⁷, созданной в 1909 г. и выпустившей брошюру с итогами своей деятельности весной 1911 г. Во главе этой комиссии — ССК — стоял противник террора А. Н. Бах, а членами ее были С. М. Блеклов, С. А. Иванов и В. В. Лункевич. Карпович отрицал подобные намерения со своей стороны¹¹⁸ и в письме к Савинкову от 24 апреля 1912 г. говорил, что с подобными угрозами выступал кто-то другой, а ком грязи был брошен в него — Карповича¹¹⁹.

В действительности шокированный Карпович в январе 1909 г. сказал Чернову следующее: «Ну, Виктор Михайлович, если все это так, то у нас один выход: всем, не медля ни минуты, разбежаться в разные стороны, чтобы не напоминать видом своим друг другу о том, что было и о чем надо забыть навсегда, чтобы можно было как-то еще жить...»¹²⁰.

В своем письме к Созонову от начала 1909 г. Карпович писал: «Взялся я за перо, а голова совсем, совсем не работает, совсем пустая. Да, мой родной, разбит я вдребезги, не узнал бы ты Петруся. При людях я еще себя подвинчиваю, а остаюсь один — руки опускаются, спина горбится, мыслей нет, только одна мысль и есть, зачем я жив, проклятие судьбе, что я не погиб. Как пережить такой ужас, ужас для революции, ужас личный. Ведь я любил его, любил как человек, верил в него, его слово было для меня закон. Идя на свидание, я сиял, уходя, чувствовал подъем и уверенность. И он провокатор. Сомнений нет никаких, ум говорит определенно и ясно, факт вполне налицо, но верить не хочется. Временами забываешься и начинаешь думать об Иване (Азефе. — Г. К.), прежнем, любимом, а потом поймаешь себя на этом и покроешься весь холодным потом. Я не могу до сих пор возненавидеть его[...]».

Карпович продолжал:

«О делах партии тоже утешительного сообщить ничего не могу. Партии нет, а все (так! — Г. К.) Россию есть 3 маленькие организации, а в остальных местах все сметено, нет у нас и масс, ибо никто о революции и не помышляет, нигде никаких разговоров, все заняты своими по-

вседневными делами и только, если попробуешь навести разговор на эти темы, тебя только удивленно осматривают, но ответа никакого, а продолжают говорить о своих делишках. Словом — победа реакции полная, не только физическая, но и психическая. Молодежь занята чем угодно, но только не революцией. [...] Подробно писать неудобно, а идея та, чтобы перестроиться по типу “Н[ародной] в[оли]”, только тогда и можно ждать чего-либо в более или менее отдаленном будущем»¹²¹.

В 1909 г. Карпович недолго жил в Париже. Весной 1909 г. он уехал в Лондон. Карпович, по-видимому, вышел из ПСР. Новое его кредо было: «Я больше не социалист и не революционер [...]. Хочу быть буржуем. Буду жить как буржуа...»¹²². В качестве источника дохода он занялся массажем¹²³.

10 мая 1909 г. Карпович написал новое письмо Созонову. Ввиду его особой важности приведем его полностью.

«Дорогой Егор. Страшно тяжело было мне взяться за перо писать тебе. Зачем, думалось мне, ведь ему и так тяжело, буду я прибавлять к его тяжести еще больше. Но и сам я не могу больше молчать, да и тебе следует узнать истину во всей ее полноте. Как скверно не знать действительности, это я испытал на себе, когда полный сил и энергии, полный желания отдаться до последней капли крови, отдать всю душу, весь мозг, приехал я из Сибири в Финляндию. И никто, никто не сказал мне правды, а стали тянуть, стали поручать всякую чушь. Затем я прозрел сам, что партия бессильна. Что и те ничтожные силы, которые имеются, не организованы, мечутся из стороны в сторону и гибнут без всякой пользы. А наши генералы живут с женами в Финляндии, собираются, говорят, говорят без конца и издают циркуляры за № таким-то, да, за номером, точь-точь как в департаментах, которые никому не нужны, совсем некстати. Тогда я вытребовал, чтобы меня отправили в провинцию, и здесь я увидел картину не лучше. Рабочие и крестьянские массы не думают о революции, а думают о ежедневном пропитании, совсем не верят в собственные силы, не верят революционерам, не хотят ничем рисковать, хотят получить маленькое реальное, а потому охотно откликаются на всякие начинания правительства, рассчитывая получить какую-либо пользу для себя. Остатки бывший Рев[олюционной] Пар[тии] — народ бестолковый, бесшабашный и совсем не авторитетный — мечется и в итоге идут на частные экспр[оприации] и развращаются вконец. Средств никаких, что удалось добыть, приходится тратить

на кормежку и одежду этой гольтыбы. Так вертелся я в этом колесе. Что удавалось наладить, чуть отойдешь, расстраивалось. Наконец, поехал по делам в главный штаб и получил приглашение от Ив[ана]. Тут началась канитель, — ничего не делалось, а он делал вид, будто что-то есть. За это время я исколесил всю Россию и видел, что с каждым днем все падает и падает. От Рев[олюц]ии отходит все, что только может устроиться иначе, остающееся или никуда не годно, во всех смыслах, а отдельные лица (лучшие) изломаны и истрепаны вконец. Притока же новых сил совсем нет нигде. В заключение остались последнее время одни, без него, и убедились, что целый год пропал даром, что целый год ровно ничего не сделано, в итоге полный ноль. Тогда я думал, человек переутомился, больше нет ни сил, ни энергии. Стали сами мастерить, а он все писал: приеду через две-три недели — и тормозил все наши начинания. Так тянулось время, пока мы не решили, что больше так нельзя, надо прийти к определенному результату, надо все вырешить, и поехали за границу. Тут и произошла катастрофа, а теперь творится нечто ужасное. Никто не верит друг другу. Довольно охранке или какому-либо шпику смастерить о ком-либо бумажку, и вот начинается следствие, человека отстраняют от дел, мучат допросами и разлагают душу. Такой пример был, но этого человека счастье, что совершенно случайно открылась подделка. Но все же его промучили 3 месяца. Это было с твоим приятелем по Уфе Л[еоновичем]. Словом, образовалось такое гниющее болото, что душит, нечем дышать, а генералы собираются и говорят, говорят без конца. Я когда-то говорил Григорию в Акатуе — обрывки «Н[ародной] в[оли]» — балласт, и вредный для ПСР. Он разозлился на меня, а ведь это правда. Они — эти обрывки, погубили партию, отняли у нее решительность действия, создали какие-то полурешения, сидение между двумя стульями, а вместе с тем создали положение, что молодые решительные люди ничего с этим поделать не могли, ибо всюду было умеренное большинство, и уходили из партии, и гибли. Вверху Партия создала протекционизм, проведение приятелей и родичей, оттирание непокорных и непослушных, все делалось по-семейному, по дружбе. Эта семейность создала невероятную болтовню и сплетни без конца, довольно было и мелких интриг, и мелкого честолюбия без конца. Трусо-сти же хоть отбавляй. Вот что было, когда разыгралась катастрофа, и она застала Па[р]тию уже в разгар разложения и только ускорила это разложение. Взаимные отношения были ужасны, никому до тебя дела

нет, только пока ты нужен, пока можно тебя использовать, и имеют с тобой дело, но все это делается сухо, официально, п[отому] что бы-вать по делу было очень тяжело, всегда обдавало тебя ледяным холодом, замораживало. Люди, борющиеся за нечто хорошее, не только не любили друг друга, но сплошь и рядом ненавидели и презирали друг друга. Из них я выделяю только П[авла] И[вановича] (Савинкова. — Г. К.) и В[иктора] М[ихайловича] (Чернова. — Г. К.). Вот, мой дорогой, истинная картина. Она ужасна, прости, что я изобразил ее во всей черно-те. Теперь о себе. Все мои скитания — побывал я всюду, во всякой среде — привели меня к выводу, что люди вообще ни к какой лучезарной жизни не стремятся, что все стремятся только исключительно к личному благополучию, личному наслаждению, что это и есть конечная цель человечества. В книгах нам рассказываются хорошие сказки, но, увы, в жизни господствует самодержавие, непобедимо-серенькое, шаблонное, и нет задатков, нет признаков, чтобы оно когда-либо сделалось светлее, приняло более яркий оттенок. Мы создали себе фантазии, красивые и яркие, но все же фантазии, на основании мечтаний писателей, жили в них и принимали их за возможную действительность и были счастливы — это хорошо. Без этих фантазий мы бы не в силах были те, все такие в облаках, те глубокие переживания, которыми мы были так счастливы, больше, чем счастливы. Но жизнь подошла к нам вплотную и безжалостно, разбила наши мечты, показала себя во всей обыденщи-не, — что же делать? Тут, дорогой мой, нет шаблонного решения. Каж-дый может это решить только для себя. Прежде чем я перейду к изложе-нию собственного решения, я бы хотел еще добавить, теперь и социа-лизм я понимаю совсем иначе. Это не что иное, как более правильное распределение продуктов производства и урегулирование самого про-изводства и больше ничего. Это я могу мыслить реально и это, вероят-но, со временем осуществится, а обыденная жизнь масс будет как раз такая же, как и теперь, серая, как мы привыкли говорить о ней. Не будет голодающих и безработных, все будут лучше одеты, на каждого будет приходиться достаточное количество воздуха и т[ому] п[одобное], но и только. Каждый получит достаточно материальных благ, а вну-тренняя жизнь будет все та же. Теперь перейду к ответу для меня лично на вопрос: что делать? Жить этой обыденной серенькой жизнью, брать у нее все то, что она дает. Мне сдается, что и у нее очень много красок, много прекрасного, только наши мечтания заслонили все это. Может,

это и неправда, может, и это фантазии, но я хочу испытать эту серую жизнь, хочу окунуться в нее, не строя наперед никаких особенных планов, не желая переделывать ее, а хочу взять эту жизнь такой, какова она есть. Это для меня единственное решение, другого нет, кроме полного покоя — небытия, но ведь последнее всегда не поздно. Попытаю[сь] пожить обыкновенно и, если не найду ничего для себя, тогда можно с миром уйти — это никогда для меня не уйдет. Лично ощущаю большую внутреннюю растерянность, сделался настоящим неврастеником, при кажущемся спокойствии для посторонних, но все же чувствую внутри себя жизненные силы, которые дают еще возможность жить. Думается, что еще оправлюсь, что вернется былая энергия, что еще не разбит совсем, что это только временная болезнь. Может, так, а может, и ошибка. Последнее время я переживаю очень тяжелую историю, которая еще не закончилась. Человек[а], который 6 раз всовывал в петлю свою шею, заподозрили, на основании чепухи, в провокации, и теперь судят. Знаешь, мне думается, что в результате все с[оциалисты]-р[еволюционеры] будут объявлены провокаторами. Но это ведь убивает души людей. Вера в людей потеряна раз навсегда. А дальше что? Пишу я тебе и боюсь, боюсь страшно, что же ты ответишь мне. Только не молчание. Изругай, как хочешь, но ответь. Твое слово для меня очень, очень дорого. У меня так мало друзей, так мало людей, которых я люблю и уважаю, что каждая потеря для меня невероятно дорога, а потерять твою дружбу ужасно для меня. Но если это случится после моего письма, скажи мне прямо, всегда я хотел знать правду, какова бы она ни была, и в данном случае хочу ее знать. Я не хочу оправдываться, пиши так, как оно есть. Знаешь, дорогой мой, я бы мог толочься в заграничной колонии, обсуждать и горячиться — все бы хвалили меня, но не могу я лгать, не могу служить делу из приличия или еще чего-либо. Или в Россию, или буржуй, или пуля в лоб — вот возможные для меня решения. В данном случае я выбрал второй путь, и вот те, которые еще вчера бросались мне на шею, при встрече приходили в телячий восторг, теперь встречают холодно. Я совсем уединился и живу совсем один, пока холодно, на сердце лед, только больно, больно. Ну, да и тебе не легко. Отвечай же немедленно, каков бы ни был твой ответ, об этом я тебя умоляю. Если позволишь, целую тебя горячо.

Твой Петрусь.

10-го мая. Лондон¹²⁴».

Созонов отнесся к Карповичу с пониманием и деликатностью. Их дружеская переписка продолжалась до смерти Созонова¹²⁵.

Весной 1911 г. Карпович был возмущен Заключением ССК по делу Азефа, где помимо клеветы на самого Карповича (см. ранее) содержались резкие выпады против террора и БО¹²⁶. Он написал своим товарищам 1 июня 1911 г.: «Это удар по террору почище Азефа. Знаете, у меня шевелится подозрение, что члены СК именно и преследовали цель — убить террор, а затем — как мне знакомы эти обвинения по отнош[ению] к БО — это именно голос старейшего члена ЦК (М. А. Натансона. — Г. К.)»¹²⁷. В письме к Савинкову от того же числа он добавляет: «...Какая мелочно-мстительная злоба дышит в каждой строчке, направленной по отношению БО, и старание оправдать ЦК во что бы то ни стало»¹²⁸.

Добавим также, что ССК, несмотря на согласие Карповича, не пожелала допросить его, чем лишила возможности защиты своей партийной чести¹²⁹. На письмо к нему члена ССК шлиссельбуржца С. А. Иванова Карпович ответил просьбой прислать ему деньги для поездки из Лондона в Париж или, если нет денег, прислать ему вопросы. Ничего этого сделано не было¹³⁰.

Из Лондона Карпович переписывался с Савинковым, к которому относился с симпатией, дружеским расположением и любовью¹³¹. В одном из писем 1909 или 1910 г. Карпович заявляет: «Из революции я ушел окончательно и бесповоротно, теперь мне это совсем ясно»¹³². Руководство ПСР он резко критикует. В письме от 22 мая 1911 г. он пишет, что в Париже собралась «дружеская компания», с которой «можно только ругаться или уйти, но делать с ними ничего нельзя»¹³³. В англичанах Карпович находит много хорошего, но их психология далека от русской, поэтому в Англии всё холоднее, чем в России¹³⁴.

Согласно письму к Савинкову от 1 июня 1911 г., Карповичу одиноко в Лондоне. С несколькими лицами у него хорошие отношения, но друзей нет. К русским он сам не идет, а англичане психологически слишком далеки от него. Среди его близких знакомых — финская социалистка А. Мальмберг¹³⁵. Приехать во Францию в гости к Савинкову Карпович не всегда может, ибо его работа — массаж — требует много времени¹³⁶. Он пишет в письме от 20 июня 1911 г.: «Жизнь я всё же люблю и понемногу найду в ней интерес, очень трудно это в чужой стране, особенно в Англии, где всё так противоположно нам,

но и здесь много хороших людей»¹³⁷. Карпович также говорит, что «из меня получился настоящий неврастеник, один раз всё черно и беспрочно, другой раз обратно». Там же он признается: «...Мой внутренний хаос начинает укладываться, и как будто есть признаки проявления. Всё же буржуа из меня не получится»¹³⁸.

В письме к Савинкову от 19 октября 1911 г. прослеживается остаток революционных настроений — Карпович рад гибели Столыпина, хотя его огорчает, что убийца Д. Г. Богров был агентом охранки. Карпович добавляет: «Пожалуй, доживем до времени, когда шпионы организуют заправскую революционную организацию. Дела!!»¹³⁹ Там же Карпович огорчается из-за сложных отношений с Мальмберг¹⁴⁰.

В послании к Савинкову от 5 декабря 1911 г. Карпович говорит: «Я верю в русскую революцию и будущее России, а ПСР для меня историческое явление — отсюда для меня премного безразлично, что бы эта партия ни предпринимала»¹⁴¹. После встречи с проживавшим в Лондоне эсером Ф. В. Волховским в письме от 8 февраля 1912 г. Карпович делает следующий вывод: «Странные люди, странная психология, всё больше и больше она чужда мне. Закрылись в маленькую скорлупку партийности, и весь мир не существует для них, да и не интересен им. Удивительная узость»¹⁴².

В послании от 2 апреля 1912 г. Карпович сообщает, что «с ужасом открыл в себе, я начинаю прямо страшиться физических мучений, пока я могу побороть это усилием воли, но всё же это отвратительно, не так далеко время, когда это не причиняло мне особенных неудобств, дух, должно [быть], ослабел, неужели дело со мной идёт под гору, не хочется думать так, не хочется сдаваться»¹⁴³. 24 апреля 1912 г. он пишет Савинкову — ему больно из-за того, что Фигнер в разговоре с Мальмберг ругала его на чем свет стоит. Карпович недоумевает, как Фигнер могла верить каким-то сплетням о нем, ведь они прожили вместе три года в Шлиссельбурге¹⁴⁴.

В письме от 16 мая 1912 г. Карпович говорит о своих проблемах в личной жизни. Возможно, речь идет об измене Мальмберг¹⁴⁵. В другом послании, от 30 мая, он констатирует большую ревность с ее стороны к М. М. Школьник, приехавшей к Карповичу в Лондон. Он считает Мальмберг истеричкой и склоняется к разрыву с ней, жалея, что не сделал этого раньше. Причины задержки были экономические¹⁴⁶, но в чем они состояли, Карпович не пишет.

В письме от 1 ноября 1912 г. Карпович так отзывается об Англии: «...Англичане мне нравятся [...]. Здесь есть интеллектуальная жизнь, есть у меня знакомые, интересные мне, есть, наконец, работа: сейчас у меня работы на 55 руб[лей] в неделю»¹⁴⁷. 24 ноября 1912 г. он писал Савинкову: «...Вот Вы толкуете, нужно любить всякого и каждого, но людишки паршивый народ — маленький, завистливый и т. д. Я не скажу, что не люблю их, но я не влюблён в них — мой грех, я предпочитаю обиденную, среднюю публику, [...] по животному эгоистичную, без громких фраз, грешную[...]»¹⁴⁸.

В письме от 4 декабря 1912 г. Карпович, узнав о том, что роман Савинкова «То, чего не было» начали ругать со всех сторон, пишет свое кредо: «У меня есть очень сильное чувство правоты — раз я чувствую и сознаю, что я прав, весь мир может быть против меня, и всё-таки я буду делать по-своему. Мне кажется, что всякий должен иметь это сознание, он не должен жертвовать своею индивидуальностью, не терять её, а дело и есть наша индивидуальность. Вот с[оциалисты]-р[еволюционеры] всё толкуют о комбинировании личности с общественностью, а на самом деле требуют от членов партии потери индивидуальности. Вот что, друже, идите своей дорогой — лично я считаю Вас совершенно правым, и роман Ваш имеющим огромное общественное значение — как единственная самокритика революционера. Пусть протестуют, пусть ругают, ведь это не важно!»¹⁴⁹

В декабре 1912 г. Карпович приезжал в Париж. Там у него была встреча с Фигнер, после которой они расстались друзьями¹⁵⁰. Насчет романа «То, чего не было» он в письме к Савинкову от 7 июня 1913 г. говорит: «Большая, сильная и искренняя вещь написана»¹⁵¹. О себе он 21 июня 1914 г. сообщает: «Сейчас я работаю в двух больницах, работы много, а денег нет, но нужно как-нибудь выживать»¹⁵².

Переписывался Карпович и с Прокофьевой, и был с ней весьма откровенен.

В письме от 2 апреля 1909 г. он пишет: «Теперь сижу в пансионе и зубрю анг[лийские] вокабулы. Зубрю, зубрю и зубрю. Чувствую себя хорошо, наконец взялся за то, что хотел. Правда, английский “good day” по-нашему нечто ужасное — 8–9 ч[асов] в день дождя, ветер холодный, в комнате мерзнешь как собака. Да всё же хорошо. Ни шпионов, ни дрызг, ни сплетен, ни объяснений. А как одолею немного английский язык — трудный он убийственно — тогда и заживу»¹⁵³.

В письме от 10 апреля 1909 г. Карпович рассказывает: «Чем дальше, чем больше вхожу я во вкус жизни. Да, Ма, я жить хочу, вот так просто, просто жить. Ворочать судьбой отечества надоело, надоело играть комедию. При полном отсутствии сил изображать из себя нечто — очень походит на лягушку, желавшую раздуться в вола. Не буду больше, простите. Теперь у меня страстное желание говорить по-английски. Как только я буду мало-мало говорить, окунусь в жизнь с головою. [...] Мне так хочется теперь каждого заразить этим желанием жить. [...] Чем жить? Да ведь жизнь так разнообразна, так богата! Нет, это худосочие, если кто не понимает вкуса жизни. Я этим не страдаю»¹⁵⁴.

Карпович также поведал Прокофьевой о своих колебаниях в связи с написанием письма Созонову: «Тяжело мне его огорчать. Писать нужно всё, всё, и что даст ему моё письмо — горечи и так у него много, что же мне еще прибавлять от себя? Думаю, думаю, и никак не могу решить. Как не написать о переломе в моей жизни самому любимому человеку на земле, а, с другой стороны, зачем огорчать, так и не пишу»¹⁵⁵.

Следующее, от 15 апреля 1909 г. письмо Карповича к Прокофьевой очень важно для понимания его личности и происшедшей перемены: «...Я не умею делать наполовину, или всё, или ничего. [...] Мечтал я о лучезарной жизни, не для себя, а для будущих людей, и готов был для этой лучезарной жизни отдать больше, чем самого себя. Но понял я, и не только умом, но всем своим существом, что этой лучезарной жизни не будет никогда, что это мечтание, что была, есть и будет жизнь простая, назовите её серенькой, такая, какой живёт подавляющее большинство»¹⁵⁶.

Карпович продолжает: «В жизни очень мало изменится, а по мне ничего не изменится, будет ли капитализм или социализм. Как жили люди, так и жить будут, по существу, одинаково. А вместе с тем жизнь страшно красива, страшно богата, только не выдумывайте ничего, не коверкайте её теориями, а возьмите её так, как она есть. И ухажу я в эту обыденную, простую жизнь»¹⁵⁷. О Созонове опять говорит: «Егору не пишу потому, что боюсь к его большим страданиям прибавить ещё одну неприятность. Как-никак, а мой переворот не может его обрадовать. Со временем напишу ему всё подробно»¹⁵⁸.

В письме от 3 мая 1909 г. Карпович даёт сравнение Парижа и Лондона. По его мнению, воздух русского Парижа его душит, «совсем нечем

было дышать». В Лондоне ему дышится свежим воздухом и радостно на душе. Он учит английские слова и радуется. В Париже же от духоты хочется кричать. Карпович, впрочем, не хочет никого учить: «...Я отказался от учительства раз навсегда — пусть всяк живёт, как ему нравится, и буду молчать. К тому же здесь я ничего не знаю, да и знать не хочу. Теперь меня больше интересует, чтобы на мне всё сидело хорошо, чем вся рус[ская] революция. Ну её ко всем святым!»¹⁵⁹

10 мая 1909 г. Карпович сообщает Прокофьевой: «Написал Егору ужасное письмо, изложил ему всю правду про всё, и про себя в том числе. Теперь буду ждать от него ответа с трепетом, т[ак] к[ак] потерять его дружбу для меня будет невероятно тяжело. Ведь у меня так мало друзей, а в теперешнем положении это только и согревает меня. Здесь так холодно, не погода — а атмосфера такая холодная, весь уклад жизни какой-то холодный. Я часто сожалею, что не поселился где-либо во Франции. Французы кажутся мне не такими замороженными, с ними, должно быть, легче сжиться»¹⁶⁰.

4 мая 1909 г. в Париже застрелилась эсерка и бывший член БОЭ. — Л. М. Лапина, которую ЦК и парижские эсеры несправедливо заподозрили в сотрудничестве с охранкой¹⁶¹. Карпович возмущался всем этим в письме к Прокофьевой от мая 1909 г.: «...Нет сил терпеть и смотреть на эти убийства, если не физические, то моральные, что много хуже. Вы скажете, что же делать? Распустить партию — единственный выход. Если нет ни малейшего доверия друг к другу, нельзя ничего делать»¹⁶².

Через два года, 22 мая 1911 г., Карпович так отзывается о жителях туманного Альбиона: «Англичане имеют очень много хороших качеств. [...] Я больше к ним присмотрелся, много хорошего нашел в них, но мы — русские так далеки от них, нам трудно с ними ужиться. Главное — очень холодно во всех смыслах». И о себе: «...Вообще чувствую себя прескверно, сижу дома, не хочется никуда идти, не хочется никого видеть»¹⁶³.

23 января 1912 г. Карпович говорит Прокофьевой, что писать ему не о чем: «Жизнь моя очень заурядная, ничего в ней яркого нет. [...] Я не чувствую, что мне 38, с людьми моего возраста я чувствую себя много моложе. Денег я не достал, и нет особенных надежд, а материально я начинаю подстраиваться здесь [...]». Карпович также добавляет, что дал зарок «быть очень осторожным с дамами, особенно в воз-

расте от 35–45 лет». Заканчивается письмо такими словами: «Крепко, крепко целую и обнимаю»¹⁶⁴.

В письме к Прокофьевой от 24 апреля 1912 г. Карпович пишет, что «окончательно вернулся к старой революционной философии»¹⁶⁵. В письме к ней же от 20 марта 1913 г. он сообщает, что хочет оставить буржуазную жизнь и возвратиться к социализму: «Я так далеко вернулся назад, что хочется что-н[и]б[удь] сделать для соц[иалистического] движения; вообще буржуа, когда подошел к нему поближе, не внушил особенной любви к себе, а здесь он откровенно эгоистичен, не прикрывает никакими хорошими словами своих стремлений». Карпович прибавляет: «Здесь, в Англии, идет все время упорная борьба бедных с богатыми, и бедные завоевывают позиции, правда, еще далеко до общей сытости в прямом смысле этого слова, но это придет. [...] Вы напрасно так не любите англичан, [...] правда, серая погода не прошла без влияния и здорово разжидила их кровь, а все же крепкий, упорный народ, уж 10 поколений расшибет себе башку, а добьется своей цели»¹⁶⁶.

Адреса в Лондоне, по которым Карпович жил, постоянно менялись. В начале он снял дом с садом, где разводил цветы. Затем переехал в дом, принадлежащий финскому революционеру В. Стенбеку, где жила Мальмберг. Осенью 1912 г., не выдержав истерик Мальмберг, переехал на новую квартиру. В марте 1913 г., когда Мальмберг уехала на время в США, Карпович вернулся жить к Стенбеку. Возвращение Мальмберг раздражало его. В мае 1913 г. Стенбек сдал дом другим лицам. Карпович при материальной помощи Савинкова нашел другое жилище¹⁶⁷.

С началом 1-й мировой войны Карпович занял интернационалистскую позицию, что привело его к разрыву с «оборонцем» Савинковым. Их многолетняя дружеская переписка прекратилась¹⁶⁸. Более того, Карпович декларировал даже «пораженческие» настроения по отношению к России. Об этом свидетельствуют А. П. Лебедева (дочь П. А. Кропоткина)¹⁶⁹ и сам Карпович 1 марта 1915 г. в письме к З. Д. Шкловской, жене лондонского русскоязычного публициста И. В. Шкловского (Дионео). Карпович заканчивает свое письмо такими словами: «Одно я только хочу, и всюду открыто это скажу, чтобы русские войска выжали из Галиции, чтобы она не досталась России»¹⁷⁰.

В 1914–1917 гг. Карпович вел переписку с матерью, а потом, после её инсульта в начале 1917 г. — с сестрой Любовью. Свою мать Карпович с любовью называет «Дорогая мамочка». В письмах много сведений о его жизни и настроениях за эти годы. 23 декабря 1914 г. он пишет: «Это рождество я встречаю более радостно, т[ак] к[ак] у меня твёрдая надежда, что я устроился окончательно. Правда, это даётся тяжёлым трудом, но эдак и лучше»¹⁷¹.

В письме от 18 января 1915 г. Карпович утверждает: «У нас цены на всё очень повышаются, в значительной степени это происходит благодаря спекуляции богачей. Да, есть внешний враг, но я думаю, что внутренний враг — богачи — гораздо хуже. Рабочая партия потребовала вмешательства правительства, но оно отказалось, да ведь оно состоит и представляет интересы богачей — но это так не будет, рабочие Англии заставят правительство вмешаться и понизить цены. Сыновья и мужья рабочих сражаются на фронте, а в это время богачи ради своей наживы морят их отцов, матерей, детей и т. д.».

Он добавляет: «Возмутительно, до чего богачи — подлые люди. Вот уж у них нет отечества, болтать громкие фразы они мастера, а как дело касается доходов, ограбят живого и мёртвого, плевать им на отечество — их отечество “карман”»¹⁷².

В письме от 13 февраля 1915 г. Карпович отчасти повторяет сказанное ранее: «Всё по-старому работаю, массирую теперь раненых солдат — много среди них с примороженными ногами. Вы откуда-то набрались “ура” — патриотизма, что я не стану об этом распространяться. У нас цены всё идут в гору — хлеб уже поднялся как раз вдвое, главное, что всё это благодаря спекуляции очень патриотических капиталистов. Они рвут где и как могут, при этом кричат о патриотизме во всю глотку, а на самом деле они злейшие враги — хуже немцев»¹⁷³.

Обличения буржуазии продолжают и в письме от 4 июня 1915 г.: «Я всё по-старому работаю, зарабатывая столько, что можно существовать. Цены и у нас поднялись, жизнь стала на 35% дороже и из этих 35% добрых 20% местная спекуляция, набивают карманы, и все молчат. Да, настоящие патриоты всегда не упустят случая поживиться, а вот когда рабочие требуют [на] 10% повысить им заработную плату, все вопят. Такая подлость! Уж истинно у кого ничего нет, то и последнее отнимется. Если эта война не научит народы уму, то они безнадежно глупы»¹⁷⁴.

В письме от 3 июля 1915 г. Карпович декларирует: «Грустно жить сейчас, грустно видеть, как люди охвачены безумием ненависти, главное, без толку для себя умирают, убивают, чтобы принести доход богачам. Ну, а на родине происходит всё старая песня, в сотый раз расписывается в полной неспособности. Безусловно, эта война отбросит Францию и Англию, даст торжество реакции[...]»¹⁷⁵.

Узнавая о поражениях русской армии, Карпович говорит в письме от 8 августа 1915 г.: «...Русские солдаты дерутся к[ак] львы, а в тылу беспорядок, воровство и все прелести, а потому враг торжествует. Не немцы бьют русскую армию, это наше собственное правительство её побивает, и пока оно останется у власти, нет надежды ни на что». Он считает, что армия России используется как «пушечное мясо» для защиты Англии (т. е. отвлекает на себя немцев с Западного фронта)¹⁷⁶.

В письме от 22 августа 1915 г. Карпович пишет: «...Я не ожидал, чтобы Россия была так разгромлена, не ждал я никаких успехов, думал, что поражение будет, но такого погрома не ждал. Очень это больно и неприятно, неужели и теперь народ не проснётся и не вырвет власть, если нет, то Россия мертва, никуда не годна, неспособна к развитию[...]»¹⁷⁷. В письме от 22 сентября 1915 г. он, узнав о том, что Гомель (где жили его мать и сестра) переполнен беглецами, констатирует: «Вот видите, разве мы не были правы, утверждая, что правительство ведёт к гибели Россию, и понадобился весь разгром и ужас этой войны, чтобы убедились все в этом[...]»¹⁷⁸. В письме от 4 октября 1915 г. Карпович сообщает, что работает в двух больницах, «работы много, а денег мало»¹⁷⁹.

В письме от 31 октября 1915 г. Карпович рассказывает о бомбардировках Лондона, росте цен. Он полагает, что «вся тягота войны как людьми, так и налогами перекадывается на бедноту, интересно, что запоеют богачи, когда тряхнут их карманы по-настоящему. Эту войну можно назвать “народной” только потому, что народ избивается сотнями тысяч и только у народа гораздо ближе и более злые враги, от которых ему нужно отделаться. Особенно нам, русским, где только не повернётся рус[ский] чиновник, остаются грязные пятна лихоимства; слышишь и краснеешь. Когда же всему этому будет конец?»¹⁸⁰

Письма 1916 г. несколько менее содержательны. В письмах от 2 и 16 июня Карпович пишет — всех эмигрантов в возрасте 19–41 год

забирают в армию, и он рад, что ему вот-вот будет 42 года, и его на эту ненавистную войну не возьмут¹⁸¹. В письме от 13 августа 1916 г. Карпович рассказывает, что работает с 9 до 13 часов в больнице, а оставшуюся часть дня посвящает частной практике. Только так он сводит концы с концами¹⁸². В письме от 29 сентября 1916 г. Карпович сообщает, что снял новое жилье в самом центре Лондона: «Комната гораздо больше, кровать поднимается на день, задёргивается занавесками, так что днём совсем кабинет. Очень чисто, ванная комната — горячая и холодная вода, когда уютно, словом, пока я доволен[...]». Три недели Карпович был в деревне, насобирав там 50 белых грибов, из которых большую часть отдал одной знакомой русской семье, а немного хозяйка дома пожарила для него самого¹⁸³.

В письме от 7 октября 1916 г. Карпович говорит, что очень доволен своей новой квартирой, сидит и читает. Но вместе с тем он заявляет, что ему «надоело в Англии, если бы была хоть малейшая возможность уехать, ни минуты бы не остался»¹⁸⁴.

В письме от 25 декабря 1916 г. Карпович, поздравляя мать с Рождеством и Новым годом, высказывает пожелание, «чтобы поскорее кончилась эта война». Он добавляет: «Хотя на поверхности и кажется, что все в таком воинственном настроении, но, по-видимому, дело идёт к миру. Да и пора. Будет проливать кровь для того, чтобы кучка хищников во всякой стране грели руки и наживали миллионы»¹⁸⁵.

В январе 1917 г. Карпович узнаёт об инсульте у матери. 16 января 1917 г. он пишет сестре Любви: «Чувство одиночества охватило меня, нет всё-таки крепче связи, как кровного родства, как бы ни расхотелись люди во всём остальном. Я прекрасно понимаю, что жизнь матери продлится недолго, удар в её годы не переживается, а всё-таки не могу поверить, что она уйдёт из жизни навсегда»¹⁸⁶.

11 февраля 1917 г. Карпович пишет сестре о матери: «Нечего и говорить, что положение матери безнадежно, она не может прожить долго. Я достаточно видел в больницах подобных случаев, чтобы это понимать»¹⁸⁷. На случай, если мать придет в сознание, он просит сказать ей, «что я её очень, очень люблю, горюю о её болезни и всегда помню и буду помнить». Карпович также сообщает: «С 1 марта нового стиля я поступаю на службу и бросаю массаж, к[о]т[о]рый мне опротивел, да и не подхожу я к этой профессии, нужно поддакивать всякой глупости, к[о]т[о]рую говорит пациент, а у меня слыш-

ком много самоуважения и уважения к своим убеждениям для этого. На службе же я буду делать своё дело, а мои убеждения будут оставаться при мне»¹⁸⁸.

В годы войны Карпович возвращается в ряды ПСР и участвует в различных её мероприятиях в Лондоне¹⁸⁹. Меншевик И. М. Майский (впоследствии большевик и посол СССР в Англии) так описывает Карповича середины 1910-х гг.: «Высокий, плечистый, с темными волосами и карими глазами, Петр Владимирович был воплощением физической силы и здоровья. Его нельзя было назвать красивым, но в лице у него было много благородства и интеллигентности». И добавляет: «Как человек, Петр Владимирович был очень симпатичен: прямой, скромный, трудолюбивый, с приятным налетом добродушного украинского юмора. Он хорошо пел и обладал несомненным сценическим талантом». В январе 1917 г. Карпович прекрасно исполнил роль великовозрастного гимназиста-балбеса в комедии-фарсе «Иванов Павел»: вся публика умирала до смерти и смеялась до упада.

Карпович, по словам Майского, обнаруживал в разговорах интерес к марксизму, и последний пытался склонить его в сторону социал-демократии¹⁹⁰. Было ли это успешным, понять невозможно из-за ранней гибели Карповича.

Описывает Майский и реакцию Карповича на Февральскую революцию 1917 г. Узнав об отречении царя, Майский побежал на квартиру Карповича. Он уже спал, и Майский стал стучать в дверь, крича: «Петр Владимирович, вставайте». Карпович открыл дверь. «Вставайте! Вставайте!» — повторял Майский и продолжал: «...В России революция! Царь свергнут! Армия восстала!»

Майский описывает: «Карпович, полуодетый, вскочил с кровати и, сжав меня в своих железных объятиях (он был очень сильный человек) так, что у меня дыхание сперло, не то радостно, не то угрожающе прохрипел:

— Нет, Вы не врете? Не мистифицируете меня? Это правда?

— Правда, конечно, правда! Вот, читайте!»

Майский сунул Карповичу несколько захваченных с собой гранок газет. Он торопливо пробежал их глазами и схватился за голову.

«— Так это правда? — точно не доверяя своим глазам, в страшном волнении шептал Карпович. — Так это правда? Дожили-таки! Дождались! Ныне отпускаешь!...»¹⁹¹

По свидетельству Майского, Карпович «считал почти преступлением оставаться на чужбине хотя бы лишнюю минуту после того, как дома произошла революция». Он говорил: «Не могу я сидеть сложа руки в Лондоне, когда в Петербурге восстал народ! Будь что будет! Еду!»¹⁹²

Последнее, от 4 апреля 1917 г. письмо Карповича к сестре посвящено предстоящему его отъезду в Россию: «Теперь я стараюсь изо всех сил попасть в Россию, и я надеюсь быть в конце этого месяца в России. Конечно, ты должна понимать, что в Гомеле я сидеть не буду, теперь на Руси работы много, только успевай. К тому же я ведь призванный, ни выкручиваться, ни просить себе привилегий я не намерен, так что придётся солдатствовать. [...] Теперь я живу только мыслью попасть в Россию, нервничаю, прямо голову потерял. В Россию, в Россию. Обнимаю тебя и целую»¹⁹³. Одному из своих товарищей он написал: «Оставляя за границу, надо оставить позади все мелкие споры, всё, что разъединяет, и явиться на родину с новой психологией для создания новой России»¹⁹⁴.

О последних днях и гибели Карповича рассказывают два источника, опирающиеся на рассказы одного и того же свидетеля — эсера И. И. Яковлева. Первый источник — статья анархиста И. С. Гроссмана. Он говорит, что накануне отъезда Карпович был в веселом, приподнятом настроении. Он не хотел ни под каким видом оставаться в Лондоне и стремился уехать на первой же попавшейся okazji. Таковой оказался пароход «Зара», шедший в Норвегию. Накануне отплытия Карпович написал письма товарищам, в том числе и Савинкову. Ему он писал, «как понимает требования настоящего момента в России, настаивал на необходимости объединения всех революционных сил, на мудром и планомерном проведении переворота». Отплытие парохода, согласно Гроссману, произошло 6 апреля 1917 г. До определённого момента корабль сопровождали два миноносца, но потом они повернули обратно. 13 апреля в 3 часа 30 минут дня судно стало жертвой немецкой торпеды.

Люди стали прыгать в лодки, и Яковлеву удалось по веревке спуститься в одну из них. Он видел, что Карпович пошел по палубе за спасательным кольцом. Яковлев крикнул ему: «Идите за мной!», но Карпович не откликнулся. Лодке, в которую сел Яковлев, стоило больших трудов отделиться от корабля, который начал стремительно тонуть.

После того, как пароход утонул, он увидел Карповича на воде со спасательным кольцом. Он и еще несколько человек безуспешно старались перевернуть свою лодку, но это не получалось. Лодка с Яковлевым пыталась подплыть поближе к Карповичу и была на расстоянии 8,5–10,7 метра от него. Яковлев закричал тонушим: «Крепитесь, товарищи!» У Карповича, как показалось Яковлеву, появилась на лице улыбка, и он немного вытянул руку в ответ. Но лодку с Яковлевым отбросил в сторону шторм.

Затем стороны опять пытались приблизиться друг к другу, но это не удалось. Плавающего Карповича Яковлев уже не видел. Видимо, Карпович к тому времени утонул. Лодку, где был Яковлев, через 52 часа увидели матросы с норвежского судна и подобрали выживших¹⁹⁵.

Второй источник — очерк Фигнер о Карповиче. Она со слов Яковлева пишет, что пароход ушел в море 31 марта. Карпович был все время весел и беззаботен. А через несколько дней миноносец, сопровождавший судно, ушел назад, не доезжая нейтральной зоны. Между 4 и 5 часами дня (видимо, 4 апреля) вдали появилась парусная лодка, которая часто скрывала подводную лодку. Яковлев заволновался, а Карпович засмеялся: «Вот пустяки! Чего тут беспокоиться!», и спустился в каюту.

В 5 часов 50 минут дня раздался взрыв. Яковлев и Карпович сели в разные лодки, а корабль перевернулся и затонул. При этом взорвались котлы, и водоворот отбросил лодку Яковлева на 10 метров в сторону. На поверхности воды было 12 человек из второй лодки. Яковлев вспоминал: «Я увидел Карповича в спасательном поясе. Я закричал ему. В ответ он поднял руку. Мы употребили все усилия и, подбегав, перевернули опрокинутую лодку: она была треснута — это значило гибель. Надо было грести; надо было уезжать. Среди мёртвого безмолвия наша лодка стала удаляться — мы отвернули головы. Сзади поднялся нечеловеческий вой»¹⁹⁶.

Незаурядный, нестандартный человек со своими часто оригинальными взглядами, Карпович был яркой личностью. Конечно, убийство Боголепова при всех его репрессиях против студентов вряд ли можно считать оправданным, но Карпович интересен и сам по себе своей жизнью и своими метаниями. Его гибель в волнах Северного моря придает его судьбе трагический оттенок.

Примечания

- ¹ Зарубин А. Т. П. В. Карпович. Историческое исследование. М., 2003. С. 5, 7–8.
- ² ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1901. Оп. 229. Д. 24. Л. 163.
- ³ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 606. Л. 7 об.
- ⁴ Там же. Л. 8–9. Далматов в своих показаниях полиции от 7 марта 1901 г. сам говорит о своем репетиторстве (ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1901. Оп. 229. Д. 24. Л. 172 об.).
- ⁵ Зарубин А. Т. Указ. соч. С. 12.
- ⁶ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1901. Оп. 229. Д. 24. Л. 163.
- ⁷ Зарубин А. Т. Указ. соч. С. 12.
- ⁸ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 309. Д. 399. Л. 5.
- ⁹ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1901. Оп. 229. Д. 24. Л. 172 об. — 173 (показания Далматова от 7 марта 1901 г.).
- ¹⁰ Там же. Л. 169 об (показания О. Н. Далматовой от 6 марта 1901 г.), 172 об.
- ¹¹ Там же. Л. 172 об.
- ¹² Клейнборт А. П. В. Карпович (К десятилетию со дня его смерти) // Каторга и ссылка. 1927. № 6. С. 205–206.
- ¹³ Там же. С. 207.
- ¹⁴ Там же. С. 207–208.
- ¹⁵ Там же. С. 208.
- ¹⁶ Там же. С. 208–209.
- ¹⁷ Зарубин А. Т. Указ. соч. С. 13.
- ¹⁸ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 309. Д. 399. Л. 4.
- ¹⁹ Там же. Л. 2, 3; Зарубин А. Т. Указ. соч. С. 14–15.
- ²⁰ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 309. Д. 399. Л. 3.
- ²¹ Клейнборт А. Указ. соч. С. 210.
- ²² ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1901. Оп. 229. Д. 24. Л. 163 об.
- ²³ Там же. Л. 169 об. (показания О. Н. Далматовой).
- ²⁴ Головина-Юргенсон Н. А. Мои воспоминания // Каторга и ссылка. 1924. № 1. С. 108.
- ²⁵ Клейнборт А. Указ. соч. С. 210.
- ²⁶ Там же. С. 211.
- ²⁷ Там же. Л. 212–213.
- ²⁸ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 5. Д. 77. Л. 61–61 об.; Зарубин А. Т. Указ. соч. С. 17.
- ²⁹ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 5. Д. 77. Л. 61 об.
- ³⁰ Там же. Л. 61 об. — 62.
- ³¹ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 16. 1896 г. Д. 723. Л. 5.
- ³² ГА РФ. Ф. 63. Оп. 16. 1896 г. Д. 714. Л. 138 об. — 139.
- ³³ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 5. Д. 77. Л. 63 об. — 65 об.
- ³⁴ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 16. 1896 г. Д. 723. Л. 4.
- ³⁵ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 5. Д. 77. Л. 66–66 об.
- ³⁶ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 16. 1896 г. Д. 723. Л. 8.
- ³⁷ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1901. Оп. 229. Д. 24. Л. 163 об.
- ³⁸ ГА РФ. Ф. 102. 3-е д-во. 1898. Оп. 96. Д. 821. Л. 9, 19.
- ³⁹ Там же. Л. 10.
- ⁴⁰ Там же. Л. 27.
- ⁴¹ Там же. Л. 40; ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 256. Л. 40 (показания А. Ф. Карпович от 22 февраля 1901 г.); Карпович и Балмашев перед судом. Берлин, 1902. С. 13; Убийство 3-х министров. СПб., 1906. С. 4.

- ⁴² ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1899. Оп. 227. Д. 410. Л. 2; Ф. 124. Оп. 8. Д. 225. Л. 1–1 об.; Зарубин А. Т. Указ. соч. С. 26–27.
- ⁴³ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1899. Оп. 227. Д. 410. Л. 3–3 об.; Зарубин А. Т. Указ. соч. С. 31–32.
- ⁴⁴ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 256. Л. 44 об. — 45 (показания А. Ф. Карпович от 22 февраля 1901 г.).
- ⁴⁵ Там же. Л. 38 (показания Карповича от 15 февраля 1901 г.).
- ⁴⁶ Зензинов В. Пережитое. М., 2022. С. 78.
- ⁴⁷ Гоц А. Памяти П. В. Карповича // Земля и воля. 09.04.1917 (№ 13). С. 1.
- ⁴⁸ Зензинов В. Указ соч. С. 78; Якобсон Л. Новые данные о Карповиче // Каторга и ссылка. 1927. № 6. С. 227.
- ⁴⁹ Брейтфус А. Мемельская переправа конца 90-х годов // Историко-революционный сборник. Т. I. М.; Пг., 1924. С. 173–174; Фигнер В. Шлиссельбургские узники // Фигнер В. Полн. собр. соч. Т. 4. М., 1932. С. 133.
- ⁵⁰ Якобсон Л. Новые данные о Карповиче. С. 222–223.
- ⁵¹ Зарубин А. Т. Указ. соч. С. 40, 43.
- ⁵² Карпович и Балмашев перед судом. Берлин, 1902. С. 9–10.
- ⁵³ Письмо П. В. Карповича к друзьям // Вестник русской революции. 1901. № 1. С. 107–108.
- ⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 606. Л. 11.
- ⁵⁵ Карпович и Балмашев перед судом. С. 15–16.
- ⁵⁶ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 256. Л. 38 (показания Карповича от 15 февраля 1901 г.); Убийство 3-х министров. С. 8.
- ⁵⁷ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 256. Л. 61–61 об.
- ⁵⁸ Там же. Л. 38 об. — 39.
- ⁵⁹ Там же. Л. 39–39 об.
- ⁶⁰ Там же. Л. 10–10 об.
- ⁶¹ Фигнер В. Указ. соч. С. 134–135.
- ⁶² Убийство 3-х министров. С. 8.
- ⁶³ Карпович и Балмашев перед судом. С. 18–19.
- ⁶⁴ Убийство 3-х министров. С. 3.
- ⁶⁵ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 256. Л. 58–58 об.
- ⁶⁶ Там же. Л. 59 об.
- ⁶⁷ Карпович и Балмашев перед судом. С. 8–21.
- ⁶⁸ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 256. Л. 89 об.
- ⁶⁹ Письмо П. В. Карповича к друзьям. С. 109.
- ⁷⁰ ГА РФ. Ф. 102. 5-е д-во. 1901. Оп. 137. Д. 502. Л. 27.
- ⁷¹ Фигнер В. Указ. соч. С. 128–129.
- ⁷² ГА РФ. Ф. 102. 5-е д-во. 1901. Оп. 137. Д. 502. Л. 41, 43.
- ⁷³ Кантор Р. Примечания // Панкратов В. С. Жизнь в Шлиссельбургской крепости. Пг., 1922. С. 129; Фигнер В. Указ. соч. С. 129–130. Цитата взята из рапорта начальника Шлиссельбургского ГЖУ начальнику штаба Отдельного корпуса жандармов от 21 июня 1902 г.
- ⁷⁴ Фигнер В. Указ. соч. С. 130; Фроленко М. Ф. Шлиссельбург // Фроленко М. Ф. Собр. соч. Т. 2. М., 1932. С. 238.
- ⁷⁵ Фигнер В. Указ. соч. С. 131.
- ⁷⁶ Там же. С. 132; Зарубин А. Т. Указ. соч. С. 108.
- ⁷⁷ ГА РФ. Ф. 102. 5-е д-во. 1901. Оп. 137. Д. 502. Л. 51.
- ⁷⁸ Фигнер В. Указ. соч. С. 137–138.
- ⁷⁹ Там же. С. 125–126.

- ⁸⁰ Там же. С. 140.
- ⁸¹ ГА РФ. Ф. 102. 5-е д-во. 1901. Оп. 137. Д. 502. Л. 60–60 об., 62–62 об., 64–66, 68–68 об., 76–77 об., 79, 80–80 об., 82, 84–84 об., 94–95, 97–97 об., 100–100 об., 104–105 об., 112, 116.
- ⁸² Зарубин А. Т. Указ. соч. С. 109.
- ⁸³ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 323–324.
- ⁸⁴ ГА РФ. Ф. 102. 5-е д-во. 1901. Оп. 137. Д. 502. Л. 140 об.
- ⁸⁵ ЦГА Москвы. Ф. 474. Оп. 23. Д. 9703. Л. 21–23.
- ⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 458. Л. 4–4 об.
- ⁸⁷ Там же. Л. 6.
- ⁸⁸ Там же. Л. 6 об.
- ⁸⁹ Там же. Л. 1, 3; Зарубин А. Т. Указ. соч. С. 116.
- ⁹⁰ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 458. Л. 3 об.
- ⁹¹ Спиридонова М. Из жизни на Нерчинской каторге // Женщины-террористки в России. Ростов-на-Дону, 1996. С. 453.
- ⁹² См. об этом: Кан Г. С. Грозь бедой преступной силе... Летучий боевой отряд Северной области (1906–1908). Т. 1. Идеология. События. Люди. СПб., 2021. С. 360–363.
- ⁹³ Школьник М. Жизнь бывшей террористки // Женщины-террористки в России. С. 308.
- ⁹⁴ Жуковский-Жук И. Из неволи в могилу // Каторга и ссылка. 1924. № 6. С. 224.
- ⁹⁵ Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 792. Л. 3 об.
- ⁹⁶ ОР РГБ. Ф. 782. К. 1. Д. 11. Л. 1 об. — 2.
- ⁹⁷ Там же. Л. 3.
- ⁹⁸ Там же. Л. 4.
- ⁹⁹ Там же. Л. 6.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 3.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 6 об.
- ¹⁰² Там же. Л. 9.
- ¹⁰³ Там же. Л. 3 об.
- ¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р-5831. Оп. 1. Д. 459. Л. 5–5 об., 6 об.
- ¹⁰⁵ Побег П. В. Карповича // Биржевые ведомости. Веч. вып. 14 июня 1907 г. (№ 9945). С. 2.
- ¹⁰⁶ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 324.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 324–325.
- ¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-5831. Оп. 1. Д. 553. Л. 20.
- ¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 126. Л. 33.
- ¹¹⁰ Фигнер В. Указ. соч. С. 138.
- ¹¹¹ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 329–330.
- ¹¹² Герасимов А. В. На лезвии с террористами // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 259.
- ¹¹³ Там же. С. 260–262.
- ¹¹⁴ Фигнер В. Указ. соч. С. 139.
- ¹¹⁵ Арунов А. А. Азеф — социалист-революционер // Провокатор. Воспоминания и документы о разоблачении Азефа. Л., 1991. С. 110.
- ¹¹⁶ Фигнер В. Указ. соч. С. 140.
- ¹¹⁷ Заключение Судебно-следственной комиссии по делу Азефа. Б. м., 1911. С. 34, 87, 89.
- ¹¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5831. Оп. 1. Д. 338. Л. 34 об. — 35.
- ¹¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-5831. Оп. 1. Д. 84. Л. 52 об.
- ¹²⁰ Чернов В. М. Перед бурей. М., 1993. С. 280.

- ¹²¹ Частное собрание (Москва).
¹²² *Фигнер В.* Указ. соч. С. 139.
¹²³ Там же. С. 140.
¹²⁴ Частное собрание (Москва).
¹²⁵ ГАРФ. Ф. Р-5831. Оп. 1. Д. 544. Л. 1–8 об.
¹²⁶ Заключение Судебно-следственной комиссии по делу Азефа. С. 94–95.
¹²⁷ ГАРФ. Ф. Р-5831. Оп. 1. Д. 338. Л. 34.
¹²⁸ ГАРФ. Ф. Р-5831. Оп. 1. Д. 84. Л. 18.
¹²⁹ *Карпович П.* В редакцию «Знамени труда» // Знамя труда. Октябрь 1911 (№ 38). С. 31–32.
¹³⁰ ГАРФ. Ф. Р-5831. Оп. 1. Д. 84. Л. 14 об., 24 об.
¹³¹ Там же. Л. 12, 15.
¹³² Там же. Л. 13.
¹³³ Там же. Л. 15 об.
¹³⁴ Там же. Л. 17 об., 16 об.
¹³⁵ Там же. Л. 18 об. – 19.
¹³⁶ Там же. Л. 22–22 об.
¹³⁷ Там же.
¹³⁸ Там же. Л. 23.
¹³⁹ Там же. Л. 33, 34 об.
¹⁴⁰ Там же. Л. 34.
¹⁴¹ Там же. Л. 40 об.
¹⁴² Там же. Л. 45 об.
¹⁴³ Там же. Л. 47 об.
¹⁴⁴ Там же. Л. 51, 52 об.
¹⁴⁵ Там же. Л. 53 об., 54 об.
¹⁴⁶ Там же. Л. 55 об.
¹⁴⁷ Там же. Л. 67 об. – 68.
¹⁴⁸ Там же. Л. 70 об.
¹⁴⁹ Там же. Л. 71–71 об., 72 об.
¹⁵⁰ Там же. Л. 74.
¹⁵¹ Там же. Л. 76 об.
¹⁵² ГАРФ. Ф. Р-5831. Оп. 1. Д. 459. Л. 9.
¹⁵³ ГАРФ. Ф. Р-5831. Оп. 1. Д. 516. Л. 1–1 об.
¹⁵⁴ Там же. Л. 3–4.
¹⁵⁵ Там же. Л. 4 об.
¹⁵⁶ Там же. Л. 5–5 об.
¹⁵⁷ Там же. Л. 5 об. – 6.
¹⁵⁸ Там же. Л. 6 об.
¹⁵⁹ Там же. Л. 7–7 об.
¹⁶⁰ Там же.
¹⁶¹ *Городницкий Р. А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров. М., 1998. С. 198–199; *Он же.* Лапина Эстер Лея Менделевна // Отечественная история. История России с древнейших времён до 1917 года. Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 282.
¹⁶² ГАРФ. Ф. Р-5831. Оп. 1. Д. 516. Л. 12.
¹⁶³ Там же. Л. 13 об., 14 об.
¹⁶⁴ Там же. Л. 15, 16–16 об.
¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-5831. Оп. 1. Д. 459. Л. 6.

- ¹⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-5831. Оп. 1. Д. 516. Л. 17 об. — 18 об.
- ¹⁶⁷ Зарубин А. Т. Указ. соч. С. 140–141.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 145; Чернов В. М. Перед бурей. М., 1993. С. 297.
- ¹⁶⁹ Амфитеатров-Кадашев В. Страницы из дневника // Минувшее. Ист. альманах. Вып. 20. М.; СПб., 1996. С. 466.
- ¹⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 1390. Оп. 2. Д. 163. Л. 2.
- ¹⁷¹ ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 964. Л. 1.
- ¹⁷² Там же. Л. 5–5 об., 6 об.
- ¹⁷³ Там же. Л. 3, 4 об.
- ¹⁷⁴ Там же.
- ¹⁷⁵ Там же. Л. 8.
- ¹⁷⁶ Там же. Л. 9–9 об.
- ¹⁷⁷ Там же. Л. 10.
- ¹⁷⁸ Там же. Л. 11.
- ¹⁷⁹ Там же. Л. 12 об.
- ¹⁸⁰ Там же. Л. 14 об., 13 об.
- ¹⁸¹ Там же. Л. 16, 17.
- ¹⁸² Там же. Л. 14 об., 13 об.
- ¹⁸³ Там же. Л. 19–19 об.
- ¹⁸⁴ Там же. Л. 20.
- ¹⁸⁵ Там же. Л. 22.
- ¹⁸⁶ Там же. Л. 23.
- ¹⁸⁷ Там же. Л. 24.
- ¹⁸⁸ Там же. Л. 24 об.
- ¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 314. Д. 505. Л. 220–220 об.; Зарубин А. Т. Указ. соч. С. 148–149.
- ¹⁹⁰ Майский И. М. Путешествие в прошлое. М., 1960. С. 149–150.
- ¹⁹¹ Там же. С. 266.
- ¹⁹² Там же. С. 151.
- ¹⁹³ ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 964. Л. 27.
- ¹⁹⁴ Цит. по: Фигнер В. Указ соч. С. 140.
- ¹⁹⁵ Гроссман [И. С.] Гибель Карповича и Янсена // Русские ведомости. 15 апреля 1917 г. (№ 83). С. 4.
- ¹⁹⁶ Фигнер В. Указ. соч. С. 141–142.

А. Г. Колесникова,
*кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России новейшего
времени Историко-архивного института РГГУ*

«НИГДЕ КРОМЕ, КАК В ГЛАВОСОБТОРГЕ»:

**Доступ населения тыла к продовольственным
товарам в годы Великой Отечественной войны**

Выпуск продовольственной продукции в СССР в период Великой Отечественной войны осложнялся условиями военного времени: оккупацией значительных территорий с высокой концентрацией на них пищевых производств, непрерывными бомбежками промышленных предприятий и налетами на ключевые узлы гражданской логистической системы советских республик, тяжелыми условиями работы на фабриках и заводах в тылу и недостатком квалифицированных кадров на производстве.

В связи с введением карточной системы в СССР в самом начале войны, перед Наркомпищепромом встала задача обеспечения не только достаточного количества продукции для последующего поддержания продовольственного минимума в крупных промышленных центрах, но и формирование минимального ассортимента товаров пищевой промышленности, необходимого для людей в тылу.

Помимо распределения товаров по карточкам, в СССР существовала коммерческая торговля. Она осуществлялась через сеть Главного управления особой торговли (Главособторг). «Государственная коммерция — особая страница в истории советской торговли [...] В условиях нормированного снабжения у людей оставалась возможность легально, без карточек купить втридорога промышленные и продовольственные товары»¹. В 1941–1942 гг. продовольственные резервы едва покрывали продуктовый минимум в снабжении городского населения. Однако уже в 1943–1945 гг., в связи с расширением пищевого производства в не затронутых войной советских респуб-

ликах, стало возможно некоторое улучшение ассортимента и увеличение количества продуктов, в том числе и реализуемых через магазины Главособторга.

Таким образом, советский человек имел возможность приобрести продукты как в рамках карточной системы, так и посредством покупки в коммерческих магазинах. Они были открыты в таких советских городах, как Москва, Ленинград, Горький, Мурманск, Архангельск, Новороссийск, Свердловск, Челябинск и др. Однако цена на продовольственные товары, реализуемые через сеть точек коммерческой торговли, была намного выше, чем в обычных магазинах. Существовала скидка для инвалидов войны: некоторые товары (в том числе папиросы) можно было купить с уценкой.

В магазины Главособторга продовольственные товары начали поступать в 1944 г. и были представлены в ассортименте: можно было приобрести сезонные овощи и фрукты, мясо, рыбу, муку и хлебобулочные изделия, растительное масло и маргарин, кондитерские изделия, мясные, рыбные и овощные консервы, папиросы, водку и водочные изделия, продукцию винодельческой отрасли (вино и шампанское) и табачные изделия (папиросы и сигареты). Все эти продовольственные товары в 1943–1945 гг. производились сетью предприятий и совхозов Наркомпищепрома СССР.

О той продукции, которая поставлялась в магазины сети Главособторга в такие города, как Мурманск, Архангельск и Новороссийск, можно узнать из сохранившихся планов поставок Наркомпищепрома СССР². В магазины поставлялись кондитерские изделия, чай, сахар, водка и водочные изделия, вино, пиво, макаронные изделия, растительное масло, соль, овощные и фруктовые консервы, мыло и многое другое.

В Приказе № 1378 по Наркомпищепрому СССР предусматривалась персональная ответственность начальников главных управлений НКПП СССР и директоров предприятий за выработку всех вышеперечисленных товаров высокого качества в требуемом количестве и бесперебойное снабжение торговых точек Главособторга в Новороссийске, Архангельске и Мурманске. Кроме того, начальнику Сектора деликатесной продукции НКПП СССР т. Бонгарду предписывалось контролировать выполнение данного приказа и всех указанных в нем мероприятий³. Можно предположить, что продовольственные

товары, произведенные предприятиями Наркомпищепрома и полученные магазинами Главособторга, были явно выше качеством (что включает в себя отсутствие бракованной продукции и полноценную упаковку), чем основная продукция пищевой промышленности, распределяемая в рамках карточной системы.

Что касается ассортимента продуктов в 1943–1945 гг., то, безусловно, он был снижен по отношению к довоенному. Однако даже в годы Великой Отечественной войны в рамках системы предприятий и совхозов НКПП СССР проводились работы по выращиванию новых сортов фруктов (в частности, яблок) и разведению цитрусовых, по поддержанию ассортимента, наконец, по восстановлению производства вина, шампанского, коньяков и кондитерских изделий. Все это имело решающее значение в нормализации питания советских граждан.

В тяжелых военных условиях изменился подход к еде: именно полуфабрикаты (такие, как макароны) стали основой питания как в Армии, так и в тылу. Макароны употребляли с яичным порошком, мясными, рыбными или овощными консервами. Макароны составляли основу питания советского человека в годы Великой Отечественной войны. Для производства макарон в СССР в военные годы нередко использовались предприятия смежных отраслей: например, макаронные изделия могли производиться на кондитерской фабрике по специальному распоряжению Наркомпищепрома СССР⁴.

В 1944 г. в Советском Союзе было частично восстановлено и нормализовано пищевое производство во взаимодействии с сельским хозяйством по всем звеньям системы НКПП СССР.

Следовательно, стоит сделать вывод о некотором улучшении продовольственной ситуации по советским республикам, крупным промышленным центрам СССР.

Однако цифры плана, ассортимент и качество продуктов питания и их доступность потребителю к концу Великой Отечественной войны не могли даже близко сравниться с аналогичными довоенными показателями. Так, ассортимент консервированной продукции в 1943–1945 гг. фактически не меняется. Городскому жителю были доступны компоты, повидло, овощные салаты, мясорастительные, салобобовые и рыбные консервы, томатная паста.

Среди самых необходимых и доступных продуктов питания стоит отметить хлеб, соль, чай крайне низкого качества (чаще всего, так называемая чайная крошка), макаронные изделия, крупы, пищевые концентраты. С овощами и фруктами, несмотря на значительные усилия Наркомпищепрома СССР, было сложнее. Привычные современному человеку лимоны, апельсины и мандарины распределялись в основном по торговым точкам государственной коммерческой торговли — Главсортторга и считались в тысячах штук. В таких городах, как Москва, Горький (Нижний Новгород), Куйбышев (Самара), Свердловск (Екатеринбург), Челябинск и др., цитрусовые в годы Великой Отечественной войны появлялись только под Новый год и в крайне незначительном количестве. Простому советскому обывателю они были практически недоступны.

Что касается другого очень важного для советского человека продукта, чая, то в годы Великой Отечественной войны работы по выращиванию чайных плантаций не прекращались.

Колоссальный спрос в годы войны был на табак и табачные изделия. К 1945 г. в СССР производилась в основном махорка и курительный табак второго и третьего сорта. Курение оставалось одной из самых распространенных вредных привычек у населения Советского Союза; табачная продукция была крайне востребованной в годы Великой Отечественной войны как на фронте, так и в тылу. В 1943–1945 гг. производственные планы по заготовке табака в основном были выполнены, а в отдельных республиках СССР было заготовлено даже больше сырья⁵.

Наркомпищепром СССР через систему производств и трестов Главтабака обеспечивал потребности Красной Армии и тыла в табачных изделиях количественно, однако же качество табака к концу войны сильно упало. Вопрос о качестве табака и ассортименте табачной продукции в тылу обсуждался на одной из Коллегий Наркомпищепрома СССР под председательством А. И. Микояна в марте 1945 г.

Начальник Главного управления табачной промышленности Наркомпищепрома СССР В. Н. Румянцев, выступая с докладом, отмечал: «В 1940 году табачной промышленностью было выработано 98,8 миллиарда штук папирос, в 1941 году промышленность выработала 71 миллиард папирос, в 1942 году — уже 3,5 миллиарда папирос, в 1943 году — 6,2 миллиарда папирос, в 1944 году — 7,4 миллиарда па-

пирос⁶. Основными причинами такого снижения на Коллегии были признаны, в первую очередь, недостаточное снабжение табачной промышленности бумагой для выработки папирос, отсутствие гильзовых и мундштучных бабин на многих табачных фабриках⁷. Только в начале 1945 г. на двух фабриках (фабрике им. Клары Цеткин в Ленинграде и фабрике «Дукат» в Москве) в незначительном количестве стали производиться сигареты. Сохранялся дефицит пачечной и оберточной бумаги, поэтому сигареты производились в малом количестве и распространялись лишь в некоторых магазинах сети Главсособторга в Москве и Ленинграде.

Папиросы можно было купить только в коммерческих магазинах сети Главсособторга, что сразу же напоминает о крайне высоких для городского обывателя ценах. Большинство курящих в СССР вынуждены были использовать махорку в самокрутках из газетной бумаги.

Что касается производства вина и шампанского в годы Великой Отечественной войны, то оно не останавливалось, но имело свои особенности: отрасли пришлось пройти через трудности эвакуации, смену региона, сырьевой базы и тяжелые военные условия советского тыла.

Несмотря на все трудности военного положения, вина и шампанское продолжают производиться, появляются новые марки вин. Например, «Массандра» в освобожденном Крыму не только начинает работу с урожаем Освобождения в 1944 г., но и в 1945 г. утверждает технологию производства 17 новых марок вина. Начинается восстановление завода шампанских вин в Инкермане (Севастополь)⁸.

Отдельные винодельческие предприятия восстанавливались быстрее, например Ростовский завод шампанских вин. Согласно информации из рапортички от 8 октября 1944 г., подписанной и утвержденной заместителем председателя СНК СССР А. И. Микояном, работники Главвино сообщают, что завод шампанских вин по состоянию на 1 сентября к пуску первой очереди мощностью 1,5 млн бутылок шампанского в основном готов, а первая партия советского шампанского и цимлянского игристого выйдет с конвейера к 27-й годовщине Октябрьской революции, 7 ноября 1944 г.⁹ Огромный вклад в производство вина и винопродукции в СССР в 1942, 1943 и 1944 гг. был сделан районами Закавказья, Грузинской ССР и Азербайджанской ССР¹⁰.

Снабжение населения продуктами питания, произведенными на предприятиях Наркомпищепрома СССР, в условиях карточной системы жестко регламентирует продовольственные ресурсы страны. Те продукты пищевой промышленности, которые сложно было приобрести по карточкам, можно было купить по завышенным ценам в торговых точках сети Главособторга в крупных промышленных центрах и портовых городах (таких, как Москва, Ленинград, Мурманск, Архангельск, Куйбышев, Горький, Челябинск, Свердловск). Наркомпищепром СССР с 1944 г. расширяет и курирует поставки продуктов питания для коммерческих магазинов Наркомата внутренней торговли. Продовольственная продукция, реализуемая через магазины Главособторга, проходила тщательный контроль качества на всех этапах производства и бесперебойно поставлялась торговым точкам в крупных промышленных центрах СССР.

Стоит отметить, что доступна эта продукция была далеко не всем: продовольственные товары по коммерческим ценам могли позволить себе купить научные работники, высший комсостав Красной Армии и Флота, деятели культуры и искусства, ведущие инженеры предприятий советской промышленности и проч. Для этих категорий граждан, как и для инвалидов войны, устанавливались некоторые льготы на покупку в магазинах Главособторга. Сеть коммерческих магазинов Главного управления по особой торговле существовала вплоть до 1947 г.: она была упразднена и прекратила свою работу только после проведения денежной реформы.

Примечания

¹ Бизин А. С. Государственная коммерция продовольствием в первые послевоенные годы (на материалах Ленинграда) // *Метаморфозы истории*. 2023. № 27. URL: <https://history-metamorph.ru/s230861810024725-7-1>. DOI: 10.37490/S230861810024725-7.

² РГАЭ. Ф. 8543. Оп. 1. Д. 1038. С. 295.

³ РГАЭ. Ф. 8543. Оп. 1. Д. 1038. С. 294–294 об.

⁴ РГАЭ. Ф. 8543. Оп. 1. Д. 905. С. 156.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 46. Д. 1042. С. 191.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 120. Д. 846. С. 2.

⁷ Там же. С. 3.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 46. Д. 1041. С. 28.

⁹ См., напр.: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 46. Д. 1043. С. 23.

¹⁰ Подр. см.: РГАЭ. Ф. 8543. Оп. 2. Д. 304. С. 47.

В. К. Криворучко,
*магистрант Исторического факультета
Историко-архивного института РГГУ,
ведущий специалист отдела изучения
и публикации документов ГА РФ*

**«Я КАНДИДАТ ЖИЗНЕЙ ЦАРЕЙ.
Я ПРОШУ ИХ ОСВОБОДИТЬ
СВОИ ПОЧЕТНЫЕ МЕСТА
С СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ»:**

**религиозные прошения сумасшедших
во Временное правительство**

Кто такой сумасшедший?

Это тот, кто полностью совпадает с реальностью своего безумия, чьи множественные симптомы или, наоборот, их слабая выраженность таковы, что не позволяют установить симптоматическую спецификацию, характерную для его болезни.

Мишель Фуко. «Психиатрическая власть»

2 марта 1917 г. в городе Пскове произошло роковое для Российской империи событие — император Николай II подписал «Акт об отречении от престола». Это событие фактически прекратило правление династии Романовых, что означало не только смену правительства, но и крах государственной системы, где самодержавие было одним из центральных элементов. Для управления страной, которая тогда уже третий год участвовала в Первой мировой войне, в сложившихся условиях нужно было создавать аппарат управления, который будет способен поддерживать страну на плаву. Им как раз и стало созданное в результате договоренностей между Временным комитетом Государственной думы и Исполнительным комитетом Петроградско-

го Совета рабочих и солдатских депутатов в ночь на 2 марта 1917 г., Временное правительство.

Энтузиазм первых дней Февральской революции быстро угас: все-таки для обычного человека, особенно в военное время, стабильное существование дороже масштабных революционных замыслов. Особенно ярко, на мой взгляд, состояние уже не подданных империи, но и еще не граждан республики, демонстрируют воспоминания генерал-лейтенанта А. И. Деникина о Петрограде в конце марта 1917 г.: «Но теперь странное и тягостное чувство вызывала столица... улицы такие же суетливые, но грязные и переполненные новыми господами положения, в защитных шинелях, — далекими от боевой страды, углубляющими и спасающими революцию. От кого?... Я много читал раньше о том восторженном настроении, которое якобы царило в Петрограде, и не нашел его нигде... Искусственный подъем, бодрящая, взвинчивающая настроение, опостылевшая, вероятно, самому себе фраза и... тревога, глубокая тревога в сердце»¹. Деникин ухватил главное чувство — тревогу, некоторое чувство неопределенности по отношению как к государству, так и попросту к завтрашнему дню. Продолжение участия России в Первой мировой войне, помимо значительного давления на экономические ресурсы страны, вызывало широкое недовольство как среди солдат, так и гражданского населения².

Ввиду общей усталости и недовольства происходящим буквально с марта 1917 г. во Временное правительство начали писать разные люди, с разными предложениями. Некоторые люди, которым посвящена данная публикация, отличались от других своих соотечественников особенным религиозным восприятием действительности, которое не укладывалось в рамки нормы для работников канцелярий Временного правительства и министра-председателя. Не укладывались настолько, что работники канцелярий определяли эти поступающие послания как «письма сумасшедших». Для понимания происходящего следует обязательно упомянуть про сам процесс формирования канцелярий и прояснить, почему их служащие таким образом называли эти письма.

¹ Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. С. 43–44.

² Василенко И. А. Социокультурный анализ русской революции 1917 года: исторические уроки. 2017. С. 64–68.

Процесс формирования двух основных органов происходил довольно стихийно. Канцелярия Временного правительства возникла спустя 8 дней после учреждения самого правительства. Конечно же, не на пустом месте: многое что перешло в структуру из канцелярии Совета министров Российской империи. Большую роль в формировании канцелярии Временного правительства сыграл один из лидеров Конституционно-демократической партии В. Д. Набоков, Управляющий делами канцелярии Временного правительства^I. Фактически, он собрал основной костяк сотрудников, которые смогли в первые дни Временного правительства заниматься организацией его делопроизводства, осведомлять печать о деятельности правительства и принимать корреспонденцию от граждан. Созданный Набоковым костяк канцелярии, несмотря на незначительные изменения^{II}, сохранился даже после того, как Набоков покинул свой пост 5 мая 1917 г.^{III}, что свидетельствует об эффективной работе структуры. Организация канцелярии министра-председателя Временного правительства формировалась более хаотичным порядком. Если Набоков сумел в короткие сроки организовать прошлую структуру под нужды нового правительства, то канцелярия Временного правительства до 1 июля 1917 г. существовала неофициально, в рамках секретарской части при министре-председателе^{IV}. На первых порах отбор в эту структуру производился довольно небрежно: так 20 мая в секретарскую часть при министре-председателе были приняты бывший дежурный чиновник Секретарской части при МВД Георгий Загвоскин и ученик 5 класса 1-го реального училища Александр Брычев^V. Однако уже к июлю–августу состав канцелярии министра-председателя был полностью изменен, и этот состав уже не претерпевал никаких изменений вплоть до ликвидации канцелярии в октябре 1917 г.^{VI} За весь период работы канцелярий не было принято определенных инструкций об обращении с поступающей корре-

^I Набоков В. Д. Временное правительство и большевистский переворот. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 36–38.

^{II} Списки сотрудников канцелярии см.: ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1672. Л. 1–2, 5–6.

^{III} Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1. Санкт-Петербург: Наука, 1998. С. 234.

^{IV} ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 405. Л. 10.

^V Там же. Л. 16.

^{VI} ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 403. Л. 2–2 об.; ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 404. Л. 8 об. — 9, 14.

спонденцией, поэтому с большой долей уверенности можно говорить, что работа с ней осуществлялась на основе двух основных критериев: 1) преемственности практики канцелярии Совета министров, как ориентира для созданных канцелярий работников; 2) осознанность самого чиновника для письма, который просматривал письма.

К сожалению, не удалось обнаружить хоть какой-нибудь информации о чиновниках для письма обеих канцелярий, которые смогли бы как-то раскрыть их мировоззрение. Было бы большим преувеличением считать, что они понимали религиозный бред в духе современной для того времени психиатрической мысли. С трудом представляется, что, при прочтении писем с сомнительным религиозным содержанием, сотрудники канцелярий рассматривали их как примеры «индуцированного помешательства», одной из форм хронического помешательства по характеристике психиатра В. П. Сербского¹. Скорее всего, судя по содержанию писем, определение религиозного сумасшествия автора письма определялось сотрудником проще: либо по фактическому отсутствию логики в религиозно окрашенном тексте, что близко к феномену шизофазии, либо по невыполнимости требования, основывающегося на духовной аргументации.

В целом, представленные письма можно разделить на три категории: прошения, наставления и манифесты. Разница двух последних категорий заключается том, что «наставление» представляется как своеобразный духовный совет, который рекомендателен к исполнению, а «манифест» скорее представляет собой религиозно обоснованную программу действий, которой должно подчиниться Временное правительство. Составить однозначный коллективный портрет авторов писем представляется затруднительно, так как о них совсем немного информации. Больше всего данных удалось найти о ставропольском потомственном дворянине Семене Константиновиче Ариневском. Согласно «Донесению комиссара 4-й части города Ставрополя...», Семен Константинович не был особо примечательной личностью: до революции какое-то время служил в уездной полиции, потом писцом в казначействе^{II}. Можно предположить, что революция

^I Сербский В. П. Руководство к изучению душевных болезней. М. : Студенческая медицинская издательская комиссия, 1906. С. 438.

^{II} Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917–1929 годах : сб. док. Ставрополь, 2009. С. 186.

была воспринята Ариневским довольно своеобразно: буквально спустя 5 дней после отречения Николая II отправил ходатайство о возвращении императора к управлению государством^I, а также занялся распространением религиозной литературы^{II}. Судя по содержанию его ходатайств, он верил в то, что с восстановлением монархии стабилизируется положение самого государства. Об остальных авторах информации еще меньше. Так, Г. К. Шаталин состоял в переписке с А. Н. Толстым^{III}, а также проходил по уголовному делу, вероятно за принадлежность к религиозной секте^{IV}, именно поэтому в завершение письма он называет себя «затюремником». О других авторах сведений не обнаружено.

Несмотря на разницу содержаний писем, можно выделить одну общую черту: во всех письмах прослеживается желание помочь Временному правительству в стабилизации государства.

Анализ писем, поступивших в канцелярии правительства, позволяет проследить, как в общественном сознании кризис государственности переплетался с глубокими экзистенциальными и религиозными поисками. Для части граждан, оказавшихся в вакууме между павшей империей и несостоявшейся республикой, единственным языком, на котором они могли осмыслить катастрофу и предложить пути спасения страны, стал язык религиозного откровения, мессианства и апокалиптических пророчеств. «Письма сумасшедших» из канцелярий Временного правительства оказываются ценным источником, раскрывающим глубину травмы и духовную растерянность тех, кто, оставаясь в рамках религиозного сознания, отчаянно пытался найти новый смысл и устойчивость в мире, который рухнул.

При подготовке текста к публикации орфография и пунктуация приведены в соответствие с нормами современного русского языка, за исключением тех случаев, где они отражают стилистические особенности речи автора. Вставленные при публикации слова или их ча-

^I Голоса из провинции ... С. 178.

^{II} Там же. С. 186.

^{III} Сохранился только ответ Толстого Шаталину от 3 апреля 1910 г. // Лев Николаевич Толстой. Полн. собр. соч. Т. 81: Письма 1910 (январь–апрель): электр. издание. URL: <https://tolstoy.ru/online/90/81> (дата обращения: 14.12. 2025).

^{IV} Ранее дело хранилось в Центре документации новейшей истории Саратовской области (Ф. 6210. Оп. 2. Д. 3420), в настоящий момент оно выбыло из архива.

сти заключены в квадратные скобки. Сохранены присутствующие в оригинале подчеркивания отдельных слов и фраз.

**№ 1. Письмо одесского крестьянина
во Временное правительство с просьбой
о принятии в состав правительства**

1917 г.

Товарищи и Временное Правительство.

Я вас прошу покорно, чтоб миня приняли в правительство. Я нахожусь в г[ороде] Оде[с]се, и я видал сон, и что во сне при[ви]д[и]лось то, что я видел Бога и с ним говорил. А он мне сказал: ты человек есть необучен[н]ый, но ты спасошь Рос[с]ию и победишь всех врагов и выведешь на путь. Ты страдаешь и болел, и в твои страдания еще будут. Так покорно прошу издать приказ. Я тогда ответ[ч]у и обозн[ач]усь. Я не есть богат, а я бедный крестьянин, как был, Михаил Федорович первый русский царь¹, но я выведу на путь Расею, как в меня примете. Я работаю Одессе. Я чорнорабочей человек, но до тех пор война будит, как меня не примете и я всю победу своей мо[г]учой рукой. Тол[ь]ко издайте приказ в городе Одессе, я обоз[о]вусь и спасу Ро[с]сию. И победу¹ немца, но никто от миня не победит. Я могучий человек есть.

ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 310. Л. 30–30 об. Подлинник. Рукопись.

**№ 2. Письмо К. В. Еловского («царь Константин»)
с распоряжениями Временному правительству**

26 июня 1917 г.

Двадцать шестого июня тысяча девятьсот семнадцатого года

Во имя отца и сына и святого духа. Аминь.

Верую в Бога Отца и Сына и Святого Духа, от всех их и пишу, и всем народам, всем союзным войскам Франции, Италии, Швеции и Норвегии, Китайцам, одним словом, всем и всем смышленным и не смышленным языкам, и главное Японии.

Настоящим прошу Временное правительство² в городе Петрограде, всем комитетам духовных консисторий³ и не духовных, во имя бога творца земли и всех тварей на земле; всем народам одуматься, что,

¹ Имеется в виду «одержу победу, одолею».

за что мы воюем и против кого мы идем со снарядами и от[п]равл[яе]м войинов^I, и могли ли собирать народ для убоя, ибо в Евангелии нигде не сказано, что нужно воевать, там говорится не о таких войнах, чтобы убивать человека снарядами, а там говорится не убивать даже словом человека, за убивание словами человека и то доведется жестоко отвечать⁴, а вы что творите против воли Бога. Разве у него не найдется снарядов на небеси? Он спустит такой снаряд, что всех сразу прикроет.

Я уполномоченный Бога, я страдалец от вашей неправды, я люблю правду, я ее исчер[п]ываю с издетства^{II}, я чтил Отца небесного все^{III} время и чтить буду до конца. Я знаю, как нужно почитать десять заповедей Божьих и как почитать главную молитву «Верую»⁵.

Мне нужна правда, мне нужны справедливые руки в работе свободных стран[а]х, мне нужно одно управление землей, ибо на небеси есть. Один царь земной^{IV}, и на земли должен быть один царь.

Я кандидат жизней царей. Я прошу их освободить свои почетные места с сегодняшнего дня. Я давно уже приказал Временному Правительству и еще пишу дополнительное [письмо], что я вам всем Судья, я буду просматривать дела, кто за то приводил к присяге к судьям несправедливым. Я буду суд[и]ть именем Бога всевышнего, тверди земли, он мне скажет без всяких книг, и я буду знать, кто в чем согрешил в житие своем я узнаю, кто обил мужа. Я обо всех делах имею заботу. Направив жизнь нов[у]ю братскую и любовную др[у]г к другу, и вы все будите одной семье[й], вам не из чего будет драться и ругат[ь]ся, вам не придется делить земли, вам не придется издавать законы.

Я сам издам более приветные и не обидные.

Аминь, Аминь, Аминь, глагол[ю] Вам, да будет так. Торопитесь, не пропускайте поезда [по] ж[елезным] д[орогам] как получится, распоряжений^V от нас зависит, на какое требую дело, так немедленно исполняйте.

ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 310. Л. 44–45 об. Автограф.

^I Так в тексте.

^{II} Так в тексте.

^{III} Сбоку на листе приписано: «Исполнение моего слова вам облегчит отвечать передо мной. Царь Константин».

^{IV} Вероятно, «царь небесный».

^V Имеется в виду фраза «распоряжения от нас зависят».

**№ 3. Письмо «старцев» во Временное правительство
с религиозным наставлением и жалобами
на общественное состояние в Москве**

Не ранее 18 июня 1917 г.

Миром Господу

Помолимся

Господь сказал, один, двое иль трое во Имя Мое, там и я посреди их⁶. Всем миром и врага победим.

И так, православные воины Христовы, мы обязаны Господа хвалить, благодарить, и молиться и просить... и т[ак] д[алее]

Просите и дастся вам, Господь сказал, и так¹ не будем добрые воины раскольниками и отщепенцами от св[ятой] своей кафаволической веры⁷ подобно немцам, они во всех отношениях отщепенцы от Христа, не на камне вера их, церковь немецкая, а на песке, но мы православной верой и любовью будем приступать и крепко стоять за святую православную церковь и свое русское родное отечество, и истинную свободу, и положить твердо не слушать лжепророков и изменников и крамольников и всяческих лжеХристов¹¹. Их путь погибнет в ихнею же погибель и в суд праведный Христов.

Возьмем хотя бы 2 примера из святых наших людей правое. Первомученик Архидиакон Стефан⁸ настолько веру возлюбил, восторги Радости истинной святой веры, вменили временную скоротечность, ни за что его жиды бьют камнями, а он вместо боли чувствует радости, отверстое небо и Спасителя с венцом.

Иль 3 девы юные Вера, Надежда и Любовь победили нечестивых князей и ораторов неправедных⁹. Самая младшая Любовь, 7 лет¹¹¹, даже плюнула нечестивцу такому ж немцу в глаза, и был постыжен еще на земле, а потом в вечности. Смерть грешников люта и безотраднa, и праведных в предвкушение блаженства.

Будем помнить день 18 июня Боголюбовой царице небесной, которая воодушевила православных воинов на поле брани защищать свою св[ятую] веру и отечества гр[ан]ицы¹⁰, великого деятеля нашего министра А. Ф. Керенского¹¹, который взял подвиги Апостольские.

¹ Вставлено сверху.

¹¹ Так в тексте.

¹¹¹ Вставлено сверху.

Которому польются похвалы от сирот, от вдов, от угнетенных и обиженных, одним словом, ото всей святой Руси и святой Церкви.

И в будущей вольности право правящим министрам и всем военачальникам, каковые будут защищать бедных угнетенных, получать великую луду^I от Господа. Он сам, кормилец, сказал, что и за стаканы воды получил награду, и еще, кто царит истинно, тот вели наречет ея в Царст[в]ии Небес¹². Но през[р]и соблазн лутшебе жернов наше, но и в марги^{II}.

Каковых очень много, но они ничем не сумеют, путь их погибнет. А с Церковь[ю] Божию не одолеют, и врата ада до скончания века.

Будем еще и еще просить взбреченую^{III} нашу победительницу на них^{IV}, Ее мощная.

Небесная помощь только может дать победу и одоление напоганого^V немца невера и языческого зверства.

На тебе вся надежда, Царица Небесная, Богоматерь, и тобою движется. Ты не презришь наши молитвы слезные и прошения победы.

Ты принесешь наши молитвы в золотую кадильницу.

Сыну и Богу и Спасителю нашему человеколюбцу, и помиловать бедный народ от злоупотребления богом от ихняго немилосердия более нет, и [за] неимением помощи, требующей как от тебя Богоматьи и царица неба и земли.

Старцы.

1) В такие тяжелые под гнетом годы наши доктора распушенность ведут, чем и смуты, и безурядицы идут в Москве: из 500 примут белобилетников 1 сотню бурдедев^{VI}, банкирских конторщиков, артельщиков, швейцаров и приказчиков. Все 3 года все изменя[ют], редко кого шлют на войну, и все отсрочки на 2 и 3 мес[яца]. Должно^{VII} неправильно все, не о[т]дают их на позицию. Таких докторов и вместо их военных правильных вместили.

^I Так в тексте.

^{II} Так в тексте.

^{III} Так в тексте.

^{IV} Зачеркнуто «еще».

^V Так в тексте.

^{VI} Так в тексте.

^{VII} Вставлено сверху.

Грезы, что новой Москве служи[т] народу еще так много, что и девать некуда их, заменять во всех учреждениях, беднота в пожилых летах.

2) Еще сколько пошлостей в матушке Москве от солдат, сколько пьянства, сколько разврата от москов[ских] солдат, и¹ все трамваи заполонили взводы и впереди раскатываются от нечего делать, даже торговлей занимаются: кто ситцем, кто папиросами или без очереди все дают.

Нечто ихней это дело, а на позицию не идут.

Надо их постепенно выгонять из Москвы, и понемногу из Тамбовской [губернии] в Москву неиспиринными^{II} заменять крестьянскими солдатами. И еще в добавки мутят о предыдущих солдат, на позицию не ходят, возмущаются.

Эти окаянные буржуи не по неделям, а ежедневно новое дороговизны набавляют, а жалованье [из-]за дороговизны не удовлетворяют. У вас в Петрограде еще в мае прибавки как в банках, так и [в] учреждениях с набирают, а у нас где прибавили? Хороше[е] управле[ние] в банках, а где все жмутся, как ужи. Например, [в] Волжско-Камском¹³. Бедный курьер: всего итого и жалованье 45 руб[лей], и дороговизны, и харчевные¹⁴ и всего получает 90 р[ублей] каких-нибудь.

А расход: подметки — 10 р[ублей], квар[тира] — 25 р[ублей], сапоги 45 и 50 р[ублей], одежда от 30 р[ублей] до 100 р[ублей]. К чаю сахару 2 [рублей] не хватило, пойдешь купить чего-нибудь — целковый¹⁵ на раз. А к вечернему чаю еще рубль готов и т. д.

Просим покорно взойди в наше положение, взойди^{III}, мучитель и чтоб во всех банках служащие — одинаковые с вашими петроградскими, одинаковые всем, кто 10 лет, кто и 1 год; удешевленных магазинов для [нас] нет, себе то они добывают по 40 тысяч в год.

Также и дворники обижаются и негодуют.

До которого времени и кто избавит сир[ых] и нищих от самоволия дорогих цен? Не копейками дерут. И прямо что ни день, то 10 к. давали, сыры швейцарск[ие]^{IV}, гол[лан]дские были 11 р[ублей] 80 к[опе-

^I Вставлено сверху.

^{II} Имеется в виду «неиспитые», т. е. трезвые.

^{III} Вставлено сверху.

^{IV} Так в тексте.

ек]. 2 дня — 2 р[убля] 20 к[опеек]. Кто же пресечет ихний буржуйские и¹ сумасшедшие без всякого милосердия самоволия¹⁶.

...^{II}

ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 310. Л. 24–27 об. Подлинник. Рукопись.

**№ 4. Письмо ставропольского дворянина
С. К. Ариневского во Временное правительство
о восстановлении государственного порядка**

19 марта 1917 г.

Совету министров

Семена Константиновича Ариневского

Ходатайство на пользу Российской Державы

Святой апостол Христов Павел в святом священном писании заповедал так: смотрите, чтобы кто-кому не воздавал злом за зло; но всегда ищите добра и друг другу и всем (1 Фес[салоныкийцам] 5, 15¹⁷)

Удерживаетесь от всякого рода зла.

Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в Пришествие Господа нашего Иисуса Христа (1 Фес[салоныкийцам], 5, 22, 23¹⁸)

Проклят всяк, кто не исполняет постоянно всего, что написано в книге Закона ([К] Гал[атам] 3, 10¹⁹).

Исполнять это Апостольское заповедание должен не только каждый священнослужитель, но и каждый православный христианин.

Святая же Русь, питая злобу недостойную к Государю нашему императору Николаю Александровичу, принудила Его отречься от престола²⁰.

Теперь, если только Святая Русь не позаботится упросить безвинного государя нашего императора Николая Александровича возвратиться к своему престолу, а ведь воздающих злом на зло неизбежно наказывает господь Бог, то поэтому Она, Святая Русь, будет неизбежно наказана господом Богом, по слову святого апостола христового Петра: «Очи Господа обращены к праведным и уши его к молитве их, но лицо Господне против делающих зло (чтобы истребить их с земли)» (1 Петр. 3, 12²¹).

¹ Вставлено сверху.

^{II} Снизу письма перевернутая надпись: 2 книжки А. Ф. Керенскому в утешение и назидание, а потом пойдет и прочим.

Ввиду этого, я возбуждаю настоящее ходатайство мое пред Советом министром²², а также возбуждаю оное ходатайство и ввиду нижеследующих апостольских слов: «Кто разумеет делать добро и не делает, тому грех» (Иаков, 4, 17²³).

К сему сын Российской Державы Семен Константинович Ариневский.

19 марта 1917 г. Губ[ернский] гор[од] Ставрополь.

ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 386. Л. 10–10 об. Автограф.

**№ 5. Письмо В. Гласко²⁴ министру юстиции
Временного правительства А. Ф. Керенскому
о духовных практиках**

6 апреля 1917 г.

Александру Федоровичу Керенскому

К тебе теперь, о, милый брат, я направляю мысль свою, светлую мысль отрады и силы, на которые Ты имеешь право из чувства исполненного долга и от тех сердец, которые Ты освободил, успокоил и примирил, и которые, сами еще теперь не сознавая, все-таки в глубине души чувствуют к Тебе благодарность. Возьми ее смело, и пусть она превратится тебе на здоровье, которое так необходимо для дальнейшего служения родине.

Для дальнейшей охраны здоровья предложу еще несколько полезных указаний:

Когда говоришь перед собранием людей, чувствуй так, как будто Ты не сам это говорил, а как будто это говорит в Тебе внутренний ангел справедливости и добра. И говори это не людям, а тем ангелам, которые скрыты в них, и которые должны в конце концов понять: — Окутай себя, как броней, силой своего собственного ангела: Ты можешь утомиться, а он никогда не утомляется и не ошибается; Удары его падают без промаха на врагов его — на ложные, бледные, призрачные мысли и фантазии, которые иногда овладевают группами людей; Он не может проиграть битвы, потому что он — сама справедливость. Пусть он сражается за тебя, а ты стой в стороне и наблюдай. А те, которые будут побеждены, знай, что это будут не люди, а те фантастические призраки, которые завладели ими. Жалей самих людей, но, ради этой жалости, не жалей призраков, обитающих в них. Тогда влияние толпы не будет утомлять Тебя.

В частных разговорах не разговаривай долго с некоторыми людьми. Есть люди, которые в разговорах передают тоже и свое настроение. Есть люди, которые вампиризируют силы. Их надо избегать. Пусть лучше напишут, а после, узнавши в чем дело, можно объясниться с ними в нескольких словах. Люби одиночество. Оно дает силы.

Каждый вечер перед сном употреби хотя бы полчаса на следующее упражнение. Если невозможно полчаса, то хотя бы пять минут. Ведь мы с зеркала каждый день счищаем пыль. А разве наша душа не дороже нам, чем зеркало. Упражнение состоит в следующем: в комнате, где никто не мешает, и никто другой не бывает, и которая специально предназначена для этой цели, сядь уютно и комфортабельно и посылай всему миру и всем народам земли следующие мысли и настроения:

1. «Светлую Надежду». Ведь самый большой грех человечества тот, что оно потеряло надежду. Скажи им, что они ошибаются. Надежда — это внутреннее зерно и ясночувствие эволюции. Ведь это то самое зерно эволюции, которое превратило камень в растение, растение в животное, животное в человека и которое в будущем превратит человека в дивное светозарное существо, удивительной силы и мудрости, а грубую материю, облекающую его, в светлые эфирные ризы его славы. Скажи им, что эволюция эта безгранична, и никто не может положить предела ей. Скажи им, что они составляют часть живой вселенной, что их душа неотделима от души этой вселенной и что будет существовать так долго, как эта вселенная существует, какие бы формы и оболочки она ни меняла вместе с памятью прожитых жизней. Это ничего не мешает, ибо способности души все время увеличиваются, и эволюция идет вперед. Поэтому страха не должно быть и вообще всяких мрачных настроений в человечестве.
2. «Вселенскую любовь». Реализовав в себе зерно эволюции и ее безграничное движение в будущем, мы этим оценим зерна эволюции во всех живых существах и найдем их достойными любви. Теперь мы можем смело послать лучи любви на север, восток, юг и запад всему сущему, и пропитывать все сущее этой животворящей любовью. Любовь — это мировая сила, питающая, как солнечный свет, все живое. Думая так, мы превращаемся в динамо-машину этой силы, силы мировой жизни. Понятие, что эта любовь посылается только идеальной стороне всех существ.

3. «Скорбь и протест». Но как только наша любовь коснется этих существ, она встретит там также и неидеальную сторону, ложь, эгоизм, сомнение, страх, гнев и т. д. Так как любовь никогда в самой своей сущности не может примириться с такими вещами, она загорается жарким протестом и скорбью, так же как огонь встретившись с водою — образует пар. Но этот пар дает движущую силу, и эта скорбь производит движение в мрачных фантазиях людей и постепенно уничтожает их силу, а также их налет на нашу собственную душу.

Древние египтяне знали этот секрет, причем они называли «зерно эволюции» Осирисом²⁵, «Любовь» — Изидой Матерью²⁶ (из которой после христианские философы заимствовали Святого Духа), а «Скорбь» — их сыном Горусом²⁷ (почему и в христианстве он назывался сыном скорби). Таким образом, эти высокие философские символы подверглись впоследствии антропоморфизации.

Можно назвать это управление восстановлением идеального кровотока мировых сил в человеке. Ночью сон будет спокойный и жизнеутверждающий, а утром будет удивительная свежесть и прилив сил, ибо все посланные силы вернулись обратно и принесли много с собою. Вчерашний налет на душе будет снят, и здоровье будет возрастать.

Я сам, когда был в Америке, излечил себя таким образом от сильной болезни сердца, не говоря уже о других результатах.

Относительно пищи, я бы посоветовал есть побольше икры или сырых яичных желтков с сахаром или солью. В них есть нуклеин, так необходимый для питания сильно работающей нервной системы:

Для хорошего настроения я бы посоветовал конфеты, сделанные следующим образом:

Сахару — 1000. О²⁸

Меду — 200. О

Отвар 1,5 ипекакуаны в 100 воды — 100. О

Настойки ванили — 25 капель.

Настойки шафрана — 10 капель.

Эти конфеты охраняют также от влияния дурной погоды и от передачи настроения от других людей. Они служат также прекрасным лекарством от кашля. Этот рецепт получен из Индии, составляет теперь собственность моей жены, и она просит его держать пока в секрете, насколько это возможно.

Жалко, что я должен здесь передавать египетские иероглифы несколько символическим языком, но европейские языки еще не выработали научных соответствующих терминов. Но я прошу мне поверить, как любящему брату, которому нет никаких оснований не доверять, что я говорю не об умственно-поэтических построениях, а о существующих реальностях. Есть два пути убедиться в этом: 1) интуиция; 2) опыт и наблюдение, а лучше оба пути совместно.

Мое письмо строго конфиденциально, хотя бы по одному тому, что его другие люди не поймут (так как они не установили душевных отношений с народными массами, а значит и со всем живущим), особенно ученые, которые недостаточно революционны, чтобы выбиться из рамки своих собственных умственных построений и искать настоящей реальности, о которой они не имеют никакого понятия. Вторая причина конфиденциальности, это та — что эти истины получены от слишком высокой (в идеальном отношении) группы людей, чтобы их идеи выдавать на посмеяние толпы. Они были причиной расцвета цивилизации древнего Египта, Индии, Вавилона, Греции, Рима и, как только эти цивилизации порвали свои отношения с этой группой, они упали в бездну.

Я чувствую, что я передаю Тебе, дорогой Брат, какой-то яркий поток света, но, вместе с тем, я делаюсь ответственным за каждый Твой поступок, мысль, чувство и даже настроение. Надеюсь, что будешь щадить меня. Большей связи быть не может, но и большой верности быть не может.

Это письмо будет передано через Екатерину Константиновну Брешко-Брешковскую²⁹, относительно которой я скажу, что она так много потрудилась для народа и проявила такое чуткое и любящее сердце, что и ее можно будет со временем приобщить к группе, которую я назову поэтически группой «Мирового Сердца».

Александру Федоровичу Керенскому.

Любящий брат

Вячеслав Гласко

6 апреля 1917 г.

Надеждинская ул. 36, кв. 16. Петроград³⁰.

ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 386. Л. 11–14. Подлинник. Машинопись.

**№ 6. Письмо Г. К. Шаталина в Святейший
правительствующий Синод о переустройстве
государства и перераспределении земельной
собственности**

13 марта 1917 г.

Война Христа против войны земной всего мира. Первый краткий манифест с неба. Мат[фей] 21.25³¹. Затем следует полный, второй манифест с неба. Ио[ан]н 14.26. — 15.-26³². Деян[ия] 1.8³³.

В город С[анкт]-Петербург. В святейший Синод³⁴, брату во Христе господину Саблеру³⁵.

От меньшего брата вашего Г[авриила] К[алиновича] Шаталина. Посылаю Вам в подарок дар Божий для передачи всему миру молочные и медовые реки. Исх[од] 3.16³⁶. Иоан[н] 7.-38³⁷.

1-й источник на земле сладкой и живой воды открылся из совершенных уст из нагорной проповеди Помазанника Божия 1882 года, с того дня все верующие во Христа одногласно молились и верили, что по молитве их когда-никогда да придет блаженное царство Твое на земле, как и на небе. Мат[фей] 6.9.10³⁸.

Об этом 10 стихе, о Царстве Христовом и о воле Его, по милости Божией разъясним всему миру. Я с малолетства искал сладкую живую воду по всей земле; последнее время день и ночь копал, углубился и нашел золотой вечный фундамент Христа, и на этом фундаменте, «Отче Наш», поставлен устами Творца нерукотворенный¹, великий и неоцененный дом на камне Матф[ей] 7.24.-25³⁹. Этому великому дому выдан от Христа новорожденный неограниченный манифест с неба (Лука. 4.18-19⁴⁰), что дарован Божией милостью. Матф[ей] 18-22. Мы прямой наследник Бога, и земля принадлежим к корню Иесея (Ис. 11.1.2⁴¹). Из царского поколения пророка царя Давида победитель зла. Ис. 11.4⁴² по имени Иисус Христос, сын Божий, не имею ни начала дней и ни конца жизни Евр. 7.3⁴³. — Я не был молод и не был стар, не умирал и не умру никогда; царства престола моего на земле не разрушится вечно; ныне сын Божий вступает на вечное царство и занимает на земле обещанный ему престол Давида. Евр[еям] 1.1-9⁴⁴. — по священному писанию сын Божий ныне заделался император и самодержавец неба и земли, Царь царей и Господь Господствующих. И[оанна] Откр[овение] 19-6⁴⁵.

¹ Так в тексте.

Со властью неба и земли, Матф[ей] 28.1⁴⁶, приступаем к делу, и на деле объявляем об землеустройстве всем верно подданным Христу и Священному писанию, Его Ветхому и Новому завету. По Ветхому завету его пишет Моисей. 1-й манифест Отца Бога о земле, а именно: раститесь¹ и наполняйте землю и обладайте ею⁴⁷. В 1-м манифесте о земле не говорится «за деньги», а раз говорит Бог Адаму, то самое говорит и умножающим потомкам Его. По Ветхому завету Его смело обладайте ей. Обладающему на вечно завещанному манифесту по умножению народа, все народы прямые наследники бесплатно данной Богом земли. Быт. 1–28⁴⁸. Этот Божий манифест о земле — неоспоримый земной властью и неопровержимый никакими царскими законами, Закон Творца есть корень и глава всем законам земным. Закон Божий, на который я опираюсь по ссылкам священного писания, есть выше на небе и на земле. И царь Давид как помазанник Божий не отрекся от священного писания, подтвердил первый манифест отца о земле, а именно: небо, небо Господу, а землю — сынам человеческим, и не говорит царь Давид «за деньги» (113.24)¹¹. Об[е]щанный же ему сын Божий, что ныне стал царь Царей и Господь Господствующих, своими устами в Нагорной проповеди подтвердил 1-й и 2-й бесплатный манифест праотцов о земле, а именно: блаженны плачущие, ибо они наследуют по первому манифесту, Быт. 1–28, обещанную бесплатную землю, Матф[ей] 5 параграф 5⁴⁹. Ис[айя] Пророк, будучи движимым Духом Христа, во дни свои заметил, что власти земные зарыли сладкую живую воду, т. е. строки священного писания, 1-й манифест о земле, а потому и громко говорил [и] древний и новый евангелист на страницах своих всем жадным скупщикам земли: Горе вам, приобретающим поле к полю и дом к дому так, что другим не остается места, как будто вы одни поселены на земле (5.8)⁵⁰. За такую прямую, святую проповедь землеладельцы камнями бевивали¹¹¹ всех пророков (Лук[а] 13.34.35)⁵¹. Не постыдились убить и самого Царя царей, т[о] е[сть] Христа и последователей Его. Глупая команда во мраке убивает невинного праведника и думает, что этим служит Богу, Ио[ан]н 16:1–3⁵². При

¹ Так в тексте.

¹¹ Здесь явно допущена ошибка, потому что в ни в одной из частей Библии нет 113-й главы.

¹¹¹ Имеется в виду «побивали».

этом земная воля со славой смертных царей, помимо закона Христа, обнажила богатырский стальной меч. Сила на бессильного и духа внечеловеческой совести забрала в плен себе всю землю со всеми народами; на пленных наложили непосильное ярмо и покорили все концы земли в неволю, таким образом, все державы царей поставили народ на свой неподходящий фундамент, помимо золотого фундамента Христа (Ис. 2. 2 ½ 4.11. гл. 1.9.65.172.25¹ Матф[ей] 6: 10⁵³). Первая закладка фундамента царей земных под небом началась в Египте с издательством закона языческого духа против духа Творца. Со дней древнего Египта, с финикийцев, по скобке языческого фундамента, царствовали над народами Египетские цари при всей первой мудрости. От Египетских научились воевать и Израильские цари, ночью нападали на мирных жителей, забирали в плен и говорили: с нами Бог. От Израильских царей научились защищаться Заиорданские^{II} язычники-цари, что до крови.

Из-за земли, таким образом, утверждали все цари границы земли, крепости, составляли религию, и гнилой фундамент царства своего ограждали стальным мечом, помимо слово Божие. На человеческих костях, на плоти и крови и на этом фундаменте безбожных царей был поставлен на царство православный дом Романов, который среди языческих законов (волей-неволе[й] должен был с окровавленным мечом царствовать против Новозаветного закона Христа.) (Матф[ей] 5.21⁵⁴) 300 лет, до 1912 года до 21 февраля⁵⁵.

При таких законах по старому гнилому фундаменту дальше идти некуда всем царям; они дошли до края бездны пропасти. Матф[ей] 25.31–46⁵⁶. Откр[овение] 19.11–21⁵⁷ (20 гл[ава] 11.15⁵⁸) все законы их против Христа должны быть разрушены, и вся премудрость войны их против войны Христа, войной Христа все гнилые фундаменты всех царей земных должно разрушены. Над гнилыми фундаментами всех царей земных под небом в день вознесения Царь правды в глазах любящих на крыльях духа поднялся над землею (Деян[ия] 1.–9–11⁵⁹) с Евангелием в руках, из которого громко кричал 19 веков во все концы земли и на море: убейтесь Бога. Воздайте ему славу, ибо наступил час суда его (Откр[овение] 14.–6–7⁶⁰).

^I Здесь явно ошибка автора документа: таких глав в Библии не существует.

^{II} Так в тексте.

Отвечал великий «Титаник»; хотя мы и на море, но страшного суда Божия нам бояться нечего. Корабль наш новый и небывалой крепости, бронированный, настоящая каменная крепость на земле, что не возьмет никакая пушка.

Ничего не бойся. Гуляй, ребята. Наступила Пасха 1912 года. Миллионы напечатаны. Евангельские проповедники пугают нас каким-то страшным судом Божиим. Это фанатизм. И еще не окончили пьяные миллионеры речь о суде, вдруг неожиданно настал страшный суд кораблю. Проиграл сигнал тревогу. Вставай, спящий народ. Спасай свою жизнь среди моря, как кто знает. Надежный корабль ваш лопнул. Потому совершенная воля Божия сильнее человеческой крепости и человеческой мудрости. Смерть ваша есть страшный суд вам, глубокое и широкое море. И нераскаянные миллионеры пошли на дно моря за семь верст. Напрасно 19 веков устами 12 апостолов и пророков кричал Господь миллионерам, которые не приняли Евангелия и нераскаянными пошли на дно моря. Напрасно Исаия пророк⁶¹ духом Святым 600 лет до Христа говорил миллионерам. Горе вам, приобретающим поле к полю и дом к дому (5.8⁶²). Напрасно и сам Христос своими устами говорил высокопоставленным на земле: Горе вам, книжники и Фарисеи, лицемеры, сами вы не входите в царские Божие и желающим запрещайте (Матф[ей] 23.13⁶³). За это у ног каждого миллионера и у ног каждого царя в проведении Божиим тайно лежит меч Господа. (Матф[ей] 3.10–11⁶⁴). Который в означенный день откроется на земле и неожиданно пройдет по всем городам ([И]езек[ииль] 38.31.7⁶⁵) и без милосердия будет рубить брат брата, дети родителей; (Матф[ей] 10.21⁶⁶) всемирная поголовная война, небывалая революция, голод, град, моровая язва и т. д. ([И]езек[ииль] 38.18–23⁶⁷). Зло и неправда будет истребляться злом и злым стальным мечом на земле. Наказание всего мира ныне висит как бы на ниточке, над головой каждого. Такого бедствия еще не было от создания мира и после не будет никогда. В тот день взыщется кровь праведная от крови Авеля до крови Захарии; от меча и пули будут падать и праведные, и грешные, в особенности вожди народов передовые, все отрубные скупщики и распорядители земли. В день оный, когда обнажат великую блудницу, тогда все виновники угнетенных будут видны всему народу, и кто будет спасать постылых людей на земле, как на великом «Титанике»? Побегут ли в леса и в ущелья гор, и там нет жизни, как на разбитом «Ти-

танике» был ясным правобразным¹ и предсказателем всему миру, что страшный суд при дверях и внезапно застанет нераскаянный пьяный мир. Христос крайне не желал бы внезапной гибели, ужасной крови от стального меча и пули в смяте[н]ии всего человечества, а потому и просит через меня в последний раз первосвященников и передовых вождей всего народа и всех миллионеров — жадных скупщиков земли: пожалейте жизнь свою и жизнь детей своих, чтобы озлобленный народ не разбил их об камень (Псалом 136.9⁶⁸). Заблаговременно добром отдайте мне мечом и кровью завоеванную землю со всеми пленными народами. Пусть я разделю им обещанную землю по равной части, ибо всех народов поставлю я сам вам Евангельское царство, престол отца моего и на земле, как и на небе. Евангельское царство распустит всех солдат по домам и заключит между царями вечный мир и не позволит больше учиться воевать, в Евангельском царстве ничуть не хуже будет жить господам, а в миллион раз лучше, неслышно будет вдов и сирот, ни раненых; все будут богаты в евангельском царстве, нигде не будет царем всемирный невидимый дух Христа в сердце каждого человека. Евангельское царство первым долгом должно приступить к тюрьме и про[н]изанной рукой Христа растворить темницу и, по пророчеству Исаии (61 гл[ава] с 1–2 ст[ихи]⁶⁹ и Откр[овение] 6 гл[ава] 10 ст[их]⁷⁰), отпустить измученных борцов на свободу, а затем следует созыв всех царей и всех священников, по одному из каждой державы, для заключения вечного мира и для землеустройства всего земного шара. По новозаветному закону Христа, т. е. миссии его, долой все старые законы, которые не подходящи для здоровой жизни всего человечества, что отжили свое мрачное Египетское время и померли в благодатном законе Христа.

И наступила лучшая пора мертвые законы похоронить первого мая, при том же навечно среди глубокой могилы, и сложить над могилой всемирный памятник с надписью на памятнике, что здесь похоронена всемирная великая блудница, мать кровопролития и всякая мерзость на земле, что поймана Христом и навечно убита кровью Его (Откр[овение] 182–3 ст[ихи]⁷¹), и похоронен здесь блуд матери и детей ее в 1913-м году, и над могилой должна быть прочитана молитва Господня: «Отче Наш». Мы по воле твоей ныне похоронили здесь древнего

¹ Так в тексте.

египетского зверя и всякое зло с лица земли, великую блудницу с всеми кровопролитными законами, которые она выдавала царю и всему священству для паствы народа. Теперь только пришло Твое царство, и настала блаженная воля и на земле во всех народах, и мы все стали вольны, братья и сестры, дети одного Бога Отца. Ныне Царство мира сего сделалось царством Господа и Христа Его. И мы будем царствовать с ним во веки веков на земле (Откр[овение] 5. г[лава] 10. с[тих]⁷² 11. гл[ава] ст[их] 15⁷³). При этом должно быть назначено с 1-го мая на целый месяц Новая Пасха Господня, всемирное празднество 1000-летнего Царства Христова на земле (Откр[овение] гл[ава] 20. ст[их] 6⁷⁴) с первого мая ежегодно должен повторяться праздник, новая песня: воспойте Господу вся земля, хвалите Его все народы. Как хорошо, как приятно жить братьям вместе. Прошла зима, настала весна. Посев кончен. Развернулся лес, зацвели живые цветы. Наполнилась вся земля живыми духами, открылась всемирная радость в сердце каждого человека. Христос Воскрес. Смертию смерть разрушил, [разрушил] увековечный¹ ад. Разрушил не в сердце земли где-то, а в сердце каждого человека, убил древнего змея (Лука. 11. гл[ава] 20. ст[их]⁷⁵), [(Откр[овение] 20 гл[ава] 2 ст[их] ⁷⁶). А потому и узнал каждый человек своего Спасителя Бога и после этого не будет учить каждый ближнего: познай Бога. Потому все будут знать Его, от малого и до старшего (Иеремия. 31. гл[ава] 31 ст[их]⁷⁷). Вышеизложенным строкам манифеста сего хозяин Христос, что писал моей рукой по свидетельству всему народу, а всему я был верный свидетель по откровению Духа Божьего.

К сему подписываюсь. Всемирный проповедник и затюремник^{II} 19 и 20 века Гавриил К[алинович] Шаталин.

Петербург, Предтечинская, д. 53. кв. 7.

Сие подано 1917 г. марта 13 дня

Настоящий манифест был через Саблера подан заказным письмом на имя царя Николая II 1913 года в апреле месяце, кроме этого мною был подан через Саблера первый манифест на имя царя Николая II 1913 года 2 января о созыве всех царей всего света для заключения вечного мира и разоружения всего земного шара и роспуска всех

^I Так в тексте.

^{II} Так в тексте.

солдат по домам, но Саблер ни первого, ни второго не обнаружил, тогда я лично добирался за ответом до Саблера, о чем напечатано было Кондрушкиным⁷⁸ в газете «Речь»⁷⁹, к сожалению, собранной армии с соусленным навязывал даром два манифеста, что служили спасением народным¹, капитала и всего народа. И манифест мой был зарыт Саблером до сего дня. Прошу отыскать их и напечатать на ст[р]аницах газеты^{II} «Русского Слова»⁸⁰, они находятся по принятию прошения в Мариинском Дворце. Кроме того, в 1892-м году я привез в Петербург 800 страниц книгу «Громкий Выстрел» о созыве всех царей, о разоружении, что взято охранным отделением. Адрес: Банковский мост, дом № 48, кв[ртира] 30, что пропало:³ III из дому Петербурга по весь мой чумадан со всем моим имуществом и деньгами, [в] 1905 году было подано прошение на имя царя о выпуске из тюрьмы и каторги политических и подписано мною, и это пропало. Прошу отыскать и напечатать по газетам, и в 1913 году на имя царя мною подано было и подписано Гавриилом Калино[ви]чем Шаталеным доклад о богатом наследстве 0,16 513 дес[ятин] земли⁸¹, и эту закатали до сего дня. Копия сего прошения моего находится ныне в 4-й думе⁸² у депутатов у Матвея Ивановича Скобелева⁸³ и у Александра Федоровича Керенского. Прошу Керенского и Скобелева разрыть мою золотую гору, принесенну[ю] вам, и от этой горы, пока что будет, дайте мне дневное пропитание, как измученному в тюрьмах соберете все прошения мои в одну кучу и напишете цел[ь]ну[ю] книгу, что будет полезно для всего народу. О 0,16 513 д[есятин] зем[ли] уведоьте меня, в каком положении оно будет, теперь вы полны ...^{IV} 61. ст[их] вам не мешает.

Остаюсь в стране свобо[д]ной в ожидании вашего ответа, известия. Ваш товарищ,

Гавриил Калино[ви]ч Шаталин

Адрес жительства: поч[товая] ст[анция] Пады, Балаш[овский] уезда
Гражданину Гавриилу Калино[ви]чу Шаталину

ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 310. Л. 1–4. Подлинник. Машинопись, автограф.

^I Вставлено сверху.

^{II} Вставлено сверху.

^{III} Далее написано ручкой.

^{IV} Неразборчивый текст.

**№ 7. Письмо К. В. Еловского («царь Константин»)
во Временное правительство
о немедленном окончании войны**

26 июня 1917 г.

Во имя отца и сына и святого Бога духа
Аминь.

Временному правительству всех дел о настоящем положении
От комиссара Константина Васильева Еловского, князя всех стран.
Настоящим предписываю Временному правительству Петер[о]-
града в момент получения сего предписания от меня: сделать перевод
с русского языка на германский, что немедленно чтобы Вильгельм⁸⁴
подчинился моему предписанию и выезжал вместе со царем с нашим
Николаем Александровичем под командой сопровождающими деся-
тью человеками австрияками.

Если не будет повиновение его добровольно, то я приказ отдам
по армии.

Если не будет повиноваться, то будет гром от всевышнего творца
небесного — он разрушит все снаряды и пулеметы, и газы германские
в сто минут. Я говорю словами Бога, и он долго ждал от народа, чего
ему нужно было, но на конце он свое заключение вывел — не допуска-
ет больше воевать.

От владелиц над Земле и над Народом, а не Вильгельм германский
император, который тоже от земли взят.

Я пишу, по[то]роплю вас всех к выполнению моих требований для
народного всеобщего блага.

1917 года 26 июня в день Тихвинской матери⁸⁵.

Великий всенародный Царь Кесарь Константин

ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 310. Л. 34–34 об. Автограф.

Комментарии

¹ Царь Михаил Федорович (1596–1645), первый царь из династии Романовых, избранный Земским собором 21 февраля 1613 г. Фактически, в тексте данного прошения автором допущена ошибка, ведь первым русским царем де-факто был Иван IV, который был венчан на царство 16 января 1547 г. (Платонов С. Ф. Иван Грозный (1530–1584). Пг. : Брокгауз-Ефрон, 1923. С. 47–48; Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций : в 3 кн. Кн. 2. М. : Мысль, 1993. С. 178–180).

² Временное правительство (2 марта — 26 октября 1917 г.) — центральный орган государственной власти, сформированный в результате переговоров руководства Ис-

полкома Петроградского Совета рабочих депутатов и Временного комитета Государственной думы. Являлся временным органом власти до созыва Учредительного собрания, где должна была решиться дальнейшая форма организации государства (Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России: учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Историко-архивоведение» / Н. П. Ерошкин. М.: Высшая школа, 1983. С. 310–311).

- ³ Духовная консистория — судебно-административный орган управления Российской православной церкви в период существования Святейшего правительствующего Синода (1721–1917), действовавший на уровне епархии. В ведении консисторий находились судебные дела, связанные с церковной институцией (о еретичестве, правонарушениях служителей церкви), вопросы благоустройства церквей, расторжение браков. Окончательно упразднены вследствие принятия 20 января 1918 г. декрета СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (см.: СУ РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263).
- ⁴ Имеются в виду стихи 21–22 из 5 гл. Евангелия от Матфея: «5: 21. Вы слушали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. 5: 22. А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной». Таким образом, в данной фразе сам факт оскорбления человека (слово «рака» можно перевести как «ничтожность») приравнен к тяжкому преступлению, которое должно было рассматриваться высшим духовным судом (синедрионом) // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.5,22&r> (дата обращения: 06.12.25); Толкования на Матфея 5: 22 // Азбука веры. URL: <https://bible.optina.ru/new:mf:05:22> (дата обращения 06.12.25).
- ⁵ С точки зрения канона, «Верую», она же «Символ веры», не является молитвой, т. к. в ней нет обращений к Богу, святым или ангелам. «Символ веры» является упрощенным скомпилированным догматом православной веры, содержащий в себе основные положения о Боге Отце, Сыне, Духе Святом, Церкви, крещении и воскресении мертвых с последующей вечной жизнью // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/simvol_very (дата обращения: 06.12.2025).
- ⁶ Ссылка на Евангелие от Матфея, гл. 18, стих 20 // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.18:20> (дата обращения 06.12.2025).
- ⁷ Под «кафолической верой» подразумевается принцип соборности церкви, подразумевающей, что она охватывает своим благочестием все человечество. В данном контексте данный термин используется, чтобы подчеркнуть истинность православной церкви (см.: Святитель Кирилл, архиепископ Иерусалимский. Из Огласительных слов // Журнал московской патриархии. 1987. № 3. С. 36).
- ⁸ Архидиакон Стефан (1–36 гг.) считается первым христианским мучеником. За проповедь христианского учения и обличение иудейства был забит камнями (Апостол от 70-ти Стефан, первомученик, архидиакон // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/days/sv-stefan-pervomuchenik> (дата обращения: 08.12.2025).
- ⁹ Вера, Надежды, Любовь (? — ок. 120/137 г.) — христианские мученицы. Согласно канону, император Адриан склонял их принести жертву Артемиде, и после отказа Вера, Надежда и Любовь были казнены (см.: Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/150377.html> (дата обращения: 08.12.2025)).
- ¹⁰ Здесь имеется в виду начало Июньского наступления (оно же «наступление Керенского») во время Первой мировой войны (см.: Лантнев В. А. Офицеры ударных частей русской армии во время подготовки и проведения летнего наступления 1917 г. // История: факты и символы. 2020. № 2 (33). С. 76).

- ¹¹ Керенский Александр Федорович (1881–1970), один из главных участников Февральской революции, член Временного правительства: министр юстиции (3 марта — 18 апреля 1917 г.), военный и морской министр (5 мая — 31 августа 1917 г.), министр-председатель Временного правительства (7 июля — 26 октября 1917 г.).
- ¹² Здесь пересказаны стихи из 10 гл. Евангелия от Матфея: «10: 40. Кто принимает вас, принимает Меня, а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня; 10:41. Кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника. 10: 42. И кто напоит одного из малых сих только чашей холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.10&r> (дата обращения: 08.12.2025).
- ¹³ Волжско-Камский коммерческий банк — один из крупнейших банков Российской империи: на 1914 г. занимал 6 место среди российских банков по обороту капитала.
- ¹⁴ Скорее всего, имеются в виду столовые деньги.
- ¹⁵ Целковый — серебряный рубль (см.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: Изд-во общества любителей российской словесности, 1863. С. 527).
- ¹⁶ Подпись «Старцы» стоит под первой частью письма. Вторая часть не подписана, однако идентична по почерку первой, поэтому можно утверждать единое авторство обеих частей — прим. авт.
- ¹⁷ Буквальный текст первого послания к фессалоникийцам апостола Павла, гл. 5, стих 15 (см.: Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?1Thes.5&r> (дата обращения: 08.12.2025)).
- ¹⁸ Там же. Стихи 22–23.
- ¹⁹ Послание апостола Павла к галатам, гл. 3, стих 10: «а все, утверждающиеся на делах закона, находятся под клятвою. Ибо написано: проклят всяк, кто не исполняет постоянно всего, что написано в книге закона» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Gal.3&r> (дата обращения: 08.12.2025).
- ²⁰ 2 марта 1917 г. Николай II был подписан и передан членам Государственной думы Манифест об отречении (см.: *Ларионова Д. А.* Отречение Николая II: историко-правовой анализ // Вопросы российской юстиции. 2020. № 6. С. 47).
- ²¹ Буквальный текст 12 стиха 3 гл. первого послания апостола Петра (см.: Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?1Pet. 3&r> (дата обращения: 09.12.2025)).
- ²² До 10 марта Временное правительство действительно именовало себя Советом министров. Скорее всего, данная ошибка в документе вызвана неинформированностью автора (см.: *Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1: Высшие государственные учреждения.* СПб.: Наука, 1998. С. 232).
- ²³ Буквальный текст 17 стих 4 гл. послания апостола Иакова (см.: Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Jas.4&r> (дата обращения: 09.12.2025)).
- ²⁴ О В. И. Гласко мало что известно. Судя по его литературному слогу и профессии технического переводчика, можно предположить, что это был человек с университетским образованием (Весь Петроград: адресная и справочная книга г. Петрограда на 1917 год. Пг.: Фабрика конторских книг, паровая переплетная и типография АО «Фридрих Кан», 1917. С. 164).
- ²⁵ Осирис — бог возрождения и подземного мира в древнеегипетской мифологии. Согласно Гелопольской легенде был четвертым богом, царствующим на земле, который научил людей земледелию, за что был убит своим братом Сетом. После чего был воскрешен своим сыном Гором и остался править царством мертвых. Процесс воскрешения

шения был отождествлен с разливом Нила, что закрепилось в мифологии в качестве культа воскрешающего бога, что, видимо, навело автора на параллель с христианством (см.: *Матье М. Э.* Древнеегипетские мифы. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1956. С. 52–53).

- ²⁶ Исида (Изида) — богиня материнства в древнеегипетской мифологии, супруга Осириса. Культ богини нашел широкое распространение в Малой Азии, Сирии, Греции и т. д. Согласно некоторым исследователям, культ Исиды является одним из этапов эволюции архетипа материнства, который был продолжен фигурой Богоматери в христианстве. Однако утверждение автора документа о схожести Исиды и концепции Святого духа представляется сомнительным (см.: *Васильева И. И.* Архетип материнства в проблеме бессмертия // Вестник УлГТУ. 2006. № 3. С. 13–14).

- ²⁷ Гор (Горус, Хорус) — бог неба и солнца в древнеегипетской мифологии, сын Исиды и Осириса. Считался покровителем власти фараонов.

- ²⁸ Скорее всего под «О.» имеется в виду «унция», обозначающаяся как «oz.». 1 унция соответствует приблизительно 28 граммам (см.: БРЭ. URL: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/4699706> (дата обращения: 09.12.2025)).

- ²⁹ Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844–1919) — одна из лидеров и основателей социал-демократической партии (см.: *Галинская И. Л.* Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская // Вестник культурологии. 2001. № 4. С. 204–207).

- ³⁰ По этому адресу располагался доходный дом капитана 1-го ранга Н. В. Чайковского, построенный в 1905–1906 годах по проекту архитектора М. Ю. Капелинского. В 1908 г. Чайковский приобрел соседний участок и расширил доходный дом в два раза, поэтому у одного из доходных домов оказалось 2 адреса (см.: *С. Прохоров.* Фотопрогулки: сайт. URL: https://photoprogulki.narod.ru/spb_nad5.htm (дата обращения: 16.02.2026)).

- ³¹ Евангелие от Матфея, гл. 21, стих 25: «...крещение Иоанново откуда было: с небес или от человеков? Они же рассуждали между собою: если скажем: с небес, то Он скажет нам: почему же вы не поверили ему?» // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.21&r> (дата обращения: 09.12.2025).

- ³² Скорее всего в данном контексте имеется в виду отрывок с 14 гл. 26 стиха по 15 гл. 26 стиха Евангелия от Иоанна. В данном отрывке Христом подчеркивается важность связи человека с Богом и любовью, несмотря на ненависть мира (см.: Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Jn.15&r> (дата обращения: 09.12.2025)).

- ³³ Деяния святых Апостолов, гл. 1, стих 8: «...но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Act.1&r> (дата обращения: 09.12.2025).

- ³⁴ Святейший правительствующий Синод (1721–1917) — высший государственный орган России, отвечающий за управление делами Русской православной церкви. Образован в 1721 г. после упразднения патриаршества для контроля и руководства РПЦ. Под управлением обер-прокурора в ведении организации находились вопросы общецерковных теоретических установлений, управление церковными имуществом и деятельностью духовенства, организацией начального образования (церковно-приходских школ) и т. д. 5 февраля 1917 г. должность обер-прокурора была упразднена, а функционал Синода интегрирован в созданное Министерство исповеданий, что фактически сохранило Синод в новой форме. Юридически Синод был упразднен в 20 января 1918 г. в соответствии с декретом СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (подробнее см.: Высшие и централь-

- ные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 1998. С. 134; Соколов А. В. Министерство исповеданий Временного правительства и православная церковь // Вопросы истории. 2014. № 2. С. 154).
- 35 Саблер Владимир Карлович (с 1915 г. — Десятковский) (1847–1929) — действительный статский советник (с 1905 г.), обер-прокурор Синода (1911–1915 гг.). Во время написания документа обязанности обер-прокурора Синода исполнял уже Владимир Николаевич Львов (с 3 марта 1917 г.), так что автор, скорее всего неосознанно, допустил ошибку (см.: Волков С. В. Высшее чиновничество Российской империи: Краткий словарь. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 471; Львов, Владимир Николаевич // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 194).
 - 36 Исход, гл. 3, стих 16: «Подойди, собери старейшин [сынов] Израилевых и скажи им: Господь, Бог отцов ваших, явился мне, Бог Авраама, [Бог] Исаака и [Бог] Иакова, и сказал: Я посетил вас и увидел, что делается с вами в Египте» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Ex.3&r> (дата обращения: 09.12.2025).
 - 37 Евангелие от Иоанна, гл. 7, стих 38: «Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Jn.7:38> (дата обращения: 09.12.2025).
 - 38 Евангелие от Матфея, гл. 6, стихи 9–10: «6: 9. Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; 6: 10. да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.6&r> (дата обращения: 09.12.2025).
 - 39 Евангелие от Матфея, гл. 7, стихи 24–25: «7: 24. Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; 7: 25. и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне». Данный отрывок является завершающей частью Нагорной проповеди Христа (см.: Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.7,24&r> (дата обращения: 09.12.2025)).
 - 40 Евангелие от Луки, гл. 4, стихи 18–19: «4: 18. Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, 4: 19. проповедовать лето Господне благоприятное» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Lk.4&r> (дата обращения: 09.12.2025).
 - 41 Книга пророка Исаии, гл. 11, стихи 1–2: «11: 1. И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его; 11: 2. и почиет на Нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия». Под «корнем Иессеевым» подразумевается пришествие в будущем Мессии из рода Давида. Свое наименование «корень» получил по отцу Давида, Иессею (см.: Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Is.11&r> (дата обращения: 10.12.2025); Библия онлайн. URL. <https://bible.by/lexicon/btd/word/2391> (дата обращения: 10.12.2025)).
 - 42 Книга пророка Исаии, гл. 11, стих 4: «11: 4. Он будет судить бедных по правде, и дела страдальцев земли решать по истине; и жезлом уст Своих поразит землю, и духом уст Своих убьет нечестивого» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Is.11&r> (дата обращения: 10.12.2025).
 - 43 Послание апостола Павла к евреям, гл. 7, стих 3: «7: 3. без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Бо-

жию, пребывает священником навсегда» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Hebr.7&r> (дата обращения: 10.12.2025).

- ⁴⁴ В первой главе стихах 1–9 послания к евреям апостола Павла фактически раскрывается превосходство Иисуса Христа перед пророками и ангелами. Иисус — вечный Сын Божий, совершенное творение Бога, спасший людей, тем самым он достоин больше славы и поклонения, чем ангелы, которые являются лишь Его слугами (см.: Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Hebr.1&r> (дата обращения: 10.12.2025)).

- ⁴⁵ Здесь имеется в виду стих 6 гл. 19 Откровения Иоанна Богослова: «19: 6. И слышал я как бы голос многочисленного народа, как бы шум вод многих, как бы голос громов сильных, говорящих: аллилуия! ибо воцарился Господь Бог Вседержитель» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Apok.19&r> (дата обращения: 10.12.2025).

- ⁴⁶ Евангелие от Матфея, гл. 28, стих 1: «28: 1. По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.28&r> (дата обращения: 10.12.2025).

- ⁴⁷ Здесь идет ссылка на книгу Бытия Ветхого завета, гл. 9, стих 1: «9:1. И благословил Бог Ноя и сынов его и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю [и обладайте ею]» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Gen.9&r> (дата обращения: 10.12.2025).

- ⁴⁸ Книга Бытия, гл. 1, стих 28: «1: 28. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею], и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Gen.1&r> (дата обращения: 10.12.2025).

- ⁴⁹ Евангелие от Матфея, гл. 5, стих 5: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.5&r> (дата обращения: 10.12.2025).

- ⁵⁰ Здесь имеется в виду книга пророка Исаии, гл. 5, стих 8: «5: 8. Горе вам, прибабляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места, как будто вы одни поселены на земле» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Is5&r> (дата обращения: 10.12.2025).

- ⁵¹ Евангелие от Луки, гл. 13, стихи 34–35: «13: 34. Иерусалим! Иерусалим! избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели! 13: 35. Се, оставляется вам дом ваш пуст. Сказываю же вам, что вы не увидите Меня, пока не придет время, когда скажете: благословен Грядый во имя Господне!» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Lk.13&r> (дата обращения: 10.12.2025).

- ⁵² Евангелие от Иоанна, гл. 16, стихи 1–3: «16: 1. Сие сказал Я вам, чтобы вы не соблазнились. 16: 2. Изгонят вас из синагог; даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу. 16: 3. Так будут поступать, потому что не познали ни Отца, ни Меня» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Jn.16&r> (дата обращения: 10.12.2025).

- ⁵³ Евангелие от Матфея, гл. 6, стих 10: «6: 10. да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.6,10&r> (дата обращения: 10.12.2025).

- ⁵⁴ Евангелие от Матфея, гл. 5, стих 21: «5: 21. Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.5&r> (дата обращения: 12.12.2025).

- ⁵⁵ Здесь допущена ошибка, так как имеется в виду 300-летний юбилей династии Романовых в 1913 г., празднование которого как раз началось 21 февраля 1913 г. (см.: *Карнишин В. Ю. 300-летие дома Романовых: за фасадом официального празднования // Известия ВУЗОВ. Поволжский регион. Гум. науки. 2013. № 1 (25). С. 7–8.*
- ⁵⁶ В указанных стихах Евангелия от Матфея гл. 25 рассматривается эпизод Судного дня, когда Иисус явится человечеству и разделит его на две группы: «овец» (попадут в рай, поскольку приняли в своем сердце Христа) и «козлов» (для них уготован ад, поскольку они отвергли Христа) (см.: *Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.25&r> (дата обращения: 12.12.2025).*
- ⁵⁷ В указанных стихах Откровения Иоанна Богослова описана последняя битва, в результате которой всадник на белом коне (образ праведного суда) побеждает лжепророка (Антихриста). Эта битва является кульминационным моментом в трансформации Христа в «царя царей» (см.: *Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Apok.19&r> (дата обращения: 12.12.2025).*
- ⁵⁸ В стихах 11–15 гл. 20 Откровения Иоанна Богослова приводятся итоги Страшного суда. Завершается история протivления Бога, подводится черта всей человеческой истории, которая заканчивается двумя способами: либо вечная жизнь в совершенном мире Бога, либо окончательная смерть, т. е. отделение от Бога (см.: *Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Apok.20&r> (дата обращения: 12.12.2025).*
- ⁵⁹ Деяния святых Апостолов, гл. 1, стихи 9–11: «1 : 9. Сказав сие, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их. 1 : 10. И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде 1 : 11. и сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо» // *Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Act.1&r> (дата обращения: 12.12.2025).*
- ⁶⁰ Откровение Иоанна Богослова, гл. 14, стихи 6–7: «14 : 6. И увидел я другого Ангела, летящего по середине неба, который имел вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле и всякому племени и колену, и языку и народу; 14 : 7. и говорил он громким голосом: убойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его, и поклонитесь Сотворившему небо и землю, и море и источники вод» // *Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Apok.14&r> (дата обращения: 12.12.2025).*
- ⁶¹ Пророк Исаия (VIII–VII до н. э.) — ветхозаветный пророк, автор одной из книг Ветхого Завета (см.: *Православная энциклопедия URL. <https://www.pravenc.ru/text/674804.html> (дата обращения: 12.12.2025).*
- ⁶² Ссылка на Евангелие от Матфея, гл. 5, стих 8, уже упоминавшееся выше.
- ⁶³ Буквальный текст Евангелия от Матфея, гл. 23, стих 13 (см.: *Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.23&r> (дата обращения: 12.12.2025).*
- ⁶⁴ Евангелие от Матфея, гл. 3, стих 10–11: «3 : 10. Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь. 3 : 11. Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем» // *Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.3&r> (дата обращения: 12.12.2025).*
- ⁶⁵ По контексту документа имеется одна из книг Верховного Завета книга пророка Иезекииля, гл. 38, стих 7: «38 : 7. Готовься и снаряжайся, ты и все поличья твои, собравшиеся к тебе, и будь им вождем» // *Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Ezek.38&r> (дата обращения: 12.12.2025).*
- ⁶⁶ Буквальный текст Евангелия от Матфея, гл. 10, стих 21 (см.: *Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.10&r> (дата обращения: 12.12.2025).*

- ⁶⁷ Эти стихи являются частью пророчества о войне Гога и Магога (гл. 38–39). В стихах описывается последняя битва между силами зла и народом божьим, которая закончится полным поражением врагов и торжеством Бога (см.: Книга пророка Иезекииля, гл. 38 // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Ezek.38&r> (дата обращения: 12.12.2025)).
- ⁶⁸ Псалтирь, псалом 136, стих 9: «136 : 9. Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Ps.136&r> (дата обращения: 12.12.2025).
- ⁶⁹ Книга пророка Исаии, гл. 61, стихи 1–2: «61 : 1. Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение и узникам открытие темницы, 61 : 2. проповедовать лето Господне благоприятное и день мщения Бога нашего, утешить всех сетующих» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Is.61&r> (дата обращения: 12.12.2025).
- ⁷⁰ Откровение Иоанна Богослова, гл. 6, стих 10: «6 : 10. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Apok.6&r> (дата обращения: 12.12.2025).
- ⁷¹ Ввиду отсутствия главы 182 в Откровении Иоанна Богослова, имеется в виду гл. 18, стихи 2–3: «18 : 2. И воскликнул он сильно, громким голосом говоря: пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы, 18 : 3. и цари земные любодествовали с нею, и купцы земные разбогатели от великой роскоши ее (Откр. 18 : 3)» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Apok.18&r> (дата обращения: 12.12.2025).
- ⁷² Откровение Иоанна Богослова, гл. 5, стих 10: «5 : 10. и соделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Apok.5&r> (дата обращения: 12.12.2025).
- ⁷³ Откровение Иоанна Богослова, гл. 11, стих 15: «11 : 15. И седьмой Ангел вострубил, и раздались на небе громкие голоса, говорящие: царство мира соделалось царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Apok.11&r> (дата обращения: 12.12.2025).
- ⁷⁴ Откровение Иоанна Богослова, гл. 20, стих 6: «20 : 6. Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Apok.20&r> (дата обращения: 12.12.2025).
- ⁷⁵ Евангелие от Луки, гл. 11, стих 20: «11 : 20. Если же Я перстом Божиим изгоняю бесов, то, конечно, достигло до вас Царствие Божие» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Lk.11&r> (дата обращения: 12.12.2025).
- ⁷⁶ Откровение Иоанна Богослова, гл. 20, стих 2: «20 : 2. Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Apok.20&r> (дата обращения: 12.12.2025).
- ⁷⁷ Книга пророка Иеремии, гл. 31, стих 31: «31 : 31. Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет» // Азбука веры. URL. <https://azbyka.ru/biblia/?Jer.31&r> (дата обращения: 12.12.2025).
- ⁷⁸ Степан Семенович Кондрушкин (1874/1875–1919), журналист, прозаик. (см.: Отчий дом: сайт. URL. <https://otdom.ru/avtory/k/stepan-kondrushkin> (дата обращения: 12.12.2025)).

- ⁷⁸ Газета «Речь» (1906–1918) — ежедневная газета партии конституционных демократов, издававшаяся в Санкт-Петербурге, главными редакторами которой были П. Н. Милоков и И. В. Гессен (см.: Котов Б. С. Газета «Речь» в дни июльского кризиса 1914 г. // Вестник МГИМО. 2014. № 4. С. 10).
- ⁷⁹ Газета «Русское слово» (1895–1918) — московская либерально-демократическая газета, основанная книгоиздателем И. Д. Сытиным (см.: Божич А. С. Московская газета «Русское слово» после Февральской революции 1917 г. // Гуманитарный вестник. 2023. № 2. С. 1).
- ⁸⁰ Десятина — мера измерения площади, равная примерно 1,09 га. Таким образом наследство Шаталина составляло примерно 0,17 га (см.: Десятина: сколько это? // Государственное предприятие «Проектный институт Могилевгипрозем»: сайт. <https://www.giprozem.by/2025/02/26/десятина-сколько-это/> (дата обращения: 12.12.2025)).
- ⁸¹ Государственная дума Российской империи — высший законодательный орган Российской империи после утверждения Высочайшего Манифеста от 17 октября 1905 г. Деятельность 4-го созыва Государственной думы охватывала период с 1912 по 1917 г. Из 442 депутатов большинство (185) составляли правые и националисты. Председателем 4-й Думы был октябрист М. В. Родзянко (подробнее см.: Анохина З. Н. Четвертая Государственная Дума // *Magistra Vitae* : электронный журнал по историческим наукам и археологии. 1992. № 2. С. 86).
- ⁸² Скобелев Матвей Иванович (1885–1938), член меньшевистской фракции РСДРП, с 5 мая по 6 сентября 1917 г. — министр труда Временного правительства, с июня по 6 сентября — заместитель председателя ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов (подробнее см.: Государственная публичная историческая библиотека России : сайт. URL: <http://1917.shpl.ru/persons/skobelev-matvej-ivanovich> (дата обращения: 12.12.2025)).
- ⁸³ Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) — император Германии.
- ⁸⁴ День Тихвинской иконы Божией Матери (26 июня) — православный праздник в честь Тихвинской иконы Божией Матери, которая, по преданию, была написана апостолом Лукой (см.: Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/days/ikona-tihvinskaja> (дата обращения: 12.12.2025)).

А. М. Лаврёнова,
кандидат исторических наук,
ведущий специалист отдела изучения
и публикации документов ГА РФ

ВИДЕНИЯ, ОТКРОВЕНИЯ И ПРОРОЧЕСТВА В ДОКУМЕНТАХ ТРЕТЬЕГО ОТДЕЛЕНИЯ

В 2026 году исполняется 200 лет со дня основания Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии. Это легендарное учреждение всегда привлекало исследователей, однако тональность и фокус внимания их работ изменялись. От анализа многочисленных сюжетов, связанных с чисто полицейской и репрессивной деятельностью Третьего отделения¹, со временем историки стали все чаще обращаться к изучению неполитических сторон таковой². Впечатляющая широта компетенций Третьего отделения делает его материалы настоящей энциклопедией русской жизни, в которой нашли свое отражение самые разные аспекты действительности, включая даже и такие тонкие материи, как вещие сны, религиозные откровения и пророчества.

Еще в указе от 3 июля 1826 г. о создании Третьего отделения наряду с прочим в обязанность нового учреждения вменялся надзор за раскольниками и сбор сведений о сектах, что делало тайную полицию полноправным наблюдателем за религиозной жизнью страны. Таким образом, сообщения о мистических переживаниях подданных поступали в руки чиновников Третьего отделения, а те, в свою очередь, докладывали о них царю.

Содержание откровений свыше по большей части было вполне ожидаемым для православной традиции и включало в себя призыв к покаянию, отказу от роскоши и т. д. К таковым можно отнести сны 60-летнего есаула Черноморского казачьего войска Емельяна Давыдова. После первого из них, увиденного им в 1851 г., он оставил службу, посвятил себя пустынной жизни и богомолью. Из трех снов, в разное время виденных им, замечательнейший был в 1856 г., во время ко-

торого явился Емельяну Христос, удостоивший его откровения и обязавший его исповедовать таковое перед царем, «князьями мира сего, пред людьми и пастырями духовными», дабы все они покаялись и очистились от грехов, иначе их ожидает строгий суд, внезапная смерть и муки ада. К его рукописи прилагалась красочная иллюстрация, изображающая сцену суда. Для очищения требовалось соблюдение постов, уничтожение роскоши, модных экипажей, «богомерзкого зелья табаку», клубов и маскарадов, упразднение театров и замена их богдельнями, освобождение крестьян от помещичьей власти, а казаков от нужды; разделение земель всем в равной части, назначение дворянам, в вознаграждение за отнимаемое у них умеренного пенсионна, обращение их самих в податное состояние или в купечество, преобразование судов и т. д. «Иди, Емельян, — сказал ему в заключение Глас Божий (на который он отзывался, титулуя оный императорским величеством), — и объяви безбоязненно христианскому царю сие откровение тебе моего гнева, дабы и описание оно, и вначале сего изображенное, было с точностью снято и повелено содержать во всех церквях, монастырях и домах христианских».

Чиновники Третьего отделения предположили, что «духовидец» Давыдов прежде принадлежал к какой-либо секте раскольников, а в настоящее время выжил из ума. Несмотря на это 10 ноября 1857 г. о его сновидениях было доложено царю³.

Среди откровений встречались и содержащие более конкретные указания, нежели рекомендации вести праведную жизнь. Так, например, 3 июля 1829 г. Усть-Байрацкой слободы Воронежской губернии житель Петр Лимарев послал на имя императора прошение о том, чтобы его отвезли в Петербург для объявления тайны, которая, как он сам рассказывал жандарму, состояла в том, что трижды видел сон, «каким средством покорить можно Турцию и восстановить Грецию». 15 сентября 1829 г. о сновидении однодворца Лимарева был сделан всеподданнейший доклад⁴.

О необходимости принятия определенных внешнеполитических шагов шла речь и в откровении, полученном служащим Волынской казенной палаты писцом Стефаном Петрусевичем. В январе 1844 г. Киевский военный губернатор, Подольский и Волынский генерал-губернатор Д. Г. Бибииков прислал А. Х. Бенкендорфу пакет с донесением Петрусевича о явлении ему Свт. Николая Угодника и передаче не-

кой тайны, которую Петрусевич должен был объявить императору. «...1843 года, 6 декабря в день святого Николая Чудотворца и тезоименитства Вашего императорского величества в девять часов поутру во время чтения мною акафиста святому Николаю ... сделалось перед глазами моими сияние, подобное молнии, смотрю и вижу отверстие небес и на облаках сидящего святого Николая, который сказал: “Иди и скажи царю своему, что вера Господа нашего Иисуса Христа чрез умножавшееся развращение рода христианского чрезмерно ослабевает, да истребит он все служащее к развращению и повелит епископам и пресвитерам своим проповедовать народу покаяние, и возьмет все священные места под свое покровительство и не допустит прежде времени их разорения”». Далее, по словам Петрусевича, ночью к нему явился старик, уверил писца в том, что все увиденное ему не почудилось, и снова велел идти к царю. Недолго думая, служащий Волынской казенной палаты явился к генерал-губернатору, который предложил не тревожить царя личным визитом, а изложить послание письменно, и обещал отправить пакет в Петербург, чем Петрусевич, по-видимому, и удовольствовался. Пакет действительно был представлен царю, о чем Д. Г. Бибииков получил от Бенкендорфа уведомление⁵.

Однако благостная картина, где верноподданные делятся своим религиозным опытом с христолюбивым монархом, была изрядно омрачена тем, что «духовидцы» имели тенденцию делиться своими открытиями не только с царем и его представителями в лице местных властей, но и с широкими народными массами, что потенциально угрожало беспорядками. Так, например, 7 ноября 1844 г. в Третье отделение поступило донесение начальника 1-го жандармского округа генерал-лейтенанта Д. П. Полозова о том, что войсковой старшина из Новочеркасска Яков Золотарев сеет в народе панику рассказами о своих сновидениях о близящемся конце мира. Золотарев решил поделиться своими откровениями с Архангельским архиереем Георгием, тот же передал письма смутьяна жандармскому штаб-офицеру, состоящему в Архангельской губернии, подполковнику С. И. Ходневу, ну а тот, в свою очередь, — Полозову. Несмотря на то, что содержанием переписки с Золотовым Преосвященный ни с кем не делился, в Архангельске сделалось волнение, и по этому случаю появилась даже особая молитва⁶. В ходе расследования выяснилось, что Золотарев уже обращался к архангельскому архиерею по аналогичному поводу еще в 1834 г.,

причем тогда он повествовал о пророчестве, якобы полученным неким христороубом еще в 1817 г., но, получив внушение от военных и духовных властей, замолчал на десять лет. Теперь же, повинувшись голосу свыше, решил распространить среди всех архиереев описание видения Христа во сне знакомому священнику, которому было сказано: «Встань утром, облачись вполне в ризы и прочие по своему сану, собери городское духовенство и скажи, что чрез 12 лет будет Второе и славное Христово пришествие». Видение имело место еще в 1834 г., и, хотя этот священник получил указание распространить это послание под угрозой неминуемой смерти на следующий же день, он не заявлял о нем публично, пока ему не повстречался Золотарев, очевидно коллекционировавший такие рассказы, т. к. в своих письмах к преосвященному Георгию он также упоминал о новочеркасском чиновнике, которому было сказано, будто мир простоит еще два с половиной года, т. е. до лета 1845 г. Аналогичные сведения были сообщены «свыше» и ему, Золотареву, однако, согласно его сновидению, конец мира должен наступить не ранее октября 1845 года⁷.

Обо всех художествах 73-летнего мистика Якова Золотарева Наказным атаманом войска Донского было доложено царю, который посчитал, что превратные толкования Писания происходят от расстроенного воображения старика и не относятся к какой-либо ереси, но могут иметь вредное влияние на общественное спокойствие. Вследствие этого император повелел отослать Золотарева в один из монастырей Донской епархии и учредить за ним строгий надзор со стороны духовного начальства, чтобы лишить возможности делиться своими толкованиями с народом⁸.

Иногда сновидцы сами набирались смелости обращаться в Третье отделение, а требования голоса «свыше» были попросту дерзки и неприемлемы. Казалось бы, ничто не предвещало резкого поворота в судьбе служащего в провиантском департаменте Военного министерства помощника столоначальника в чине 10-го класса Платона Петровича Семенова. Этот простой чиновник и набожный человек средних лет жил с семьей на жалованье и доходы от продажи сочиняемых им книг духовного содержания. Однако увиденный им пожар в Зимнем дворце 17 декабря 1837 г. произвел на него такое ошеломляющее впечатление, что в его жизни начали происходить чудеса, о которых он, как водится, поспешил доложить в канцелярию Его величе-

ства. В первом своем послании от 21 декабря, адресованном А. Х. Бенкендорфу, Семенов писал: «...смотря на ужаснейшую стихию огненной лавы, быстро разрушающей знаменитую древность великолепных царских палат, ...я с чистейшим умилением и со слезами святой веры, усердно молил Господа о ниспослании горнего благословения великому духом и вполне доброму царю нашему». И в эту минуту помощник столоначальника услышал «небесный глас, исполненный райской прелестью», который повторял, что тогда только благословение Божие пребудет неразлучно с любезным отечеством нашим..., когда государь наш, сердце которого в руке Божией, благословясь и отечески рассматривая сам божественное предположение мое, внушенное душе моей свыше, ... утвердит оное во всей силе монаршей властью своей». Предположение было неоригинально: употребить власть царя на благо беспомощным, «обремененных беспокровной бедностью». Кроме того, Семенов предлагал издавать больше духовных книг, называя данное предприятие «Божественной библиотекой»⁹.

К первому письму Бенкендорф отнесся снисходительно и велел составить вежливый сдержанный ответ: «Нельзя не уважить чувств Ваших и не признать их прекрасными, но я не докладывал его императорскому величеству всеподданнейшей Вашей просьбы, потому что государь не изволит и не может входить в рассмотрение подобных Вашему предположений, минуя властей, для сего установленных»¹⁰.

Однако Семенова было не остановить: он продолжал помогать царского внимания, а просьбы его, якобы внушенные ему голодом, делались все более наглыми. 31 декабря он уже просил перевести его во флигель-адъютанты, чтобы он мог «творить добро, благодетельствовать и по возможности быть полезным истинно нуждающимся и беспомощным семействам обширной России», а в марте он уже желал быть до конца дней своих Императорским благотворительным попечителем сирот и бедных, причем чтоб ему ежегодно отпускалось из Царского кабинета или из Канцелярии императорских театров по 200 тыс. руб.

В апреле «голос свыше» перешел к угрозам: «Аще же царь твой не приблизит тебя к себе навсегда с христианскою любовью и не дарует тебе средств на совершение по благому желанию твоему небесной добродетели до гроба жизни твоей, тогда, по святой воле всемогущего, кроме внезапной смерти супруги его, совершатся еще два великие

несчастья». Под последними имелось в виду уничтожение Зимнего дворца и «Вавилонского здания» Исаакиевского собора «от сильной грозы Божией»¹¹.

Новые откровения Семенова попали-таки в руки царя, и тот решил, что «подобными предметами не шутят», и поручил удостовериться, в здравом ли сновидец рассудке, и отправить его на увещание надежному священнику¹². Выбор пал на придворного протоиерея В. Бажанова, но тот не смог убедить Семенова усомниться в реальности своих откровений, и потому Семенов был уволен из провиантского департамента, и его было велено определить, по усмотрению министра внутренних дел, в какую-либо губернию вторым смотрителем гражданского госпиталя, чтобы там он мог явить дела христианского человеколюбия, о которых грезил¹³. Однако по штатам при больницах, состоящих в ведомстве Министерства внутренних дел, полагался только один смотритель, и потому с определением Семенова на службу возникли проблемы¹⁴. Он был отправлен сперва в Ярославль, но места так и не получил и едва не вверг свое семейство в разорение, пока, наконец, не был определен на имеющуюся вакансию смотрителя и эконома при Черниговских богоугодных заведениях¹⁵. На поступившие, было, протесты со стороны Семенова, который к 1840 году успел порядком надоесть чиновникам тайной полиции, управляющий Третьим отделением Л. В. Дубельт положил резолюцию: «Должен ехать, другого места нет, чтобы не дурачился, а то будет еще хуже»¹⁶. Однако Семенов объявил, что лучше «подвергнет себя голодной смерти», чем поедет в Чернигов, окончательно разозлив Дубельта: «На его место назначить другого, а ему объявить, что он уже никогда никакого не получит, а засим прекратить и жалуемое ему содержание»¹⁷. Поняв, что перегнул палку, Семенов начал жаловаться на здоровье, писать покаянные письма и искать поддержки у протоиерея Бажанова, а затем все-таки выехал к месту службы¹⁸, в то время как его жена и теща, оказавшиеся в самом бедственном положении, обливаясь слезами, обивали пороги Третьего отделения. И все это, как ни странно, имело действие: по всеподданнейшему докладу ему было выдано пособие в 200 руб. серебром¹⁹.

С одной стороны, внимательное отношение православного царя к мистической составляющей религиозной жизни своего народа не вызывает противоречий; с другой стороны, докладами о неко-

торых из этих «посланий свыше», заведомо фантастических, едва ли было уместно занимать время самодержавного монарха. Особенно трагикомично эти донесения выглядели в период, когда противоположительственные организации подняли головы, и политической полиции явно было чем заняться, помимо видений экзальтированных барышень, не брезгующих шарлатанскими приемами во исполнение своих корыстных целей. И, тем не менее, ни Третье отделение, ни сам царь не обделили вниманием прибывшую из-за границы в июне 1866 г. некую Сарре де Вор (Sarret de Vaur), спиритку и магнетизерку, обратившуюся со всеподданнейшей просьбой о разрешении ей лично передать императору Александру II откровение, сообщенное ей, будто, духом его покойного отца, императора Николая I. Возвышенная просьба сопровождалась ходатайством о пособии, на каковое царь собственноручно наложил резолюцию: «Пускай напишет мне в собственные руки, если действительно имеет мне что сообщить» и велел выдать ей 50 р. Окрыленная успехом, барышня тут же стала просить о предоставлении ей должности доктора магнетизера при одной из столичных больниц, однако эта ее просьба была оставлена без последствий, после чего она на несколько лет пропала. Объявилась она вновь в октябре 1870 года, прося Третье отделение об участии в судьбе своей младшей дочери Эрмины, оставленной ей в России на попечение чужой семьи. В знак же своей признательности она препроводила при письме на имя шефа жандармов стихи, посвященные императору, внушенные ей, будто, духом Шиллера. Затем спустя два года, в ноябре 1872 г., Сарре де Вор, проживая в Париже, обратилась с новым ходатайством о выдаче ей пособия для печатания сочинений ее о спиритизме и магнетизме: ей срочно понадобились деньги для определения сына ее в какое-либо учебное заведение, так как все состояние спиритки было растрчено ее супругом²⁰.

Если «магнетизерка» силилась прикрыть тонкими материями собственный меркантильный интерес, то послания юной Рахили Деспот-Зенович поначалу были вполне бескорыстны. С 1846 г. этой болезненной и набожной дворянке Минской губернии Свт. Николай Чудотворец, являясь много раз во сне, предсказывал восстание народов против властей и поручал царю стеречь Россию, не вмешиваясь в чужие государства, при этом Святитель вручил Деспот-Зенович железный ключ для передачи императору, дабы ключом сим запереть накрепко Россию.

Императрица Мария Федоровна являлась ей два раза в 1848 и 1849 гг. и убеждала ее исполнить приказание Святителя. Тем не менее писать царю она не отважилась и о своих видениях сообщила сначала наместнику Царства Польского графу И. Ф. Паскевичу, по распоряжению которого была свидетельствована в Виленском губернском правлении, причем было замечено некоторое расстройство в ее умственных способностях, и потому над ней учрежден был надзор. Видения продолжались, и в 1849 г. она, наконец, изложила все увиденное в письме к императору Николаю I. По ее словам, Свт. Николай сообщил ей три условия, «под которыми сохранится Империя Российская», и повелел никому об этом не рассказывать, а передать лично царю. Тогда к ней был командирован родной ее дядя подполковник Корпуса жандармов А. М. Деспот-Зенович, находившийся в то время в Костромской губернии, которому было поручено узнать от нее об известных ей откровениях, удостовериться в её психологическом состоянии. Трех условий, под которыми сохранится империя, девица Деспот-Зенович своему дяде не открыла, но отдала ему адресованный на высочайшее имя пакет, в котором на польском языке эти условия были изложены:

- «1. Чтобы его величество добровольно отдал Польше и присоединенным к России губерниям собственные их права.
2. Чтобы простить всех государственных преступников и возвратить их на родину.
3. Чтобы его величество возвысил нравственность и просвещение в государстве, избрав исполнителями власти лиц, истинно благородных, и чтобы для России дарованы были законы, соответственные духу западных народов»²¹.

По замечанию подполковника Деспот-Зеновича, его 23-летняя племянница пребывала в полном рассудке и была вполне честна, так что он не предполагал с ее стороны какого-либо обмана, но отмечал, что, при ее мечтательном характере и периодическим «приливам крови к голове», она, вероятно, в этом состоянии видела во сне все то, о чем рассказывала. При этом он отмечал, что, воспитанная матерью пламенной польской патриоткой, племянница любила Польшу и ненавидела Россию, но была предана Николаю I и видела в нем великого гения.

Подполковник Деспот-Зенович велел Рахили, чтобы она впредь не утруждала своими просьбами императора и обращалась с таковыми к начальнику 4-го округа Корпуса жандармов, отца же он просил при-

смаатривать за дочерью. Однако в 1851 г. она вновь обращалась к императору с письмом, в котором, упоминая о новом откровении Николая Чудотворца, просила прислать к ней великого князя Константина Николаевича. В ответ на это новое послание, по высочайшему повелению, через дядю-жандарма, ей было предложено приехать в С.-Петербург и объявить тайну лично царю. На это предложение императора она ответила, что, согласно предостережениям свыше, она не может ехать в столицу, и вновь просила о приезде к ней великого князя. Поняв, что визита Константина Николаевича не последует, она писала, что решила открытть известные ей обстоятельства лично государю, но только не в Петербурге, а в одном из городов, чрез которые тот будет проезжать в случае путешествия — в этом ей было отказано²².

В дальнейшем девица Деспот-Зенович повзрослела, вышла замуж за помещика Дисненского уезда Бржостовского, и мистика уступила место политике, что снова сделало ее героиней жандармских донесений. Жандармский полковник А. М. Лосев сообщал, что «главная ее деятельность в жизни сосредоточена на польском патриотизме: во всех бывших демонстрациях в костелах при пении возмутительных гимнов она везде, наряженная в траурный польский костюм, являлась впереди всех и увлечение ее в этом случае доходило почти до сумасшествия; впрочем, большого влияния на общество иметь она не может, потому что увлекается до крайности и чрез это в глазах самих поляков кажется странной и смешной». Экзальтированная особа на каждом шагу высказывала явное пренебрежение ко всему русскому, собирала у себя в доме молодых поляков и участвовала в сборе денег на польское дело. Все это, впрочем, не помешало ей снова обратиться с просьбой к царю, когда ее финансовое благосостояние оказалось под угрозой²³. Для пущей убедительности в своем письме она напоминала о своей славе провидицы, ссылаясь на публикацию в журнале «Русская старина»²⁴.

Бывало, что таинственные явления, нашедшие отражение в документах Третьего отделения, имели вполне определенные последствия для религиозной жизни империи. Так, царская политическая полиция наравне с Синодом пристально наблюдала за обстоятельствами, сопровождавшими открытие мощей и канонизацию св. Митрофана Воронежского²⁵, к гробу которого в 1830 г. началось стихийное паломничество. Многие богомольцы заявляли о чудесном исцелении от не-

дугов. В середине июля 1831 г. прапорщица Марья Яковлева три раза видела во сне «в монашеском одеянии особу неизвестну с седою бородой», которая приказывала довести до сведения царя через соответствующих чиновников о необходимости открыть мощи первого воронежского епископа. Прапорщица обратилась в канцелярию обер-полицмейстера, где о ее видениях были составлены соответствующие бумаги, которые затем были препровождены в Третье отделение. Среди прочего Яковлева передавала полученное от епископа предостережение, что «когда мощи откроют, холера в России прекратится, а если не откроют, то и государь не избегнет такой же смерти»²⁶.

В документах Третьего отделения встречаются упоминания об аналогичном чудесном явлении 9-летней девочке, которой угодник Божий приказал объявить, чтобы отыскиали его мантию, указав место, где она хранилась, и сказав, что все, прикасающиеся с верой, будут получать исцеление²⁷. Находившийся в контакте с обер-прокурором Святейшего Синода князем П. С. Мещерским А. Х. Бенкендорф получил от него также сведения, будто Воронежскому епископу Антонию Митрофан явился дважды: сперва во время молебна, а потом 23 ноября вместе с Преподобным Тихоном Задонским, который сказал, что его молитвами спасена Воронежская губерния будет от холеры. В Задонске он являлся затворнику, которому велел звонить в колокола, и когда народ сбежался, то затворник рассказал о том, что видел, а на небе появилось огромное светлое облако, которое шло напрямиком на Воронеж²⁸.

История эта, в отличие от предшествующих, завершилась счастливо — обретением мощей и канонизацией св. Митрофана Воронежского, за чем Третье отделение наблюдало, кажется, не менее пристально, чем сам Синод.

Сохранение этих увлекательных историй, столь живо и ярко передающих дух минувшей эпохи, достигалось за счет чудовищного распыления весьма немногочисленных средств Третьего отделения. Парадоксально, но о вещах, заведомо ложных и не стоящих внимания и канцелярского чиновника, находили уместным регулярно докладывать императору. Но если благодарным потомкам не приходится сетовать на подобную всеядность и дотошность Бенкендорфа и его преемников, то высшему правящему классу империи очень скоро пришлось пожалеть о том избыточном внимании, каковое оказывалось чинами высшей политической полиции сновидцам и «магнетизеркам».

Примечания

- ¹ *Троицкий И.* III отделение при Николае I. Л., 1990; *Чукарев А. Г.* Тайная полиция России: 1826–1855 гг. М.; Жуковский : Кучково поле, 2005.
- ² *Абакумов О. Ю.* Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг. М., 2017; *Макарова Н. В.* Состояние благотворительности в российском обществе в эпоху царствования Николая I по сведениям III отделения // Вестник Ярославского государственного университета им. П. П. Демидова. Сер. Гум. науки. 2011. № 2. С. 29–33; *Скрыдлов А. Ю., Пивоваров Е. Г.* Архив III отделения Собственной его императорского величества канцелярии о Русском географическом обществе // Вопросы истории естествознания и техники. Т. 44. 2023. № 2. С. 341–352.
- ³ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1857 г. Оп. 32. Д. 341. Л. 5–6.
- ⁴ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1829 г. Оп. 4. Д. 341. Л. 1–2.
- ⁵ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1844 г. Оп. 19. Д. 27.
- ⁶ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1844 г. Оп. 19. Д. 200. Л. 1–1 об.
- ⁷ Там же. Л. 2–3 об.
- ⁸ Там же. Л. 5–6.
- ⁹ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1838 г. Оп. 13. Д. 237. Л. 1–2.
- ¹⁰ Там же. Л. 6–6 об.
- ¹¹ Там же. Л. 8.
- ¹² Там же. Л. 7.
- ¹³ Там же. Л. 20–20 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 22.
- ¹⁵ Там же. Л. 66.
- ¹⁶ Там же. Л. 78.
- ¹⁷ Там же. Л. 83.
- ¹⁸ Там же. Л. 87, 96.
- ¹⁹ Там же. Л. 99.
- ²⁰ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2421. Л. 31–31 об.
- ²¹ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1848 г. Оп. 23. Д. 224. Л. 41.
- ²² Там же. Л. 93–97.
- ²³ Там же. Л. 100.
- ²⁴ Предсказательница войн России 1849 и 1854 гг. Из бумаг покойного генерал-лейтенанта В. Ф. Ратча // Русская старина. 1874. Т. 11. Кн. 10. С. 315–329.
- ²⁵ *Фирсов С. Л.* Святой империи. К истории канонизации святителя Митрофана Воронежского в 1832 году // Христианское чтение. 2020. № 4. С. 184–198; *Зеленина Я. Э.* Митрофан [Почитание] // Православная энциклопедия. М., 2017. Т. XLV. С. 445.
- ²⁶ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1831 г. Оп. 6. Д. 467. Л. 3 об.
- ²⁷ Там же. Л. 5.
- ²⁸ Там же. Л. 8.

Е. В. Пчелов,
*кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой вспомогательных
исторических дисциплин и археологии Историко-
архивного института РГГУ, ведущий научный
сотрудник Института истории естествознания
и техники им. С. И. Вавилова РАН*

ПУТИ СООБЩЕНИЯ ПО СУШЕ В ГЕРАЛЬДИКЕ СТАРИННОЙ И НОВОЙ

Александр Сергеевич Сенин — признанный специалист по истории транспорта в России (в первую очередь, железнодорожного), и поэтому обращение в сборнике, ему посвящённом, к обозначенной в заглавии теме представляется более чем уместным.

В первую очередь нужно остановиться на отечественной геральдике, прежде всего территориальной, которая системно стала формироваться в XVIII веке. Нет необходимости говорить о том, насколько огромное значение для экономической, экологической и культурной истории России (как и практически любой другой страны) имели пути сообщения, в том числе и по суше. Естественным образом пути сообщения должны были найти отражение и в территориальной символике, примером чему служит обилие гидрографических объектов, теми или иными способами представленных в городских гербах дореволюционной России¹. Но в отличие от водных путей сообщения сухопутные обозначены в российских гербах прошлого гораздо скромнее. Их изображения встречаются сугубо спорадически, причём среди этих единичных примеров можно выделить несколько типов символизации.

Один из них — это непосредственное изображение дорог как таковых. Оно встречается всего в двух городских гербах. Так, в гербе города Крестцы Новгородской губернии², утверждённом 16 августа 1781 г., — «две большие дороги, перешедшие одна другую, крестообразно, в зелёном поле; означают истинное имя сего нового города»³. Город Крестцы назван в указе новым, поскольку он получил этот ста-

тус только в 1776 г. Значение расположения города на перекрёстке дорог из Новгорода в Москву и из Пскова в Вологду подчёркивалось также сооружением в нём путевого дворца императрицы, а большинство жителей Крестцев занимались в те времена ямщицким промыслом.

Дороги в гербе изображались реалистично — они и обозначали характерные географические особенности, и выполняли функцию гласных фигур, символизируя само название города. Зелёное поле щита выглядело естественным, поскольку дороги сопровождались травой, а сами дороги, несмотря на то что их расцветка в описании герба отсутствовала, изображались золотыми (иногда натурального цвета).

Второй герб с изображением дороги — это герб города Новоалександровска Ковенской губернии, утверждённый 6 апреля 1845 г.⁴ Сам город был переименован Николаем I в честь своего сына и наследника будущего Александра II (прежнее название — Езёрсы, ныне Зарасай в Литве). В нижней части герба — «шоссе и при нём, на пригорке, обелиск, воздвигнутый в 1841 г. по Высочайшему повелению в память сооружённого Ковенского шоссе». Действительно, в первой половине 1830-х гг. было проведено Ковенское шоссе, соединившее Динабург (ныне Даугавпилс) с Ковно (Каунасом) на расстоянии 193 вёрст, на общем пути тракта Санкт-Петербург — Варшава.

На рисунке самого герба шоссе плохо видно, зато хорошо заметен обелиск, поставленный на ступенчатом возвышении на пригорке рядом с дорогой по проекту некоего Петра Штайнкелера. Обелиск изображался серебряным в лазуревом поле. К счастью, он сохранился до наших дней (менялись только памятные таблички на нём) и является одной из достопримечательностей Зарасая (сам город теперь имеет совсем другой герб).

Другой тип символизации сухопутных дорог — не реалистичное их изображение, а обозначение с помощью иных гербовых фигур, на них указывающих. Такая традиция представлена в ряде гербов, связанных с восточными регионами Российской империи и восточной торговли. В качестве «стандартной» фигуры здесь выступает верблюды, навьюченный товарами.

Впервые он появляется ещё в 1782 г. в гербе Челябинска. Этот герб удостоился утверждения 8 июня 1782 г. в составе комплекса гербов Уфимского наместничества⁵. В нём, в нижней части, «навьюченный

верблюд в знак того, что в сей город оных довольно с товарами при-
водят». Хотя в описании герба не указывались тинктуры, но в цвет-
ных изображениях верблюд был натурального цвета в серебряном по-
ле и стоял на зелёной земле. Изображался он в виде одногорбого вер-
блюда, т. е. дромедара.

В гербе Петропавловска Тобольской губернии (позднее Акмолин-
ской области, ныне областной центр Казахстана), утверждённом 7 сен-
тября 1842 г.⁶, в нижней половине «в серебряном поле на горе вер-
блюд, навьюченный двумя тюками наперевес и ведомый за верёвку Ази-
атцем». Сама фигура навьюченного верблюда и серебряное поле щита,
безусловно, отсылали к гербу Челябинска, но, в отличие от него, в гер-
бе Петропавловска были изображены двугорбый верблюд (бактриан),
а также ведущий его вьючник в восточном одеянии. Двугорбый верблюд
прямо отсылал к Средней Азии, а гора, по-видимому, означала Кокше-
таускую возвышенность, расположенную к югу от Петропавловска.

23 ноября 1851 г. был утверждён герб Семипалатинска (на момент
утверждения герба Томской губернии, затем центр Семипалатинской
области, ныне Семей в Казахстане)⁷. Его официальное описание та-
ково: «На лазоревом поле щита золотой навьюченный верблюд и над
ним серебряные луна и пятиугольная звезда». Этот герб был состав-
лен на основании местного проекта городского герба, в одной из ча-
стей которого был изображён верблюд «с навьюченными на нём тю-
ками в знак торговли на караванах с соседними азиатами⁸, т. е. кара-
ванной торговли с народами Средней Азии. Это был также дромедар,
но от своего челябинского собрата герб отличался лазуревым полем
щита, цветом самого верблюда и восточными символами — полумеся-
цем со звездой над ним. Караванная торговля, связывавшая Западный
Китай с Россией по Великому Шёлковому пути, таким символическим
образом была со всей очевидностью отражена в этом гербе.

Последние торговые верблюды появились в гербах среднеазиат-
ских городов уже в начале XX века. В гербе города Красноводска За-
каспийской области (ныне Туркменистан), утверждённом 22 октя-
бря 1908 г.⁹, «в червлёном щите серебряный пояс, обременённый тре-
мя навьюченными натуральными верблюдами в ряд. Пояс сопрово-
ждают: сверху — золотая о шести лучах звезда, снизу — свернувшаяся
в кольцо таковая же рыба». Город расположен на побережье Каспий-
ского моря, и пояс с верблюдами бактрианами, составляющими кара-

ван, надо думать, символизирует торговое значение города, к которому ведут сухопутные пути Средней Азии.

В гербе Казалинска Сыр-Дарьинской области (ныне Казалы, Казахстан), утверждённом 21 апреля 1909 г.¹⁰, «в чёрном щите, на золотой земле, натуральный навьюченный верблюд, сопровождаемый сверху золотым трезубцем». Этот верблюд изображён в виде дремедара, но, в отличие от своих более «ранних» собратьев, показан в движении, а не стоящим. Казалинск находится на берегу Сырдарьи, недалеко от её устья и когда-то существовавшего Аральского моря. Ясно, что и в данном случае идущий верблюд означал азиатскую сухопутную торговлю и расположение города на торговых путях.

14 апреля 1910 г. был утверждён герб города Джизак Самаркандской области (ныне Узбекистан)¹¹, в котором «в серебряном щите, наверху червлёный крепостной (зубчатый) пояс, внизу чёрный навьюченный верблюд». Цвет поля щита напоминает гербы Челябинска, Петропавловска и Красноводска, но цвет верблюда дремедара (как и в гербах Челябинска, Семипалатинска и Казалинска) не натуральный, а чёрный (на рисунке герба из «Полного собрания законов Российской империи» верблюд изображён очень реалистично). Крепостная стена отсылает к этимологии названия («маленькая крепость») и к реальному состоянию города в XIX веке. Верблюд же вновь означает транзитную торговлю, поскольку Джизак с древних времён был важным пунктом на Великом шёлковом пути.

Итак, во всех этих случаях в городских гербах нашли отражение торговые пути, связывавшие Азию с Европой и, следовательно, важнейшие сухопутные дороги, проходившие в восточных регионах Российской империи.

Более современные способы передвижения в российской дореволюционной геральдике могли изображаться лишь условно (например, в виде крылатого колеса в родовых и личных гербах), но и их присутствие в городских гербах не прослеживается. Основанием для такого положения служили официальные правила Гербового отделения Департамента Герольдии 1859 года, в которых говорилось, что «гербы суть эмблемы, составленные по известным средневековым геральдическим правилам», и потому «все встречающиеся в гербах фигуры должны непременно иметь средневековую форму, почему в эмблемы гербов нельзя допускать... паровых машин, пистолетов, ружей и дру-

гих новейших предметов»¹². Понятно, что в соответствии с этим никак не мог быть утверждён самобытный проект герба города Асхабада (позднее Ашхабада, Ашгабата), в котором в верхней части был изображён торговый караван верблюдов, а в нижней — железная дорога с едущим по ней поездом¹³.

Иная ситуация сложилась в зарубежной геральдике. По подсчётам В. В. Мишина, в мировой территориальной геральдике насчитывается более 50 гербов с символами железнодорожного транспорта, чуть меньше, чем с символами наземного транспорта, и существенно меньше, чем с символами водного (таковых более 850)¹⁴. Такое соотношение, кстати, характерно и для русской дореволюционной территориальной геральдики, где водные пути сообщения представлены во много раз богаче, нежели сухопутные. В части гербов железнодорожный транспорт представлен с помощью изображений колёс, в т. ч. характерных для локомотивов или крылатых, в других случаях можно увидеть изображения железнодорожного полотна, паровозов и локомотивов более высокого уровня¹⁵. Наиболее старым среди гербов последней группы является герб английского города Суиндона, утверждённый в 1901 г. Здесь изображение паровоза представлено в главе щита, а крылатое колесо — в одной из частей¹⁶. Суиндон является не только важным транспортным узлом Англии, но и старым центром по производству локомотивов, благодаря которому город и получил своё развитие.

Паровозы изображены также в гербах английских городов Дарлингтона (также в главе щита, подобно гербу Суиндона; в городе была открыта первая английская железная дорога и позднее основан крупный паровозостроительный завод) и Эшфорда (в Суррее), португальских районов Дойш Портуш и Вилар-Формозу, канадского города Лондон (в качестве нашлаемника; там тоже было налажено производство локомотивов). В некоторых случаях локомотивы изображены в изометрии (для геральдики мало характерной) и в составе целого поезда, как в гербах французского города Ран-де-Флье (получившего развитие благодаря железнодорожной станции на магистрали Париж — Кале) или города Оруро в Боливии (через этот город прошла первая железная дорога страны). Изображения локомотивов встречаются даже в африканской геральдике (герб города Гверу в Зимбабве¹⁷). Конечно, реалистичные изображения локомотивов и поездов в пейзаже, представляющие собой в большей степени картинку, неже-

ли герб, присутствуют в геральдике современного времени и в странах с неорганичной для них геральдической культурой.

В советский период в городской псевдогеральдике железнодорожный транспорт также получил некоторое отражение. Так, в гербе Барановичей 1981 года был изображён стилизованный золотой паровоз в красном поле, перешедший в более реалистичном виде и в современный герб¹⁸. Это объясняется тем, что сам город обязан своим развитием построенной к 1871 г. Московско-Брестской железной дороге. Уже в наше время традицию продолжил другой белорусский город — Осиповичи, возникший благодаря железнодорожной станции на Либаво-Роменской железной дороге, построенной К. Ф. фон Мекком. В гербе Осиповичей, утверждённом в 2005 г., чёрный локомотив в серебряном поясе¹⁹.

В 1968 г. был создан герб литовского города Кайшядорис, вскоре упразднённый и возрождённый уже в 1996 г.²⁰ Этот город также обязан своим развитием строительству железнодорожной линии Кайшядорис — Лиепая на магистрали, связывавшей Санкт-Петербург с Варшавой. Изобразительное решение герба оказалось чрезвычайно удачным. В чёрном щите помещены расположенные друг над другом и движущиеся в противоположные стороны стилизованные изображения четырёх серебряных скачущих коней. У них длинные, волнообразные, развевающиеся гривы и круглые красные глаза. Серебряные скачущие кони означают поезда, их гривы словно паровозный дым, а глаза как паровозные фонари. Серебряный цвет коней обозначает металл железнодорожных составов, а чёрный цвет поля — уголь, который когда-то служил паровозным топливом. Сама же железнодорожная развилка показана разнонаправленным движением коней. Так с помощью символического языка представлена местная городская специфика, которую в ином случае можно было бы показать с помощью более-менее реалистичной картинки.

В современной российской геральдике железные дороги также могут быть обозначены разными способами, порой даже не всегда очевидными. Если изображение локомотивного колеса в гербе города Унеча Брянской области можно считать вполне традиционным (город возник в конце XIX века после строительства железнодорожной станции на участке Полесской железной дороги от Гомеля до Брянска²¹, то в «тонком» серебряном и чёрном поясе герба Новосибирска,

представляющем собой, по сути, просто линию, сложно усмотреть знаменитую Транссибирскую магистраль²². К сожалению, современным отечественным геральдистам ещё очень далеко до высокой геральдической культуры дореволюционной России.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: Пчелов Е. В. Пути сообщения в территориальной и городской геральдике Московского царства и Российской империи // Журнал регионалистики, культуры, истории науки: Сб. статей к 70-летию доктора исторических наук И. Н. Юркина / ИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН. М., 2023. С. 345–357.
- ² О нём см.: Истомина Э. Г. Крестцы. Новгород, 1968.
- ³ ПСЗ РИ-1. Т. XXI. СПб., 1830. № 15 209. С. 222. Ср.: фон Винклер П. П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. СПб., 1900. С. 78.
- ⁴ ПСЗ РИ-2. Т. XX. Отд. 1. СПб., 1846. № 19 084. С. 449. Ср.: фон Винклер П. П. Указ. соч. С. 104.
- ⁵ ПСЗ РИ-1. Т. XXI. № 15427. С. 579. Ср.: фон Винклер П. П. Указ. соч. С. 165.
- ⁶ ПСЗ РИ-2. Т. XVII. Отд. 2. СПб., 1843. № 16351. С. 230–231. Ср.: фон Винклер П. П. Указ. соч. С. 119.
- ⁷ ПСЗ РИ-2. Т. XXVI. Отд. 2. СПб., 1852. № 25767. С. 136. Ср.: фон Винклер П. П. Указ. соч. С. 135.
- ⁸ Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 130.
- ⁹ ПСЗ РИ-3. Т. XXVIII. Отд. 1. СПб., 1911. № 31079. С. 767–768.
- ¹⁰ ПСЗ РИ-3. Т. XXIX. Отд. 1. СПб., 1912. № 31731. С. 271–272.
- ¹¹ ПСЗ РИ-3. Т. XXX. Отд. 1. СПб., 1913. № 33359. С. 528.
- ¹² См.: Борисов (Ильин) И. В. Родовые гербы России. М., 1997. С. 86.
- ¹³ Геральдикум: сайт. URL. <https://heraldicum.ru/turkmen/towns/ashabat.htm>. Официально утверждённый в 1908 г. герб этого города был иным.
- ¹⁴ Мишин В. В. Символы транспорта в территориальной геральдике // Гербовед. 2004. № 67. С. 77.
- ¹⁵ Там же. С. 86–87.
- ¹⁶ Изображения этого и других упоминающихся гербов представлены в приложении к статье В. В. Мишина на цветной таблице 10.
- ¹⁷ С этим городом связана интересная история подготовки местного спортсмена-марафонца к Олимпийским играм 1968 года, обгонявшего курсировавший между городами Гверу и Селукве (Шуругви) пассажирский поезд.
- ¹⁸ См.: Геральдикум: сайт. URL. <https://heraldicum.ru/belarus/subjects/towns/baranov.htm>.
- ¹⁹ См.: Геральдикум: сайт. URL. <https://heraldicum.ru/belarus/subjects/towns/osipovic.htm>.
- ²⁰ The heraldry of Lithuania / Compiled by Edmundas Rimša. Vilnius, 2008. P. 195–196.
- ²¹ См.: Геральдикум: сайт. URL. <https://heraldicum.ru/russia/subjects/towns/unecha.htm>. В псевдогербе советского времени было изображение локомотива анфас.
- ²² См.: Геральдикум: сайт. URL. <https://heraldicum.ru/russia/subjects/towns/novosib.htm>.

О. Г. Санин,
*кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и организации архивного
дела Историко-архивного института РГГУ*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ:

**создание, структура и первые годы
деятельности**

Радикальные реформы Петра I привели к значительным изменениям структуры государственного аппарата. Старая приказная система не могла в полной мере обеспечить всё возрастающие нужды государственного управления, требовала непрерывной модернизации и замены на новые, более современные формы государственного управления. Это в конечном счёте привело к замене в 1717–1720 гг. системы приказов на систему коллегий, заимствованную в основном из шведских и датских образцов. Подобные перемены касались всех систем государственного управления, в том числе и системы управления внешней политикой. В первой четверти XVIII в. перед Россией встают новые сложные внешнеполитические задачи: борьба за выход к Балтийскому и Чёрному морям, проникновение в Закавказье и Среднюю Азию, расширение участия в делах Европы. Новые задачи требовали и новых, более передовых и современных методов управления внешней политикой, и Старый Посольский приказ с новыми задачами справиться не мог. Мешала чрезмерная бюрократизированность его аппарата, а также наличие ряда специфических внутрисполитических функций (финансовое и административное управление рядом городов и народов, входивших в состав России). В этой связи остро стоял вопрос о создании новой системы управления внешней политикой, заимствованной из передовых западноевропейских образцов.

Началом преобразования Посольского приказа в Государственную Коллегию Иностранных Дел принято считать создание в 1702 г. По-

сольской Походной канцелярии. В отличие от Посольского приказа там уже явно преобладали внешнеполитические дела¹.

С 1709 г. она обосновалась в Санкт-Петербурге и из временного учреждения превратилась в постоянное². При этом Посольский приказ продолжал функционировать как самостоятельное учреждение. В результате сложилось своеобразное «двоецентрие» в руководстве внешнеполитическим ведомством: Посольская канцелярия в Петербурге и Посольский приказ в Москве. В ведении Посольского приказа продолжали находиться многие второстепенные внешнеполитические дела и функции, а также дела по территориальному управлению и сбору налогов с подведомственных земель. Тем самым он являлся источником финансирования внешнеполитической деятельности. Кроме того, приказ продолжал оставаться главным хранилищем внешнеполитических документов, в том числе и образованных Посольской канцелярией.

Идея создания коллегий впервые документально зафиксирована в 1712 г.³ Но вплотную к их созданию Пётр приступил весной 1715 г. 23 марта он передал в Сенат записку с названиями 6 коллегий, в том числе «Канцелярии Иностранных дел». Отправленный в Копенгаген генерал-адъютант П. И. Ягужинский должен был передать послу В. А. Долгорукову «дабы... все Коллегии и чинов звания, и должность каждой Коллегии и каждого в оной» узнал и сообщил в Петербург⁴.

В связи с начавшимся формированием коллегий изменяется соотношение между Посольской канцелярией и Посольским приказом. Функции внешнеполитического ведомства теперь полностью сосредотачивались в Канцелярии. В 1715 г. канцлер Г. И. Головкин писал в Москву секретарям Посольского приказа М. Ларионову и М. Шафирову, что они должны только принимать приходящие из губерний деньги и исполнять присланные из Канцелярии письма⁵. Но и сама Посольская канцелярия не имела полномочий решать важнейшие внешнеполитические дела, в ней лишь готовились проекты решений. Сами эти решения окончательно принимались в Сенате, причем собирався не весь Сенат, а лишь те его члены, которые имели ранг «тайных действительных советников». Эти собрания проходили часто в доме Г. И. Головкина и назывались «Тайный иностранных дел коллегиум».

Он просуществовал до 5 апреля 1716 г. Тогда же Посольскую канцелярию переименовали в Посольскую коллегия⁶. По именному ука-

зу 11 декабря 1717 г. штат коллегии (в том числе и Посольской) состоял из президента, вице-президента, 4 коллегий советников, 4 коллегий асессоров, 1 секретаря, 1 нотариуса, 1 актуария, 1 регистратора, 1 переводчика, старых, средних и младших подьячих. С 1718 г. президенты начинали формировать штаты и заседать в Сенате. В 1719 г. коллегии приступили к работе и с 1720 г. должны были управляться и функционировать «новым образом»⁷. 15 декабря 1717 г. президентом Посольской коллегии был назначен Г. И. Головкин, вице-президентом П. П. Шафиров.

К осени 1718 г. формирование коллегий было завершено, и Пётр назначил «два дни в недели, а имянно: вторник да четверг» для заседания Сената с участием президентов коллегий. Прибывшим в Сенат предписывалось, чтобы «лишних слов и болтанья не было, но то время ни о чём ином, только о настоящем говорить. Тако же, кто станет говорить речи, другому не перебивать, но дать окончать, и потом другому говорить, как честным людям надлежит, а не как бабам — торговкам»⁸. Тогда же и было окончательно введено новое название: «Государственная Коллегия иностранных дел» и были уточнены её функции.

13 февраля 1719 г. была завершена работа над «Определением Коллегии иностранных дел». Этот документ по существу является регламентом КИД. Он рассматривает структуру коллегии, штатные расписания и личный состав, порядок прохождения дел.

«Определение» сохранилось в трёх редакциях, сопоставление которых позволяет не только раскрыть процесс создания документа, но и понять его особую значимость и важность для функционирования коллегии. Первая редакция представляет собой тезисы, написанные лично Петром и содержащие основные положения, доработанные в последующих редакциях.

Прежде всего, Пётр утверждал функциональный принцип управления как основной принцип коллегии: «Делам быть тут только тем, которые касаются до иностранных государств». Однако полностью построить работу коллегии по новому принципу, освободить её от управления национальными окраинами и пограничными территориями было невозможно, ибо положение в этих землях существенно влияло на внешнюю политику России. Поэтому украинские, калмыцкие и донские дела (а также дела административные и финансовые) были временно сохранены за коллегией, но сосредоточены «в особом

апартамента в ведении и управлении капитана Горохова»⁹. Был назначен и руководящий состав коллегии: Президент (канцлер Г. И. Головкин), вице-президент (вице-канцлер П. П. Шафиров), канцелярии тайные советники А. И. Остерман и В. В. Степанов. Пётр всегда стремился воспитать у подданных гражданские и деловые качества. Для чиновников КИД это было особенно важно¹⁰.

Петровский текст «Определения» был направлен для более детальной разработки А. И. Остерману и В. В. Степанову. Так появилась вторая редакция «Определения», читанная и ещё раз правленая Петром¹¹. После обсуждения на коллегии была составлена третья, окончательная редакция, подписанная Петром и утверждённая его собственноручной резолюцией. В третьей редакции уточнялись обязанности канцелярии советников А. И. Остермана и В. В. Степанова, которые должны были принимать участие в обсуждении наиболее важных вопросов, а также «составлять грамоты к чужестранным государям, рескрипты к министрам, резолюции, декларации, и прочая, которая надлежит великого секрету и важности»¹².

Далее «Определение» даёт и внутреннюю структуру коллегии:

- 1) Экспедиция «на российском языке» во главе с двумя секретарями, в подчинении у которых два старших канцеляриста, один из которых умеет «нотариусово дело управлять, а другой регистраторское», 4 канцеляриста и 2 копииста;
- 2) Экспедиция на иностранных языках — секретарь и 5 переводчиков;
- 3) Экспедиция на польском языке во главе с секретарём и переводчиком;
- 4) Экспедиция турецкого и других восточных языков во главе с секретарём и тремя переводчиками¹³.

28 февраля 1720 г. был обнародован Общий Генеральный Регламент коллегий. Впервые законом определялись обязанности чиновников, начиная от президента коллегии и до простого копииста, устанавливались единые принципы работы государственного аппарата, иерархия служебных должностей. Все чиновники делились на две категории: 1) члены присутствия, участвовавшие в обсуждении и решении дел; 2) «служители канцелярии», или «приказные люди», которые, по мысли законодателя, должны были обеспечить исправное функционирование учреждения¹⁴. Впервые предусматривалось создание при

действующих учреждениях архивов в качестве самостоятельных структурных подразделений, хранящих как текущие («новые»), так и потерявшие практическое значение («старые») дела.

11 апреля 1720 г. была принята инструкция, уточняющая обязанности секретарей экспедиций и более мелких чиновников канцелярии. По своей структуре КИД делилась на руководящий орган — Присутствие и исполнительный — Канцелярию. Присутствие представляло собой собрание членов Коллегии из 8 человек¹⁵. Возглавлял Коллегию президент граф Г. И. Головкин, его заместителем был вице-президент барон П. П. Шафиров. Кроме них в состав Присутствия входили действительный тайный советник князь Г. А. Долгорукий, действительный тайный советник граф П. А. Толстой, канцелярии советники А. И. Остерман и В. В. Степанов, секретари-ассессоры: находившийся в Петербурге П. В. Курбатов и два сотрудника Посольского приказа Михаил Ларионов и М. П. Шафиров.

Канцелярия делилась на два отделения. Первое («секретное») занималось вопросами внешней политики. Сразу же оно стало именоваться Секретной экспедицией. Оно делилось на четыре экспедиции по языковому признаку: «экспедиция чужестранных дел на российском языке», экспедиция на иностранных языках, экспедиция на польском языке и экспедиция турецкого и других восточных языков. Второе отделение занималось хозяйственными и финансовыми делами Коллегии, а также личным составом. Вскоре оно стало называться «Публичной экспедицией КИД»¹⁶.

Инструкция предусматривала при коллегии должность «истории описателя» (аббат Иоганн Крусали), который не только должен был писать историю, но при нужде и помогать секретарям»¹⁷.

В Москве оставался Посольский приказ, который теперь был филиалом Коллегии. Но в соответствии с указом от 19 января 1722 г. в Москве от каждой коллегии начали формировать конторы «для управления дел по указам своей коллегии»¹⁸. Посольский приказ был переименован в Московскую контору КИД, которой управлял секретарь. Там же находился и бывший архив Посольского приказа, который с 1724 г. был преобразован в Московский архив КИД. Впоследствии он превратился в первый отечественный исторический архив, хранивший старую, потерявшую практическое значение документацию¹⁹. При самой коллегии в Санкт-Петербурге ещё в 1720 г. был

сформирован текущий архив, который возглавил первый архивариус коллегии А. Д. Почайнов. В марте 1720 г. специально для него была составлена подробная инструкция, описывающая порядок хранения и описания дипломатической документации²⁰. Данная инструкция является первым отечественным нормативно-методическим пособием по организации работы архива. В архив дела должны были сдаваться из канцелярии по прошествии трёх лет, по специальному «регистру». В подчинении у архивариуса было семь канцеляристов²¹. Вскоре в Петербург были перевезены из Москвы необходимые для оперативной работы документы и книги. В дальнейшем связь между Петербургским и Московским дипломатическими архивами проявлялась в том, что дела Петербургского архива, потерявшие практическое значение, перевозились на хранение в Москву.

Пётр I уделял особое внимание подбору кадров для Коллегии иностранных дел. Ещё в «Определении» 1719 г. говорилось: «К делам иностранным служителей иметь верных и добрых, чтоб не было дыряво, и в том крепко смотреть, а ежели кто непотребного в оное место допустит или ведая за кем в сем деле вину, а не объявит, те будут наказаны яко изменники»²². 7 июня 1722 г. был утверждён штат Коллегии, по которому в центральном аппарате КИД числились 142 человека (не считая солдат, вахмистров и сторожей). 78 человек должны были находиться за рубежом (послы, министры, агенты, консулы, секретари, копиисты, переводчики, ученики и священники)²³. На жалование сотрудникам Коллегии и прочие расходы в 1722 г. выделялось 171 612 руб. 92 коп.²⁴ Если учесть, что на содержание одного армейского (не гвардейского!) полка в год определяли около 300 000 рублей, что на содержание Артиллерийского приказа в 1712 г. отпускали ежегодно 209 924 руб., то незначительность сумм, определённых для коллегии иностранных дел, станет очевидной²⁵.

В 1724 г. руководство КИД в лице А. И. Остермана составило новые «Предложения...». Они начинались с характеристики самой Коллегии: «Дела в Коллегии иностранных дел, или, просто сказать, в тайном совете, суть наиважнейшие», все эти дела исполняются служителями коллежской канцелярии, которая есть «вечный государственный архив и всем старинным и прошедшим в государстве делам, поступкам, поведением и всяким мерам вечное известие». Предлагалось уменьшить число чиновников и резко сократить делопроизводство.

По мнению Остермана, служители Коллегии должны быть «умными и в делах уже обученными, и, вследствие малолюдства их, принуждены будут работать день и ночь, то необходимо им учинить хороший порядок и честное довольное пропитание: 1) дабы они от скудости диавольским научением в какое погрешение не впали; 2) дабы другим служили примером и побуждением к ревностной службе; 3) дабы те, которые заслуживают повышения, но которых отпустить из Коллегии нельзя, за малочисленностью личного её состава, были взамен того награждены довольством; 4) дабы они, имея постоянно дело с иностранными министрами, не имели стыда перед ними, чисто и честно себя держали; 5) дабы тем, которые ездят в поход за государем, было на что ехать и что оставить на пропитание своих семейств; 6) дабы, наконец, будучи всем довольны, они не имели каких-либо незаконных прибылей от дел и охота бы к получению их пропала»²⁶.

«Предложения» Остермана не были утверждены из-за смерти Петра I. Более того, Сенат в 1725 г., сославшись на то, что Пётр I не утвердил штат Коллегии, ещё более сократил расходы на её финансирование. Тем не менее многие пункты из «Предложения» Остермана изучались и использовались при составлении штатов КИД на протяжении всего XVIII века.

Итак, правление Петра I было периодом коренных преобразований российского дипломатического ведомства. Искались наиболее совершенные структуры, наиболее рациональные методы управления как центральным аппаратом Коллегии, так и российскими дипломатическими представительствами за границей. Коллегия иностранных дел, пришедшая на смену Посольскому приказу, была необходима для выполнения новых задач, стоявших перед внешней политикой страны.

Примечания

¹ Очерк истории Министерства иностранных дел 1802–1902 (далее — Очерк МИД). СПб., 1902. С. 35–36.

² Там же. С. 36.

³ Очерки истории Министерства иностранных дел России (далее — Очерки истории МИД). 1802–2002. Т. I, М., 2002. С. 161.

⁴ Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М., 1945. С. 44. (12 сентября 1715 г. — Указ П. И. Ягужинскому).

⁵ Очерк МИД. С. 36.

⁶ Турилова С. А. История внешнеполитического ведомства России (1720–1832 гг.). М., 2000. С. 6.

- ⁷ Законодательные акты Петра I // Памятники русского права. Вып. 8. М., 1961. С. 55 (11 декабря 1717 г. — Именной указ о штате коллегий).
- ⁸ Воскресенский Н. А. Указ. соч. С. 226 (2 октября 1718 г. — Указ Сенату).
- ⁹ Воскресенский Н. А. Указ. соч. С. 518 (не позднее 13 февраля 1720 г. — Определение Коллегии Иностранных Дел, 1-я ред.).
- ¹⁰ Там же. С. 518.
- ¹¹ Там же. С. 519 (не позднее 13 февраля 1720 г. — Определение Коллегии Иностранных Дел, 2-я ред.).
- ¹² Там же. С. 520–521 (13 февраля 1720 г. — Определение Коллегии Иностранных Дел, 3-я ред.).
- ¹³ Там же. С. 521.
- ¹⁴ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 37. Указ о создании в Москве контор от коллегий см.: Турилова С. А. Указ. соч. С. 9.
- ¹⁵ История внешней политики России. XVIII век: От Северной войны до войн России против Наполеона. М., 1988. С. 244.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Воскресенский Н. А. Указ. соч. С. 522–527 (11 апреля 1720 г. — Инструкция о должностях чиновников канцелярии КИД).
- ¹⁸ Там же. С. 249 (19 января 1722 г. — Указ Петра I Сенату).
- ¹⁹ Автократова М. И., Долгова С. Р. К 260-летию создания Московского главного архива МИД // Советские архивы. 1984 г. № 4. С. 39–41.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 180. Канцелярия МГАМИД. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–12 в.
- ²¹ Воскресенский Н. А. Указ. соч. С. 536 (Инструкция о должностях чиновников канцелярии КИД).
- ²² Там же. С. 518 (не позднее 13 февраля 1720 г. — Определение Коллегии Иностранных Дел, 1-я ред.).
- ²³ История внешней политики России. С. 246.
- ²⁴ Турилова С. А. Указ. соч. С. 14.
- ²⁵ Очерки истории МИД. С. 166.
- ²⁶ История внешней политики России. С. 248–249.

К. А. Соловьев,
*доктор исторических наук, профессор РАН,
профессор Школы исторических наук НИУ
«Высшая школа экономики», главный научный
сотрудник Института российской истории РАН*

ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ И ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ В 1907–1912 гг.:

думские фракции между хаосом и порядком

Думская фракция — не слишком устойчивое образование. Они мало контролировали своих депутатов и всегда, почти с момента образования, были готовы распасться на части. Это относится практически ко всем политическим силам за немногими исключениями¹. В этой связи возникает два взаимосвязанных вопроса. Что обуславливает организационную и программную рыхлость думских объединений? А с другой стороны, что позволяло все же Думе функционировать, несмотря на силы энтропии?

В ряду многочисленных думских фракций исключение составляли кадеты. Разумеется, и в их среде возникали конфликты. Однако это, пожалуй, было самое дисциплинированное объединение из всех прочих. За конституционными демократами стоял партийный проект с определенным видением будущего. Приблизительно то же можно сказать о социал-демократах. Правда, в данном случае речь идет слишком уж о малочисленной фракции, чтобы считать характерные для нее черты показательными для всей Думы. В любом случае и кадеты, и социал-демократы — это городские партии, рассчитывавшие преимущественно на городского избирателя. Они реализовывали электоральную модель, характерную для большинства европейских выборов. Именно поэтому они участвовали в формировании *политического* представительства.

В конце октября 1907 г., накануне начала работы III Думы, П. Н. Милюков так определил задачи, стоявшие перед однопартий-

цами: «Поставленная в положение оппозиции партия, однако, не будет играть роли “безответственного меньшинства” в том смысле, в каком она сама употребляла этот термин для характеристики поведения в Думе крайних левых. На Думу она будет смотреть не как на средство для подготовки внедумских выступлений, но как на высший государственный орган. В III Думу, как и в первые две, партия идет с твердым намерением принять активное участие в ее законодательной работе»². Законодательной машине предстояло заработать. Кадетам следовало вписаться в эти рамки, а значит научиться сотрудничать даже с оппонентами. На партийной конференции в ноябре 1909 г. конституционные демократы объявили о готовности — по «конституционным» вопросам согласовывать свою позицию с октябристами, а по социальным — с правыми, исповедовавшими «демократический монархизм»³.

Так или иначе кадеты выступали как более или менее монолитная политическая сила, способная к маневру. Партия народной свободы была готова к политической демонстрации. Яркий пример — интерpellации. Этим инструментом кадеты и левые радикалы умело пользовались. Остальные им пренебрегали. Вместе с тем в обществе не были безразличны к думским запросам. 19 ноября 1908 г. В. А. Маклаков объяснял значение интерpellаций: дело не в частных случаях, а в общем принципе⁴.

Так думали не все, о чем свидетельствует распределение запросов по фракциям. В III Думе по этому параметру лидировали социал-демократы (46 запросов), на втором же месте вполне закономерно оказались кадеты (38 запросов). Октябристов было больше всего, но они подали только 22 запроса, правые — 15, трудовики — 12, националисты — 6, прогрессисты — 5, беспартийные — 4, умеренно-правые, польское коло — 2, члены мусульманской фракции, польско-литовско-белорусской группы, правые октябристы — по одному запросу⁵. Иными словами, большую часть запросов (101 из 155) инициировала оппозиция. По словам С. П. Мансырева, в IV Думе депутаты практически все время, посвященное интерpellациям, тратили на запросы социал-демократов, далеко не всегда обоснованные⁶.

Важно не только кто подавал запросы, но и кому. 51 запрос был адресован премьер-министру. На 71 запрос предстояло ответить министру внутренних дел. Меньшей популярностью пользовался министр юсти-

ции: ему было адресовано 19 запросов. 12 предназначались военному министру, а 11 — министру народного просвещения. 10 депутатских запросов пришло в Министерство финансов, столько же — в Министерство торговли и промышленности, 5 — в Морское министерство, 4 запроса были адресованы наместнику на Кавказе и главноуправляющему землеустройством и земледелием, 2 — пришли в Министерства иностранных дел и путей сообщения, а один — государственному контролеру⁷. Работа III Думы пришлось на годы премьерства Столыпина, у которого был и портфель министра внутренних дел. Получалось, что большая часть запросов приходилась лично ему.

Как было уже отмечено, думское большинство запросами не интересовалось. Его заботило другое. Фракции, составлявшие большинство, «подбирали» под себя сословные группы, региональные элиты, корпорации, сообщества, профессиональные объединения. Это требовало от них программной «эластичности», способности абсорбировать разнообразные, иногда противоречивые требования. В ходе выборов они были нацелены на формирование не политического, а скорее *корпоративного* представительства.

В III и IV Думе большую часть депутатского корпуса составляли землевладельцы. В III Думе 360 народных избранников получали ренту, а в IV Думе таковых было 354⁸. Преимущественно речь идет о крупных землевладельцах. Отчасти это объясняет роль Постоянного совета Объединенного дворянства. Его лидеры не скрывали, а лишь подчеркивали сословные интересы⁹. Постоянный совет настойчиво разъяснял свою позицию депутатам¹⁰, информировал членов Государственного совета, распространял среди них собственные доклады¹¹, приглашал думских депутатов к работе дворянских съездов¹².

Предприниматели, их организации были активно вовлечены в работу представительных учреждений. Банки финансировали избирательные кампании. В ходе выборов в I Думу Учетно-ссудный банк потратил немалые деньги на поддержку кадетов¹³. Впоследствии конституционные демократы могли рассчитывать на финансирование со стороны Азовско-Донского банка¹⁴. Как раз на его счетах хранились средства Центрального комитета партии и газеты «Речь». Именно этот финансовый институт поддерживал предвыборную агитацию кадетов, а также их довольно многочисленные издания. Партия народной свободы могла рассчитывать на благожелатель-

ное отношение со стороны Сибирского торгового банка, Петербургского международного коммерческого банка и Петербургского частного коммерческого банка¹⁵. Свою лепту вносили и нефтепромышленники (а именно общество «Мазут»), рассчитывая на ответную поддержку в стенах Таврического дворца¹⁶. Биржевые общества предпочитали поддерживать октябристов¹⁷. Их же финансировало семейство Нобелей¹⁸.

И партии зависели от предпринимателей. И те зависели от партий. 20 декабря 1911 г. Ф. И. Гучков делился с братом Александром своими соображениями о Московском биржевом комитете: «Без опоры какой-нибудь политической партии им не обойтись: прошли те времена, когда вопросы обложения, концессий, субсидий могли решаться путем шушуканья министра финансов с председателем Московского биржевого комитета»¹⁹. У купечества с думскими фракциями зачастую складывались не самые простые отношения. Так, Г. А. Крестовников поддерживал октябристов по необходимости: он не видел им альтернативы²⁰. Он сам, близкий ему круг финансировали октябристский «Голос Москвы» нехотя и нерегулярно. Ф. И. Гучков напоминал руководству Биржевого комитета о необходимости делать взносы: ведь московское купечество зависело от «Союза 17 октября» не меньше, чем октябристы зависели от него²¹.

В 1908 г. начал работу съезд торговли и промышленности. Его делегаты выступили против отмены патентного сбора. Первую скрипку играли лидеры Московского биржевого комитета и все тот же Крестовников²². Министерство финансов вело переговоры с участниками совещания. Договориться не удалось. Однако сказались разногласия между Московским биржевым комитетом и провинциальными комитетами. Последние в большинстве своем поддержали Министерство финансов. «Гиганты» индустрии придерживались иной точки зрения, и они находили союзника в лице Министерства торговли и промышленности. В межведомственные конфликты вовлекались и общественные объединения, и депутаты. В итоге пришлось создать особое правительственное совещание под председательством П. А. Харитонов, которое поддержало Министерство финансов²³. 28 сентября 1909 г., после фактического прохождения общественной экспертизы, финансовое ведомство внесло в Думу проект Положения о государственном промысловом налоге²⁴. Однако в Таврическом дворце по-

рой вспоминалась недавняя общественная дискуссия. 5 марта 1908 г. граф А. А. Бобринский высказался против сложившегося в стране промыслового налогообложения. При этом он сослался на мнение съезда горнопромышленников Юга России²⁵. Тем не менее внесенный законопроект был «похоронен» в думской комиссии²⁶.

«Молодое поколение» московских предпринимателей выстраивало механизмы взаимодействия с думскими фракциями. С 1909 г. кадеты (М. В. Челноков²⁷, А. И. Шингарев) проводили совещания с промышленниками, где верховодил А. И. Коновалов. П. Н. Милуков категорически возражал: конституционным демократам не следовало сотрудничать с буржуазными кругами²⁸. Среди участников «экономических бесед» были прогрессисты (Н. Н. Львов), члены Польского кола (В. В. Жуковский²⁹). По оценкам М. А. Штромберга, в 1909 г. московские промышленники сочувствовали кадетам, а не октябристам, что в значительной мере объясняет поражение последних³⁰. На «экономических беседах» ставились самые разные вопросы. В октябре 1910 г. на квартире П. П. Рябушинского обсуждалось рабочее законодательство, размеры земского обложения, параметры государственного вмешательства в хозяйство страны³¹. По словам князя Г. Н. Трубецкого, «резолуции» «экономических бесед» были авторитетны и для правительственных чиновников³².

При этом купеческие интересы в Думе практически игнорировались³³. Предприниматели возмущались 6% налогом на городское недвижимое имущество. В ноябре 1911 г. октябристы собрали 65 депутатских подписей в пользу снижения налогов до 4%³⁴. Однако октябристы потерпели поражение. Приблизительно тогда же А. И. Гучков высказался за отмену договора о торговле с США, что вызвало раздражение московского купечества, связанного с хлопчатобумажной промышленностью. Одна из ключевых фигур московской октябристской организации К. Э. Линдемман советовал однопартийцам задуматься о перспективах будущей избирательной кампании: московский бизнес уже не полагался на «Союз 17 октября» как на надежного союзника³⁵.

У некоторых депутатов была своя «специализация». В IV Думе образовалась группа, защищавшая интересы нефтяников. Ее лидером был А. С. Салазкин³⁶. За железнодорожные дела отвечал депутат III и IV Думы Н. А. Марков, председатель правления Юго-Восточных железных дорог³⁷. При обсуждении соответствующих вопросов

он всегда выходил на думскую трибуну. Он подбирал экспертов³⁸, консультировался со специалистами³⁹, привлекал к работе представителей местного самоуправления⁴⁰.

Некоторые корпорации со всей очевидностью доминировали в Думе. В первую очередь это относится к земцам, которые составляли значительную часть депутатского корпуса⁴¹. 11 февраля 1911 г., на заседании фракции октябристов при обсуждении школьного дела, Н. Н. Опочинин объяснял присутствовавшим: «Большинство из нас — земцы, только что возвратившиеся из земских собраний, и все мы знаем, насколько сочувственно относятся эти собрания к нашим заботам в области образования. Теперь представьте удивление всего земского люда, когда он прочтет в газетах отчет о том, что правые и левые баллотировали в Государственной думе за ассигнование 10 млн в пользу образования, а мы, октябристы, по указанию правительства — только за 8 млн и притом по своей собственной инициативе»⁴². С Опочининым не всегда соглашались. Были и возражавшие. Однако они оспаривали его точку зрения, точно так же апеллируя к земским интересам. Например, Ю. Н. Глебов утверждал: «По отношению к мнению земств... я должен сказать, что и там преобладает взгляд о необходимости уступок правительству, по крайней мере, с нашей стороны. Я только что вернулся с земского собрания, где уже был известен возникший спор по поводу 10 млн, и там мне советовали не идти напролом, а брать что можно и сколько можно»⁴³.

Вполне предсказуемо земцы защищали земские интересы. В большинстве своем они ратовали за реформу местного самоуправления, инициированную П. А. Столыпиным. Земство следовало достроить. Оно должно было приобрести долгожданный «фундамент», оно должно было обрести связь с основной массой населения. По словам Н. В. Савича, «из всех стоящих ныне на очереди реформ самой важной и неотложной я считаю реформу земского положения. Только проведя в жизнь основы земской реформы, можно надеяться, что Государственная дума получит, наконец, силу и авторитет для осуществления необходимых стране реформ и правовых гарантий. Сейчас у Государственной думы нет прочных корней на местах в виде общественных учреждений и организаций, которые бы отражали бы собой истинные устремления и интересы тех классов населения, которые выдвигают и избирают депутатов»⁴⁴.

Столыпинский проект вызывал бурные споры. Еще не открылась II Дума, а поместное дворянство включилось в дискуссию. 22 февраля 1907 г. соответствующий вопрос был поставлен на заседании Постоянного совета Объединенного дворянства, который высказался за его обсуждение на земских и дворянских собраниях⁴⁵. 2 марта 1907 г. в Клубе правых было принято решение инициировать дискуссию в земских и дворянских собраниях⁴⁶. Бюро земского съезда провело переговоры со Столыпиным о необходимости общественной экспертизы правительственного проекта⁴⁷. По мысли А. А. Нарышкина, предстояло дать бой правительству⁴⁸.

Оно в свою очередь надеялось найти компромисс. Именно для этого получил жизнь Совет по делам местного хозяйства⁴⁹. Там предстояло обсудить министерские инициативы. Их бы легитимировала поддержка «сведущих людей». Как раз в этой связи Столыпин писал императору 20 ноября 1910 г.: «Создан Совет (местного хозяйства. — К. С.) для того, чтобы прежде внесения министерских законопроектов в Государственную думу, их подвергнуть разбору, критике, исправлению со стороны местных людей, дабы проекты не были созданием одних чиновников, а получили жизненность. В обществе и печати Совет прозвали “Преддумье”»⁵⁰.

П. А. Столыпин внимательно следил за голосованием в Совете. В сессию 1908–1909 гг., когда обсуждался проект реформы губернской администрации, на заседании вызывались чиновники департаментов МВД для участия в голосовании. И все же, несмотря на все правительственные усилия, проект был провален. Много лет спустя, уже в эмиграции, А. Н. Наумов вспоминал: «Раздосадованный и гневный Петр Аркадьевич [Столыпин] поспешил покинуть залу заседания, ни с кем не простившись и сделав угрожающий жест по нашему адресу (т. е. в адрес противников законопроекта. — К. С.)»⁵¹.

Корпорации выступали особенно громко, когда речь заходила о финансах: например, о налоговых реформах. По словам Н. Н. Покровского, правительство встречало врагов во всех думских фракциях⁵². Министерство финансов даже не решалось вносить в Думу проект о передаче оценочного дела правительству⁵³. Сражаясь за свои права, в феврале 1912 г. в Москву съехались городские головы и гласные дум. Инициатива принадлежала октябристам. К. Э. Линдeman предложил А. И. Гучкову провести схожие совещания в Петербурге и Екатери-

нославе. Это были бы областные съезды, которые способствовали бы консолидации местных сил вокруг «Союза 17 октября»⁵⁴.

При этом Земская Россия вступала в конфликт с Городской. «Города» обижались, что их не было слышно, что земцы предпочитали их игнорировать⁵⁵. Они полагали, что и правительство предпочитало Земскую Россию. Характерно, что, по сведениям Министерства внутренних дел на осень 1912 г., в городских думах, банках, обществах взаимного страхования доминировали кадеты и прогрессисты⁵⁶.

Впрочем, в Думе отстаивались региональные, национальные, конфессиональные интересы. Зимой 1909 г. конституционные демократы проводили консультации с московской еврейской группой⁵⁷. Весной 1911 г. октябристы сотрудничали с немецкой диаспорой при подготовке законопроекта об ограничении прав немцев в Волынской, Киевской и Подольской губерниях⁵⁸. В феврале 1912 г. прогрессисты вели переговоры с немецкой общиной С.-Петербурга⁵⁹. Немецкие колонисты отправили своих ходатаев в ЦК «Союза 17 октября». Это не было напрасным. В итоге правительственная инициатива была отвергнута⁶⁰. В ноябре 1913 г. конституционные демократы и прогрессисты провели совещание с представителями армянской общественности. Обсуждались трагические события в Османской империи и отношение России к ним⁶¹. В 1913 г. обсуждался холмский вопрос. Фракция националистов тесно сотрудничала с Советом братства местной епархии, во главе которой был депутат III Думы епископ Евалогий⁶².

Таким образом, в Думе уживались два альтернативных проекта. В той или иной пропорции они присутствовали во всех фракциях. Партийное начало подразумевало консолидацию, «сословное представительство» — организационное рассыпание.

Как уже отмечалось, корпоративный проект доминировал. При таких обстоятельствах фракционные «хлысты» были бесполезны. В итоге работали иные механизмы координации депутатских усилий, а на практике — самоорганизации. Во-первых, этому способствовала общность социального опыта ключевых (и довольно немногочисленных) участников законотворческого процесса. Во-вторых, их путь в Думу не предусматривал партийного догматизма. Им было сравнительно нетрудно договариваться друг с другом. Кроме того, очень часто члены разных объединений представляли одну и ту же корпорацию (например, земцев). Они с легкостью преодолевали фракцион-

ные барьеры. Это позволяло формировать большинство не вокруг институционализированных центров, а вокруг интересов, чем занимались и сами депутаты, и фракционные лидеры, и представители президиума Думы, и члены правительства. Такое большинство не могло быть стабильным. Оно складывалось ситуативно, от случая к случаю. Однако в итоге возникали привычки, более и менее устойчивые думские алгоритмы законотворчества. Из этого собственно и «ткалась» депутатская сетевая организация, обеспечивавшая координацию усилий народных избранников.

Примечания

- ¹ См.: Соловьев К. А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2014. С. 167–187.
- ² Съезды и конференции конституционно-демократической партии : в 3 т. М., 1997. Т. 1. 1905–1907 гг. С. 638.
- ³ Там же. С. 247–248.
- ⁴ Право. 21 март. 1910. № 12. Стб. 771.
- ⁵ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва... Ч. 1. Общие сведения. С. 192.
- ⁶ Мансырев С. П. Мои воспоминания о Государственной думе // Историк и Современник : историко-литературный сборник. Берлин, 1922. Кн. II. С. 26.
- ⁷ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. СПб., 1912. Ч. 1. Общие сведения. С. 192–193.
- ⁸ Об имущественном и партийном составе выборщиков в Думу (см.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 35. Л. 435).
- ⁹ Государственная дума: стеногр. отчеты. Созыв III. Сессия III. СПб., 1910. Ч. 1. Стб. 1716.
- ¹⁰ См.: Hosking G. A., Manning R. T. What was the United Nobility // The politics of rural Russia, 1905–1914. Bloomington — L., 1979. P. 162–173.
- ¹¹ Письма С. А. Панчулидзева А. А. Бобринскому (см.: РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 463. Л. 17, 75).
- ¹² Там же. Л. 42.
- ¹³ Донесение московского градоначальника от 3 апреля 1906 г. (РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. 1906. Д. 40. Л. 37 об.).
- ¹⁴ Колюшко И. И. Великий распад : воспоминания. СПб., 2009. С. 191.
- ¹⁵ Селзнев Ф. А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917). Нижний Новгород, 2001. С. 74.
- ¹⁶ Там же. С. 77–80.
- ¹⁷ Он же. Конституционные демократы и буржуазия. Нижний Новгород, 2006. С. 73.
- ¹⁸ Он же. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917). Нижний Новгород, 2001. С. 76.
- ¹⁹ Письмо Ф. И. Гучкова А. И. Гучкову от 20 декабря 1911 г. (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 517. Л. 3).
- ²⁰ Письмо Ф. И. Гучкова А. И. Гучкову от 20 ноября 1908 г. (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 339. Л. 25).

- ²¹ Письмо Ф. И. Гучкова А. И. Гучкову от 20 декабря 1911 г. (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 517. Л. 3).
- ²² Протоколы заседания Комиссии по промысловому налогу от 10 и 13 марта 1908 г. (ОР РГБ. Ф. 260. К. 2. Д. 28. Л. 1–4).
- ²³ *Покровский Н. Н.* Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. М., 2015. С. 106.
- ²⁴ *Столыпин П. А.* Программа реформ: док. и мат. : в 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 745.
- ²⁵ Государственная дума: стеногр. отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб., 1908. Т. 1. Стб. 1674.
- ²⁶ *Столыпин П. А.* Программа реформ... С. 745.
- ²⁷ Письмо М. В. Челнокова Е. К. Челноковой (ГА РФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 324. Л. 2).
- ²⁸ *Кизеветтер Е. Я.* Дневник (ОР РГБ. Ф. 566. К. 19. Д. 1. Л. 274).
- ²⁹ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 205.
- ³⁰ Письмо М. А. Штромберга Е. С. Каратыгину от 28 сентября 1909 г. (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 395. Л. 30).
- ³¹ Московские экономические беседы // Утро России. 13 окт. 1910. № 272.
- ³² Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 204.
- ³³ См.: *Шепелев А. Е. В. В. Жуковский и С. И. Тимашев о законодательных учреждениях России (1907–1914 гг.)* // Россия в XIX–XX вв. : сб. ст. к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 233–238.
- ³⁴ Законотворчество думских фракций, 1906–1917 гг.: Документы и материалы. М., 2006. С. 740.
- ³⁵ Письмо К. Линдемана П. В. Каменскому от 15 декабря 1911 г. (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 516. Л. 38).
- ³⁶ Донесения А. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 г. // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 5.
- ³⁷ Государственная дума Российской империи, 1906–1917 : энциклопедия. М., 2008. С. 359.
- ³⁸ Материалы к обсуждению проектов направления Амурской железной дороги // РГИА. Ф. 990. Оп. 1. Д. 29. Л. 50.
- ³⁹ Там же. Л. 31–32.
- ⁴⁰ Там же. Л. 16–17.
- ⁴¹ *Ковалевский Е. П.* Народное образование и церковное достояние. СПб., 1912. Ч. I. С. 55–56.
- ⁴² *Ключев И. С.* Дневник (см.: РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 5. Л. 14).
- ⁴³ Там же. Л. 18.
- ⁴⁴ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 371–372.
- ⁴⁵ Журнал Совета Объединенного дворянства от 22 февраля 1907 г. (ГА РФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 76. Л. 87 об. — 88).
- ⁴⁶ Письмо Д. Н. Цертелев П. Б. Мансурову от 5 марта 1907 г. (ГА РФ. Ф. 990. Оп. 2. Д. 571. Л. 1–2).
- ⁴⁷ Журнал Совета Объединенного дворянства от 12 апреля 1907 г. (ГА РФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 77. Л. 3).
- ⁴⁸ Письмо А. А. Нарышкина Ф. Д. Самарину от 17 июля 1907 г. (ОР РГБ. Ф. 265. К. 195. Д. 5. Л. 1–2).

- ⁴⁹ Могилевский К. И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М., 2008. С. 298; Korros A. S. The landed nobility, the State Council and P. A. Stolypin (1907–1911) // The politics of rural Russia, 1905–1914. Bloomington ; L., 1979. P. 132.
- ⁵⁰ Столыпин П. А. Переписка. М., 2004. С. 64–65.
- ⁵¹ Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний, 1868–1917 : в 2 кн. Нью-Йорк, 1955. Кн. 2. С. 137–138.
- ⁵² Покровский Н. Н. Последний в Маринском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. М., 2015. С. 102.
- ⁵³ Там же. С. 103.
- ⁵⁴ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 222.
- ⁵⁵ Государственная дума: стеногр. отчеты. Созыв IV. Сессия II. СПб., 1914. Ч. 1. Стб. 1154.
- ⁵⁶ Отдельные вопросы деятельности Государственной думы IV созыва (см.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 35. Л. 27 об.).
- ⁵⁷ Bakhmeteff archive (BAR). Miliukov coll. Вох. 2. Письмо Н. Н. Щепкина П. Н. Милюкову от 17 января 1909 г.
- ⁵⁸ Письмо П. В. Каменского А. И. Гучкову от 21 мая 1911 г. (ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 873. Л. 4 об. — 5).
- ⁵⁹ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 222–223.
- ⁶⁰ Письмо Тестера А. И. Гучкову от 8 февраля 1913 г. (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 918. Л. 29).
- ⁶¹ Письмо П. Д. Долгорукова П. Н. Милюкову от 4 сентября 1913 г. (ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4262. Л. 5).
- ⁶² Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 339.

Д. М. Софьин,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры междисциплинарных исторических
исследований Пермского государственного
национального исследовательского университета

М. В. Софьина,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры библиотечных и документально-
информационных технологий Пермского
государственного института культуры

ДРЕВНИЙ РУССКИЙ ДВОРЯНСКИЙ РОД СТЕПАНОВЫХ.

Поколенная роспись¹

В первой трети XVI в., при великом князе Василии Иоанновиче, Степановы были пожалованы поместьями по реке Хопер, на территории будущей Саратовской губернии¹. Впоследствии Степановы дали России целый ряд выдающихся деятелей: фактического главу Поместного приказа, секретаря Верховного тайного совета, депутатов Уложенной комиссии, первого енисейского губернатора, царскосельского коменданта, одного из ключевых руководителей Императорского Православного Палестинского общества, прокурора Московской синодальной канцелярии.

Прямая последовательность рода прослеживается с XVII в., начиная с Ефрема (по другим данным Ефима) Степанова. Первая поколенная роспись Степановых была опубликована в конце XIX в. князем А. Б. Лобановым-Ростовским в его «Русской Родословной Книге»². В начале XXI в. роспись Степановых с обновленными данными по XX столетию привел М. Ю. Катин-Ярцев в качестве приложения

¹ Исследование подготовлено в рамках реализации Программы фундаментальных научных исследований МОО «ИППО» Минобрнауки РФ по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи», государственное задание № FSNF-2024-0002 «Генерал-от-кавалерии М. П. Степанов: жизнь и служение Императорскому Православному Палестинскому Обществу».

к генеалогическому исследованию, посвященному баронам Шеппингам, в родстве с которыми состояли Степановы³. Вместе с тем встречающиеся как в иных опубликованных материалах, так и в архивных документах сведения позволяют существенно скорректировать и дополнить данные имеющихся росписей рода Степановых. Нами учтены результаты исследования Д. В. Карпухиной семьи енисейского губернатора А. П. Степанова, основанные на материалах Государственных архивов Саратовской области и Красноярского края⁴, использованы различные дореволюционные и современные справочные издания⁵, а также статьи и монографии, посвященные представителям рода Степановых и их родственникам. Кроме того, при подготовке обновленной росписи Степановых ценные генеалогические сведения извлечены из метрических книг Санкт-Петербурга и Москвы, отложившихся, соответственно, в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА С.-Петербурга) и Центральном государственном архиве Москвы (ЦГА Москвы), картотеки Б. А. Модзалевского, хранящейся в рукописном отделе Института русской литературы Российской Академии наук (РО ИРЛИ РАН, Пушкинский Дом), писем генерала М. П. Степанова сестре, Е. П. Озеровой, за 1895–1915 гг. из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА) ⁶.

Род Степановых

I

1. Ефрем (Ефим) Степанов⁷.

II

- 2.1. Федор Ефремович (Ефимович), атемарец (1670).
- 3.1. Савелий Ефремович (Ефимович), атемарец (1670–1681).
- 4.1. Иван Ефремович (Ефимович), пензенец (1681)⁸.

III

- 5.3. Осип Савельевич, рейтар, пензенец (1677).
- 6.3. Тимофей Савельевич (ум. до 1704). Ж. Елена Никитична Н., во 2-м браке за Сергеем Ерофеевичем Ивинским.

7.3. Моисей Савельевич, рейтар, пензенец (1677–1713).

8.3. Иван Савельевич, рейтар (1677).

9.4. Илья Иванович, симбирский помещик (1685).

10.4. Василий Иванович, симбирский помещик (1685)⁹.

IV

11.7. Семен Моисеевич, жил в первой половине XVIII в. Ж. Агафия Михайловна Дурново.

12.7. Алексей Моисеевич.

13.8. Иван Иванович (ум. в 1758), капитан Астраханского гарнизона¹⁰.

V

14.11. Ипполит Семенович (1732 — не ранее 1772), ротмистр, депутат от дворянства Вереysкого уезда Московской губернии в Уложенной комиссии 1767–1768 гг., в 1770 г. сослан на Камчатку, в 1771 г. бежал, в начале 1772 г. находился в Макао¹¹.

15.11. Руф Семенович (7. IV.1745–11. I.1828, Москва), надворный советник, губернский землемер Саратовского наместничества (1785), основатель гернгутерской колонии в Саратовской губернии, мистик, масон¹².

16.11. Петр Семенович (16.XI.1739–28.XI.1782, по другим данным, ум. в 1791), депутат от дворянства Вереysкого уезда в Уложенной комиссии 1767–1768 гг. (сменил брата Ипполита), премьер-майор, затем надворный советник, мешовский городничий (по другим данным — козельский городничий, затем судья в Мешовском уезде). Ж. Пелагея Степановна Кашталинская (1.V.752–23.XII.1826), дочь обер-церемониймейстера Степана Федоровича Кашталинского¹³.

17.12. Дмитрий Алексеевич, капрал Ревельского драгунского полка (1768)¹⁴.

VI

18.15. Аркадий Руфович (17... — 1822/1823, Подъячевск Сердобского уезда Саратовской губернии), надворный советник, сердобский уездный предводитель дворянства (1821). Ж. Александра Дмитриевна Степанова (1789–1837)¹⁵.

19.16. Александр Петрович (4.V.1781, с. Зеновка Мещовского уезда Калужской губернии — 25.XI.1837, Санкт-Петербург), действительный статский советник (1825), енисейский губернатор (1822–1831), саратовский губернатор (1835–1837), поэт и писатель, автор романа «Постоялый двор» и др. Ж. Екатерина Федосеевна Быкова (ум. 15.II.1827, возвращаясь из Сибири), дочь шефа Старооскольского мушкетерского полка генерал-майора Феодосия Михайловича Быкова¹⁶.

20.17. Александр Дмитриевич.

21.17. Павел Дмитриевич.

22.17. Петр Дмитриевич¹⁷.

VII

23.18. Аркадий Аркадьевич (ум. 3.II.1871, Тула), сердобский уездный предводитель дворянства. Ж. Екатерина Николаевна Беклемишева, дочь корнета Лейб-гвардии Конного полка, затем штабс-ротмистра Николая Степановича Беклемишева, в 1-м браке за офицером Киевского гусарского полка Александром Дмитриевичем Колокольцовым (1806 — около 1852)¹⁸.

— Анна Аркадьевна (около 1813/1815–1868). За 1) отставным полковником Лейб-гвардии Преображенского полка Иваном Петровичем Щепотьевым; 2) (12.VI.1842, Москва) отставным поручиком Гусарского Короля Вюртембергского полка Николаем Яковлевичем Рикманом (р. около 1817)¹⁹.

— София Аркадьевна (около 1812 — 23.VIII.1892, Санкт-Петербург). За (не позднее 1839) майором Милием Адриановичем (Ан-дрианович) Аничковым (23.II.1812 — не позднее 1857), один из их детей — товарищ министра народного просвещения, вице-председатель Императорского Православного Палестинского общества Николай Милиевич Аничков²⁰.

— Александра Аркадьевна (1818–1885). За Христианом Христиановичем Карлагофом.

— Агния Аркадьевна (р. 1820). За Николаем Михайловичем Верещагиным.

— Юлия Аркадьевна (18.VII.1823, Москва — 1889). За Тихоном Платоновичем Каншиным²¹.

24.19. Петр Александрович (28.IX.1805, Калуга — 30.III.1891, Царское Село), генерал от инфантерии, директор 2-го кадетского корпуса

(1855–1863), царскосельский комендант (с 1870). Ж. Вера Александровна Слуцкая (23.XII.1818–27.II.1895), дочь откупщика Александра Николаевича Слуцкого, по 1-му мужу Вульф²².

25.19. Николай Александрович (21.IV.1807, Калуга — 23.XI.1877, Москва), статский советник (1843), чиновник особых поручений при саратовском губернаторе (1836–1837), художник-карикатурист, издатель и редактор сатирических журналов «Искра» и «Будильник». Ж. (осень 1843) София Сергеевна Даргомыжская (1815 — 4.VII.1882), дочь чиновника для особых поручений при министре Императорского Двора и уделов, действительного статского советника Сергея Николаевича Даргомыжского, сестра композитора Александра Сергеевича Даргомыжского²³.

26.19. Святослав Александрович (20.III. 810, Калуга — не ранее 1822)²⁴.

27.19. Ростислав Александрович (около 1818 — не ранее 1829)²⁵.

28.19. Анатолий Александрович (около 1819 — не ранее 1829)²⁶.

29.19. Владислав Александрович (1821 — 24.VIII.1864), губернский секретарь, заседатель Мещовского уездного суда (1856–1863)²⁷.

30.19. Александр Александрович (1824, Красноярск — не ранее 1829)²⁸.

31.19. Всеслав Александрович (р. 14.X.1825, Красноярск)²⁹.

— Надежда Александровна (р. 10.V.1812, Калуга)³⁰.

— Людмила Александровна (10.IX.1822–18.II.1855)³¹.

— Лидия Александровна (р. около 1823, Красноярск — 3.IV.1900). За (5.II.1860) литератором, коллежским асессором Василием Сергеевичем Глинкой (VII.1821–2.VI.1889, Санкт-Петербург)³².

— Надежда Александровна (1.V.1825–5.II.1857). За Александром Соколовским³³.

— Мария Александровна³⁴.

VIII

32.23. Анатолий Аркадьевич (р. 1839), помещик Сердобского уезда Саратовской губернии³⁵.

33.24. Александр Петрович (15.VI.1850–16.III.1898, Вильфранш, Франция), в звании камер-юнкера, состоящий по Министерству внутренних дел³⁶.

34.24. Николай Петрович (23.XI.1851–17.IV.1910, Царское Село), генерал-лейтенант, командир 2-й отдельной кавалерийской бригады (1901–1905)³⁷.

35.24. Михаил Петрович (10.II.1853–12.XII.1917, Москва), Генерального штаба генерал от кавалерии (1910), состоящий при великом князе Сергее Александровиче (1878–1889, 1891–1905, в 1889–1891 его адъютант), состоящий при великой княгине Елизавете Федоровне (1905–1917), секретарь Православного Палестинского общества (1882–1889), помощник председателя Императорского Православного Палестинского общества (1889–1917)³⁸.

36.24. Сергей Петрович (р. 10.VI.1856, Санкт-Петербург)³⁹.

37.24. Филипп Петрович (3.VII.1857, Санкт-Петербург — 7.I.1933, Белград, Югославия), в звании камергера (1907), действительный статский советник (1909), прокурор Московской Святейшего Синода конторы (1906–1917), почетный опекун Опекунского совета учреждений Императрицы Марии по Московскому присутствию. Ж. (1.VI.1883, Санкт-Петербург) Надежда Ивановна Ридель (7.VI.1865–4.IV.1908, Москва), дочь инженера путей сообщения, статского советника Ивана Францевича Риделя⁴⁰.

38.24. Владимир Петрович (р. 14.VII.1860, Санкт-Петербург)⁴¹.

— Екатерина Петровна (16.XII.1858, Санкт-Петербург — не ранее 1915), фрейлина Высочайшего Двора. За начальником управления Собственным Его Императорского Величества (Аничковым) дворцом генерал-лейтенантом Давыдом (Давидом) Александровичем Озеровым (10.VIII.1856–15.I.1916, Петроград)⁴².

39.25. Сергей Николаевич (12.IX.1844 — не ранее 1891), электротехник, надворный советник, библиотекарь Санкт-Петербургского земледельческого института. Ж. (1865, развод в 1870-е) Александра Григорьевна Перетц (25.X.1846, Санкт-Петербург — 11.XII.1914, Петроград), переводчица и писательница, дочь поэта и журналиста, сотрудника III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии Григория Григорьевича Перетца, во 2-м браке (29.VI.1881, Санкт-Петербург) за тайным советником, академиком Императорской Академии наук Иваном Парфеньевичем Бородиным (18.I.1847, близ Новгорода — 5.III.1930, Ленинград)⁴³.

IX

40.37. Николай Филиппович (9.V.1886 — 1981, Хеврон, Палестина), офицер Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, командир 3-й сотни Кабардинского конного полка (1916), после гражданской войны в эмиграции, писатель (псевдоним Свитков), пострижен в монашество с именем Александр (1965). Ж. (1908/1909) Елизавета Михайловна №44.

41.37. Петр Филиппович (7.I.1891 — 1925), корнет Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка (1916). Ж. (24.IV.1916, Москва; разведены). Нина (Инна) Николаевна Калачева (р. около 1888), дочь чиновника Министерства финансов Николая Васильевича Калачева⁴⁵.

— Вера Филипповна (27.IV.1885, Варшава — 10.III.1954, Мендоса, Аргентина). За 1) (не позднее 1903) ротмистром 51-го драгунского Черниговского Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны полка Александром Николаевичем Бодиско (10.VI.1865—3.XI.1904, Харбин, Китай); 2) (18.I.1912, Москва) в звании камер-юнкера, помощником московского уездного предводителя дворянства князем Владимиром Владимировичем Голицыным (28.III.1887, Москва — 25.XII.1974, Нью-Йорк, США)⁴⁶.

— Марина Филипповна (14.VI.1887—14.XI.1938, Иваново), фрейлина Высочайшего Двора (1912). За (1912/1913) и. д. советника юридического отделения Варшавского губернского правления титулярным советником бароном Борисом Владимировичем Шеппингом (24.VII.1882, Москва — 6.X.1938, Иваново)⁴⁷.

42.39. Александр Сергеевич (р. 20.XI.1873).

— Татьяна Сергеевна (р. 27.II.1870)⁴⁸.

X

43.40. Михаил Николаевич (р. 21.V.1911, с. Зеновка Мещовского уезда Калужской губернии)⁴⁹.

— Марина Николаевна (р. III.1910)⁵⁰.

В роспись не вошли:

1) Василий Степанов (ум. в 1570), думный дьяк, московский дьяк Поместного приказа (предположительно, фактический его глава в 1555—1558), затем служил в Казенном приказе, Посольском приказе, снова в Поместном приказе, казнен по приказу царя Иоанна Грозного и внесен им в синодик⁵¹.

2) Василий Петрович (по другим данным Васильевич) Степанов (1676 — 4.I.1739), тайный советник, секретарь Верховного тайного совета (1727–1730)⁵².

3) Василий Васильевич Степанов (ум. не позднее 1740), тайный советник. Ж. Степанида Ивановна Н. (по другим данным — Мавра Афанасьевна Савелова (1698 — 9.VI.1771), дочь Афанасия Тимофеевича Савелова), во 2-м браке (не позднее 1740) за капитаном Лейб-гвардии Измайловского полка князем Сергеем Ивановичем Барятинским (ум. 16.IV.1746, Санкт-Петербург), в 3-м браке за бароном Афанасием Алексеевичем Соловьевым (ум. в 1755) (по другим данным за Петром Федоровичем Бутурлиным). Дочь Василия Васильевича и Степаниды Ивановны (или Мавры Афанасьевны) Степановых: Анна Васильевна (1725–1793); за 1) Сергеем Алексеевичем Титовым (ум. в 1750); 2) Иваном Ивановичем Ларионовым (ум. в 1773)⁵³.

Примечания

- ¹ Лобанов-Ростовский А. Б., кн. Русская Родословная Книга. Изд. 2-е. СПб., 1895. Т. II. С. 253.
- ² Там же. С. 253–256.
- ³ Катин-Ярцев М. Ю. Род Степановых // Катин-Ярцев М. Ю. Род баронов Шепшинг. М., 2025. С. 106–118.
- ⁴ Карпухина Д. В. Семейная история дворянского рода Степановых в воспоминаниях и архивных документах // Социально-гуманитарный вестник: Всеросс. сб. науч. тр. Вып. 36. Барнаул, 2025. С. 145–152.
- ⁵ Долгоруков П., кн. Российская родословная книга. Ч. I–IV. СПб., 1855–1857; Румель В. В., Голубцов В. В. Родословный Сборник русских дворянских фамилий. Т. I–II. СПб., 1886–1887; Фрейман О. Р. фон. Пажи за 183 года (1711–1894): биографии бывших пажей с портретами. Вып. 1–10. Фридрихсгамн, 1894–1897; Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XLVII: Материалы для Истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства. Т. I / сост. А. Н. Нарцов. Тамбов, 1904; Савелов А. М. Род дворян Савеловых. М., 1904; Власьев Г. А. Потомство Рюрика: мат. для составления родословий. Т. I. Ч. 1–3. СПб., 1906–1907; Т. II. Вып. 1. Пг., 1918; Николай Михайлович, Вел. Кн. Московский некрополь. Т. I–III. СПб., 1907–1908; Калужская губерния. Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1-е Октября 1908 года, и перечень лиц, занимавших должности по выбору дворянства с 1785 года / издал Н. Бульчов. Калуга, 1908; Сиверс А. А. Родословие Озеровых // Известия Русского Генеалогического Общества. Вып. IV. СПб., 1911. С. 203–376; Николай Михайлович, Вел. Кн. Петербургский некрополь. Т. I–IV. СПб., 1912–1913; Русские писатели, 1800–1917: биогр. словарь / гл. ред. П. А. Николаев. Т. 1–5. М., 1989–2007; Артамонов М. Д. Московский Некрополь. М., 1995; Река Времен (Книга истории и культуры). Кн. 4. Русский Провинциальный Некрополь: картотека Н. П. Чулкова из собрания Государственного Литературного музея. М., 1996; Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича. Т. 1: Губернии Астраханская, Вятская, Нижегородская, Самар-

- ская, Саратовская и Симбирская / изд. подгот. Д. Н. Шилов. СПб., 2012; Волков С. В. Высшее чиновничество Российской империи: краткий словарь. М., 2016; Биографический словарь: Высшие чины Российской Империи (22.10.1721–2.03.1917) / сост. Е. А. Потемкин. Т. I–III. М., 2017; Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества, 1882–2022 гг. 140-летию ИППО посвящается / науч. ред. С. Ю. Житенёв. М., 2022 и др.
- ⁶ РГАДА. Ф. 1613. Оп. I. Д. 64.
 - ⁷ Лобанов-Ростовский А. Б., кн. Указ. соч. Т. II. С. 253; Калужская губерния. Список дворян... С. 251.
 - ⁸ Там же.
 - ⁹ Там же.
 - ¹⁰ Лобанов-Ростовский А. Б., кн. Указ. соч. Т. II. С. 254; Калужская губерния. Список дворян... С. 251.
 - ¹¹ Лобанов-Ростовский А. Б., кн. Указ. соч. Т. II. С. 254; Поленов Д. Исторические сведения о Екатерининской Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения. Ч. I. СПб., 1869. С. 76–79, 161, 193–194, 367, 505; Ч. II. СПб., 1871. С. 325; Дружинин А. В. Александр Петрович Степанов, автор «Постоялого Двора» // Дружинин А. В. Собр. соч. Т. VII. СПб., 1865. С. 717–718; Сгибнев А. С. Бунт Бенъевского в Камчатке в 1771 г. // Русская старина. 1876. Март. С. 526–547; Апр. С. 757–769; Карпухина Д. В. Указ. соч. С. 145.
 - ¹² Лобанов-Ростовский А. Б., кн. Указ. соч. Т. II. С. 254; Месяцеслов с росписью чиновных особ в Государстве на лето от Рождества Христова 1785. СПб., [1785]. С. 392; Дружинин А. В. Указ. соч. С. 718; Николай Михайлович, Вел. Кн. Московский некрополь. Т. III. СПб., 1908. С. 158; Карпухина Д. В. Указ. соч. С. 145–146.
 - ¹³ Лобанов-Ростовский А. Б., кн. Указ. соч. Т. II. С. 254; Калужская губерния. Список дворян... С. 251; Дружинин А. В. Указ. соч. С. 718–720; Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 32: Исторические сведения о Екатерининской Законодательной Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения. Ч. IV / собр. и напеч. под набл. проф. В. И. Сергеевича. СПб., 1881. С. 52, 54, 71, 122, 168, 171, 176, 192, 195, 206, 214, 265, 279, 290, 331, 395–396, 403, 628; Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 36: Исторические сведения о Екатерининской Законодательной Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения. Ч. V / собр. и напеч. под набл. проф. В. И. Сергеевича. СПб., 1882. С. 151, 430; Модзалевский Б. Степанов, Александр Петрович // Русский биографический словарь. Смеловский — Суворина. СПб., 1909. С. 382; Река Времен... Кн. 4. Русский Провинциальный Некрополь. С. 397; Карпухина Д. В. Указ. соч. С. 146.
 - ¹⁴ Лобанов-Ростовский А. Б., кн. Указ. соч. Т. II. С. 254.
 - ¹⁵ Там же; Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1821. Ч. II. СПб., [1821]. С. 289; ЦГА Москвы. Ф. 2126. Оп. I. Д. 28. Л. 284; РО ИРЛИ РАН. Картотека Б. А. Модзалевского, № 053–844.
 - ¹⁶ Лобанов-Ростовский А. Б., кн. Указ. соч. Т. II. С. 255; Калужская губерния. Список дворян... С. 251; Дружинин А. В. Указ. соч. С. 714–766; Модзалевский Б. Указ. соч. С. 382–385; Биографический словарь: Высшие чины Российской Империи. Т. I. С. 230; Карпухина Д. В. Указ. соч. С. 145–152; Чернышова Н. К. Общественно-политические взгляды А. П. Степанова // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 252–281; Быконя Г. Ф. Первый губернатор // Степанов А. П. Енисейская губерния. Красноярск, 2017. С. 6–12; Костоев Х. М., Земсков А. Ю. «Не окажусь ли я чем-нибудь полезен как Отечеству, так и народу...» // Взгляд в будущее: актуальные вопросы воспитания и защиты детей: сб.

- мат. науч.-практ. конф. Калуга, 2022. С. 13–19; Лаврёнова А. М. Падение «Красноярского Демосфена»: о причинах отставки первого Енисейского гражданского губернатора А. П. Степанова // III Степановские чтения. Формирование и развитие научного знания в России и мире: история и современность: мат. III Межд. науч. конф., приуроченной к 300-летию основания Российской академии наук. Красноярск, 16–17 мая 2024 г. Красноярск, 2025. С. 754–763; Лаврёнова А. М. «Терпеливо сносили все побои, причиняемые им солдатами»: саратовский губернатор А. П. Степанов и старообрядцы // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 3 (70). С. 90–95; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 285. Л. 76.
- ¹⁷ Лобанов-Ростовский А. Б., кн. Указ. соч. Т. II. С. 255.
- ¹⁸ Там же; Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XLVII: Мат. для Истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства. Т. I. С. 63–64; Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича. Т. I. С. 703.
- ¹⁹ Лобанов-Ростовский А. Б., кн. Указ. соч. Т. II. С. 255; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 776. Д. 85. Л. 49 об. — 50.
- ²⁰ Лобанов-Ростовский А. Б., кн. Указ. соч. Т. II. С. 255; Руммель В. В., Голубцов В. В. Указ. соч. Т. I. СПб., 1886. С. 47, 50; Житенёв С. Ю. Аничков Николай Милиевич // Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества... С. 57–58; РО ИРЛИ РАН. Картотека Б. Л. Модзалевского, № 001-2706; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 333-1. Л. 10 об.; Оп. 127. Д. 368. Л. 289 об. — 290.
- ²¹ Лобанов-Ростовский А. Б., кн. Указ. соч. Т. II. С. 255; ЦГА Москвы. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 28. Л. 284.
- ²² Лобанов-Ростовский А. Б., кн. Указ. соч. Т. II. С. 255, 469; Калужская губерния. Список дворян... С. 251; П. Б. С. С. Слуцкий // Русский архив. 1903. № 6. С. 302–304; Гуревич П. Степанов, Петр Александрович // Русский биографический словарь. Смеловский — Суворина. СПб., 1909. С. 393–394; Житенёв С. Ю. Степанов Петр Александрович // Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества... С. 812–813; Карпухина Д. В. Указ. соч. С. 148; РО ИРЛИ РАН. Картотека Б. Л. Модзалевского, № 051-2480; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 186. Л. 173 об. — 174.
- ²³ Лобанов-Ростовский А. Б., кн. Указ. соч. Т. II. С. 255; Калужская губерния. Список дворян... С. 251; Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1838. Ч. I. СПб., [1838]. С. 53; РО ИРЛИ РАН. Картотека Б. Л. Модзалевского, № 014-2166, 014-2173; Трубочев С. С. Карикатурист Н. А. Степанов // Исторический вестник. 1891. Т. XLIII. Февр. С. 457–487; Март. С. 746–783; Апр. С. 116–142; Греков В. Степанов, Николай Александрович // Русский биографический словарь. Смеловский — Суворина. СПб., 1909. С. 388–391; Медведева И. А. Александр Сергеевич Даргомыжский. М., 1989. С. 8–10; Карпухина Д. В. Указ. соч. С. 148; Софьин Д. М., Черкасская Н. А. Обзор личного фонда художника-карикатуриста Н. А. Степанова в рукописном отделе Пушкинского Дома // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : мат. IX Межд. науч. конф. (Донецк, 15–17 окт. 2024 г.). Т. 7. Донецк, 2024. С. 326–329; Лаврёнова А. М. «Благонамеренный редактор»: карикатурист Н. А. Степанов в документах Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии // Культурный код. 2024. № 4. С. 130–138.
- ²⁴ Калужская губерния. Список дворян... С. 251; Карпухина Д. В. Указ. соч. С. 148.
- ²⁵ Лобанов-Ростовский А. Б., кн. Указ. соч. Т. II. С. 255; Калужская губерния. Список дворян... С. 251; Карпухина Д. В. Указ. соч. С. 148–149.

- ²⁶ Калужская губерния. Список дворян... С. 251; *Карпухина Д. В.* Указ. соч. С. 148–149.
- ²⁷ *Лобанов-Ростовский А. Б.*, кн. Указ. соч. Т. II. С. 255; Калужская губерния. Список дворян... С. 251, LXX.
- ²⁸ Калужская губерния. Список дворян... С. 251; *Карпухина Д. В.* Указ. соч. С. 148–149.
- ²⁹ *Карпухина Д. В.* Указ. соч. С. 149.
- ³⁰ Калужская губерния. Список дворян... С. 251; *Карпухина Д. В.* Указ. соч. С. 148–149.
- ³¹ *Лобанов-Ростовский А. Б.*, кн. Указ. соч. Т. II. С. 255; *Карпухина Д. В.* Указ. соч. С. 148–149.
- ³² *Лобанов-Ростовский А. Б.*, кн. Указ. соч. Т. I. С. 134; Т. II. С. 255; *Карпухина Д. В.* Указ. соч. С. 148–149; *Николай Михайлович, Вел. Кн.* Петербургский некрополь. Т. I. СПб., 1912. С. 609; *Киселёва А. Н.* Глинка Сергей Николаевич // Русские писатели, 1800–1917: биогр. словарь. Т. 1: А–Г. М., 1989. С. 577; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 803. Л. 260 об. — 261; Оп. 126. Д. 254. Л. 473 об. — 474.
- ³³ *Лобанов-Ростовский А. Б.*, кн. Указ. соч. Т. II. С. 255; *Карпухина Д. В.* Указ. соч. С. 148.
- ³⁴ *Лобанов-Ростовский А. Б.*, кн. Указ. соч. Т. II. С. 255. У князя А. Б. Лобанова-Ростовского ошибочно указано, что Мария Александровна Степанова была замужем за Василием Сергеевичем Глинкой, хотя в действительности он был женат на ее сестре Лидии.
- ³⁵ *Лобанов-Ростовский А. Б.*, кн. Указ. соч. Т. II. С. 256; Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XLVII. С. 64; Пр. С. 74, 77.
- ³⁶ *Лобанов-Ростовский А. Б.*, кн. Указ. соч. Т. II. С. 256; Калужская губерния. Список дворян... С. 251; РО ИРАИ РАН. Картотека Б. А. Модзалевского, № 053–837; РГАДА. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 64. Л. 102–110 об.
- ³⁷ *Лобанов-Ростовский А. Б.*, кн. Указ. соч. Т. II. С. 256; *Фрейман О. Р. фон.* Указ. соч. С. 642; Калужская губерния. Список дворян... С. 251; Список генералам по старшинству. Сост. по 1-е Сент. 1905 г. СПб., 1906. С. 689; РО ИРАИ РАН. Картотека Б. А. Модзалевского, № 053-909; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1203. Л. 76 об. — 77.
- ³⁸ *Лобанов-Ростовский А. Б.*, кн. Указ. соч. Т. II. С. 256; *Фрейман О. Р. фон.* Указ. соч. С. 643, 859, 870; Калужская губерния. Список дворян... С. 251; *Лисовой Н. Н.* Из истории руководства Императорского Православного Палестинского Общества: чте- тыре Секретаря (М. П. Степанов — В. Н. Хитрово — А. П. Беляев — А. А. Дмитриевский) // Православный Палестинский сборник. 2005. Вып. 102. С. 9–13; *Лисовой Н. Н., Житенёв С. Ю.* Степанов Михаил Петрович // Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества... С. 812; *Бутова Р. Б.* Служение до гроба: к 170-летию М. П. Степанова // Православный Палестинский сборник. 2023. Вып. 121. С. 181–198; *Черкасская Н. А., Софьин Д. М., Софьина М. В.* Михаил Петрович Степанов: вхождение в ближний круг великого князя Сергея Александровича // Христианство на Ближнем Востоке. 2024. Т. 8, № 4. С. 73–97; *Сорокин А. А., Софьин Д. М., Софьина М. В.* Создание Православного Палестинского общества и деятельность М. П. Степанова (1881–1883 гг.) // Научный диалог. 2025. Т. 14. № 1. С. 530–546; *Микитюк В. П.* Общественный деятель Михаил Петрович Степанов (аспекты историографии) // Православный Палестинский сборник. 2025. Вып. 124. С. 156–165; *Софьин Д. М., Черкасская Н. А.* При великом князе Сергее Александровиче: М. П. Степанов (из воспоминаний адмирала Д. С. Арсеньева) // Вестник Омского университета. Сер.: «Исторические науки». 2025. Т. 12. № 3 (47). С. 165–170; *Софьин Д. М., Софьина М. В.* Иностранные ордена для окружения российских августейших особ (на примере состоящего при великом князе Сергее Александровиче генерала М. П. Степанова) // Кубанские исторические чтения: мат. XVI Межд.

- науч.-практ. конф. (Краснодар, 30 мая 2025 г.). Барнаул, 2025. С. 58–62; *Софьин Д. М., Софьина М. В.* Послужной список генерала М. П. Степанова как биографический источник // Актуальные проблемы источниковедения: мат. VIII Межд. науч.-практ. конф., Витебск, 24–26 апр. 2025 г. Витебск, 2025. Т. 2. С. 40–44; *Софьин Д. М., Софьина М. В.* Начало большой карьеры: будущий генерал от кавалерии М. П. Степанов в рядах Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка // Донецкие чтения — 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: мат. X Межд. науч. конф., посв. 60-летию создания Донецкого научного центра (Донецк, 5–7 нояб. 2025 г.). Т. 7. Донецк, 2025. С. 241–243; *Сорокин А. А., Софьин Д. М., Софьина М. В.* Генерал М. П. Степанов и создание Музея изящных искусств имени императора Александра III // Научный диалог. 2025. Т. 14. № 10. С. 507–527; РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 177481. П/с 155-047. Л. 15–21 об.; ЦГА Москвы. Ф. 1175. Оп. 1. Д. 457. Л. 201–201 об.
- ³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 763. Л. 530 об. — 531.
- ⁴⁰ *Лобанов-Ростовский А. Б.*, кн. Указ. соч. Т. II. С. 256; *Фрейман О. Р. фон.* Указ. соч. С. 688–689; Калужская губерния. Список дворян... С. 251; Список гражданским чинам четвертого класса. Испр. по 1-е Марта 1916 г. Пг., 1916. С. 1452; Вся Москва: адресная и справочная книга на 1917 год. М., 1917. I отд. Стб. 204; *Бутова Р. Б.* Указ. соч. С. 194; *Катин-Ярцев М. Ю.* Указ. соч. С. 110; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 773. Л. 902 об. — 903; Оп. 125. Д. 425. Л. 1036 об. — 1037; РГАДА. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 64. Л. 173а — 175 об.
- ⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 797. Л. 624 об. — 625. В справочных ресурсах интернета и современной литературе сыном царскосельского коменданта генерала Петра Александровича Степанова также называется известный художник, академик Императорской Академии художеств Клавдий Петрович Степанов (1854–1910) (*Лисовой Н. Н., Бутова Р. Б., Житенёв С. Ю.* Императорское Православное Палестинское Общество в Москве: из истории Московского отделения. К 140-летию Императорского Православного Палестинского Общества. К 115-летию образования Московского отдела. М., 2021. С. 136; *Бутова Р. Б.* Указ. соч. С. 193–194; *Софьин Д. М., Черкасская Н. А.* Обзор личного фонда художника-карикатуриста Н. А. Степанова... С. 327). В действительности художник-академик относится к другому роду Степановых и является сыном коллежского секретаря, почетного смотрителя Александровского уездного училища Петра Андреевича Степанова. См.: *Дворянское сословие Тульской губернии. Т. II (XI). Алфавитный список дворянских родов с указанием важнейших документов, находящихся в делах разных фамилий, Родословного Архива Тульского Дворянского Депутатского Собрания / сост. В. И. Чернопяттов. М., 1908. С. 272; Дворянское сословие Тульской губернии. Т. III (XII). Родословцев. Мат. Ч. VI / изд. В. И. Чернопяттов. М., 1909. С. 599.*
- ⁴² *Лобанов-Ростовский А. Б.*, кн. Указ. соч. Т. II. С. 256; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1882 год. Ч. I. СПб., 1882. Стб. 49; *Сиверс А. А.* Указ. соч. С. 302; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 351А. Л. 881 об. — 882; Оп. 127. Д. 3261. Л. 595 об. — 596; РГАДА. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 64.
- ⁴³ *Лобанов-Ростовский А. Б.*, кн. Указ. соч. Т. II. С. 256; *Трубочев С. С.* Указ. соч. С. 457–458; *Лосева М. К.* Бородина Александра Григорьевна // Русские писатели, 1800–1917: биогр. словарь. Т. 1: А–Г. М., 1989. С. 315; *Ахазова М. Г.* Перетц Григорий Григорьевич // Русские писатели, 1800–1917: биогр. словарь. Т. 4: М–П. М., 1999. С. 560–561; *Манойленко К. В.* Иван Парфеньевич Бородин, 1847–1930. М., 2005; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 378. Л. 26 об. — 27; Оп. 127. Д. 3013. Л. 957 об. — 958.

- ⁴⁴ Лобанов-Ростовский А. Б., *кн.* Указ. соч. Т. II. С. 256; Цуриков В., *прот.* История России в документах архива Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле. М., 2013. С. 188; Бутова Р. Б. Указ. соч. С. 194; Катин-Ярцев М. Ю. Указ. соч. С. 111–112; РГАДА. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 64. Л. 178–181 об.
- ⁴⁵ Лобанов-Ростовский А. Б., *кн.* Указ. соч. Т. II. С. 256; Катин-Ярцев М. Ю. Указ. соч. С. 112; РГАДА. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 64. Л. 268–271 об.; ЦГА Москвы. Ф. 2125. Оп. 2. Д. 89. Л. 163 об. — 164.
- ⁴⁶ Лобанов-Ростовский А. Б., *кн.* Указ. соч. Т. II. С. 256; Список ротмистрам армейской кавалерии по старшинству. Сост. по 1-е Мая 1904 г. СПб., 1904. С. 104; Русский инвалид. 1904. № 285. 29 дек. С. 3; Дневник из времен Русско-Японской войны священника 51-го драгунского (позднее 17-го гусарского) Черниговского Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны полка Митрофана Васильевича Сребрянского с момента отправления полка в Маньчжурию 11-го июня 1904 года и по день возвращения его в г. Орел 2-го июня 1906 года. Изд. 2-е. М., 1912. С. 157–158; Придворный календарь на 1916 год. Пг., [1916]. С. 319; Артамонов М. Д. Указ. соч. С. 421; Катин-Ярцев М. Ю. Указ. соч. С. 111; РГАДА. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 64. Л. 27–40 об., 142–155 об.; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 782. Д. 342. Л. 363 об. — 364.
- ⁴⁷ Лобанов-Ростовский А. Б., *кн.* Указ. соч. Т. II. С. 256; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1916 год. Ч. II. Пг., 1916. Стб. 429; Катин-Ярцев М. Ю. Указ. соч. С. 112; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 782. Д. 342. Л. 351 об. — 353.
- ⁴⁸ Лобанов-Ростовский А. Б., *кн.* Указ. соч. Т. II. С. 256.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 64. Л. 235–235а об., 241–242.
- ⁵⁰ Там же. Л. 200–203 об.
- ⁵¹ Лобанов-Ростовский А. Б., *кн.* Указ. соч. Т. II. С. 253; Дружинин А. В. Указ. соч. С. 717; С-в Н. Степанов, Василий // Русский биографический словарь. Смеловский — Суворина. СПб., 1909. С. 385–386.
- ⁵² Лобанов-Ростовский А. Б., *кн.* Указ. соч. Т. II. С. 256; Волков С. В. Указ. соч.; Биографический словарь: Высшие чины Российской Империи. Т. III. С. 208.
- ⁵³ Лобанов-Ростовский А. Б., *кн.* Указ. соч. Т. II. С. 256; Долгуруков П., *кн.* Указ. соч. Ч. II. СПб., 1855. С. 278; Савелов А. М. Указ. соч. С. 21; Власьев Г. А. Указ. соч. Т. I. Ч. 2. СПб., 1906. С. 118–119.

В. В. Тихонов,
*доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН*

ГОСУДАРСТВЕННО-НАЦИОНАЛЬНЫЙ НАРРАТИВ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ПРОБЛЕМА ОТОБРАЖЕНИЯ ИСТОРИИ МУЛЬТИНАЦИОНАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

(вторая половина XIX — начало XX века) ¹

I

Исторические нарративы, создаваемые профессиональной историографией, являлись одновременно как следствием, так и инструментом нациестроительства в Европе последней четверти XVIII — начала XX века². В XIX в. национальные/государственно-национальные истории пришли на смену всемирным и династическим, превратившись в самый современный и методологически продвинутый на тот момент формат историописания. Национальные нарративы собирали в себя ключевые компоненты «национального воображения» (историческая миссия нации, ее «естественные границы», цивилизационная идентичность, инвариантные свойства национального характера и т. д.), комбинировали и интерпретировали их в зависимости от общекультурного контекста, актуальной общественно-политической повестки, предпочтений их авторов и заказчиков и т. д. Едва ли не главной формой их презентации стали т. н. большие нарративы («великие истории») — многотомные труды, охватывающие внушительный хронологический отрезок в стремлении сделать историю нации как можно древнее и славнее. В дальнейшем такие нарративы задавали ключевые элементы национального воображения, распространяя свое влияние на все сферы культуры и политики. Такие тексты принято назы-

вать мастер-нарративами (master narratives). Можно выделить ряд функции таких мастер-нарративов: консолидация отдельных историй (в том числе и разных авторов) и помещение их в более широкий контекст; формирование рамок национальных историй; утверждение единства исторического процесса и его непрерывность³.

Российская империя не была исключением. Ситуация здесь определялась особенностями многоэтничной империи и необходимостью учета крайней сложности (точнее, невозможности) формирования однородного национального пространства⁴, а познание и осмысление феномена этнического многообразия страны во многом определяли развитие историографии⁵. При этом нужно учитывать, что великорусский национализм постепенно усиливался в идеологии российского самодержавия на протяжении всего XIX века, а в обществе нарастали дискуссии о возможности отождествления империи с русским национальным государством⁶. Тем не менее позиция власти колебалась между политикой унификации и признанием этноконфессиональных различий и поддержания разнообразия⁷.

Для российского общества, особенно в условиях волн усиления цензуры, исторические вопросы приобретали вполне злободневное звучание, становясь формой обсуждения не только прошлого, но и будущего России. Одними из наиболее политизированных вопросов становились проблемы истории народов и их взаимоотношения друг с другом.

Указанной проблематики напрямую касался В. А. Шнирельман⁸. Он рассматривал историописание XIX — начала XX в. через призму утверждения националистических по своей сути концептов и мифологем. При этом он сумел продемонстрировать, что они пронизывали все историографические практики и проникали в труды признанных историков. Однако В. А. Шнирельман попытался представить широкую панораму, что неизбежно привело к пробелам в представленной картине. В частности, именно мастер-нарративы оказались несколько в тени. Кроме того, В. А. Шнирельман акцентирует внимание на конфронтационной националистической составляющей историографии, во многом опуская ее концепты, призванные выполнять функцию интеграции истории разных народов империи в один нарратив.

В данной статье я постараюсь продемонстрировать, что, столкнувшись с проблемой отображения многонациональной империи и ее культурного и религиозного разнообразия, российская историогра-

фия выработала исторический нарратив, который сочетал в себе стержень в виде русской национальной истории и идею государства, интегрирующего многочисленные нерусские народы. Для этого нарратива жизненно важной являлась идея общности исторического пространства, «собираемого» русским государством/народом. Особое значение имела концепция колонизации как инструмента достижения «естественных исторических рубежей».

Важно подчеркнуть, что на протяжении XIX — начала XX века в представленном историческом нарративе менялся главный субъект истории. Если для Н. М. Карамзина — это государство в лице правителя, для С. М. Соловьева — государство как институт и идея общего блага, то для историков пореформенной России главным субъектом оказывался, как правило, народ (общество). Тем не менее указанная трансформация мало отразилась на самой форме презентации формирования многонациональной империи, ее «исторической» миссии.

II

В дореволюционной России неоднократно создавались «общеперские», государственно-национальные исторические нарративы⁹. Достаточно вспомнить труды Н. М. Карамзина, Н. Г. Устрялова, С. М. Соловьева, Д. И. Иловайского и В. О. Ключевского и др. Они предлагали своему читателю многотомные истории страны, начинающиеся еще с античных времен. Тем самым, в логике мифологии эпохи Просвещения, страна вписывалась в круг «исторических» территорий, несущих в себе частицу античного цивилизационного наследия, ставшего фундаментом просвещенного, европейского мира¹⁰.

Первым создателем российской национальной истории по праву считается Н. М. Карамзин. Труды его предшественников XVIII века не стали достоянием широкого круга читателей и строились на универсалистских моделях идеологии Просвещения, а не на национально-романтических схемах, присущих национальным нарративам (возможно, ближе всего к формату национальной истории приблизился М. В. Ломоносов¹¹). Во многом Н. М. Карамзин оставался наследником историописания XVIII в.¹², но в то же время им был сделан важный шаг вперед в построении именно национальной истории. На вол-

не патриотического подъема после победы в наполеоновских войнах «История государства Российского» стала настоящей сенсацией и определила восприятие прошлого российским культурным обществом на десятилетия вперед¹³.

Надо сказать, что Н. М. Карамзин нашел удачную формулу создания *русской национальной истории*. Он объединил пафос русского патриотизма с идеей государственности (имперскости) как воплощения исторической миссии русских. Такой подход не только подчеркивал величие народа, создавшего империю («Взглянем на пространство сей единственной державы; мысль цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею...»), но и позволял воспеть имперское многообразие и ее универсальность («Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, холодными и жаркими климатами, как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну Державу с Москвою? Менее ли чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разнородных и столь удаленных друг от друга в степенях образования?»). В определении характера взаимодействия русского народа с другими этносами подчеркивалась его культуртрегерская роль (типичный троп для имперских историй), в которой одновременно акцентировалась цивилизационная миссия России как европейской державы, с особыми методами, минимизирующими насилие: «Подобно Америке Россия имеет своих Диких; подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал господство над девятою частию мира, открыл страны, никому дотоле не известные, внеся их в общую систему Географии, Истории, и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями Христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего»¹⁴. В «Истории государства Российского» был закреплён ряд важных концептов, ставших ключевыми элементами русского исторического нарратива: негативная роль татарского ига¹⁵, возвращение у Литвы «исконных» русских земель, цивилизующая роль России в Азии и т. д.

Важной чертой «Истории...» Н. М. Карамзина являлся ее династический характер. Нарратив выстраивался вокруг представителей пра-

вающей династии, и сам исторический процесс определялся качествами правителей. Предложенный Н. М. Карамзиным формат довольно сложен: он включает династическую, государственную, религиозную (церковную) и национальную истории. Как известно, его критиковали за недооценку роли народа и «поглощения» его государством¹⁶. Однако с точки зрения создания интегрирующего нарратива, позволяющего объединить разношерстное прошлое многонациональной империи, модель национальной истории как истории государственности (по факту — имперскости) можно признать вполне удачной и эффективной.

III

В схожем направлении шел и С. М. Соловьев¹⁷. Однако если Н. М. Карамзин выстраивал свою историю на базе идей Просвещения и романтизма начала XIX в., то С. М. Соловьев отталкивался от эволюционизма и философии истории Гегеля, с ее идеей государства как воплощения духа народа. Несмотря на многообразие теоретико-методологических влияний, он последовательно придерживался принципа историзма и эволюционного подхода¹⁸. Акцент в монументальной «Истории России с древнейших времен» (выходила с 1851 по 1879 г.) автор делал на развитии государственности, представ ярким историком т. н. государственной школы, за что получил от представителей славянофильства упрек в игнорировании истории народа¹⁹.

Создавая всеобъемлющий рассказ о прошлом российского государства, Соловьев делал акцент на великороссах как государствообразующем народе. Однако он не мог проигнорировать историю народов, взаимодействовавших с ним и ставших в ходе исторического процесса его частью. В итоговой теоретико-методологической статье «Начала русской истории» (1877) Соловьев представил следующую формулу исторического развития: «Три условия имеют особенное влияние на жизнь народа: природа страны, где он живет; природа племени, к которому он принадлежит; ход внешних событий, влияния, идущие от народов, которые его окружают»²⁰. Здесь можно увидеть, что взаимодействию народов историк придавал большое значение. Разумеется, в первую очередь речь шла о взаимодействии т. н. «исторических» народов, но и роль других следовало учитывать.

Но появление тех или иных народов в «Истории России» Соловьева определялось не только значимостью самого процесса межэтнического взаимодействия. Историк создавал плотный фактографичный нарратив, который должен был заменить «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина. В этом потоке фактов прошлое нерусских народов неизбежно становилось неотъемлемой частью истории государства, попадая в орбиту его внимания и интересов на разных этапах истории и отражаясь в источниках, с которыми работал историк. Однако нельзя говорить, что автор просто фиксировал те или иные факты. При помощи эпитетов, оценочных суждений и емких комментариев он придавал этим фактам вполне считываемое концептуально-идеологическое звучание.

Одной из главных задач Соловьева стало доказательство историчности славян в целом и русских в частности. Помимо того, что книга воспевала могущественную российскую государственность (которая согласно Гегелю и являлась главным критерием «исторический» нации), важно было продемонстрировать ее цивилизационную миссию. Соловьев, вслед за наукой его времени, охотно оперирует такими понятиями, как «дикость», «варварство», «культура» и т. д. Однако он не накладывает априорные ярлыки на народы. Оставаясь верным эволюционной парадигме, он признает, что народ теоретически может пройти в своем развитии путь от дикости до цивилизации. Но не все на это способны, поэтому градация на «исторические» и «неисторические» народы сохраняет для Соловьева свою значимость.

Будучи западником и отстаивая европейский характер России, Соловьев видел цивилизационную миссию русского государства в продвижении христианства и европейской культуры. Одним из ключевых компонентов его историософии являлась концепция диалектической борьбы леса и степи, кочевого и земледельческого (цивилизационного) начал. Русские племена рассматривались как представители «леса», страдающие от регулярных нашествий степняков-кочевников. Это определило взаимодействие российского государства и его кочевых соседей, а затем и подданных.

Как известно, очень значимую роль в отечественной истории он отводил колонизации²¹. Соприкосновение с огромными восточными пространствами, удаленными от центров христианства и населенными народами, находившимися на низшей ступени развития, «варва-

рами», по мысли Соловьева, привело к ужесточению нравов русских (впрочем, еще больше этому способствовала потеря государственно-го единства)²².

Следуя установкам идеологии и культуры своего времени, Соловьев не мог проигнорировать проблему «естественных границ». Он признавал, что природные границы России не очевидны, куда важнее цивилизационные, определяемые принадлежностью России к европейской христианской цивилизации: «В самом начале нашей истории мы заметили, что Россия не имеет резких природных границ ни на западе, ни на востоке, и таким образом природа дала русским людям мало помощи при утверждении их народной самостоятельности. Но зато скоро история дала им для этого могущественное средство: Русь приняла христианство, и христианство по восточному исповеданию. Христианство провело резкую черту между русским человеком и соседом его на Востоке, азиатцем, бусурманом, поганым. Христианство запечатлело русского человека окончательно и твердо европейским характером; но, с другой стороны, между русскими и соседями на западе, единоплеменными и чужеплеменными, прошла также резкая нравственная граница...»²³. Благодаря христианству Россия оказывается форпостом цивилизации.

Показателен следующий момент. Описывая, как князь Даниил Галицкий усмирил (этот глагол часто использовался историками XIX в. для описания победы государства, порядка и культуры над «дикими» народами, поскольку те априори обладали таким качеством, как «буйство» и, следовательно, были опасны для культурных народов), Соловьев таким образом оценивает этот эпизод: «Так Даниил достиг того, что начал отец его, Роман Великий: тот заставлял дикарей расчищать землю под пашни, Даниил заставил их строить города в земле своей; торжество галицкого князя над ятвягами было торжеством гражданственности над варварством в Восточной Европе, и торжество это тем замечательнее, что в описываемое время цивилизующее племя само находилось под гнетом азиатских варваров»²⁴. Фактически древнерусский князь (читай — русский народ и его государство) оказывается светочем цивилизации, которой они щедро делятся, даже находясь «под гнетом варваров». Однако следует указать, что, будучи сторонником эволюционизма, С. М. Соловьев фактически отрицал влияние монгол на внутреннее развитие русских княжеств.

С. М. Соловьев много внимания в своей «Истории» уделил Литовскому государству и Польше. Причина того кроется во многом в той актуальности, какую придавали этому вопросу во второй половине XIX в., когда шла идейная борьба за «наследие» Речи Посполитой. Он рассматривал Москву и Литву как два центра единовластия в Восточной Европе (что в рамках его историографической модели было несомненным плюсом) и даже противопоставлял их Польше²⁵. Присоединение бывших древнерусских земель (теперь — восточных земель Речи Посполитой), называемых автором «коренными русскими областями», расценивалось как исторически необходимое собирание единоплеменников и единоверцев. При этом Соловьев подчеркивал государственническую роль Ивана III, противопоставляя его противникам, живущим по родовым традициям (напомню, что Соловьев жестко противопоставлял родовое начало государственному, видя в первом эгоизм немногих, противостоящий общему благу — государству): «В это решительное для всей Восточной Европы время, когда московский князь, освобождаясь окончательно от страха перед Азией, начинал на нее наступательное движение и усиливался приобретением обширных владений, вырванных из-под рук великого князя литовского, все внимание последнего было обращено не на усиление своего государства прочными приобретениями, но на приобретение соседних престолов для своих сыновей»²⁶. Благодаря успехам московского князя, власть его все усиливалась, а власть князя литовского и короля польского, наоборот, ослабевала, предопределяя тем самым их будущее поражение. Таким образом, с исторической точки зрения именно русское государство оказалось более достойным стать гегемоном в Восточной Европе. Польша и Литва рассматривались западником Соловьевым и как барьер на пути «непосредственного сообщения с Западной Европой, позволяющего пользоваться плодами ее образованности»²⁷.

Завоевание Казани расценивалось как исторический реванш христианской цивилизации за монгольское нашествие. Соловьев называет его «подвигом необходимым и священным в глазах каждого русского человека», добавляя, что «подвиг этот совершался для защиты христианства от басурманства, для охранения русских областей, опустошаемых варварами, для освобождения пленников христианских»²⁸. Для Соловьева война с Казанским ханством — это столкновение хри-

стианской Европы с мусульманской Азией. Народы, подчинявшиеся хану и некоторое время еще продолжавшие сопротивление, он маркирует как «дикие» (встречается и уничижительное наименование — «дикие народцы»). Таким образом, историк воспроизводит вполне ориенталистский взгляд. В лекциях, прочитанных в Московском университете в 1867/1868 учебном году, Соловьев был еще более категоричен и подчеркивал устойчивость конфликта православной России и исламских народов. Он считал, что их покорность удерживается только принуждением: «У татар, покоренных Россией, и у других ее азиатских народов не умирает мысль о свержении российского ига, и ради этого взоры их постоянно обращены на Константинополь [т. е. на Османскую империю. — В. Т.]»²⁹. Покорение Сибири, если судить по небольшому объему описания, не рассматривалось историком как очень значимое событие.

Присоединение украинских земель к Московскому государству расценивалось Соловьевым вполне в рамках его представлений о собирании «коренных русских земель». Стоит отметить, что Соловьев негативно относился к казачеству, видя в нем антигосударственную стихию. Однако к Богдану Хмельницкому он отнесся скорее с симпатией. Достаточно сравнить определение роли Хмельницкого в восстании («...недоставало человека, вождя восстания. Вождь нашелся»³⁰) со схожим риторическим обрамлением появления на исторической арене высокочтимого Соловьевым Петра Великого: «...Народ поднялся и собрался в дорогу, но кого-то ждали, ждали вождя, вождь явился»³¹. Ход борьбы на Украине и ее результат определялся, по мнению Соловьева, религиозным фактором, а присоединение Украины к Московскому государству было предопределено православным вероисповеданием населения³². Вообще помощь единоверцам рассматривалась Соловьевым важным обоснованием тех или иных внешнеполитических акций.

Стоит указать, что нерусские народы целенаправленно всплывают на страницах «Истории» Соловьева нечасто, если только они не оттеняют важные компоненты его исторической концепции. В описании истории XVIII в. они фактически исчезают. Это можно объяснить и слабой изученностью на тот момент самого XVIII века. Соловьева, шедшего по архивной целине в исследовании имперского периода, гораздо больше волновали вопросы внутренней политики и борьбы с великими державами. Россия, ставшая при Петре Великом окончательно

«исторической», в понимании историка могла себе позволить не обращать внимание на «неисторические» народы.

IV

Концепции историков становились компонентами школьных курсов истории, пусть в дореволюционной России еще и не была выстроена свойственная советской модели жесткая связь между школьным и высшим образованием. Следует указать, что уже в пореформенный период школьная история рассматривалась государством и обществом в первую очередь в качестве инструмента формирования национального самосознания, в то время как еще во время правления Николая I акцент делался на религиозном воспитании³³. То есть акцент смешался от религиозной идентичности (характерной для традиционных обществ) к собственно национальной.

В пореформенной школе доминировали учебники И. И. Белярминова (по всеобщей истории, включая отечественную, выдержали 33 издания) и Д. И. Иловайского (по русской истории, выдержали 36 изданий). Учебник И. И. Белярминова «Элементарный курс всеобщей и русской истории» строился по принципу «история — через личности». В нем давались сведения о славянах и их соседях. Рассказывалось о соперничестве Литовско-Русского и Московского княжеств в XIV в., покорении Казани (причем мотивы этого не раскрывались), завоевании Сибири (с акцентом на фигуре Ермака) и переходе Малороссии в московское подданство (с акцентом на фигуре Богдана Хмельницкого)³⁴. Факты в учебнике хорошо систематизировались, но почти не оценивались. Из-за формата всемирной истории внимания нерусским народам было уделено немного, что отражало их восприятие как «неисторических» (кроме литовцев и татар).

В учебнике Д. И. Иловайского тема имперского многообразия была раскрыта несколько лучше, но стержнем оставалась русская история. Давались сведения о многочисленных народах Русской равнины и Причерноморья в древности. Зависимость от монголов рассматривалась как «монгольское иго», хотя автор, вслед за С. М. Соловьевым, указывал на незначительное вмешательство завоевателей во внутренние дела русских княжеств. Много внимания уделялось Русско-Литов-

скому княжеству и его соперничеству с Москвой. Иловайский подчеркивал, что уния Литвы и Польского королевства (политическая и религиозная) привела к обострению религиозных вопросов, что предопределило «воссоединение» православных земель с Москвой. Специальный параграф отводился «малороссийскому вопросу», а запутанные отношения казаков с Польшей и Московским государством обозначались как «малороссийская смута». Давалась информация о покорении Сибири. Немного рассказывалось о Кавказской войне, упоминался имам Шамиль, причем указывалось, что ему был присущ деспотический стиль правления³⁵.

В целом учебник Д. И. Иловайского поддерживал линию русской истории как абсолютно доминирующей с небольшими вкраплениями истории других народов в том случае, если они оказывались важным «эпизодом» русской истории. Много внимания уделялось Литовскому княжеству и Польше, что объяснялось постоянным напряжением в западных губерниях империи. Важно отметить, что, представляя русскую историю, Д. И. Иловайский подразумевал под русскими и надэтническую идентичность граждан Российской империи. Однако «русскость» трактовалась им как следование базовым ценностям — самодержавию и православию. Русский народ он рассматривал как неоднородную общность, включающую великороссов, малороссов и белорусов³⁶.

V

«Курс лекций по русской истории» В. О. Ключевского³⁷ был построен на ином, чем у Соловьева, принципе, хотя автор сильно зависел от своего предшественника в фактографическом и концептуальном плане³⁸. Во главу угла был поставлен проблемный подход, что позволило Ключевскому не только представить формат историописания, соответствующий уровню развития исторической науки его времени, но и избежать необходимости фиксировать все известные факты, выстраивая их в единый нарратив.

В. О. Ключевский концентрировался на собственно русской истории и ее структурах, почти не замечая роли в ней «иностранцев». В этом смысле его курс являлся типичной «национальной историей»

(отсюда такое внимание автора к идее национального государства и его реального воплощения). Однако многоэтничный имперский контекст из-за этого, по сути, терялся. Впрочем, В. О. Ключевский особенно акцентировал роль колонизации в русской истории, пропуская знаменитую формулу: «История России есть история страны, которая колонизируется»³⁹. Концепт «колонизация» позволял удерживать предложенный В. О. Ключевским нарратив в характерных для национально-имперской истории рамках, включавших представления о «естественных» исторических границах, культуртрегерской миссии нации и ее особой исторической роли по отношению к иным, «неисторическим» народам.

Вслед за Н. М. Карамзиным и С. М. Соловьевым В. О. Ключевский склонялся к мнению о бесконфликтном характере заселения славянами Русской равнины (которую рассматривал как «естественную» историческую границу, принадлежащую им по праву). Встреча славян с финно-угорскими народами «имела мирный характер», «происходило заселение, а не завоевание края, не порабощение или вытеснение туземцев»⁴⁰. Историк подчеркивал вклад финно-угров в антропологический тип великороссов.

В дальнейшем историческая задача «распространения территории Русского государства до естественных географических границ русской равнины»⁴¹ встала перед Иваном III. Причем она тесно увязывалась с политическим объединением русской народности: «Так были поставлены на очередь две задачи внешней политики: завершение политического объединения русской народности и расширение государственной территории до пределов русской равнины»⁴². В контексте этих исторических задач требовалось «воссоединить» (В. О. Ключевский пользовался именно таким термином) Западную Русь с Русским государством, но на пути к этому вставали «враждебные иноплеменники».

Достижение «естественных границ», как географических, так и этнографических, было завершено в начале XIX века. Дальнейшая экспансия объяснялась историком через призму внешнеполитических интересов. На востоке и юге, по мнению В. О. Ключевского, она была частично вынужденной и обуславливалась защитой единоверцев (Грузии, Армении). Завоевание Средней Азии объяснялось необходимостью защиты от набегов кочевников⁴³.

Стоит указать, что противостояние леса и степи, кочевого и земледельческого мира рефреном проходит через исторические труды российских историков второй половины XIX — начала XX века. Такой взгляд фиксировал предопределенность исторической конфронтации между европейской (христианской) и мусульманской (степной, азиатской) цивилизациями и народами, их представляющими. Попыткой переосмысления данного конфликтного нарратива можно назвать теорию Д. И. Иловайского о том, что главный символ кочевого мира — гунны, это, по сути, славяне⁴⁴. Впрочем, теория Д. И. Иловайского, хоть и вызвала полемику, оказалась слабой и быстро была отвергнута.

Труды С. М. Соловьева и В. О. Ключевского закрепили в отечественной историографии концепцию колонизации, сделав ее одной из ключевых в объяснении русской истории. Во многом она превратилась в элемент имперской идеологии и шире — национального мифа, выполняя аналогичную роль мифа о покорении фронта в американской истории. Если поместить концепцию в более широкий культурный и идеологический контекст, то можно легко заметить, что идея колонизации тесно переплетается с представлениями об особой цивилизационной миссии русских и Российской империи, особенно в восточных и южных регионах Евразии. Ею обосновывалась поселенческое движение на Кавказ, в Среднюю Азию и Сибирь⁴⁵.

VI

Традиции изучения колонизации как ключа к отечественной истории продолжали ученики В. О. Ключевского — М. К. Любавский, М. М. Богословский, Ю. В. Готье, А. И. Яковлев, С. В. Бахрушин и др.⁴⁶ Однако в основе их методологии лежали последние достижения позитивистской историографии, поэтому из их текстов почти исчезают понятия «естественных» границ и культуртрегерский пафос, зато акцентируются социально-экономические интересы государства и независимых участников колонизационного процесса.

Проблему колонизации не обошел и ученик В. О. Ключевского — П. Н. Милюков⁴⁷. В своих «Очерках по истории русской культуры» (выходили с 1896 по 1903 г.)⁴⁸ он во многом продолжал идеи С. М. Со-

ловьева о роли борьбы со степью в развитии русской государственности. Процесс колонизации, по его мнению, к концу XIX в. не был завершен и находился в активной фазе. Нельзя сказать, что Милюков внимательно рассматривает проблему места разных народов в истории России, однако он подчеркивает ее этническое разнообразие: «Пестрота племенного состава до сих пор превращает Россию в живой этнографический музей всевозможных народностей; инородческое население мы застаем здесь на всевозможных ступенях обрусения...»⁴⁹.

На идеях С. М. Соловьева и В. О. Ключевского строился и курс по исторической географии М. К. Любавского⁵⁰, прочитанный в Московском университете в 1908/1909 учебном году и вскоре изданный. Историк признавал колонизацию ключевым фактором развития России и ее территориального распространения. В курсе (в том числе и из-за его специфического предмета) присоединение территорий, в том числе и инородческих, рассматривалось не как завоевание, а как колонизационный процесс. При этом автор, пусть и без драматических эффектов, не сглаживал факты противостояния инородцев колонизационному движению сначала славян, а затем и русских. В изображении М. К. Любавского движение славян и их взаимодействие с финно-угорскими и литовскими племенами носили скорее не «мирный характер» (как у Соловьева и Ключевского), а напоминали *выдавливание* автохтонных жителей пришельцами. Однако для него очевидно культурное и экономическое превосходство и ассимиляционный потенциал сначала славян, а затем и великороссов, поэтому обрусение инородцев рассматривается им как широко распространенное и в целом закономерное явление⁵¹. Большую роль в обрусении сыграла христианизация, особенно при колонизации монастырями Севера. Но были и исключения. Например, особенностью мордвы автор называет ее этническую устойчивость и сохранение самобытности, рассказывая в курсе об «упорной и ожесточенной борьбе Мордвы с русскими»⁵².

Любавский принимал концепцию борьбы леса и степи, рассматривая кочевников в качестве важного, но внешнего фактора в колонизационных процессах. Татаро-монгольское нашествие в этой схеме являлось лишь продолжением дела печенегов и половцев. Завоевание и колонизация земель Казанского ханства объясняются тем, что «это было разбойничье гнездо», но здесь же лежали и торговые интересы Московского царства. «Занятие» Сибири определялось сначала част-

ной, а затем и подключившейся государственной инициативой и было обусловлено экономическими интересами.

Разумеется, «колониционный нарратив» М. К. Любавского сложно сравнивать с монументальными историческими полотнами его учителей — Соловьева и Ключевского. Однако он в концентрированной форме отразил состояние российской исторической науки начала XX века. В дальнейшем, уже в советское время, Любавский подготовит фундаментальный «Обзор истории русской колонизации» (был опубликован только в 1990-е гг.), а указанные лекции станут его основой.

Последним общественно-значимым дореволюционным академическим историческим нарративом можно назвать лекции С. Ф. Платонова, выдержавшие к 1917 году множество изданий (встречаются утверждения, что их было от 10 до 20, первое издание — в 1899 г., выходили под названиями «Лекции по русской истории», затем — «Полный курс лекций по русской истории»). С самого начала автор определяет жанр своего курса как национальную историю. В целом историк повторял базовые компоненты нарратива своих предшественников в отношении истории народов империи: борьба леса и степи, колонизация, русификация (причем у него она носила мирный характер). Платонов признавал роль финно-угорских племен в формировании великороссов. Казанское ханство он называл «хронической язвой московской жизни» и препятствием на пути русской колонизации. Присоединение Малороссии оценивалось как необходимый шаг в «исторической миссии» собирания русских земель. Интересно, что сам процесс присоединения на страницах курса фактически отсутствует. Богдан Хмельницкий вообще не упомянут. Далее автор настолько концентрируется на истории российского государства (пусть и с акцентом на социально-экономических факторах), что нерусские народы почти исчезают. Курс С. Ф. Платонова интересен прежде всего тем, что в нем была закреплена тенденция на описание истории России как русской истории (по сути — великоросской). Такой подход не учитывал имперское разнообразие, зато (пусть и не вполне осознанно) отражал сложившуюся имперскую асимметрию и этническую иерархию.

Итак, к началу XX в. российская историческая наука построила устойчивый государственно-национальный (общеемперский) нарратив. Его краеугольными камнями стали вполне типичные для европей-

ского исторического воображения того времени концепты или их вариации. Главным из них стала концепция колонизации, презентующая русскую историю как процесс окультуривания пространства обществом и государством. Миф о колонизации можно назвать ключевым компонентом национальной по форме и государственной по содержанию российской историографии. Он придавал истории телеологичность, определяя ее как процесс освоения земель, предназначенных русскому народу и государству. В этом смысле он подпитывал историческую легитимацию Российской империи и ее культуртрегерскую миссию. Однако нужно понимать, что уже во второй половине XIX в. конкуренцию государственно-национальному историческому нарративу составляли региональные и национальные истории народов Российской империи⁵³.

Примечания

- ¹ Автор приносит самую искреннюю благодарность за ценные замечания и советы известному историку А. А. Тесле.
- ² Миллер А. И. История империй и политика памяти. Наследие империй и будущее России. М., 2008. С. 57; Изгерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М., 2012. С. 138–141.
- ³ Berkhofer Jr., Robert F. Beyond the Great History as Text and Discourse. Cambridge, 1998. P. 40–41.
- ⁴ Канпелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 236.
- ⁵ По мнению Ю. Слезкина, «русская историческая наука, как профессиональное и имперское предприятие... выросла из изучения «нерусских» народов»: Слезкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Антология. М., 2005. С. 144.
- ⁶ Миллер А. И. История империй и политика памяти. С. 147–170.
- ⁷ Werth P. W. At the Margins of Orthodoxy. Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. Ithaca ; London : Cornell University Press, 2002; Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013.
- ⁸ Шнирельман В. А. В погоне за предками: Этногенез и политика. М. ; СПб., 2024. С. 54–101.
- ⁹ Стоит отметить феномен, согласно которому общеимперская история презентовалась как история государственно-национальная, т. е. история государства с вполне очевидным русским (точнее великорусским) национальным ядром.
- ¹⁰ Об изучении античного наследия юга России см.: Тункина И. В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002.
- ¹¹ Володина Т. А. У истоков «национальной идеи» в русской историографии // Вопросы истории. 2000. № 11–12. С. 3–18.

- ¹² Миллюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли // Миллюков П. Н. Очерки истории исторической науки / отв. ред., сост. и автор. предисловия М. Г. Вандалковская. М., 2002. С. 226.
- ¹³ Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. Из последних публикаций см.: Свердлов М. Б. История России в трудах Н. М. Карамзина. СПб., 2018.
- ¹⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. М., 1989. С. 14–15.
- ¹⁵ О генезисе понятия «монголо-татарское иго» см.: Селезнев Ю. В. Происхождение понятия «монголо-татарское иго» (терминологическая заметка) // Российская история. 2012. № 4. С. 107–110.
- ¹⁶ Тесля А. А. «Русский народ» и «Российское государство»: Н. А. Полевой vs Н. М. Карамзин // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 81–95.
- ¹⁷ Биографию см.: Иллерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980; Цимбаев Н. И. Сергей Соловьев. М., 1990; Кучурин, В. В., Дубровский А. М. Сергей Михайлович Соловьев: научно-педагогические взгляды и преподавательская деятельность. Брянск, 2020. Об интерпретации истории нерусских народов см.: Reddel Carl W. S. M. Solov'ev and Multi-National History // Russian History/Histoire russe. 1986. Vol. 13. № 4. Winter. P. 355–366.
- ¹⁸ Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 13–16.
- ¹⁹ Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977. С. 47.
- ²⁰ Соловьев С. М. Избранные труды. Записки / подгот.: А. А. Левандовский, Н. И. Цимбаев. М., 1983. С. 5.
- ²¹ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. I. История Российская с древнейших времен. Т. 1–2. М., 1988. Гл. 1; Кн. II. Т. 3–4. М., 1988. С. 631.
- ²² Там же. Кн. II. Т. 3–4. С. 599–600.
- ²³ Там же. Кн. V. Т. 9–10. М., 1990. С. 358.
- ²⁴ Там же. С. 179.
- ²⁵ Там же. С. 238.
- ²⁶ Там же. Кн. III. Т. 5–6. М., 1989. С. 148.
- ²⁷ Там же. С. 663.
- ²⁸ Там же. С. 461.
- ²⁹ Соловьев С. М. Лекции по русской истории 1867/68 года. XVIII — начало XIX века / предисл., подготовка текста, примеч. А. М. Дубровского, В. В. Кучурина. Брянск, 2020. С. 174.
- ³⁰ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. V. История Российская с древнейших времен. С. 504.
- ³¹ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С. М. Избранные труды / сост. Н. И. Цимбаев. М., 2010. С. 69.
- ³² Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VI. История Российская с древнейших времен. Т. 11–12. М., 1991. С. 179.
- ³³ Студеникин М. Т. Становление и развитие школьного исторического образования в России XVI — начала XX в. М., 2011. С. 146, 156.
- ³⁴ Белярминов И. Элементарный курс всеобщей и русской истории // Учебники дореволюционной России по истории. М., 1993. С. 5–180.
- ³⁵ Иловайский Д. Краткие очерки русской истории // Там же. С. 181–384.
- ³⁶ Матвеев А. В. Русская идентичность в дореволюционном учебнике по истории Д. И. Иловайского // Этнографическое обозрение. 2011. № 2. С. 67–74.

- ³⁷ Общую характеристику «Курса» см.: Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. Гл. 8. Обзор интерпретации истории нерусских народов: *Byrnes R. Kliuchevskii on the Multi-National Russian State* // *Russian History/Histoire russe*. 1986. Vol. 13. № 4. Winter. P. 313–330.
- ³⁸ Шаханов А. Н. Русская историческая наука... С. 110–147; Вандалковская М. Г. Тема «Соловьев-Ключевский»: суждения ученых // С. М. Соловьев и его эпоха: к 200-летию со дня рождения историка: Мат. Всерос. науч. конф. с международным участием, Москва, 20–21 октября 2020 г. М., 2020. С. 223–230.
- ³⁹ Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. I. Курс русской истории. М., 1987. С. 50.
- ⁴⁰ Там же. С. 297–298.
- ⁴¹ Там же. Т. III. Курс русской истории. М., 1988. С. 85.
- ⁴² Там же. С. 85–86.
- ⁴³ Там же. Т. IV. Курс русской истории. М., 1989. С. 177–179.
- ⁴⁴ Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси. М., 2015 (первое издание — 1876 г.).
- ⁴⁵ Masoero A. Territorial Colonization in Late Imperial Russia: Stages in the Development of a Concept // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2013. № 1. (14). P. 63–65.
- ⁴⁶ Тихонов В. В. Московская историческая школа во второй половине XX века. СПб.; М., 2012. Гл. 3.
- ⁴⁷ П. Н. Милоков читал курсы по истории колонизации (см.: Макушин А. В., Трибунский П. А. Павел Николаевич Милоков: труды и дни: 1859–1904. Рязань, 2001. С. 47).
- ⁴⁸ Общая характеристика «Очерков» см.: Вандалковская М. Г. П. Н. Милоков, А. А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992. С. 141–160.
- ⁴⁹ Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1896. С. 51–52.
- ⁵⁰ Топычканов А. В. Формирование историко-географических представлений М. К. Любавского в контексте развития исторической географии в России // *Археографический ежегодник за 2011 г.* М., 2014. С. 291–302.
- ⁵¹ Дискуссию об ассимиляции финно-угорских народов и их роли в формировании антропологического типа великоросса см.: Лескинен М. В. Указ. соч. Гл. 4.
- ⁵² Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909. С. 118.
- ⁵³ Толочко А. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев, 2012; Тесля А. А. Создавая единую историю // *Ученые заметки ТОГУ*. 2014. Т. 5. № 2. С. 286–296; Мегем М. Е. «Русская Литва» в концепции Н. Г. Устрялова // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2014. № 12. С. 14–20 и мн. др.

А. Д. Уварова,
*магистрантка исторического факультета
Историко-архивного института РГГУ*

«НЕЛЬЗЯ УПРАВЛЯТЬ ФЛОТОМ С БЕРЕГА, ТАКЖЕ КАК НЕЛЬЗЯ УПРАВЛЯТЬ АРМИЕЙ С КОРАБЛЯ»:

**вопрос об объединении высшего командования
армией и флотом в военное время в Совете
государственной обороны (1906–1909 гг.)**

Поражение Российской империи в Русско-японской войне 1904–1905 гг. поставило на повестку дня проблему координации действий сухопутных и военно-морских сил в военное время. Отсутствие этого признавалось современниками как один из факторов, повлиявших на ее неудачный исход. В анонимной записке «Единство армии и флота и высшее командование», подготовленной одним из представителей морского ведомства для осмысления опыта минувшей войны, подчеркивалось, что несогласованность в действиях была обусловлена проблемой организации высшего командования, которая «создавала коренное разногласие высших начальников на значение тех или других операций на суше и на море в общем ходе военных действий». Проблема эта была вызвана, по мнению современника, в первую очередь отсутствием «органической связи армии и флота в работе по подготовке к войне»¹.

После войны для организации взаимодействия Военного и Морского министерств, а также других правительственных учреждений по вопросам выработки согласованных планов применения вооруженных сил был создан особый надведомственный орган, подчиненный напрямую императору, — Совет государственной обороны (далее СГО). Его деятельность была связана с разработкой целого ряда военных реформ, направленных на подготовку к будущему конфликту

на европейском пространстве. Наряду с проектированием стратегических планов и программ строительства вооруженных сил, получивших свое широкое отражение в историографии², в рамках СГО активным образом также разрабатывался вопрос об организации высшего командования армией и флотом в военное время на случай их совместных действий, чем было обозначено стремление преодолеть их ведомственную обособленность.

Проблема взаимодействия двух видов вооруженных сил в годы войны с Японией, послужившая толчком к подготовке соответствующих реформ, состояла в том, что высшее командование вооруженными силами во время войны оказалось не централизованным, в результате чего действия армии и флота в большинстве случаев не были согласованными. Несмотря на то, что первоначально управление всеми сухопутными и морскими вооруженными силами было сосредоточено в руках наместника на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева, которому были предоставлены права главнокомандующего согласно высочайшему указу, это назначение, как заметил А. В. Ремнёв, «не избавило от параллелизма в управлении войсками»³. Такому положению способствовала ведомственная обособленность между армией и флотом. Именно она препятствовала плодотворному сотрудничеству высших военно-морских и сухопутных должностных лиц, как это справедливо подчеркивалось в приведенной анонимной записке. В частности, это выразилось в том, что еще в годы Боксерского восстания в Китае в 1899–1901 гг. не удалось добиться единоначалия в вопросе управления войсками: военный министр генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин выступал против «передачи Алексееву командования всеми войсками в Маньчжурии», считая, что он является недостаточно компетентным лицом в вопросе управления сухопутными силами. Из-за этого высшее командование армией было разделено между Алексеевым и генерал-губернатором Приамурского края генерал-лейтенантом Н. И. Гродековым. Перед войной с Японией в результате сложилась практика, согласно которой «морское и сухопутное военное начальство игнорировали друг друга и общались между собой лишь через подчиненных лиц»⁴.

Поэтому, несмотря на формальное единоначалие всех вооруженных сил в лице Алексеева в 1904 г., с момента вступления Куропаткина

в должность командующего Маньчжурской армией между двумя военачальниками «начались постоянные трения и конфликты»⁵, которые выражались также в совершенно разном видении планов применения вооруженных сил. Так, «на Квантунский укрепленный район и морскую базу Порт-Артур командующий Маньчжурской армией смотрел как на самостоятельный отдельный театр военных действий, который не должен был отвлекать Маньчжурскую армию от прямой, главной её задачи», тогда как Алексеев считал «главной задачей армии — сосредоточение её в южной части Маньчжурии и поддержку морской базы Порт-Артура»⁶.

Нежелание Куропаткина следовать указаниям своего непосредственного начальника в лице Алексеева, вероятно, могло подкрепляться также тем, что, согласно действовавшему в то время «Положению о полевом управлении войск в военное время» 1890 г., именно он имел возможность стать главнокомандующим. Так, в статьях указывалось, что в случае формирования на особом театре военных действий только одной армии её командующему могли быть предоставлены права главнокомандующего⁷. После отставки Алексеева и назначения на должность главнокома всеми сухопутными и морскими силами Куропаткина несогласованность в действиях армии и флота также продолжала существовать, т. к. от нового главнокома не было дано никаких указаний «относительно той стратегической задачи, которая должна была выполнить 2-я Тихоокеанская эскадра по приходе в воды Дальнего Востока» и последующие её действия «не были соображены с ходом военных действий на сухом пути на Квантунском полуострове, ни в Маньчжурии»⁸.

Чтобы избежать в будущем конфликте с Тройственным союзом подобной проблемы, негативно сказавшейся на исход прошлой военной кампании, была предпринята попытка создания определенной правовой базы, предусматривавшей случаи совместных действий армии и флота, каковой прежде не существовало⁹. Это выразилось в подготовке проекта нового «Положения о полевом управлении войск в военное время» 1908 г. Также разработка вопроса о согласовании действий военно-морских и сухопутных сил отразилась в предметном обсуждении на заседаниях СГО предположений о способах подчинения Балтийского и Черноморского флотов в будущей войне на европейском театре военных действий.

Подготовка проекта «Положения о полевом управлении войск в военное время» в 1907–1908 гг.

Потребность в разработке новой версии «Положения о полевом управлении», как отмечает Г. В. Кожевникова, возникла еще до начала Русско-японской войны, однако ее не удалось осуществить ввиду начавшегося конфликта¹⁰. К этому вопросу вернулись в начале 1906 г., когда в Главном управлении Генерального штаба (далее ГУГШ) был подготовлен соответствующий доклад, также относящийся к проблемам управления сухопутными силами¹¹, а вопрос об объединении управления флота и армии был поднят уже в дальнейшем на заседаниях СГО. Он получил свое выражение после создания 28 ноября 1906 г. отдельной комиссии при СГО по разработке нового «Положения о полевом управлении» под председательством генерала от кавалерии барона А. А. Бильдерлинга. В докладе председателя от 8 января 1907 г. приводились высочайше одобренные руководящие основания нового проекта, среди которых была принята во внимание и «возможность случая совместной деятельности сухопутных и военно-морских сил на театре, и соответственное этому объединение руководства ими в одном лице». Разработка главных разделов «Положения» была возложена на подкомиссии¹², а подготовка статей, касавшихся проблемы взаимодействия сухопутных и военно-морских сил, была поручена состоявшему при Военном министерстве генерал-лейтенанту А. П. Протопопову, «который уже занимался разработкой этого вопроса в Совете государственной обороны»¹³. Как отмечается, комиссия являлась межведомственной, т. к. в нее вошли представители не только от военного ведомства, но также от гражданских¹⁴ и от морского. Первоначально от морского ведомства в состав вошел только обер-офицер Морского генерального штаба (далее МГШ) лейтенант П. П. Владиславлев¹⁵, но в дальнейшем к нему присоединился начальник Морской походной канцелярии его императорского величества капитан 1-го ранга граф А. Ф. Гейден, «который уже работал с генерал-лейтенантом Протопоповым в Совете государственной обороны»¹⁶ и являвшийся близко знакомым с этим делом. Также в деятельности комиссии от морского ведомства принимал участие контр-адмирал в отставке И. А. Петров¹⁷.

Принципы, которые в дальнейшем легли в основу организации высшего управления армией и флотом в проекте нового «Положения», были разработаны на заседании СГО 4 марта 1907 г. По его результатам высочайшему утверждению последовало, что 1) командование над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими на одном театре военных действий (далее ТВД), должно быть объединено под началом главнокомандующего, которому также предоставлялось право «временного или постоянного объединения власти над совместно действующими сухопутными и морскими вооруженными силами — в лице одного из подчиненных ему сухопутных или морских начальников»; 2) командующему армией также предоставлялась возможность постоянного подчинения части морских сил, равно как и командующему флотом могли быть определены в подчинение сухопутные отряды, почему их должности должны были быть полностью уравнены между собой по служебной иерархии, а также в правах и обязанностях, 3) для управления морскими силами, подчиненными сухопутному главному, в состав штаба главного «должен быть включен специальный орган для подлежащих докладов и передачи соответствующих распоряжений главнокомандующего по морским вопросам», который мог быть организован «или в виде Военно-морского отдела штаба, или в лице особого докладчика (флаг-капитана), при коем должны состоять один или два младших офицера в качестве его помощников», 4) по этому же принципу выстраивался способ управления частями морских сил, подчиненных командующему армией — в его штаб включался военно-морской орган, организация которого «должна быть произведена на тех же основаниях, как и в штабе главнокомандующего», равно как в штабе командующего флотом планировалось учредить подобный военно-сухопутный орган для тех же целей¹⁸.

Разработке была также подвергнута организация командования над частями сухопутных и военно-морских сил при совместных действиях, «общее командование над коими не было предварительно установлено высшим начальством»¹⁹. В таком случае предполагалось, что подчинение должно основываться по принципу старшинства между командными лицами сухопутных и морских частей, для чего было необходимым установить соответствие «между строевыми должностями военного и морского ведомств»²⁰. Вероятно, что подобное решение

являлось поиском некоего компромисса, однако, забегая вперед, отметим, что данный способ подвергся основательной критике со стороны Морского министерства, что будет подробно раскрыто в дальнейшем.

Вопрос об объединении высшего управления сухопутными и морскими вооруженными силами в военное время должен был выразиться не только в составлении проекта нового «Положения о полевом управлении». Аналогичным изменениям обязан был подлежать и Морской устав, в который планировалось включить точно такие же постановления — это было самым главным руководящим основанием, разработанным на данном заседании в СГО. В соответствии с этим определялось, что положение о главнокомандующем должно было иметь такую общую редакцию, чтобы оно могло входить как в «Положение о полевом управлении», так и в Морской устав. На заседании СГО 5 марта 1908 г. состоявший при особе царя генерал-адъютант Н. Н. Ломен, которому была поручена разработка новой версии Морского устава, указал, что положение о главкоме могло подлежать полному включению в редакцию Устава «с некоторыми лишь специальными добавлениями»²¹ (вероятно, по морской части), благодаря тому, что комиссии Бильдерлинга удалось его разработать «настолько гибко», что оно могло «быть вполне применимо ко всем вероятным случаям организации высшего управления вооруженных сил во время войны»²². Однако в результате редакция Морского устава не была осуществлена: в 1908 г. Н. Н. Ломен был уже болен, почему и на заседаниях СГО не присутствовал лично, а предоставлял туда свои мнения в письменном виде, а в 1909 г. он скончается. Свое отражение находит только то, что в 1910 г. в МГШ поднимался вопрос о составлении новой версии Устава, в первую очередь для внутренних потребностей военно-морской службы, а потом уже для регламентации порядка управления вооруженными силами в случае проведения совместных действий. Были подготовлены частичные проекты Морского устава, но серьезной разработки исследуемого нами вопроса в них не последовало²³. Сами попытки реформировать Морской устав не были реализованы, и в его новом издании, которое выйдет только с началом Первой мировой войны, будут содержаться старые постановления относительно способа управления вооруженными силами, действовавшие еще во времена Русско-японской. МГШ попытается провести новую редакцию Устава, направленную на согласование системы управле-

ния вооруженными силами в целях изменить порядок подчиненности Черноморского флота, уже во вторую половину 1914 г., но подготовленные проекты также останутся неутвержденными²⁴. Поэтому единственным результатом межведомственного сотрудничества по данному вопросу стал проект «Положения» 1908 г. Закончить его разработку предполагалось в короткий срок — к лету 1907 г.²⁵, но на деле он был подготовлен только в конце 1908 г.²⁶

Обращаясь к постатейному анализу проекта данного «Положения о полевом управлении», следует отметить, что все перечисленные выше основания, разработанные СГО, действительно были воплощены полностью. При этом проектируемая система управления вооруженными силами отличалась вариативностью — она допускала совершенно разные комбинации, при которых могло бы осуществляться высшее командование армией и флотом (см. схему на с. 360).

Согласно «Положению», основным способом являлось подчинение всех сухопутных и военно-морских сил, действующих на одном ТВД, а также всех крепостей главнокомандующему²⁷, который должен был давать только общие указания командующим армиями и командующему флотом «относительное ведения военных действий»²⁸, тем самым предоставляя им полную самостоятельность в избрании способов достижения поставленных целей. В объяснительной записке к проекту «Положения» указывалось, что на одном ТВД предполагалось сосредоточение трех или четырех командующих армиями и одного командующего флотом «при совместных действиях с морскими силами»²⁹, однако главному также определялись в подчинение, в случае формирования таковых, отдельные корпуса и отдельные эскадры³⁰. Вероятно, что флагман отдельной эскадры должен был бы пользоваться правами командующего флотом (не отдельным), как это предполагалось с командиром отдельного корпуса³¹, однако ни в статьях «Положения», ни в таблице дисциплинарных и хозяйственных прав начальствующих лиц, разработанной в качестве приложения к данному проекту, не указывалось на то, какими правами он мог обладать³². Возможно, что указание на это должно было оформиться в Морском уставе.

Командующий флотом и командующий армией, подчиненные главному, могли руководить частями морских и сухопутных сил³³, как это и указывалось в постановлении СГО. Также им мог быть определен в заведование, по высочайшему повелению или приказом главно-

комендант крепости³⁴. Для регламентации порядка управления командующим флотом и командующим армией других видов вооруженных сил в статьях «Положения» было согласовано их правовое положение. Так, прописывалось, что эти должностные лица «по своему служебному положению равны»³⁵, им переходили права и обязанности друг друга для управления частями сухопутных и морских сил³⁶, а подготовленная комиссией сравнительная таблица сухопутных и морских должностей различного звена, которая приводила их в уравнивание, способствовала определению в подчинение только тех лиц, которые были ниже их «коллеги» по служебной иерархии³⁷ (см. таблицу).

***Сравнительная таблица сухопутных и морских должностей
при совместных действиях сухопутных войск с частями
флота согласно проекту «Положения о полевом управлении
войск в военное время». 1908 г.¹***

В армии	Во флоте
Командующий армией	Командующий флотом
Командир корпуса	Начальник эскадры или отдельного отряда
Начальник дивизии	Начальник дивизии
Командир полка	Начальник дивизиона Командир судна 1-го ранга
Командир отдельного батальона	Командир судна 2-го ранга
Командир батальона	Командир судна 3-го ранга

Другие же варианты организации высшего командования вооруженными силами, которые предусматривались проектом «Положения», заключались в том, что во главе ТВД мог быть поставлен как командующий отдельной армией, так и командующий отдельным флотом, что было разработано на случай, если одной армии или одному флоту ставилась самостоятельная стратегическая задача³⁸. Командующему отдельной армией присваивались права главкома, и, в случае, «если по условиям театра войны отдельная армия действует совместно с флотом»³⁹, он становился во главе всех вооруженных сил⁴⁰. Ко-

¹ Составлено по: РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–2. Д 1229. Л. 181.

манующему отдельным флотом могли быть также «по высочайшему повелению присвоены права главнокомандующего»⁴¹, перечень которых был определен в таблице дисциплинарных и хозяйственных прав⁴², однако о возможности подчинения ему сухопутных сил не указывалось прямо. Косвенно о такой вероятности могут свидетельствовать те предоставленные командующему отдельным флотом права главнокома, которые позволяли объединять общее командование над частями сухопутных и морских сил в лице одного из подчиненных, а также право изменять состав сухопутных сил⁴³.

Организация управления подчиненных главному, командующему армией и командующему отдельной армией морских сил также была определена в соответствии с постановлением СГО от 4 марта 1907 г. В этих сухопутных полевых штабах должны были учреждаться Военно-морские отделы (далее ВМО), находившиеся в распоряжении у начальника штаба, в которых сосредотачивалось делопроизводство по всем распоряжениям главнокома или командующего армией (отдельной и не отдельной) относительно «выполнения флотом намеченных ему военных операций»⁴⁴. Начальник ВМО назначался из числа флотский офицеров строевого состава, в его обязанности входил сбор сведений о действиях военно-морских сил, «о мерах, принимаемых для снабжения флота»⁴⁵, о всех распоряжениях командующего флотом и т. п., а также он имел право непосредственной связи со штабом командующего флотом, командирами портов, центральными и местными учреждениями морского ведомства. Для штаба командующего не отдельной армией также предполагалась возможность простого зачисления в состав штаба армии флотского офицера строевого состава вместо создания ВМО на тот случай, когда командующему армией подчинен незначительный состав военно-морских сил⁴⁶. По аналогии с ВМО, в случае подчинения сухопутных сил морским начальникам, в их штабах должны были учреждаться военно-сухопутные отделы⁴⁷. Подробная регламентация их устройства, а также штат не предусматривались проектом «Положения» — вероятно, что эта часть также должна была быть представлена уже в Морском уставе.

Как можно видеть, ВМО был предназначен для осуществления консультативной, канцелярской работы, но не для разработки планов оперативного применения военно-морских сил. И так было определено не случайно. Первоначально, еще в 1906 г., при подго-

товке А. П. Протопоповым вопроса о создании такого специального органа в штабе главкома в случае совместных действий сухопутных и военно-морских сил, предполагалось, что он будет осуществлять также планирование действий флота⁴⁸. Однако в дальнейшем в СГО отказались от этой идеи, что обосновывалось стремлением предоставить командующему флотом полную самостоятельность в достижении поставленных стратегических целей⁴⁹. В основе такого решения прослеживается рецепция опыта минувшей войны. Наличие на одном ТВД главкома в виде Алексеева и подчиненных ему флагманов привело к тому, что самостоятельная инициатива, которая была предоставлена им согласно статьям Морского устава, оказалась стесненной. Виной этому было личное стремление Алексеева, командовавшего флотом «с берега»⁵⁰, полностью контролировать все действия флота и его начальников. Например, это выразилось в вопросах назначения командного состава. Командующий Тихоокеанским флотом вице-адмирал С. О. Макаров после прибытия в Порт-Артур стал назначать командирами судов отличившихся в военное время боевых офицеров, а не тех, кто отбывал в тот момент ценз, не считаясь, таким образом, со старшинством. Это вызвало большое недовольство со стороны Алексеева, т. к. ввиду того, что «командование кораблем 1-го ранга открывало путь в адмиралы»⁵¹, его кандидаты на чинопроизводство лишались этой возможности, поэтому он опротестовывал распоряжения Макарова, несмотря на то что право осуществлять подобные назначения принадлежали командующему флотом непосредственно. В результате на этой почве между Алексеевым и Макаровым начались постоянные конфликты, и после гибели последнего Алексеев вовсе добился ограничения прав командующего флотом — из статей Морского устава было изъято право назначать командиров судов 1-го и 2-го рангов, которое стало принадлежать только главкому флотом⁵². Но особенно вопиющим образом эта проблема выразилась в указаниях весной–летом 1904 г. временно исполнявшему должность старшего флагмана и командующего эскадрой Тихоокеанского флота контр-адмиралу В. К. Витгефту прорываться во Владивосток без внимания к изменяющейся обстановке и условий войны, почему, по предположению А. А. Киличенкова, «истинным мотивом адмирала Алексеева было вновь получить возможность прямого командования эскадрой, которое он утратил

после отъезда из Порт-Артура»⁵³. В свою очередь, ради удовлетворения своего желания Алексеев своими «подробнейшими инструкциями, указаниями, предписаниями, которые очень скоро перестали соответствовать обстановке [...] не только поставил в сложное положение командующего эскадрой, но и связал инициативу командиров эскадры»⁵⁴.

Поэтому, уже в рамках СГО, законодатели старались избежать подобного положения — возвышение морского чина над командующим флотом, который мог бы стеснять инициативу флотоводцев. Эта мысль также отражается в позиции начальника МГШ контр-адмирала А. А. Эбергарда относительно способа подчинения начальника ВМО. П. П. Владиславлев в своем отдельном докладе выступил против его подотчетности начальнику штаба, считая, что начальник ВМО должен являться представителем командующего флотом, т. к. последний находится в удалении от местопребывания главнокома и не имеет возможности постоянно с ним взаимодействовать как командующие армиями, почему, по его мнению, «лишить этого человека права докладывать непосредственно главнокомандующему почти все равно, что лишить этого права командующего флотом»⁵⁵. Резолюция Эбергарда на данный доклад является вполне красноречивой: «Не придаю никакого значения личному докладу, тогда как командующий флотом адмирал, кроме общих приказаний главнокомандующего, будет вполне самостоятельный начальник в достижении задач флота»⁵⁶. И, что самое главное, начальник МГШ подчеркнул, что *«высокое положение морского чина в штабе главнокомандующего может повести к вмешательству к командованию флотом из полевого штаба (выделено мной. — А. У.)»*⁵⁷. Примечательно, что официальная позиция морского ведомства по данному вопросу в дальнейшем будет основываться на мнении не Эбергарда, а Владиславлева. Однако, прежде чем перейти к отзывам и заключениям к проекту нового «Положения о полевом управлении», для понимания представленных в них замыслов и их анализа необходимо осветить предметную дискуссию относительно способов организации высшего командования флотами, развернувшуюся в рамках заседаний СГО и шедших параллельно с разработкой проекта «Положения», т. к. в них отражаются также общие идеи относительно данного вопроса.

Обсуждение способов организации подчинения Балтийского и Черноморского флотов в рамках СГО

Постановление СГО от 4 марта 1907 г. предусматривало объединение управления армией и флотом в случае их совместных действий в одном лице «всегда и везде»⁵⁸. А руководящее основание для определения способов организации высшего командования для Балтийского и Черноморского флотов было также заложено в данном постановлении в части, которая была посвящена указанию начальникам ГУГШ и МГШ совместно разработать планы стратегического применения военно-морских сил для обеспечения обороны морских побережий⁵⁹. В этом распоряжении была представлена идея о разделении флота на независимый, и тот, который оперирует только для обеспечения береговой обороны. Однако два этих подхода в результате привели к развернутой дискуссии, связанной с различным пониманием предназначения флотов в будущей войне. Это отразилось на появлении совершенно разных предположений об их подчинении, равно как и сам принцип объединения управления вооруженными силами «всегда и везде» подвергся сомнению.

По мнению начальника ГУГШ генерала от инфантерии Ф. Ф. Палицына, изложенному в докладе от 31 января 1908 г., оперирующем специально для береговой обороны, должен был стать Балтийский флот, т. к. он, по его мнению, не имел «самостоятельной роли в борьбе с неприятельскими морскими силами»⁶⁰, почему он «должен с первого дня войны быть всецело подчинен командующему сухопутными нашими силами, защищающими Балтийское побережье в пределах Петербургского и Виленского военных округов»⁶¹. До этого высочайшим повелением императора Николая II от 16 января 1907 г. было определено, что Балтийский флот, в случае начала военных действий, должен быть определен «в непосредственное распоряжение главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа» «для подавления вооруженной силой попытки к восстанию в Финляндии»⁶².

В целом, указание на идею о подчинении Балтийского флота сухопутным силам является не новым для историографии⁶³, т. к. в годы Первой мировой войны оно и будет реализовано — флот окажется под руководством VI отдельной армии, которая будет сформирована

на основе Петроградского военного округа. Представление об оборонительных задачах флота, о невозможности противоборства с превосходящими силами противника в исследуемый нами период были вызваны потерей почти всего состава сил флота в годы Русско-японской войны: «Очевидно, что никаких иных задач, кроме “обороны отечественных берегов”, слабый Балтийский флот решить был не в состоянии — в 1907 г. Россия располагала здесь тремя линейными кораблями против 19 германских, шестью крейсерами против 31 германского и 70 миноносцами (не считая устаревших номерных) против 98 у немцев»⁶⁴. Хотя подобные предположения возникали и раньше — еще в 1903 г., т. е. до потери флота в Цусимском сражении, вопрос об объединении управления военно-морскими силами Балтики и VII отдельной армии, предназначавшейся для обороны Балтийского побережья⁶⁵, обсуждался на Особом совещании, состоявшем из представителей военного и морского ведомств⁶⁶. Далее, 12 июля 1903 г. последовало высочайшее указание императора подчинить все военно-морские силы главному VII армии⁶⁷, что, возможно, могло следовать из оценки темпов строительства флота Германией и Россией.

Так или иначе, после возникновения двух повелений императора в 1903 и 1907 гг. этот способ подчинения Балтийского флота не вызывал оживленных дискуссий в СГО — председатель подкомиссии Особого совещания при СГО о взаимоотношениях сухопутных и морских начальников при обороне Балтийского побережья генерал от инфантерии Н. Н. Белявский подчеркнул, что «вопрос о взаимоотношениях на Балтийском театре казался до того бесспорным, что не представлялось необходимым возбуждать о том и речь, и находящиеся тогда в Совете высшие чины морского ведомства не возражали по этому поводу»⁶⁸. Представленное суждение, в общем и целом, подтверждается стенограммой заседания СГО 5 марта 1908 г. по вопросу об объединении управления вооруженными силами, в рамках которого способ организации высшего командования Балтийским флотом не вызвал ни со стороны представителей военного ведомства, ни от большинства представителей морского (А. Ф. Гейдена, члена Государственного совета генерал-адъютанта Ф. В. Дубасова, Н. Н. Ломена) возражений⁶⁹.

Однако высказанное мнение морского министра генерал-адъютанта И. М. Дикова, на наш взгляд, нельзя считать таковым же. Начать нужно с того, что в своих теоретических рассуждениях над во-

просом о подчинении флота при совместных действиях, не подвергая сомнению недопустимость двоевластия при совместных действиях армии и флота, и уже существовавший высочайше утвержденный способ организации высшего командования вооруженными силами при совместных действиях⁷⁰, он тем не менее завел речь о возможности применения флота для решения самостоятельных задач. Ввиду этого Диков намекнул на потребность определения иного порядка подчинения: «В тех случаях, когда, согласно плану войны, флоту предстоит выполнение каких-либо особых независимых от сухопутных войск действий, то командующему флотом адмиралу следует предоставить самостоятельность, так как нельзя управлять флотом с берега, так же как нельзя управлять армией с корабля»⁷¹. А далее он отдельно выделил, что «следует определенно установить, что если по плану войны флоту предстоит действовать в открытом море, то инициатива командующего адмирала не должна быть стеснена ожиданием распоряжений с берега»⁷².

Поэтому, несмотря на то что Диков указал на отсутствие у него возражений относительно предложения начальника ГУГШ подчинить Балтийский флот командующему отдельной армией «при настоящем его составе»⁷³, тем не менее он выразил возможность пересмотра этого положения: «Если флот этот возрастет и будет способен действовать в открытом море, порядок подчинения должен быть установлен такой же, как и в Черном море»⁷⁴. Надо заметить, что до такого положения было очень далеко: по подсчетам МГШ, отраженных в высочайше утвержденном 19 марта 1907 г. «Большом плане войны 1907 г.», в котором были разработаны основания для оперативного применения военно-морских сил⁷⁵, предполагалось, что к действиям в открытом море Балтийский флот сможет перейти только (!) к 1920 г.⁷⁶ Безусловно, в то время представление о начале конфликта в Европе соответствовало этой дате⁷⁷, однако за словами морского министра могли стоять несколько иные соображения.

Если мнение Дикова относительно самого принципа организации высшего командования вооруженными силами, так и в отношении к случаю с Балтийским флотом на заседании СГО прозвучало весьма сдержанно, то в последовавшем после этого отдельном докладе от 8 марта 1908 г. им был сформулирован принципиально отличный взгляд на данный вопрос. Рассуждая теоретически насчет возможно-

сти объединения управления армией и флотом при их совместных действиях, он заявил о том, что военно-морской театр всегда является отдельным ТВД. Несмотря на то, что цель у вооруженных сил, «в сущности, одна и та же — подчинить своей воле волю противника», «непосредственные цели и объекты действий» для армии и флота будут всегда разными, т. к. для сухопутных сил объектом воздействия являются неприятельские силы на суше, а флот предназначен только для осуществления противоборства с военно-морскими силами противника⁷⁸. Ввиду этого, по мнению Дикова, даже если состав флота значительно уступает силам противника и даже в том случае, если военно-морские силы находятся на второстепенном театре⁷⁹, морской ТВД все равно является отдельным: «Морские силы, как бы они малы ни были, и на второстепенном театре, всегда имеют целью воздействие на флот противника». Поэтому командующий такими морскими силами должен быть подчинен «только общему главнокомандующему или лицу, уполномоченному на то высочайшей властью»⁸⁰.

Как можно видеть, здесь абсолютно полностью представлена мысль о самостоятельности морского начальника на Балтийском театре. Исходя из этих рассуждений, можно утверждать, что морской министр отстаивал мысль о подчинении Балтийского флота не командующему отдельной армией, а общему главкому. При этом Диков выделил основания, в соответствии с которыми следовало бы определять, представителем какого ведомства следует назначать главкома: «Если главный театр будет морской, то главнокомандующий может быть только на флоте, если сухопутный — то в армии»⁸¹.

В соответствии с этим же принципом — определение способа подчинения на основании того, каким силам принадлежит главная стратегическая задача — было подвергнуто критике положение о подчинении частей сухопутных и военно-морских сил при совместных действиях исходя из принципа старшинства, что упоминалось нами ранее при анализе статей проекта «Положения о полевом управлении». Диков отметил, что взаимные отношения сухопутных и морских начальников должны определяться характером операции: так, «если флот или какая-либо часть морских сил только содействует сухопутным, то морские силы должны подчиняться сухопутному начальнику, хотя бы он был моложе чином»⁸², равно как и сухопутные силы при действии флоту должны подчиняться морскому начальнику, невзирая

на старшинство. При этом он замечал, что в подобных случаях ни морской, ни сухопутный начальник не могут непосредственно управлять действиями частей другого вида вооруженных сил ввиду представления об отсутствии у них подобной компетенции, а могут ставить только общие цели.

Следует сказать, что все эти концепции были разработаны не морским министром — доклад Дикова почти полностью коррелирует с мыслями, представленными в «Записке по вопросу о взаимоотношениях военных и морских начальников при совокупных действиях сухопутных и морских сил», подготовленной штаб-офицером исторического отдела МГШ лейтенантом А. В. Немитцем⁸³. Поэтому, по всей вероятности, он опирался именно на идеи, сформулированные в МГШ. В записке Немитца как раз можно встретить представления о том, что правильное объединение управления при наличии противника и на море, и на суше, может быть определено только в лице общего главкома⁸⁴, что подчинение морских частей сухопутным начальникам и обратно возможно только в том случае, если неприятель имеется только на суше или только на море⁸⁵, и что нельзя допускать возможность для сухопутного или морского начальника осуществлять непосредственное руководство над другим видом вооруженных сил⁸⁶. Эти теоретические положения и лягут в основу тех замечаний, которые представит МГШ на проект «Положения о полевом управлении» 1908 г.

Таким образом, можно видеть, что за 3 дня морской министр с утверждения о том, что Балтийский флот может быть определен в подчинение командующему отдельной армией ввиду его слабого состава, перешел к диаметрально противоположному суждению о том, что даже в этом случае флотом должен руководить только общий главком. Поэтому очевидно, что за этим всем скрывалось нежелание подчинять флот командующему отдельной армией.

При этом стоит заметить, что в аргументации данной позиции прослеживается не совсем правильное понимание сути такого подчинения. В части, где Диков указывал на возможность осуществления высшего командование флотом только общему главкому, его тезис звучал следующим образом: «Командующий морскими силами всегда выполняет отдельную задачу особенными от армии приемами и средствами, а, следовательно, должен быть так же независим, как

командующие отдельными армиями, т. е. может быть подчинен только общему главнокомандующему (выделено мной. — А. У.)»⁸⁷. Командующий отдельной армией, равно как командующий отдельным флотом, как это указывалось в предыдущей части нашего исследования, согласно проектируемым статьям «Положения о полевом управлении» не подчинялись главному, они пользовались его правами и подчинялись напрямую императору. Указания, которые мог давать командующий отдельной армией подчиненным военно-морским силам, могли быть только общими согласно этим же статьям. И так было определено с самого начала — в неоконченных редакциях проекта за 1907 г. эти положения присутствуют⁸⁸. Поэтому кажется, что нежелание определять флот в подчинение командующему отдельной армией могло возникнуть из-за неверного представления о том, что последний находится в распоряжении у главнокома, как командующий обычной, частной армией.

Впрочем, в дальнейшем, за подчинение Балтийского флота только общему главному выступил и Н. Н. Белявский. Освещая дискуссию ГУГШ и МГШ насчет оценки значения этого театра, он присоединился к мнению морского ведомства о важности именно Прибалтийского ТВД, а не Западного, поддержав при этом мысль о том, что «задача обороны Финского залива должна лечь по преимуществу на флот, которому должно принадлежать на Балтийском театре первенствующее значение»⁸⁹, а не на сухопутные силы. На основании этого он считал, что Балтийский флот не может подчиняться командующему армией, а должен войти в подчинение только общему главному, т. к. обратное положение вещей не имело основания с оперативной точки зрения. Но здесь важно указать на обстоятельства, повлиявшие на возникновение этого мнения. 3 февраля 1909 г. императором были утверждены высочайшие основания командующим войсками на случай войны с державами Тройственного союза, в соответствии с которыми V армия, на которую была возложена задача по обороне столицы с суши и с моря, не была отдельной и подчинялась общему главному⁹⁰. Это было вызвано тем, что организация высшего командования в данном документе регламентировалась в соответствии со старым «Положением о полевом управлении» 1890 г., а не на основании нового проекта 1908 г. и высочайших указаний 1907 и 1908 гг. относительно способов подчинения флотов. Дело в том, что на тот момент времени проект но-

вого «Положения» не был утвержден, почему, согласно высочайшему указанию, было установлено, что до этого момента следует руководствоваться старым законоположением при всех мобилизационных работах⁹¹. Именно ввиду этого высочайшего указания Белявский и выступал против подчинения Балтийского флота командующему армией, поэтому здесь обсуждение данного вопроса выступает в связи с несколько иными обстоятельствами.

Гораздо более оживленные дискуссии в СГО возникли относительно способа организации высшего командования Черноморским флотом, и именно здесь принцип объединения управления военно-морскими и сухопутными силами «всегда и везде» подвергся сомнению. Дело в том, что Черноморский флот, «который в войне с Японией не понес потерь в корабельном составе» в отличие от Балтийского, имел превосходство «в силах над сопредельными державами, достигнутого в царствование Александра III», почему он мог осуществлять самостоятельные, активные действия против сил неприятеля. Перед военно-морскими силами данного театра в 1906–1907 гг. ставились две задачи, направленные на сохранение обладания господства в море: захват турецких проливов путем осуществления десантной операции или недопущение прохода флота противника в Черное море посредством постановки минного заграждения. Хотя в дальнейшем вопрос о возможности реального осуществления всех этих задач ставился под сомнение ввиду недостаточности материальных средств и личного состава флота, на необходимость пополнения которых указывал Диков, тем не менее в планах стратегического применения 1908 г. они излагались практически без изменения⁹². Поэтому, так или иначе, действия флота мыслились как активные.

Ввиду этого в том же самом докладе от 31 января 1908 г., который и послужил предметом дискуссии на заседании СГО, начальник ГУГШ выступил с инициативой организовать высшее командование флотом иным способом, чем это предлагал сделать морской министр в 1907 г. И. М. Диков считал допустимым подчинить часть военно-морских сил (отряд канонерских лодок и миноносцев) командующему сухопутной армией в пределах Одесского военного округа для оказания помощи в обороне устьев реки Дуная, а боевую часть флота, оперирующую у Босфора, считал возможным подчинить только общему главному для согласования действий армии и флота⁹³.

Нужно начать с того, что мобилизационное расписание № 18 «восстановленное» не предполагало наличия общего главкома на Черноморском ТВД. Там сосредотачивались только две отдельные армии, руководители которых пользовались правами главкома: Бессарабская, которой ставилась задача обороны побережья Черного моря в пределах Одесского военного округа совместно с силами флота в случае вступления Румынии в войну на стороне Тройственного союза, и Кавказская, которая должна была осуществлять противоборство с Турцией⁹⁴. Именно исходя из этого, Палицын предложил основную часть флота подчинить напрямую верховному вождю, т. е. императору, «указаниями которого будет установлена идейная связь между действиями всех сухопутных сил и активной частью флота»⁹⁵, а не кому-то из этих двух руководителей армий, и, тем самым, командующий Черноморским флотом также пользовался бы правами главкома. Основанием для такого подчинения начальник ГУГШ считал независимость характера действий флота, как в случае осуществления противоборства только с Турцией, так и с державами Тройственного союза, которые никак не соприкасались с теми задачами, которые ставились перед командующими Кавказской и Бессарабской армиями: «Главнейшая операция заключается в том, чтобы запереть Босфор и не допустить, таким образом, в Черное море какой бы то ни было иноземный флот... [...] Будет ли такая операция Черноморского флота выполняться в открытом море, или флот будет искать при этом опоры для своих действий в том или другом пункте побережья, операция эта, по замыслу, является независимой, и потому флот должен подчиняться верховной власти непосредственно»⁹⁶.

Подчинить командующим Бессарабской и Кавказской армиями Палицын предлагал только части сил флота для оказания помощи им в выполнении тех задач, которые стояли перед этими сухопутными силами по мобилизационному расписанию⁹⁷. На самом заседании СГО он, отстаивая свою позицию, указал на бессмысленность подчинения целого флота одному из этих командующих: «Каждая из двух групп войск — на Кавказе и в Бессарабии — имеет цели совершенно различные ... [...] Подчинение этой массы командующему Бессарабской армией, не говоря уже о подчинении командующему Кавказской армии, не имело бы цели»⁹⁸.

На заседании СГО 5 марта 1908 г. предложение начальника ГУГШ не вызвало понимания и сочувствия ни у представителей военного ведомства, ни у представителей морского. Все члены Совета выступили за объединение управления Черноморским флотом и сухопутными силами в лице одного военного начальника, правда обосновывая это по-разному. Большинство членов исходило просто из представления о недопустимости двоевластия, которое может привести к отсутствию единства действий между сухопутными и военно-морскими силами, почему Черноморский флот должен был быть подчинен общему главному (А. Ф. Гейден, член Военного совета генерал от инфантерии М. А. Газенкампф, Ф. В. Дубасов, генерал-инспектор кавалерии генерал от кавалерии В. М. Остроградский, военный министр генерал от инфантерии А. Ф. Редигер). В частности, Гейден апеллировал к недавнему опыту прошлой войны, ввиду чего выступил категорически против предложения начальника ГУГШ. Постоянный член СГО генерал-адъютант Н. И. Иванов и А. П. Протопопов, считавшие необходимым подчинить флот общему главному исходя из замысла Босфорской операции, осуществление которой предполагалось совместными действиями флота и армии, отмечали при этом, что этот главный мог быть как генералом, так и адмиралом. Генерал-инспектор по инженерной части инженер-генерал А. П. Вернанден же полагал нужным подчинить Черноморский флот общему главному ввиду того, что он не мог «представить себе, какие операции может выполнять флот на Черном море, чтобы быть совершенно самостоятельным»⁹⁹.

Некоторые члены выступали и вовсе за возможность подчинить флот не только общему главному, но и непосредственно командующим отдельными армиями (начальник Главного штаба генерал-лейтенант А. Е. Эверт, А. А. Бильдерлинг). Эверт, например, считал, что роли Балтийского и Черноморского флотов «отличаются друг от друга настолько мало, что не может быть и речи о различии в порядке их подчинения»¹⁰⁰. Именно против такой организации высшего командования и выступил И. М. Диков как на самом заседании, так и в приводимом нами ранее отдельном докладе от 8 марта 1908 г. Он считал, что Черноморский флот мог быть подчинен только общему главному, но ни коем образом не командующим отдельными армиями, т. к. «он имеет иную, чем они, задачу, свои силы и средства, и потому равен им по самостоятельности»¹⁰¹. Примечательно, что об этом же го-

ворил и Ф. Ф. Палицын, но морской министр не поддержал его идею о подчинении командующего Черноморским флотом напрямую императору.

Нужно отметить, большинству заседавших содержание высочайше утвержденных планов применения вооруженных сил (как военно-морских, так и сухопутных) не было известно. Поэтому продуктивность подобной дискуссии вызывает вопрос. На этот счет высказался Н. Н. Ломен: «Представляется затруднительным судить о правильности намеченного разграничения власти командующих сухопутными и морскими силами, основываясь лишь на догадках»¹⁰². А. П. Протопопов также обратил внимание на отсутствие информации о планах стратегического применения вооруженных сил во время заседания: «Тот документ, который находится в нашем распоряжении — представление начальника Генерального штаба — не дает достаточного материала для разрешения обсуждаемого вопроса. Нет в нем ни данных о группировке наших вооружённых сил, не упоминает он и о целях и задачах, которые ставятся, обо всем этом можно лишь догадываться из разных намеков, группируя отрывочные сведения такого рода, как, например, только что сообщенное нам о существовании Бессарабской армии»¹⁰³. Однако, несмотря на это, и Протопопов, и Ломен высказались за сосредоточение управления флотом в руках общего главкома.

Возможно, что неосведомленность относительно разработанных в то время планов применения вооруженных сил могла стать одной из причин, почему предложение начальника ГУГШ не оказалось поддержанным кем-либо на заседании. Изучение мнений членов СГО показывает, что как сухопутные генералы, так и чины морского ведомства в основном исходили из представлений о прошлом опыте войны, ввиду чего считали важным не допустить несогласованности в действиях двух видов вооруженных сил. Примечательно, однако, что этот же вопрос не возникал по отношению к сухопутным силам, а только к флоту — например, о недопустимости двоевластия не указывалось по отношению к командующему Бессарабской отдельной армией, который подчинялся напрямую императору, а не общему главкому. Возможно, что такое большое внимание именно к вопросу о способах подчинения флота был связан с его полной потерей в Русско-японской войне.

Вероятно также и то, что большинство членов СГО не было в курсе того, что на Черноморском ТВД в случае войны с Тройственным союзом, согласно новому мобилизационному расписанию, не предполагался общий главком. В дальнейшем на заседании Палицын как раз поднял об этом вопрос. Военный министр А. Ф. Редигер постановил, что в таком случае, при противоборстве с державами Тройственного союза, могут быть назначены два главкома, одному из которых должен подчиняться флот¹⁰⁴. Вероятно, что здесь имелись в виду именно два общих главкома группами армий, сосредоточенных на разных направлениях, что может косвенно подтверждать последовавшее сразу после этого высказывание Бильдерлинга, в котором он соглашался с мнением военного министра и указывал, что благодаря такому подходу «каждая группа армий будет иметь главнокомандующего, и флот должен быть подчинен тому из них, которому будет вверено управление армиями (выделено мной. — А. У.), действующими на театре, соприкасающемся с театром военных действий флота»¹⁰⁵.

Однако в итоговом постановлении СГО по результатам данного заседания, в соответствии с постановлением от 4 марта 1907 г. об объединении управления вооруженными силами «всегда и везде», вошло указание на то, что «при военных действиях на Черноморском театре управление сухопутными и морскими силами должно быть объединено в руках лица, пользующегося правами главнокомандующего»¹⁰⁶, что, как можно видеть, предоставляло возможность для подчинения флота и командующим отдельным армиям. Это, видимо, и послужило причиной того, что был составлен отдельный доклад Дикова от 8 марта 1908 г., в котором, как уже указывалось, он выступал категорически против подчинения Черноморского флота командующим Кавказской или Бессарабской армиями. После этого решения СГО был подготовлен также отдельный доклад Палицына от 29 марта 1908 г., в котором он вновь попытался отстоять возможность определения основной, боевой части Черноморского флота напрямую императору, а командующим отдельными армиями предоставить в распоряжение только отряды военно-морских сил для оказания им помощи¹⁰⁷. Однако в дальнейшем, несмотря на представленные доклады, 11 июля 1908 г. последовало высочайшее одобрение императором этого постановления СГО о подчинении Черноморского флота лицу, пользующемуся правами главкома¹⁰⁸.

Заключительный этап межведомственного взаимодействия по вопросу организации высшего командования вооруженными силами

По завершении подготовки нового «Положения о полевом управлении» в декабре 1908 г. в ГУГШ предполагали после рассылки проекта на заключение различным ведомствам собрать особую комиссию для систематизации полученных замечаний. Далее планировалось передать эти сведения в специальную межведомственную комиссию для выработки окончательной его редакции, а в дальнейшем предоставить проект на высочайшее утверждение императору¹⁰⁹. По вопросу об организации высшего командования армией и флотом в случае их совместных действий отзывы были получены от МГШ соответственно, а также от некоторых представителей военного ведомства.

В отзыве МГШ на проект нового «Положения о полевом управлении» большинство замечаний носило характер редакционных, за исключением двух принципиальных моментов, которые были представлены ранее, — это о способе подчинения частей сухопутных и морских вооруженных сил при их совместных действиях, общее командование над которыми не было определено, и вопрос о положении начальника ВМО в полевом штабе. Так, МГШ предложил изменить содержание соответствующих статей. В первом случае, со ссылкой на записку А. В. Немитца, которая прилагалась к данному отзыву, указывалось на предпочтительность определения общего начальника для руководства военными операциями в соответствии с тем, на каком театре присутствует неприятель: если он на сухом пути, то общим начальником должен был стать «начальник сухопутных войск, и — если неприятель на море — начальник морской силы». Как говорилось в отзыве, «при таком условии сравнительная таблица должностей отпадает», т. е. «и старший морской начальник может быть временно подчинен младшему сухопутному и обратно»¹¹⁰.

Что же касается определения способов подотчетности начальника ВМО, то, как указывалось нами ранее, морское ведомство встало на сторону П. П. Владиславева, почему было предписано подчинить его напрямую главному/командующему армией/командующему отдельной армией, которым он должен был иметь право личного доклада, однако в присутствии начальника штаба. В отзыве такая мера

обосновывалась только ссылкой на доклад Владиславлева: «Мотивы Морского министерства изложены в отдельном мнении капитан-лейтенанта Владиславлева, бывшим представителем от министерства в комиссии генерала от кавалерии Бильдерлинга»¹¹¹. Здесь хотелось бы обратить внимание на следующий момент. Как мы уже продемонстрировали, в ходе дискуссии в рамках СГО о способах подчинения флотов, официальная позиция Морского министерства выстроилась вокруг тезиса о недопустимости управления флотом «с берега», почему подчинение флота командующим отдельным армиям считалось недопустимым. И, как нами уже было показано, эта проблема была обусловлена подотчетностью в минувшей войне командующих флотами и отдельных флагманов главному флоту адмиралу. Т. е. в случае с определением способа подчинения начальника ВМО со стороны морского ведомства этот принцип — недопущение возвышения над флагманом лица, который может стеснять его инициативу, — был проигнорирован полностью. Более того — отзыв МГШ был составлен не его начальником (!), а возглавлявшим одну из его частей (мобилизационно-организационную) капитаном 2-го ранга графом А. П. Капнистом¹¹², т. е. это было сделано в обход позиции Эбергарда. В самом отдельном мнении Владиславлева *единственным* аргументом, обосновывавшим необходимость переподчинения начальника ВМО, было суждение о недостаточной организации представительства военно-морских сил в штабе главнокомандующего. Поэтому создается полное ощущение, что за стремлением подчинить этого морского чина напрямую главному или другому высшему сухопутному начальнику стояли, скорее, ведомственные интересы, нежели соображения об организации более грамотного способа управления военно-морскими силами.

Рекомендации относительно устройства ВМО последовали в отзывах и от сухопутных чинов. Так, например, начальник штаба 21-го армейского корпуса генерал-майор Д. А. Долгов предложил назначать его начальника не из числа строевых офицеров, а из лиц в адмиральском чине, равно как указал на предпочтительность в назначении делопроизводителем отдела штаб-офицера МГШ, «так как вопросы, которые он будет вести, будут главным образом касаться стратегической деятельности флота, т. е. прямо относиться к службе Генерального штаба»¹¹³. Относительно способа подчинения начальника ВМО Долгов, а также начальник штаба Виленского военного округа гене-

рал-лейтенант А. А. Зегелов высказались за правомерность о его подотчетности начальнику штаба, в т. ч. ввиду отсутствия какой-либо обоснованности для выведения его из этого подчинения¹¹⁴.

В отзывах представителей военного ведомства также были отражены мнения относительно объединения управления над частями сухопутных и военно-морских сил при совместных действиях, командование над которыми не было определено. Так, позиция начальника штаба 9-го армейского корпуса генерал-майора Н. П. Решикова по вопросу о назначении общего начальника при совместных действиях частей сухопутных и военно-морских сил абсолютно полностью совпала с позицией МГШ на этот счет: «При совместных операциях сухопутной армии и флота общее начальствование должно сообразовываться с той ролью, которую в данном случае играет та или другой, старшинство здесь не должно иметь значения», заключив при этом, что «нельзя исход операций приносить в жертву старшинству, которое даже в мирное время не всегда соблюдается, раз этого требует польза делу»¹¹⁵. Начальник штаба 19-го армейского корпуса генерал-майор В. О. Бенескул, в свою очередь, указывал, что разработанная статья о вступлении в командование по старшинству не учитывает того случая, если морской и сухопутный начальники находятся при равных должностях¹¹⁶, а начальник штаба Омского военного округа генерал-лейтенант В. П. Тихменев отметил, что в проекте нового «Положения» не регламентировано, кто должен вступить в начальствование в случае болезни или смерти объединяющего начальника. При этом он заметил, что соблюдение принципа старшинства в этом случае может нанести большой вред в проведении той или иной военной операции: «Если старшее по должности лицо (после сухопутного начальника морской или наоборот), то это может повести к нарушению основной идеи операции и повлечет за собой передачу дел из одного штаба в другой»¹¹⁷.

Особый интерес представляет отзыв начальника штаба Одесского военного округа генерал-лейтенанта Ф. Д. Васильева. Так, он выступил против подчинения частей сухопутных сил морскому начальнику при проведении совместных операций. Он считал, что «при действиях на суше желательно ответственное и самостоятельное командование всегда вверять сухопутному начальству, а не устанавливать общего командования на основании сравнительного соответствия долж-

ностей»¹¹⁸. И в последовавшем после отзывов от всех ведомств и начальствующих лиц в проекте доклада по ГУГШ в 1910 г. в результате именно это мнение было принято во внимание¹¹⁹, но не предложения МГШ и Решикова относительно организации общего командования исходя из главной стратегической задачи. При этом можно видеть, что в признании позиции начальника штаба Одесского военного округа наметился отход от высочайше установленного принципа объединения управления вооруженными силами «всегда и везде», что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что стремление преодолеть ведомственную обособленность между двумя видами вооруженных сил не всегда находило понимание у военных начальников.

Таким образом, разработка вопроса об организации высшего командования флотом при совместных действиях с армией в военное время в рамках СГО привела к созданию новой системы высшего командования вооруженными силами в военное время, предполагавшая не только гибкость положений о главкоме, которые могли употребляться в случае назначения на эту должность как генерала, так и адмирала (что должно было оформиться в Морском уставе), — она предполагала также различные комбинации организации управления сухопутными и военно-морскими силами. Это означает, что данный проект учитывал возможность постановки различных стратегических задач вооруженным силам как перед началом войны, так и во время нее самой. Проект нового «Положения о полевом управлении» с самого начала был приспособлен к различным вариантам организации высшего командования Балтийским и Черноморским флотом. Несмотря на конкретные высочайше утвержденные способы их подчинения в 1907 и 1908 гг., проект данного законодательного акта позволял бы в будущем менять организацию высшего управления в зависимости от изменения стратегической обстановки. Поэтому, на наш взгляд, в этот период межведомственного сотрудничества представителями военного и морского ведомств был определенно сделан большой шаг вперед в вопросе о налаживании стратегического взаимодействия между двумя видами вооруженных сил.

Проект нового «Положения о полевом управлении» при этом, безусловно, требовал серьезной доработки, как это видно из представленных отзывов и заключений. Однако существенные изменения требовалось провести по многим другим аспектам, касавшимся не только

изучаемого нами вопроса об объединении управления флотом и армией. Как пример — одним из популярных замечаний из различных отзывов к новому проекту было то, что он предполагал объемное количество штатов, что привело бы к созданию слишком громоздкого аппарата полевого управления. Среди другого серьезного недостатка Г. В. Кожевникова отметила и то, что к моменту окончания разработки проекта «Положения о полевом управлении» он оказался устаревшим ввиду начавшихся в Военном министерстве реформ по реорганизации войск и центрального военного управления¹²⁰. По этой причине он так и не был принят, а к началу Первой мировой войны будет разработано и утверждено новое «Положение о полевом управлении» 1914 г.

Что же касается самих предметных обсуждений относительно подчинения Балтийского и Черноморского флотов, то можно видеть, что идея об установлении общего начальствования между военно-морскими и сухопутными силами была сильна среди чинов как военного ведомства, так и морского, что является отражением большого внимания к опыту минувшей войны. При этом, однако, выяснились различия в понимании способов организации подобного управления. Выразилось это, например, в категоричном неприятии подчинения флотов командующим отдельными армиями со стороны Морского министерства, или коллективный отказ от предложения начальника ГУГШ сделать Черноморский флот отдельным, предоставив его командующему права главкома. В случае с Черноморским флотом при этом стратегия объединить управление «всегда и везде» среди некоторых чинов военного ведомства превалировала над вопросом об обоснованности подобного подчинения со стратегической точки зрения, что выражалось в предложениях сделать подотчетной основную часть флота Кавказской или Бессарабской армиям, которые имели боевые задачи, отличные от задач военно-морских сил.

Межведомственное взаимодействие по изучаемому нами вопросу не найдет в дальнейшем какого-либо продолжения: в 1912 г. морской министр генерал-адъютант И. К. Григорович попросил военного министра генерал-адъютанта В. А. Сухомлинова исключить из этого проекта «всего, относящегося до флота и морского ведомства», а в случае, если в ближайшее время утверждение этого проекта не планировалось, то он предлагал снова пересмотреть его двум ведомствам со-

вместно¹²¹. Это в результате не было осуществлено, т. к. уже о проекте другого «Положения о полевом управлении» 1914 г. в Морском министерстве узнают незадолго до начала войны, когда 29 мая 1914 г. он будет отправлен на отзыв в МГШ¹²². Таким образом, повысившееся на фоне поражения в Русско-японской войне стремление к активному взаимодействию между сухопутным и морским ведомством по вопросу о согласовании высшего командования между флотом и армией в преддверии Первой мировой сойдет на нет. Однако следует поставить вопрос о том, насколько организация управления флотом в 1914 г. отличалась от разработанного проекта «Положения о полевом управлении» 1908 г. и принятых постановлений в рамках СГО, и в чем, скорее, была полная преемственность. Реализация этого, в свою очередь, заслуживает отдельного исследования, что позволит осуществить в дальнейшем текущая работа.

Выражаю благодарность профессорам исторического факультета ИАИ РГГУ докторам исторических наук А. Ю. Бахтуриной и А. А. Киличенкову и заместителю директора РГАВМФ кандидату исторических наук А. Ю. Емелину за помощь при подготовке публикации.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее РГАВМФ). Ф. 418. Оп. 1–2. Д. 1229. Л. 449.
- ² Кузин В. В. Совет Государственной обороны в России (1905–1909 гг.): дис... канд. ист. наук. М., 1950. Шацлло К. Ф. Русский империализм и развитие флота накануне Первой Мировой войны (1906–1914 гг.). М., 1968. Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976; Кожевникова Г. В. Реорганизация управления русской армией накануне Первой мировой войны (1910–1914 гг.): дис... канд. ист. наук. М., 2000; Назаренко К. Б. Морское министерство России, 1906–1914. СПб., 2010; Козлов Д. Ю. Во главе действующего флота: система управления морскими силами России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2013 и др.
- ³ Ремнёв А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX века. Омск, 2004. С. 393.
- ⁴ Там же. С. 363, 364. Отмечается также, что в это же время проблема ведомственной обособленности была характерна не только для оборонных, но и для гражданских ведомств.
- ⁵ Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. СПб., 2008. С. 525.
- ⁶ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–2. Д. 1229. Л. 449 об.
- ⁷ Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1890. С. 1.
- ⁸ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–2. Д. 1229. Л. 450 об., 451.

- ⁹ Законодательные акты, которые определяли управление вооруженными силами в годы Русско-японской войны («Положение о полевом управлении» 1890 г. и Морской устав 1901 г.) не предусматривали подобных случаев, каждый из них регламентировал организацию высшего командования только в своей сфере.
- ¹⁰ Кожевникова Г. В. Указ. соч. С. 172. На сегодняшний день это исследование является единственным, в котором указывается на существование данного проекта «Положения» 1908 г. и в котором оно было подвергнуто изучению по вопросам управления армией в военное время. В работах, посвященных организации управления армией и флотом в годы Первой мировой войны, разработка вопроса в рамках СГО не была подробно исследована. См.: *Кавтарадзе А. Г.* Военные реформы в России: разработка «Положения о полевом управлении войск в военное время» в 1899–1914 гг. // Россия в XX веке. Реформы и революции : мат. межд. научной конференции : в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 433–447; *Ростунов И. И.* Указ. соч. С. 112–115. *Козлов Д. Ю.* Во главе действующего флота... (см. работу полностью). *Симоненко В.* Органы управления русского флота в Первую мировую войну // Военно-исторический журнал. 1975. № 9. С. 103–106.
- ¹¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6600. Л. 3–10.
- ¹² РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–2. Д. 1229. Л. 267, 269.
- ¹³ Там же. Ф. 420. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
- ¹⁴ Кожевникова Г. В. Указ. соч. С. 172.
- ¹⁵ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–2. Д. 1229. Л. 268.
- ¹⁶ РГАВМФ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
- ¹⁷ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–2. Д. 1229. Л. 211 об.
- ¹⁸ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–2. Д. 1229. Л. 213, 213 об.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 187. Л. 3 об.
- ²² Там же. Л. 9 об.
- ²³ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–2. Д. 1194. Л. 43 и др.
- ²⁴ Там же. Д. 1383.
- ²⁵ Там же. Д. 1229. Л. 267 об.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 555. Л. 13. В период с 1907 по 1908 г., до составления окончательного проекта «Положения», комиссией Бильдерлинга было выработано несколько неоконченных редакций, которые, вероятно, и могли представляться на обсуждение в СГО до того, как проект был закончен. Содержание статей этих редакций по вопросу об управлении армией и флотом при совместных действиях практически полностью совпадает с итоговым проектом, за исключением небольших стилистических изменений и отсутствия в них некоторых разделов (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 556, 557. РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–2. Д. 1229. Л. 228–263).
- ²⁷ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–2. Д. 1229. Л. 6, 7 об.
- ²⁸ Там же. Л. 7 об.
- ²⁹ Там же. Л. 87.
- ³⁰ Там же. Л. 6.
- ³¹ Ему предоставлялись права командующего не отдельной армией.
- ³² Там же. Л. 6, 80–80 об., 199–200.
- ³³ Там же. Л. 40.
- ³⁴ Там же.

- ³⁵ Там же. Это также исключало возможность подчинения командующему не отдельной армией командующего не отдельным флотом и обратно.
- ³⁶ Там же. Л. 40.
- ³⁷ Там же. Л. 181.
- ³⁸ Там же. Л. 6.
- ³⁹ Там же. Л. 67 об.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. Л. 6.
- ⁴² Там же. 199 об.
- ⁴³ Там же. Л. 8 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 13 об., 41 об., 45, 67.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. Л. 41 об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 6 об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 202.
- ⁴⁹ Там же. Л. 202 об.
- ⁵⁰ Е. И. Алексеев сразу же после начала высадки японского десанта на Квантунском полуострове уехал в Мукден в действующую армию, откуда давал крайне подробные распоряжения высшим флотским начальникам. См.: *Киличенков А. А.* «Упреков не заслужил... Постараюсь честно и умереть»: Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг. // КЛИО. Журнал для ученых. 2007. № 1 (36). С. 116.
- ⁵¹ *Грибовский В. Ю.* Российский флот Тихого океана, 1898–1905: история создания и гибели. М., 2004. С. 82.
- ⁵² Там же. С. 83. См. также: РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–2. Д. 1383. Л. 519.
- ⁵³ *Киличенков А. А.* Указ. соч. С. 122.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–2. Д. 1229. Л. 203 об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 202.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 149. Л. 7.
- ⁵⁹ Там же. Д. 187. Л. 3.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–1. Д. 19. Л. 51 об.
- ⁶² Там же. Л. 50 об.
- ⁶³ См.: *Назаренко К. Б.* Указ. соч. С. 179–183; *Козлов Д. Ю.* Нарушение морских коммуникаций: проблемы и пути их решения по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914–1917 гг.): дис... д-ра ист. наук. М., 2015. С. 130–156; С. 222–223; *Он же.* Во главе действующего флота ... С. 77, 79.
- ⁶⁴ *Козлов Д. Ю.* Нарушение морских коммуникаций ... С. 131.
- ⁶⁵ Создание VII армии предполагалось мобилизационным расписанием № 18 1903 г. Мобилизационное расписание представляло собой стратегический план сосредоточения и развертывания сухопутных сил, а также руководящие основания для их деятельности, т. е. это комплекс планирующих документов по ведению войны, составившийся военным ведомством. В 1907–1908 гг. в ГУГШ будет разработано новое мобилизационное расписание № 18 «восстановленное», и задача по обороне Балтийского побережья будет возложена на Балтийскую отдельную армию. Согласно расписанию, предполагалось, что этой армии «подчиняются и наличные силы Балтийского флота» (цит. по: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 492. Л. 80). См.: *Аллеев О. Е.* Развитие планов развертывания русской армии на западной границе в 1873–1914 гг.:

- проблема периодизации // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. Предвоенные годы. Мат. III Межд. научно-практ. конф. (28–29 ноября 2013 г., Москва). М., 2014. С. 281–296.
- ⁶⁶ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–1. Д. 19. Л. 50.
- ⁶⁷ Там же. Л. 50 об.
- ⁶⁸ РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 149. Л. 7.
- ⁶⁹ Там же. Д. 187. Л. 2–11.
- ⁷⁰ Имеется в виду указ императора 1907 г. о способе подчинения Балтийского флота — на тот момент порядок управления был высочайше определен только для него.
- ⁷¹ РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 187. Л. 8 об.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же. Л. 9.
- ⁷⁴ Там же. Имеется в виду подчинение флота общему главному, а не командующему отдельной армией.
- ⁷⁵ Козлов Д. Ю. Нарушение морских коммуникаций ... С. 135.
- ⁷⁶ Там же. С. 137.
- ⁷⁷ Назаренко К. Б. Указ. соч. С. 80–81.
- ⁷⁸ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–1. Д. 19. Л. 425.
- ⁷⁹ Второстепенным театром был признан Балтийский (см.: РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 149. Л. 3).
- ⁸⁰ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–1. Д. 19. Л. 425 об.
- ⁸¹ Там же. Л. 425.
- ⁸² Там же. Л. 425 об.
- ⁸³ Указание на авторство этой записки присутствует в копии, снятой во второй половине 1914 г. при подготовке новой редакции Морского устава (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–2. Д. 1383. Л. 433 об. — 439 об.).
- ⁸⁴ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–2. Д. 1229. Л. 205.
- ⁸⁵ Там же. Л. 205 об. — 206.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Там же. Оп. 1–1. Д. 19. Л. 425 об.
- ⁸⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 556. Л. 5, Л. 8 об.
- ⁸⁹ РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 149. Л. 2.
- ⁹⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 492. Л. 98 об.
- ⁹¹ Там же. Д. 2306. Л. 19.
- ⁹² О разработках планов применения Черноморского флота в 1906–1908 гг. см.: Козлов Д. Ю. Нарушение морских коммуникаций... С. 157–160.
- ⁹³ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–1. Д. 19. Л. 50 об. — 51.
- ⁹⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 492. Л. 24, 82–82 об., 85.
- ⁹⁵ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–1. Д. 19. Л. 51 об.
- ⁹⁶ Там же. Л. 51 об. — 52.
- ⁹⁷ Там же. Л. 51 об.
- ⁹⁸ РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 187. Л. 7–7 об.
- ⁹⁹ Там же. Л. 7.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 5.
- ¹⁰¹ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–1. Д. 19. Л. 426.
- ¹⁰² РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 187. Л. 9 об.
- ¹⁰³ Там же. Л. 6–6 об.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 10–10 об.
- ¹⁰⁵ Там же.

- ¹⁰⁶ Там же. Л. 11.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 12–12 об.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 16.
- ¹⁰⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 555. Л. 23–23 об.
- ¹¹⁰ Там же. Д. 560. Л. 20.
- ¹¹¹ Там же. Л. 21.
- ¹¹² Там же. Л. 22.
- ¹¹³ Там же. Д. 561. Л. 439.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 439 об., 448. Вопрос этот возник ввиду того, что в самой объяснительной записке к проекту нового «Положения о полевом управлении» было вынесено под сноску мнение представителя Морского министерства (т. е. Владиславева) о желательности его подчинения напрямую главному (см.: РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–2. Д. 1229. Л. 87 об.).
- ¹¹⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 561. Л. 402.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 368.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 296 об.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 293.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 72 об.
- ¹²⁰ Кожевникова Г. В. Указ. соч. С. 174.
- ¹²¹ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1–2. Д. 1229. Л. 227.
- ¹²² Там же. Д. 1383. Л. 1 об.

В. В. Фортунатов,
*доктор исторических наук, профессор
Петербургского государственного университета
путей сообщения Императора Александра I*

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ФАКТОР В 1917 ГОДУ В СТАТЬЯХ А. С. СЕНИНА В ЭНЦИКЛОПЕДИИ «РОССИЯ В 1917 ГОДУ»

Хотя транспорт принято несколько уничижительно называть инфраструктурной отраслью, его значение как необходимой и незаменимой «скрепы» в жизни любого общества, государства не вызывает сомнений. В исторической жизни России с её необъятными просторами роль транспорта была особо важной и значение этой «скрепы» постоянно возрастало. На протяжении XX века Россия пережила два тяжелых потрясения, в 1914–1922 гг. и в конце 80-х — 90-х гг. Что в эти исторические периоды происходило с транспортом? Насколько прочной оказалась «скрепа»? Какие выводы российское общество и высшее руководство страны должно сделать из накопившегося исторического опыта? От ответов на эти отнюдь не праздные вопросы во многом зависит стратегия развития России как государства-цивилизации, великой евроазиатской и евразийской державы.

Что касается истории транспорта в первой четверти XX в., особенно в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. и Великой российской революции 1917–1922 гг., то главным исследователем, собирателем огромного фактического материала и вдумчивым аналитиком следует признать доктора исторических наук, профессора Сенина Александра Сергеевича. Большой интерес представляют статьи А. С. Сенина в энциклопедических изданиях, в подготовке которых он участвовал не только как автор, но и как член редакционной коллегии. В данной статье даётся краткий обзор статей, принадлежащих перу А. С. Сенина и вошедших в энциклопедию, посвящённую 1917 году¹.

Среди более чем 40 статей, автором которых выступил А. С. Сенин, главное место принадлежит текстам, характеризующим состояние, проблемы собственно огромного железнодорожного хозяйства. Каждый читатель, интересующийся отечественной историей, увидит в статье «Железнодорожный транспорт»² объективную и непротиворечивую картину тяжёлого положения в одной из основных отраслей народного хозяйства, двигавшейся от кризиса к агонии. Статья снабжена четырьмя таблицами, целым рядом тщательно отобранных статистических данных, яркими фактами из железнодорожной жизни, что даёт конкретное представление о реальном положении дел на железных дорогах страны.

Большой материал для анализа происходившего процесса революционизирования работников железных дорог и формирования чёткого представления о настроениях, преобладавших среди железнодорожников, дают статьи А. С. Сенина, посвящённые большинству отдельных железных дорог в тогдашней Российской империи (Александровская, с. 32; Московско-Казанская, с. 526; Южные железные дороги, с. 1077 и другие), а также тем промышленным предприятиям, которые обеспечивали железнодорожный транспорт паровозами, вагонами, другим оборудованием (Владивостокские временные мастерские, с. 150; Коломенского машиностроительного завода общество, с. 450; Харьковский паровозостроительный завод, с. 1011 и другие).

Трудно представить себе события бурного 1917 года без конкретных лиц, принявших участие в событиях. В кратких биографических очерках о последнем министре путей сообщения царского правительства Э. Б. Войновском-Кригере (с. 172–173), о последнем министре путей сообщения во Временном правительстве А. В. Ливеровском (с. 518), о первом народном комиссаре путей сообщения в Советском правительстве М. Т. Елизарове (с. 348) содержится точная и достаточная информация для понимания роли этих подзабытых исторических персонажей в событиях, происходивших в 1917 году. К числу забытых даже в профессиональных кругах относятся выпускники Петербургского института инженеров путей сообщения глава Совета частных железных дорог Н. Д. Байдак (с. 65–66) и предпоследний министр путей сообщения во Временном правительстве П. П. Юренев (с. 1079–1080).

Стоит особо обратить внимание на содержательную часть и оценочные суждения в статьях А. С. Сенина, посвящённых сложным, недостаточно освещённым сюжетам в истории железнодорожного транспорта

в 1917 году. В большой статье о Викжеле, Всероссийском Центральном исполнительном комитете железнодорожного профсоюза (с. 143–145), автор рассказал о сложных взаимоотношениях руководства Викжеля и большевиков, которым удалось устранить политических конкурентов в борьбе за влияние на массы железнодорожников — машинистов, кочегаров, кондукторов, техников, конторщиков, чертёжников, грузчиков, сторожей и т. д. Как известно, инженеры путей сообщения, в большинстве своём выпускники старейшего транспортного вуза России — Петербургского института инженеров путей сообщения — после прихода к власти большевиков остались на своих рабочих местах. Так же преимущественно поступили и профессора, преподаватели, сотрудники Петроградского института инженеров путей сообщения.

Действительно интересующиеся событиями, происходившими на протяжении 1917 года, не пройдут мимо статьи о Всероссийской забастовке железнодорожников 23–26 сентября 1917 года (с. 191–192), заставившей пойти Временное правительство на уступки и показавшей его фатальную слабость. Статьи А. С. Сенина в данной энциклопедии, книги этого известного историка транспорта в своей совокупности позволяют утверждать, что роль, значение железнодорожного фактора в революции 1917 года с опорой на уже сделанное данным исследователем могли бы в общих трудах, в учебниках, в общественном сознании занять достойное место, соответствующее историческим реалиям.

Профессор А. С. Сенин известен не только как знаток истории железнодорожного транспорта, но и как специалист по истории государственных учреждений, стоящий в одном ряду с такими известными учеными, как Н. П. Ерошкин, Т. П. Коржихина, Т. Г. Архипова и другие. В энциклопедии «Россия в 1917 году» он выступает в качестве автора статей о Временном правительстве (с. 184–188), Всероссийской чрезвычайной комиссии (с. 199–201), Высшем совете народного хозяйства (с. 224–226), Совещании общественных деятелей (с. 910–911). Так, представляет немалый интерес характеристика персонального состава Временного правительства, действовавшего со 2 марта по 25 октября 1917 г. А. С. Сенин обращает внимание на то, что пребывание в правительстве почти всех министров было кратковременным. 23 человека (59%) исполняли свои обязанности не более двух месяцев. «За столь короткий срок пребывания у власти они мог-

ли решать лишь неотложные текущие дела и никакой серьёзной перспективной работы, связанной с проведением каких-либо глубоких реформ, выполнить не могли», — констатирует автор. После Октябрьской революции 16 бывших министров в той или иной форме сотрудничали с советской властью, 23 человека эмигрировали, вели активную антисоветскую деятельность³. Следует учесть, что А. С. Сенин обратил внимание на работу Первого (8–10 августа 1917 г.) и Второго (12–13 октября 1917 г.) совещаний общественных деятелей, которые в его представлении выглядят не только как бесплодные разнообразные либеральные «говорильни», но и как яркие картинки полного расстройтва, бессилия в антибольшевистских рядах.

Не самыми простыми для анализа и характеристики являются такие достаточно сложные моменты в общеполитической истории 1917 года, как двоевластие (с. 286–287), корниловский мятеж (с. 604–608), «однородное социалистическое правительство» (с. 667), Октябрьское вооружённое восстание в Москве (с. 675). Статьи об этих драматических и противоречивых сюжетах в истории переломного 1917 года также написаны А. С. Сениным. В статье о корниловском мятеже последовательно и достаточно подробно рассказывается о вызревании идеи установления военной диктатуры для ликвидации двоевластия в стране, пресечении деятельности леворадикальных партий. Сами события с начала движения 3-го конного корпуса на Петроград 25 августа и завершая арестом Л. Г. Корнилова и его ближайших помощников вечером 1 августа 1917 г. освещаются кратко и точно. Про роль большевистских агитаторов и оценку В. И. Лениным «корниловщины» А. С. Сенин предпочёл не упоминать, но свою статью заканчивает ссылкой на передовую статью в газете «Московских промышленников» от 29 августа 1917 г.: «Гражданская война началась». Похоже, что споры о том, когда началась Гражданская война в России, могут долго продолжаться.

Обращение к научному творчеству Александра Сергеевича Сенина на примере статей, увидевших свет в энциклопедии «Россия в 1917 году», позволяет сделать вполне определённые выводы.

Во-первых, благодаря профессиональному подходу А. С. Сенина к сложному историческому материалу коллеги-историки и более широкие читательские круги получили возможность составить реальное представление об участии железнодорожников в революционных событиях, о важной роли железнодорожного транспорта, что можно

обозначить как «железнодорожный фактор» в революции 1917 г. Без всякого преувеличения можно утверждать, что наряду с фактором военным, с ролью, которую в борьбе за власть играла русская армия, железнодорожный фактор имел не меньшее значение. Во всяком случае, и печально знаменитый Приказ № 1 Петроградского Совета от 1 марта 1917 г.⁴, запустивший развал армии, и циркуляр первого министра путей сообщения Н. В. Некрасова от 27 мая 1917 г., предоставлявший профсоюзу железнодорожников право контроля в отношении железных дорог и дачи указаний должностным лицам и способствовавший развалу железнодорожного транспорта, во многом предопределили ход событий в Петрограде и стране в целом.

Во-вторых, вопреки усилиям тех, кто из-за рубежа и внутри страны упорно пытался завершить переформатирование сознания россиян в отношении важных моментов в истории России, благодаря профессионализму таких основательных историков, как А. С. Сенин, удалось защитить правду о Великой российской революции 1917 года. Попытка представить события самой великой в мировой истории Российской Революции в парадигме некоего «смутоведения»⁵ получила жёсткий отпор со стороны профессионального сообщества⁶.

В-третьих, статьи А. С. Сенина в энциклопедии «Россия в 1917 году», как, впрочем, и в других энциклопедиях, а также его книги заслуживают постоянного и активного использования как в новых научных трудах, так и в учебном процессе в школах и высших учебных заведениях. В современных условиях роль научных трудов, являющихся источником достоверных фактов, взвешенных оценок, трудно переоценить.

Примечания

- ¹ Россия в 1917 году: энциклопедия / [отв. ред. А. К. Сорокин]. М. : Политическая энциклопедия, 2017. 1098 с.
- ² Там же. С. 353–356.
- ³ Там же. С. 186–187.
- ⁴ См.: Сенин А. С. Русская армия в 1917 г. Из истории Военного министерства Временного правительства. М. : Вече, 2017. С. 143–202.
- ⁵ История России : в 20 т. Т. 11: Империя, война, революция. Россия, 1914–1917 годы : в 2 кн. М. : Наука, 2024.
- ⁶ См. статьи В. В. Калашиникова, А. В. Силина, В. В. Фортунатова в сб.: Ключевые проблемы Русской революции в историографии сегодняшнего дня: сб. мат. конф. / отв. ред. д-р ист. наук, проф. В. В. Калашиников ; под ред. канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова. СПб. : Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. С. 152–190.

В. В. Хутарев-Гарнишевский,
кандидат исторических наук, доцент Московского
государственного института культуры

ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОФИЦЕРОВ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Вопрос нравственных императивов в деятельности представителей государственной власти встал практически одновременно с появлением самого государства. Ещё в самом начале европейской цивилизации — в Древней Греции — существовала дихотомия: с одной стороны, общественное благо и справедливость как высшая цель государства, с другой — беспощадная борьба с борцами за справедливость, отрицающими установленный порядок. Отрицатели богов/порядка в этой схеме становятся главными конкурентами идеального государства в борьбе за установление справедливости, но именно это общее целеполагание роднит друг с другом. Рассмотрим это идеальное представление в преломлении реалий работы русского политического сыска дореволюционного периода.

Всем хорошо известно слово «охранка», являющееся символом репрессивной машины Российской империи. Полное название этих органов, существовавших с 1866 по 1917 г., было Отделение по охране общественной безопасности и порядка. Сравнивая это название с советским «комитетом государственной безопасности», мы видим, что уже на терминологическом уровне царские органы должны были защищать не государственный, а именно общественный строй. Попробуем разобраться в том, так ли это было на самом деле или являлось не более чем оборотом речи.

Моральный тон работе спецслужб был задан ещё императором Николаем I в момент создания Корпуса жандармов. Когда, вступая в должность, первый шеф жандармов граф А. Х. Бенкендорф обратился к монарху за руководящими инструкциями о работе, Николай протянул ему свой носовой платок и сказал: *«Вот тебе все инструкции. Чем более отрѣшь слѣз этим платком, тем вернее будешь служить моим*

целям!...»¹ Якобы сам платок был помещён под стеклянный купол и так хранился в назидание будущим поколениям жандармов. История эта, бесспорное порождение этических принципов заката эпохи романтизма, передавалась из уст в уста в течение всего XIX столетия, став уже не столько историческим фактом, сколько апокрифом, который тем не менее знал каждый жандарм. «*Se non è vero, è ben trovato*» (Если это и неправда, то хорошо придумано) — так итальянской пословицей прокомментировал в своих мемуарах легенду о платке начальник Московского охранного отделения полковник А. П. Мартынов². В любом случае, в дореволюционном жандармском сознании белый платок Николая I стал таким же устоявшимся образом, как в советском — шинель Дзержинского. Спор был лишь о том, чего было в этом жесте больше, искренности или лицемерия. Как саркастично писал литератор П. П. Каратыгин, «впоследствии времени из этого платка сплели жгут и им же завязывали слишком говорливые рты»³. Современный историк Г. Н. Бибиков, наоборот, отмечает, что «*для жандармских инструкций, частной переписки и воспоминаний характерно постулирование особой моральной ответственности и нравственного долга перед верховной властью*»⁴.

Изначально политический сыск рассматривался как полиция нравов. Не зря состоявший по особым поручениям при Бенкендорфе офицер Э. И. Стогов вспоминал о своём поступлении на службу: «*Итак, свершилось: я жандарм, т. е. нравственный полицейский*»⁵. Он подтверждает, что философия белого платка на первых порах транслировалась шефом жандармов своим подчинённым. Стогов пишет: «*Откланиваясь графу Бенкендорфу, я просил его наставления, чего я должен достигать нравственно, исполняя свою обязанность. Граф отвечал: "Ваша обязанность — утирать слёзы несчастных и отворачивать злоупотребления власти, а обществу содействовать быть в согласии. Если будут любить вас, то вы легко всего достигнете"*»⁶.

Изначально жандармские штаб-офицеры в губерниях должны были всё же следить в большей степени не за обществом, чем занималось III Отделение собственной его императорского величества канцелярии, а за правящей бюрократией, бороться с коррупцией, превышением полномочий, притеснениями населения, халатностью и самоуправством. Это были весьма нетипичные для России правоохранители, защищавшие не столько власти от населения, сколько население

от негодных представителей власти, а посему встречали яростное сопротивление губернаторов и местной бюрократии.

Жандармское начальство требовало от своих чинов деликатности в решении вопросов, действуя убеждением, «по-домашнему», не доводя до формальных разбирательств, если ситуация того не требовала. Бенкендорф хотел внушить своим подчинённым этику служения государству посредством служения народу. В одной из своих официальных инструкций он писал: *«Сколько дел, сколько незаконных и бесконечных тяжб посредничеством вашим прекратиться могут... В вас всякий увидит чиновника, который через моё посредство может довести глас страждущего человечества до престола царского и беззащитного и безгласного гражданина немедленно поставить под высочайшую защиту государя императора»*. Также одной из задач жандармских офицеров было *«даже по собственному влечению сердца»* отыскивать *«бедных и сирых, служащих бескорыстно верой и правдой»* для оказания им материального пособия⁷.

Жандармерия в то же время числилась в Своде законов как военная полиция, являясь исполнительным органом III Отделения. Соответственно, жандармы вели не только собственную работу, но и производили аресты и обыски по поручению чиновников Отделения. Таким образом, возникало некоторое противоречие между общественным восприятием жандармов как силы карающей и их самоидентификацией как защитников права и справедливости.

Главным императивом сотрудника политической полиции в его деятельности должно было быть нравственное убеждение в правильности своих действий. При основании органов политического сыска эта задача была поставлена Бенкендорфом: *«Полиция эта должна употребить всевозможные старания, чтобы приобрести нравственную силу»*⁸. Эта установка сохранялась вплоть до начала XX века. Преподававший розыск на курсах при штабе Отдельного корпуса жандармов генерал А. И. Спиридович в первой же лекции перечислял основные деловые и личные качества, которыми должен обладать жандармский офицер. На первое место перед всеми практическими навыками он ставил *«моральное превосходство над врагами по убеждениям и по сознанию чувства долга»*, а основным необходимым условием успешного розыска он называл *«полную закономерность всех поступков и нравственную чистоту всех предприятий лица, ведущего политический ро-*

зык»⁹. Главным объектом работы органов сыска Спиридович называл не всех сторонников изменения политического режима, а лишь желавших провести эти перемены насильственным революционным путём, выводя реформистскую оппозицию из фокуса внимания спецслужб.

В основе жандармского правосознания лежала идея правового государства. Историк Борис Миронов дал точную характеристику понятию правового государства, как оно понималось в первой половине XIX века: *«правовое государство подразумевало обеспечение индивидуальных прав, свободы человека от угнетения его со стороны других людей, а не защиту его от угнетения со стороны государства путем дарования народу гражданских прав и привлечения к участию во власти. Государство, наоборот, рассматривалось в качестве субъекта, способного освободить человека и гарантировать его личную свободу»*¹⁰.

Схожий взгляд высказывал крупный дореволюционный теоретик и преподаватель полицейского права В. Ф. Дерюжинский, который был соавтором проекта реформы полиции 1912 г. Ранее в 1904–1905 гг. он участвовал в работе Особого совещания по пересмотру установленных для охраны государственного порядка особых законоположений и был командирован в страны Западной Европы для изучения их опыта правового регулирования этой сферы¹¹. По учебникам и лекциям Дерюжинского учились целые поколения российских чинов полиции и жандармерии с середины 1880-х гг. и до самой революции. Обратимся к его взгляду на соотношение понятий «правовое государство» и «полиция безопасности».

Конечной целью существования государства Дерюжинский считает обеспечение общего благосостояния. По его мнению, полицейское государство, доминировавшее в Европе XVIII в., сменилось правовым государством в середине XIX в. Это выразилось в том, что на место идеи регламентации жизни граждан пришла идея свободы, которая должна была перестроить механизм государства и коренным образом изменить воззрения на задачи и характер работы правительства. Теоретик полицейского права пишет: *«Мало-помалу и сами правительства перестали смотреть на полицейскую регламентацию как на необходимое средство и наилучший путь к достижению общего благополучия; в ней (чрезмерной регламентации. — прим. В. Х. Г.), наоборот, стали видеть источник многих бедствий и преграду к свободному*

развитию сил и способностей народа. В соответствии с потребностями времени мало-помалу сложилась теория так называемого правового государства»¹². Этот новый взгляд вызвал кризис в развитии полицейского права, так как столкнулись теории правового и полицейского государств. Разрешение этой коллизии Дерюжинский видит в теории управления, сформулированной в 1860-е гг. немецким философом и правоведом Лоренцом фон Штейном¹³. Он же считается основоположником идеи социального государства и прародителем правового немарксистского социализма. В этих построениях Дерюжинского важно не только их теоретическое содержание, но и тот факт, что по его лекциям и учебникам проходили подготовку поколения полицейских и жандармов. Это закладывалось в них изначально.

При этом у автора возникает дихотомия, когда речь заходит о применении чрезвычайных мер защиты режима. Ссылаясь на французского философа Шарля Монтескьё и современных ему немецких правоведов профессоров Йохана Блюнчли и Эдгара Лёнинга, важнейшей обязанностью государственной власти является спасение самого государства от внутренних опасностей. Дерюжинский приводит обширную цитату из Блюнчли: *«Когда дело идёт действительно о спасении государства и когда это спасение невозможно без нарушения существующих прав отдельных лиц или даже целых классов населения, правительство не может и не должно, щадя эти права, обрекать государство на гибель: непреклонно следуя принципу — *salus populi suprema lex esto*¹, оно должно сделать всё, что необходимо для сохранения и спасения государства»*¹⁴. К чрезвычайным мерам Дерюжинский относил нарушение представителями государства личной свободы граждан, неприкосновенности жилища, права публичных собраний, свободы печати, введение исключительных форм судопроизводства. Он подчёркивает, что эти меры не могут быть признаны нормальными, а потому пользоваться ими необходимо крайне осторожно. И тут же в противоречие самому себе, Дерюжинский признаётся, что, «несмотря на общее признание этой необходимости, как в теории, так и в законодательной практике существует значительное разногласие по отношению к условиям и предосторожностям, соблюдение которых желательно»¹⁵.

¹ «Да будет благо народа высшим законом» (лат.) — цитата из работы Цицерона «О законах».

Попробуем теперь рассмотреть, как идеи правового и полицейского государства, а также основные постулаты идеологии охранительства реализовывались в теории и практике работы розыскных органов на закате Российской империи.

В начале XX века руководство политического сыска стало наряду со строгой законностью внедрять в сознание поступающих на службу в корпус жандармов идею защиты гражданского общества. Эти две ценности, подлежащие защите, прекрасно сформулированы в курсе лекций по праву полковника В. А. Беклемишева, которые он читал на жандармских курсах. Приведем несколько цитат из них. *«Человек по своей природе есть существо общественное... ибо только живя в обществе, человек может развиваться до такой степени, что удостоится названия Человека, то есть существа разумного и свободного»*. В основе государства лежит больше не личность монарха, а сообщество граждан — гражданское общество. Само же государство понимается Беклемишевым как *«союз свободных людей, соединённых семейственными, родовыми и гражданско-общественными узами, живущих на определённом пространстве земли под управлением верховной власти»*¹⁶.

Покушения на Александра II 1879–1881 гг. сурово продемонстрировали неготовность политического сыска к борьбе с законспирированным революционным подпольем одними лишь методами наружного наблюдения и сбора слухов в обществе. Необходимо было вербовать осведомителей в самой революционной среде или внедрять своих людей в революционные организации. Это было не только технически, но и морально сложным решением. Однако вплоть до 1890-х годов жандармские офицеры относились с презрением к этой «грязной» работе. Проблему устаревания традиционных «благородных» методов розыска ярко изложил в 1892 г. заведующий Заграничной агентурной П. И. Рачковский в докладной записке на имя директора Департамента полиции П. Н. Дурново. Он писал: *«под давлением одного наружного наблюдения она [революционная среда] только изоцряется обманывать полицию, и самые опасные конспираторы легко устраивают для себя все внешние признаки благонадёжности; достаточно, например, вспомнить революционные квартиры, увешанные образами, или посещение церквей усердно молившимися террористами»*¹⁷.

Работа с секретной агентурой и в особенности провокативные методы представляли серьёзную нравственную проблему для офицеров

жандармерии. Минимум две трети офицеров корпуса были по происхождению потомственными дворянами, получившими среднее, а иногда и высшее военное образование, имевшими за плечами опыт военной службы, часто происходившими из офицерских династий. Их этический кодекс рассматривал любое доноительство как поведение по определению аморальное, предосудительное, даже если донос делался по убеждению и из благих намерений. Особенно неприемлемым считалось доносить на своих.

Как вспоминал помощник начальника штаба Отдельного корпуса жандармов генерал Д. А. Правиков, превращение секретно-агентурного метода в основное орудие политического сыска вызвало открытое несогласие многих жандармских генералов старой школы, живших ещё идеалами полиции нравов. *«Это встретило глухое, а иногда и открытое противодействие со стороны личного состава Корпуса жандармов. Некоторые ушли со службы, не желая мириться с этой системой и умалением своих задач и власти и гораздо более широких и государственно целесообразных»*¹⁸.

Правиков поднимает и новую проблему, актуальную для чисто армейской среды, а Корпус жандармов по строевой части подчинялся именно Военному министерству. С введением критерия эффективности агентурной работы и созданием сети охранных отделений, которые были поставлены структурно выше жандармских управлений, нарушалась служебная субординация. Начальник охранного отделения, хорошо владевший агентурными методами работы, находившийся в невысоком чине ротмистра, мог командовать многолетним начальником жандармского управления, находившимся в чине генерал-майора. Военное мировоззрение противоречило охранительному. В 1906 г. это привело к открытому конфликту между исходившими из соображений эффективности розыска охранными структурами во главе с Департаментом полиции и стоявшими на законнических позициях и армейских этических принципах жандармскими структурами во главе с штабом корпуса. Правиков вспоминал. *«При создавшемся антагонизме деятельность Корпуса жандармов не могла идти нормально... И высшие начальники Корпуса жандармов генералы Ф. Ф. Таубе и С. С. Саввич, к счастью стоявшие в это время во главе корпуса, люди умные и честные, обладавшие силой воли и чувством собственного достоинства, признали нужным представить доклад о создавшемся по-*

ложении... Были приведены соображения административного и дисциплинарного порядка, а также указано на несоответствие системы работы охранных отделений с военной и служебной этикой и нормальной, и закономерно функционирующего военно-административного органа, каким являлся Корпус жандармов»¹⁹. В итоге министр внутренних дел П. А. Столыпин принял сторону охранников, а генералы Таубе и Саввич добровольно в знак протеста подали в отставку.

Таким образом, мы видим, что даже в эпоху модерна этические принципы порой всё ещё были более значимы, чем утилитарные соображения. Немалую роль в этом «анахронизме» играл и кастовой, закрытый для чужих, династийный характер жандармского офицерского корпуса. Относившиеся формально к кавалерийским частям, жандармы в основном комплектовались кавалерийскими офицерами, хотя формальных ограничений не было, и в корпус принимали также пехотных, артиллерийских и иногда в качестве исключения даже морских чинов. А. П. Мартынов описывает своё первое впечатление от знакомства с офицерами жандармерии: *«Дух чести, манеры, товарищеская солидарность, обращение старших с младшими чинами — всё это напоминало кавалерийскую закуску, выгодно отличаясь от той разобщённости, в которой пребывали в моё время офицеры пехотных полков»*²⁰.

Принципы эти были заложены с самого начала существования русской жандармерии. Можно справедливо возразить, что официальные декларации являются лишь красивыми оборотами речи, не связанными с реальными мотивами. Обратимся к письму Л. В. Дубельта, офицера в прошлом близкого к декабристам, к своей жене, в котором он приводит мотивацию своего желания поступить на службу в жандармерию. 9 января 1830 г. он пишет: *«Ежели я, вступя в корпус жандармов, сделаюсь доносчиком, наушником, тогда доброе моё имя, конечно, будет запятнано. Но ежели, напротив, я, не мешаясь в дела, относящиеся до внутренней полиции, буду опорой бедных, защитой несчастных; ежели я, действуя открыто, буду заставлять отдавать справедливость угнетённым, буду наблюдать, чтобы в местах служебных давали тяжёлым делам прямое и справедливое направление — тогда, чем назовешь ты меня? Не буду ли я тогда достоин уважения... я, согласясь вступить в корпус жандармов, просил Львова, чтобы он предупредил Бенкендорфа не делать обо мне представление, ежели обязанности неблагоприятные будут лежать на мне»*²¹. Заметим, что в правление Николая I Дубельт

займёт значимые посты начальника штаба Корпуса жандармов, а потом станет главой III Отделения.

Понимая этический характер проблемы как для жандармов (наим предателей), так и самих осведомителей — секретных сотрудников (предательство своих), изворотливый П. И. Рачковский предлагал следующее решение: *«...при беседах с новыми внутренними агентами, необходимо больше всего убеждать их, что они отнюдь не презренные шпионы, а лишь сознательные сторонники Правительства, которые борются с беспочвенными проходимцами, посягающими на спокойствие, честь и национальное достоинство России. Укрепивши агента на подобной идейной почве, следует также всячески щадить его самолюбие и осмотрительно избегать всего, что бы хоть отчасти дало ему повод размышлять о своей мнимой позорной роли»*²².

При работе с секретной агентурой возникала ещё одна проблема этического характера — безнаказанность сотрудничающего с полицией политического преступника, которого, как правило, не арестовывали и, разумеется, не сажали в тюрьму при ликвидации революционной организации. Один из корифеев сыска товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и главноначальствующий над Отдельным корпусом жандармов генерал П. Г. Курлов в воспоминаниях поднимает эту проблему, но не находит ей решения: *«При обвинении правительства в пользовании [секретными] сотрудниками обыкновенно выдвигается вопрос о том, что, оставляя сотрудника безнаказанным за принадлежность его к революционной партии, оно нарушает закон и тем само совершает преступление. Я бы допускал бы, если бы такой взгляд высказывался правительством...»*²³. С одной стороны, вести борьбу против тайных революционных организаций без использования секретной агентуры было практически невозможно, а с другой стороны, она подрывала как правовые, так и этические основания работы политического сыска, особенно когда речь шла об агентуре в воинских частях и среди офицерства, считавшегося опорой самодержавия. Массовое внедрение методов секретно-агентурной работы во всех сыскных органах началось в ходе Первой русской революции 1905–1907 гг. и активно шло после неё, бесспорно став серьёзным триггером, разрушавшим «философию белого платка».

Особенно остро стояла проблема провокации, то есть создания секретным сотрудником революционной организации с целью выявле-

ния людей революционной направленности, вовлечения их в преступную деятельность и в итоге ликвидации самой организации, то есть ареста её членов с последующим привлечением к уголовной ответственности. Это было не только этически неприемлемо, но и по сути своей противозаконно, однако крайне эффективно, когда речь шла о борьбе с людьми революционных взглядов, не совершающими противоправных деяний, но потенциально готовыми к ним, либо в качестве инструмента поиска и нейтрализации революционеров, не попавших в объектив политической полиции. Грань между активным сотрудничеством и провокативной деятельностью зачастую была почти невидимой. В общественном же сознании любое доноительство считалось провокацией, что в корне неверно.

Жандармские офицеры по-разному смотрели на эту проблему. Генерал Курлов писал: *«Под словом “провокация” нельзя понимать необходимость осведомлённости о готовящемся преступлении, а нужно раз навсегда установить, что провокация — есть организация или пособничество к преступлению в целях личного успеха и выслуги перед начальством. Нельзя считать провокацией случаи, когда член революционной организации, ставший сотрудником розыскных учреждений, выдаёт только часть преступного плана, скрывая иногда очень многое, — иначе он действовать не может, так как будет немедленно разоблачён и убит»*²⁴. К разновидности провокативной деятельности Курлов относил и так называемую центральную агентуру — осведомителей, состоявших в центральных органах управления революционных организаций и их боевых организаций и подчинявшихся не местным жандармским управлением и охранным отделениям, а непосредственно Особому отделу Департамента полиции. *«Невозможно допустить, чтобы член боевой организации не принимал активного участия в партийных предприятиях и даже не был бы иногда их инициатором, т. е. не совершал бы типичной провокации»*²⁵.

В данном случае можно привести далеко не только общеизвестный пример Азефа, который одновременно и сдавал полиции видных эсеров, и без ведома полиции готовил террористические акты против министра внутренних дел и других высших государственных чинов. В 1910-е годы имело место прямое провоцирование секретными сотрудниками вооружённых восстаний по заданию Департамента полиции. На межпартийных конференциях социал-демократов в Цюри-

хе в октябре 1910 г. и в Вене в августе 1912 г. было принято решение сменить тактику: вместо организации спорадических вооружённых восстаний в воинских соединениях создавать революционные ячейки в частях и консервировать их до того момента, когда будет подходящая политическая обстановка и критическая масса военно-революционных ячеек для всеобщего вооружённого восстания²⁶. Это всерьёз насторожило политический сыск: подавить отдельные разрозненные выступления революционных ячеек в армии несложно, а жёсткое их подавление напугает остальных, в то время как бороться против законсервированных ячеек, не совершающих противоправные действия сложно, а подавить всеобщее восстание в армии невозможно. И тогда 20 августа 1912 г. на Венской конференции секретный сотрудник московского охранного отделения А. А. Поляков, выступавший в качестве делегата от московской организации РСДРП (б) «товарища Петрова» требовал немедленной организации вооружённых восстаний в армии, обвиняя лидера меньшевиков Ю. О. Мартова в том, что он *«не даёт революции стрелять»*²⁷. Это было как прямой провокацией, так и уголовным преступлением — попыткой директора Департамента полиции С. П. Белецкого поднять вооружённые восстания с целью их подавления.

При этом в некоторых случаях провокативная деятельность была результатом инициативы самих секретных сотрудников, а не злокозненности их кураторов-офицеров. Даже столь критично относящийся к «жандармской нравственности» историк сыска А. М. Лаврёнова справедливо отмечает: *«...объяснять решительно все случаи [...] провокаторских деяний исключительно жандармским коварством и беспринципностью не следует. Ни для кого не секрет, что недостаточно искушённым в деле руководства агентурой офицерам нередко приходилось сталкиваться с самодеятельностью своих подопечных и подчас расхлёбывать её горькие последствия. Так, вступившие на скользкую дорожку подобной противоправной самодеятельности секретные сотрудники задерживались с поличным или на месте преступления и привлекались к ответственности, тогда как их руководители оставались в неведении»*²⁸.

Надо сказать, что многие руководители сыска пытались противостоять провокативным методам, отказывались поощрять розыскных офицеров, чрезмерно увлекавшихся агентурной работой. Ещё 18 янва-

ря 1909 г. директор Департамента полиции М. И. Трусевич издал секретный циркуляр о полном запрете любой провокационной деятельности, в котором кроме соображений практического характера приводятся и этические аргументы: *«подобные явления свидетельствовали бы о полном забвении должностными лицами святости данной ими присяги»*²⁹. Генерал Курлов вспоминал: *«Я не допускал и чрезмерных, вне всяких правил награждений розыскных офицеров за доставление сведений, как бы серьезны они ни казались, желая таким образом устранить всякий повод к стремлению, даже при наличии строго воспрещающих всякую провокацию циркуляров, их нарушения в целях отличия. [...] попытки в этом направлении в начале моей службы как высшего руководителя розыска кончались увольнением виновных»*³⁰.

Работа политической полиции и в целом спецслужб 1910-х годов характеризуется противостоянием «моралистов» и «прагматиков». Ярким выразителем последних, не считавшихся ни с правовыми, ни с этическими нормами, был вышеупомянутый С. П. Белецкий, 26 ноября 1913 г. распространивший совершенно секретное циркулярное письмо о введении «предупредительного метода» в борьбе с революционным движением — фактически превентивной юстиции. Это была, по сути, попытка превратить органы политического сыска в карательные. Вот что он писал в обоснования нового метода: *«обстоятельства настоящего момента вызывают настоятельную необходимость подавления всяких преступных замыслов в области революционного движения в самом их зародыше, не ожидая развития преступного намерения»*³¹. Суть превентивной юстиции состояла в том, чтобы арестовывать граждан либо ликвидировать революционные группы не за совершение противоправных поступков, а за намерение либо просто обсуждение возможности их совершения. Основанием для действия чинов спецслужб должно было становиться сообщение секретной агентуры без сбора доказательной базы. Однако моральный кодекс жандарма не принимал подобных методов, и кроме Петербургского охранного отделения больше ни одно розыскное учреждение империи не воспользовалось «предупредительным методом»³².

Следующим испытанием для политического сыска стала Первая мировая война, принесшая массу расследований о шпионаже. Шпионские дела инспирировали военные контрразведки, выполнявшие задачу объяснить поражения на фронте и великое отступление Русской ар-

мии 1915 г. не просчётами высшего военного командования, а разветвлённой немецкой сетью шпионажа. В рамках серии антишпионских кампаний репрессиям были подвергнуты тысячи граждан. Уровень доказательности подобных обвинений красноречиво и с возмущением описывает начальник Ивангородской крепостной жандармской команды В. В. Ган: *«Большинство из арестованных доставляются мне при одном лишь листке полевой книжки, и при кратком допросе сами не знают своей вины, причём из местностей, занятых противником, так что произвести хотя бы краткое расследование их проступков или установить их личности в настоящее время для меня не представляется никакой возможности, и дабы не оставлять их в крепости без надзора и не переполнять переполненные места заключения, я вынужден немедленно их отправлять в тыл армии и лишь с теми бумагами, как я сам получил, слагая за это с себя вину на арестовавших»*³³. Даже при военных обстоятельствах, находясь под давлением Ставки Верховного главнокомандования, были лица, противостоявшие репрессивной политике. Двое высокопоставленных жандармских чина генерал А. П. Бельский, начальник Варшавского губернского жандармского управления, и полковник В. А. Ерандаков, начальник контрразведывательного отделения Главного управления Генерального штаба, даже лишились должностей за сопротивление шпиономании и необоснованным репрессиям.

Некоторые западные историки, как, например, Уильям Фуллер, полагают, что именно в годы мировой войны в рамках кампании по борьбе со шпионами российские правоохранительные органы начали эволюционировать в сторону карательных, став предшественником советских органов государственной безопасности ленинско-сталинского периода. Фуллер пишет: *«...российская контрразведка... стала исходить из того, что всякий человек — предатель, пока не доказано обратное. В идеологии русского контрразведчика периода Первой мировой войны — зародыш будущего сталинского сознания, в котором слилась левая и правая концепция измены, сознания, заворожённого призраками вероломных национальных меньшинств и вездесущих предателей»*³⁴. Соглашаясь с подобной оценкой тенденции работы дореволюционных военных контрразведок, нам представляется необоснованным переносить эту оценку на все спецслужбы и, в частности, на органы политического сыска. Полковник Мартынов справедливо отмечает в сво-

их мемуарах: *«Борьба с различными революционными партиями и группами велась на основании законов, а потому говорить о произволе как основе деятельности исполнительных органов не приходится... Розыск по политическим преступлениям одно, а возмездие по ним совершенно другое, почему никаких карательных функций у политического розыска не было, а осуществлялись они судебными или административными инстанциями. Чека же является универсальным учреждением розыска, дознания, вынесения приговоров и приведения их в исполнение»*³⁵.

Политический сыск состоял далеко не только из офицеров жандармерии, но и из классных гражданских чинов Департамента полиции МВД. Это были люди, сделанные «из другого теста и на другой закваске». Жандармы были в основном потомственными дворянами из военной среды, «отличниками» строевой службы, то есть убеждёнными противниками любого революционного и оппозиционного движения, однако не имевшими приличного образования в сфере политэкономии, истории или философии, а потому в массе своей плохо понимавшими идейные корни и программные различия между партиями. Им были чужды этические и аксиологические принципы революционной среды. В Департаменте полиции же служили в основном выпускники юридических факультетов и вузов, в первую очередь Императорского училища правоведения, основанного ещё с подачи М. М. Сперанского. Это были люди разного сословного происхождения, сформировавшиеся в интеллигентной среде, получившие высшее образование в относительно «либеральных» учебных заведениях. Среди чинов Департамента и охранных отделений было немало бывших революционеров, искренне или притворно, порвавших со своим антиправительственным прошлым. Ими были заведующие Заграничной агентурой П. И. Рачковский и А. М. Гартинг, начальник московского охранного отделения С. В. Зубатов, сотрудники Департамента полиции М. И. Гурович и А. П. Меньшиков. Эти люди были очень полезны, так как блестяще разбирались в революционной среде, но их мотивы в основном не носили характерной для жандармов этики «крестового похода» против революции. Историк Любовь Ульянова справедливо отмечает, что мировоззренческие ориентиры департаментских чинов нередко вступали в противоречие с жандармскими, а *«представления жандармов об общественно-политическом пространстве, революционных течениях были, скорее, обывательскими и морально-нравственными, чем*

*профессионально политическими»*³⁶. Следует отметить, что у этого была и обратная сторона медали. Сформировавшиеся интеллектуально и морально-этически в одной с революционерами среде, департаментские чины видели в борьбе с революцией больше работу, чем моральный долг. Исходя из схожих базовых ценностей, они не были способны к радикальному этическому противостоянию.

Наряду с секретно-агентурной работой, шпиономанией и провокацией, в работе органов политического сыска существовал и третий триггер — легальная, в основном либеральная, оппозиция. Формально она не должна была быть объектом работы спецслужб. Но фактически в 1910-е годы именно она стала основным двигателем борьбы за изменение государственного строя и через трибуны представительских учреждений империи, а также через средства массовой информации вела кампанию по дискредитации самодержавного режима. Где же можно провести грань между радикальным либерализмом и радикальной оппозицией, между умеренным и радикальным либерализмом? Дозволительно ли перлюстрировать переписку народных избранников, слежку за депутатами Государственной думы? Этот вопрос так и не нашёл своего решения. Так, в 1913–1914 гг. товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией В. Ф. Джунковский снимает наблюдение с депутатов и увольняет Р. В. Малиновского, секретного сотрудника полиции и одновременно лидера фракции социал-демократов в Госдуме. А уже в 1916 г. директор Департамента полиции в ранге товарища министра Е. К. Климович, наоборот, предлагает провести массовые аресты среди оппозиционных депутатов «головки» либеральной оппозиции в Москве и Петрограде. Снова имеем этический конфликт между на этот раз верноподданническим чувством долга и императивом действия в рамках закона. Оказавшись не в состоянии его разрешить, спецслужбы не смогли предотвратить Февральскую буржуазно-демократическую революцию, низложившую монархию и ликвидировавшую сами эти органы политического сыска.

Подводя итог сказанному, хочется отметить, что этические принципы, морально-нравственные императивы внутри органов политического розыска Российской империи XIX — начала XX в. не были едиными. На них оказывали влияние как представления о дворянской чести, сформировавшиеся в эпоху классицизма под воздействием античной этики и оформившиеся в век романтизма, так и идеи эпохи

Просвещения и современного и немецкого понимания правового государства. Необходимость результативной работы постоянно требовала от офицеров нарушения этических принципов, ставя ребром вопрос о границах и основаниях применения чрезвычайных мер. Вопросы соотношения этики и практики глубоко волновали сотрудников и руководство органов российского политического сыска, оказывая тем значительное влияние на обеспечение безопасности империи.

Примечания

- ¹ Каратыгин П. П. Бенкендорф и Дубельт // Исторический вестник. Т. XXX. 1887. С. 166.
- ² Мартынов А. П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. З. И. Перегудовой : в 2 т. Т. 1. М. : Новое литературное обозрение, 2004. С. 30.
- ³ Каратыгин П. П. Указ. соч. С. 166.
- ⁴ Бибииков Г. Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856). М. : Квадрига, 2023. С. 311.
- ⁵ Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая / изд. подгот. Е. Н. Мухиной. М. : Индрик, 2003. С. 105.
- ⁶ Там же. С. 108.
- ⁷ Абакумов О. Ю. «Безопасность престола и спокойствие государства». Политическая полиция самодержавной России (1826–1866). М. : Политическая энциклопедия, 2019. С. 24–25.
- ⁸ Проект графа А. Бенкендорфа об устройстве высшей полиции // Русская старина. 1900. № 12. С. 615.
- ⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 261. Д. 220. Л. 2 об.
- ¹⁰ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начала XX в.) : в 2 т. Изд. 3-е, испр., доп. Т. 2. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. С. 142.
- ¹¹ Записка профессора В. Ф. Дерюжинского, командированного за границу для изучения некоторых вопросов по охранению в западноевропейских государствах порядка и спокойствия. СПб., 1905.
- ¹² Дерюжинский В. Ф. Полицейское право: Пособие для студентов. Изд. 2-е, доп. СПб., 1908. С. 7, 9, 10.
- ¹³ Там же. С. 11, 13.
- ¹⁴ Там же. С. 233–235.
- ¹⁵ Там же. С. 236.
- ¹⁶ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19 859. Л. 110–110 об.
- ¹⁷ Агентурная работа политической полиции Российской империи : сб. док. 1880–1917 / сост. Е. И. Щербакова. М. : АИРО–XXI ; СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. С. 17.
- ¹⁸ Жандармерия и охранка в правление Николая II. Статья генерала Д. А. Правикова. 1927 г. // Исторический архив. 2009. № 4. С. 90.
- ¹⁹ Там же. С. 92.
- ²⁰ Мартынов А. П. Указ. соч. С. 38.
- ²¹ Дубельт Е. И. Дубельт Леонтий Васильевич. Биографический очерк и его письма // Русская старина. 1888. № 11. С. 501.

- ²² Агентурная работа... С. 19.
- ²³ Курлов П. Г. Гибель императорской России. Воспоминания. М. : Захаров, 2002. С. 145.
- ²⁴ Проект графа А. Бенкендорфа... С. 144.
- ²⁵ Там же. С. 147.
- ²⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 291. Л. 36; Конференции РСДРП 1912 года : док. и мат. М. : РОССПЭН, 2008. С. 33–36, 884; Меньшевики: Док. и мат. 1903 — февраль 1917 г. М. : РОССПЭН, 1996. С. 337.
- ²⁷ Конференции РСДРП 1912 года. С. 885.
- ²⁸ Лаврёнова А. М. Тонкая синяя линия: жандармы и общество на закате империи. М. ; Берлин : Директмедиа Паблишинг, 2023. С. 257.
- ²⁹ Агентурная работа... С. 17.
- ³⁰ Курлов П. Г. Указ. соч. С. 148–149.
- ³¹ Агентурная работа... С. 339.
- ³² Хутарев-Гарнишевский В. В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М. : Издательство института Гайдара, 2020. С. 174–175.
- ³³ ГА РФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1152. Л. 217–218.
- ³⁴ Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 312.
- ³⁵ Мартынов А. П. Указ. соч. С. 7–9.
- ³⁶ Ульянова А. В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880–1905. СПб. : Алетей, 2020. С. 89–91.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ А. С. СЕНИНА

Монографии

Министерство путей сообщения в 1917 году: краткий исторический очерк. — М. : ГосНИТИ, 1993. — 170 с.

А. И. Рыков: Страницы жизни. — М. : Изд-во МГОУ Росвузнаука, 1993. — 233 с.

Военное министерство Временного правительства. — М. : [б. и.], 1995. — 498 с.

Александр Иванович Гучков. — М. : Скрипторий, 1996. — 263 с.

Кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций: краткий очерк организации и деятельности, 1952–2002 гг. / С. П. Стрекопытов, А. С. Сенин ; [отв. ред. Т. Г. Архипова] ; Рос. гос. гуманитарный ун-т, Ист.-арх. ин-т, каф. истории гос. учреждений и обществ. орг. — М. : Компания Спутник+, 2002. — 230 с.

Московский железнодорожный узел, 1917–1922. — М. : УРСС, 2004. — 573 с.

Министерство путей сообщения в 1917 году. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М. : URSS : ЛИБРОКОМ, 2009 (М. : Ленанд). — 223 с.

Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.) : монография. — М. : Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте: Транспортная книга, 2009. — 316 с.

175 лет железным дорогам России. События. Люди. Факты / Российские железные дороги; [под общ. ред. Е. И. Пивовара, Б. М. Лапидуса, И. Н. Розенберга ; сост.: Т. Г. Архипова, Ю. П. Бокарев, Д. С. Галиева, А. В. Заручейский, Б. С. Ицкович, С. В. Калмыков, А. А. Ки-

личенков, И. В. Курукин, М. Ю. Мухин, А. С. Сенин, А. К. Соколов, Б. М. Лapidус]. — М. : Издательский Дом Мещерякова, 2012. — 270 с.

Железнодорожная администрация Советской России в годы Гражданской войны: монография. — М. : ФГБОУ «Учеб.-метод. центр по образованию на железнодорожном транспорте», 2015. — 314 с.

Русская Армия в 1917 г.: из истории Военного министерства Временного правительства. — М. : Вече, 2017. — 413 с.

Транспортная инфраструктура Северного Причерноморья и Приазовья в XIX–XX веках: исторический очерк / Министерство культуры Российской Федерации, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Институт Наследия). — М. : Ин-т Наследия, 2024. — 214 с.; ISBN 978-5-86 443-459-8. Текст: электронный. — URL: <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2024/02/transportnaya-infrastruktura.pdf>.

Главы в книгах и монографиях

Московская железная дорога: Через годы, через расстояния / [Н. А. Зензинов, Ю. Г. Толстов, А. С. Сенин] ; под общ. ред. И. А. Паристого. — М. : Железнодорожный транспорт, 1997. — 395 с.

Из содерж.: Годы революций и гражданской войны / А. С. Сенин. — С. 88–127.

Национальная политика России: история и современность / Кулешов С. В., Аманжолова Д. А., Волобуев О. В., Воронин А. Г., Гайлис Р. И., Дякин В. С., Меськов В. С., Михайлов В. А., Неборский С. И., Николаев С. И., Паин Э. А., Свириденко Ю. П., Сенин А. С., Сусоколов А. А., Чичановский А. А. — М. : Рус. мир, 1997. — 678 с.

Из содерж.: Глава II. Россия — империя: государство и народы / А. С. Сенин. — С. 46–198.

Московской окружной железной дороге 100 лет / С. В. Калмыков, Ю. Д. Мишенев, В. Т. Рощевкин, А. С. Сенин. — М. : АКИ: URSS, 2008. — 140 с.

Из содерж.: Окружной железной дороге в Москве быть / А. С. Сенин. — С. 11–36.

История организации и управления железнодорожным транспортом России: факты, события, люди: к 200-летию транспортного ведомства и образования на транспорте России / [Г. П. Закревская, А. А. Гольянов, Л. М. Ласточкина, А. С. Сенин]; под ред. А. А. Тимошина. — М. : Учеб.-метод. центр по образованию на железнодорожном транспорте, 2009. — 465 с.

Из содерж.: Управление железнодорожным транспортом в годы Гражданской войны, новой экономической политики и форсированной модернизации страны в годы первых советских пятилеток / Сенин Александр Сергеевич. — Гл. 2. — С. 52–151.

История железнодорожного транспорта России, XIX–XXI вв. / [Пивовар Е. И. (рук. авт. коллектива), Архипова Т. Г., Бокарев Ю. П., Киличенков А. А., Курукин И. В., Мухин М. Ю., Сенин А. С.]; под ред. Е. И. Пивовара. — М. : Изд. Дом Мещерякова, 2012. — 733 с.

Из содерж.: Мировая промышленная революция XVIII — первой половины XIX в. / Сенин А. С. — Гл. 2. — С. 30–41; Роль железнодорожного сообщения в годы Первой мировой войны (1914–1917) / Сенин А. С. — Гл. 6. — С. 157–175; Революционный 1917 год на транспорте / Сенин А. С. — Гл. 7. — С. 176–190.

Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / [Аксенов В. Б., Асташов А. Б., Булдаков В. П., Истомина Э. Г., Кюнг П. А., Петров Ю. А., Сенин А. С., Соловьев К. А.]; отв. ред. Ю. А. Петров; [Рос. ист. о-во, Ин-т рос. истории РАН]. — М. : РОССПЭН, 2014. — 982 с.

Из содерж.: Транспортная система / Э. Г. Истомина, А. С. Сенин. — Ч. 3. — Гл. 4. — С. 336–378.

Дорога длиною в век: история управления отечественной промышленностью и торговлей в документах и фотографиях / А. Б. Безбородов, А. А. Киличенков, П. А. Кюнг, Е. П. Малышева, А. С. Сенин, Л. Д. Шаповалова, П. В. Левашев; рук. авт. коллектива: А. Б. Безбородов, Е. П. Малышева; Минпромторг России. — М. : Парето-Принт, 2016. — 703 с.

Из содерж.: В начале пути, 1905–1917 гг. / [Е. П. Малышева, А. С. Сенин, Л. Д. Шаповалова]. — Разд. 1. — С. 8–72.

Российская революция 1917 года: власть, общество, культура : в 2 т. Т. 1 / [Аксенов В. Б., Андреев М. А., Архипова Т. Г., Бахтури-

на А. Ю., Малышева Е. П., Петров Ю. А., Сенин А. С., Соловьев К. А., Тихонов В. В.]; отв. ред. Ю. А. Петров; Рос. ист. о-во, Ин-т рос. истории РАН. — М.: РОССПЭН, 2017. — 743 с.

Из содерж.: *Транспорт в 1917 — первой половине 1918 г.* / А. С. Сенин. — Разд. 4. — Гл. 3. — С. 356–384.

История Новороссии / [В. Н. Захаров, В. В. Трепавлов, М. К. Юрасов, А. С. Сенин, Жиромская В. Б.; редкол.: Захаров В. Н. (отв. ред.) и др.]; Рос. ист. о-во, Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. — М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2017. — 862 с.

Из содерж.: *Транспорт Новороссии и его роль в развитии инфраструктуры промышленности и торговли* / [Э. Г. Истомина, А. С. Сенин]. — Гл. 6: *Новороссия в пореформенную эпоху и в начале XX в.* — С. 370–383; *Транспортное строительство* / [А. С. Сенин]. — Гл. 8: *Историческая Новороссия в составе УССР в 1920–1930-х гг.* — С. 605–610; *Начало восстановления народного хозяйства в 1944–1945 гг.* / [В. В. Кондрашин, М. Ю. Мухин, А. С. Сенин]. — Гл. 9: *Территория Новороссии в годы Великой Отечественной войны.* — С. 667–672; *Восстановление и развитие транспорта в 1940–1950-е гг.* / [А. С. Сенин]. — Гл. 10: *Социально-политическое и экономическое развитие исторической Новороссии в послевоенные годы и до конца 1980-х гг.* — С. 680–683; *Совершенствование транспортной инфраструктуры и ее роль в развитии экономики края* / [А. С. Сенин]. — Гл. 10: *Социально-политическое и экономическое развитие исторической Новороссии в послевоенные годы и до конца 1980-х гг.* — С. 699–704.

Государственность в России в 1917 г.: власть, общество, территория / А. С. Сенин, Т. Г. Архипова, А. Ю. Бахтурина, Лаврёнова А. М., Андреев М. К., Шушкова М. Е., Туманова А. С., Шаповалова Л. Д.; отв. ред. Т. Г. Архипова, В. В. Шелохаев; Рос. гос. гуманитарный ун-т. — М.: РГГУ, 2019. — 323 с.

Из содерж.: *Предисловие.* — С. 7–10; *Временное правительство.* — С. 41–68; *Заключение.* — С. 273–280.

Зигзаги и тупики российской модернизации (кон. XIX — нач. XXI в.): коллективная монография в честь 85-летия доктора исторических наук, профессора, лауреата Государственной премии РФ в области науки и техники Валерия Васильевича Журавлева / Аронов Д. В., Багдасарян В. Э., Бахтурина А. Ю., Маслов Д. В., Лазарева Л. Н., Сенин А. С.; отв. ред.: Д. В. Маслов, Л. Н. Лазарева. — М.: БукЭксперт, 2023. — 382 с.

Из содерж.: О забытых проектах железнодорожного строительства в Азиатской части Российской империи / А. С. Сенин. — С. 211–232.

История России : в 20 т. Т. 12: Гражданская война в России, 1917–1922 годы. — Кн. 2: Власть. Экономика. Общество. Культура / [В. И. Голдин, В. В. Кондрашин, С. В. Леонов, А. С. Сенин и др.] ; ответственные редакторы: В. И. Голдин, В. В. Кондрашин ; ред. коллегия: Петров Ю. А. (отв. редактор) [и др.] ; Институт российской истории РАН. — М. : Наука, 2024. — 918 с.

Из содерж.: Промышленность и транспорт Советской России / В. В. Кондрашин, М. Ю. Мухин, А. С. Сенин. — Гл. 3. — С. 345–373.

Учебные пособия

История государственной службы в России. XVIII–XX: учебное пособие / Т. Г. Архипова, М. Ф. Румянцева, А. С. Сенин. — М. : РГГУ, 1999. — 230 с.

Из содерж.: Государственная служба в «золотой век» Российской империи / [А. С. Сенин]. — Гл. 2. — С. 99–150.

История российской государственности: учебное пособие для студентов средних специальных учебных заведений / А. С. Сенин. — М. : ВЛАДОС, 2003. — 335 с.

История России, 1914–1922: учебно-методический модуль / Голотик С. И., Карпенко С. В., Красовицкая Т. Ю., Минаев В. В., Сенин А. С. ; Рос. гос. гуманитарный ун-т, Ист.-арх. ин-т, каф. отеч. истории новейшего времени. — М : Изд-во Ипполитова: РГГУ, 2004. — 367 с.

Из содерж.: Борьба за власть на железных дорогах / А. С. Сенин. — Лекция 14. — С. 276–323.

История России, 1894–1917: лекции и учебно-методические материалы / [Березовая Л. Г., Голотик С. И., Зимина В. Д., Сенин А. С. и др. ; отв. ред. С. В. Карпенко ; Рос. гос. гуманитарный ун-т]. — М. : Изд-во Ипполитова, 2005. — 438 с.

Из содерж.: Борьба за власть на железных дорогах / А. С. — Лекция 24. — С. 412–429.

Государственная служба в России: история и современность: учебное пособие для студентов региональных подразделений РГГУ

[для обучающихся по специальностям «Государственное и муниципальное управление» и «Документоведение и документационное обеспечение управления»] / А. С. Сенин ; Рос. гос. гуманит. ун-т, Фил. в г. Одинцово. — Одинцово : ООО «Свигорь», 2007. — 359 с.

Магистрала Победы: железнодорожники в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): история и современность: учебное пособие / Федер. агентство железнодорожного транспорта, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. образования «Петерб. гос. ун-т путей сообщения имп. Александра I», каф. «История» ; под ред. О. В. Самылова, В. В. Фортунатова. — СПб. : ФГБОУ ВО ПГУПС, 2016. — 105 с.

Из содерж.: Железнодорожный транспорт накануне Великой Отечественной войны / А. С. Сенин. — С. 8–12.

Транспорт Советского Союза и Российской Федерации во второй половине XX столетия: учебное пособие / А. С. Сенин; [Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет», Историко-архивный институт, Исторический факультет, кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций]. — М. : РГГУ, 2022. — 236 с.

Военная экономика Российской империи: учебное пособие / А. С. Сенин; Минобрнауки России, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГАОУ ВО «РГГУ»), Историко-архивный институт, исторический факультет, кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций. — М. : РГГУ, 2024. — 232 с. — Текст: электронный. — URL: <https://liber.rsu.ru/ViewerJS/#./0000162475.pdf>.

Военная экономика Российской империи: учебное пособие / А. С. Сенин ; [Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет», Историко-архивный институт, исторический факультет, кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций]. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : РГГУ, 2025. — 307 с.

*Ректор МГИАИ Н. П. Красавченко вручает красный диплом выпускнику
А. С. Сенину. 1978*

*В читальном зале ЦГАОР (ГА РФ). Работа над монографией о А. И. Рыкове.
Июнь 1988*

*Выступление на меж-
вузовской конференции
«200 лет министерской
системе России».
31 мая 2002*

*На презентации учеб-
ника Т. Г. Архиповой
и Е. П. Малышевой
«Современная органи-
зация государственных
учреждений России».
2 октября 2006*

*На научно-практиче-
ской конференции «Рос-
сийский парламента-
ризм: истоки, история
и современность»,
17–18 апреля 2013*

*Выступление в теле-
программе «Тема»,
посвященной восста-
новлению монархии
и института дво-
рянства в России.
3 октября 1995*

*Лекция о председателе
Государственной думы
Российской империи
3-го созыва А. И. Гуч-
кове в Государствен-
ной Думе Российской
Федерации. 22 ноября
2012*

*На презентации книги
в ГПИБ. 16 октября 2012*

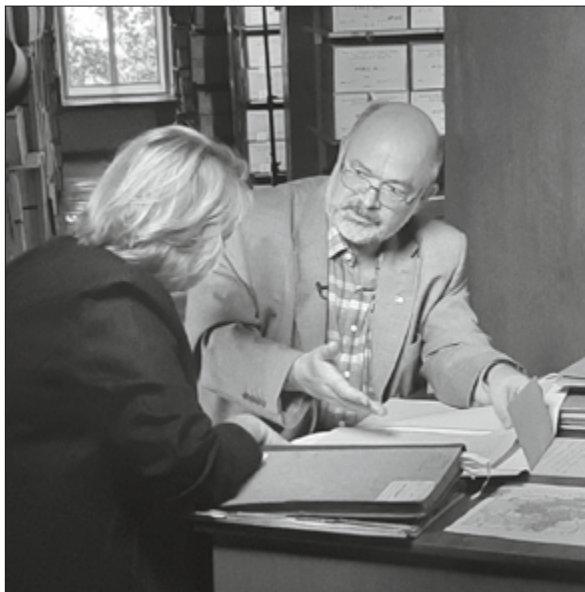

*С заведующим кафедрой истории
Петербургского государственного университета
путей сообщения профессором В. В. Фортунатовым
на открытии выставки в РГИА. 15 октября 2015*

*А. С. Сенин в программе
на РЖД-ТВ.
13 декабря 2017*

*На съемках телепереда-
чи по истории Донбасса
в ГА РФ. 26 августа
2022*

*На открытии историко-документальной выставки «Донбасс — страни-
цы истории» в МПГУ. Участники проекта: А. М. Лаврёнова, А. Д. Шапова-
лова, А. С. Сенин. 10 октября 2023*

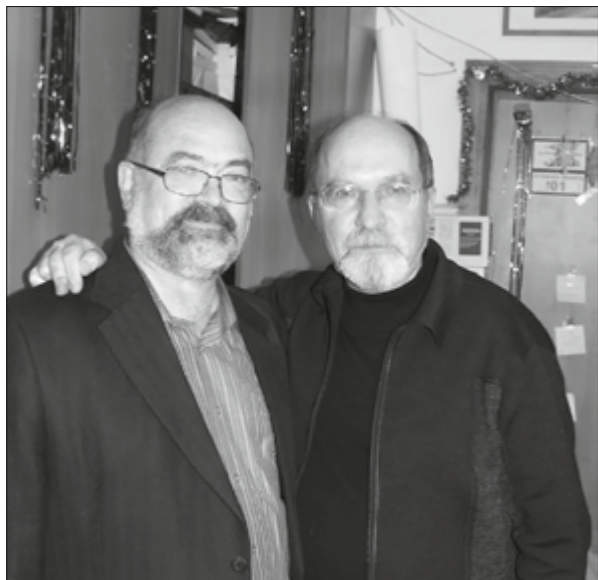
*С участниками конференции «200 лет министерской системе России»:
доктора исторических наук Т. Г. Архипова (РГГУ), З. И. Перегудова (ГА РФ),
Ю. С. Воробьева (ВНИИДАД). 31 мая 2002*

*Коллектив кафедры истории государственных учреждений и общественных органи-
заций. Стоят: А. В. Крушельницкий, А. С. Сенин, М. А. Андреев; сидят: Т. Г. Архипова,
Л. Д. Шаповалова, А. Ю. Бахтурина, Д. С. Галиева, Е. Скрипко. 29 июня 2011*

*Т. Г. Архитова, Д. С. Галиева, Л. Д. Шаповалова, Е. П. Малышева, М. А. Андреев
и А. С. Сенин в день студенческой конференции. 12 октября 2012*

*С заведующим кафедрой региональной истории и краеведения
ИАИ РГГУ доцентом В. Ф. Козловым. 2015–2016*

*С профессором РГГУ А. А. Киличенковым.
10 марта 2026*

*С выпускником РГГУ Г. Манаевым в день вручения дипломов.
3 июля 2006*

*Профессор А. С. Сенин и его ученица кандидат исторических наук А. М. Лаврёнова
во время конференции, посвященной 100-летию профессора Н. П. Ерошкина.
19 декабря 2020*

*В комиссии студенческого конкурса «Историк-благотроитель»:
М. А. Андреев, А. С. Сенин и муниципальный депутат Мецанского
округа г. Москвы. А. Ю. Бородин. 5 декабря 2025*

*Участниками конференции студентов, магистрантов и аспирантов «История
российского чиновничества»: В. К. Криворучко, Е. А. Шерemet, А. С. Сенин,
А. Д. Уварова, А. А. Денисов (стоят); А. М. Лаврёнова (сидит). 10 марта 2026*

Научное издание

Локомотив исторической науки

**Сборник научных статей и публикаций
к 70-летию профессора РГГУ
А. С. Сенина**

Редакторы и составители
А. М. Лаврёнова, Л. Д. Шаповалова

Рецензенты
*доктор исторических наук А. А. Киличенков
кандидат исторических наук М. А. Колеров*

ISBN 978-5-6054314-7-3

Подписано в печать 22.04.2026. Формат 60 × 90 1/16.
Гарнитура Arnold. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «СМУК»
150014 Ярославль, ул. Победы, 51, корп. 2
info@yarcmyk.ru | +7 (4852) 200 121